

ПРЕДИСЛОВИЕ

МИФОЛОГИЯ ВИКИНГОВ: героический Север и его предания

Всякая мифология — плоть от плоти народа, ее создавшего. В ней, как в зеркале, отражаются характер народа-родителя, ценности, которые он превозносит и лелеет, — и антиценности, им порицаемые и отрицаемые; также мифология, точнее, самый ее дух, находится в непосредственной связи со средой обитания народа-мифотворца. И весьма любопытно сравнивать между собой мифологические системы разных народов, обнаруживая в последних упомянутые выше соответствия и противопоставления. Особенно богатый материал для сопоставлений подобного рода дает Европа — по причине своей компактности в сравнении с другими материками. Чем дальше на север от колыбели цивилизации — Средиземноморья, — тем суровее становится дух мифологии, тем жесточе делаются боги, кровопролитнее битвы, трагичнее конфликты и безнадежнее судьбы. И своего апогея это «нарастание драматизма» достигает в мифологии крайнего европейского Севера — в мифологии скандинавов.

Как писал А.Я. Гуревич в предисловии к русскому изданию «Старшей Эдды» в «Библиотеке всемирной литературы», «образ мира, выработанный мыслью народов Северной Европы, во многом зависел от образа их жизни. Скотоводы, охотники, рыбаки и мореходы, в меньшей мере земледельцы, они жили в окружении суровой и слабо освоенной ими природы, которую их богатая фантазия легко населяла враждебными силами. Центр их жизни — обособленный сельский двор. Соответственно и все мироздание моделировалось ими в виде системы усадеб. Подобно тому как вокруг их усадеб простирались невозделанные пустоши или скалы, так и весь мир мыслился ими состоящим из резко противопоставленных друг другу сфер...»¹ Достаточно сравнить картину скандинавского мифологического мироздания с аналогичной картиной, допустим, мифологии греческой, чтобы почувствовать разницу в мировосприятии народов: студеное безлюдье с редкими хуторами у скандинавов — и напоенные солнцем, плодородные, густо заселенные земли у греков. «Несовпадение менталитетов» столь очевидно, что поневоле усомнишься в правомерности отнесения и греческой, и скандинавской мифологических систем к общей индоевропейской мифопоэтической традиции.

* * *

Первые упоминания о Скандинавии в истории Европы относятся к античности. Древнегреческие моряки рассказывали о плаваниях на север к Фуле Крайней — вероятнее всего, под Фулой подразумевалась западная часть Норвегии или Исландия. Для греков Фула означала предел познанного (и познаваемого) мира; она служила границей Ойкумены. На Фуле, верили греки, обитали загадочные и благословенные богами гипербореи, у которых, бывало, гостил Аполлон².

При этом Фула, несмотря на окружавший самый остров и его жителей ореол

¹ Гуревич А.Я. Средневековый героический эпос германских народов. — Беовульф. Старшая Эдда. Песнь о нибелунгах. М., 1975.

² Исследователи выделяют в античной историографии «нордическую традицию», в которой реальные географические знания о Крайнем Севере переплетались с утопическими идеями о золотом веке, «помещенном» в северные пределы Ойкумены. Р. Генон называл эту традицию «примордиальной», а Фулу считал древнейшим сакральным центром Европы; по Генону, примордиальная традиция со временем разделилась на несколько «путей», и отчетливее всего черты великой первичной традиции проступили в священных доктринах кельтов и скандинавов.

богоизбранности, была для греков варварской землей, подобной Фракии на востоке, Персии на юге или Иберии на западе. Более того, она находилась в «студеном поясе», в котором, как учил Аристотель, обыкновенные люди жить не могут — слишком уж холодно. И это обстоятельство изрядно умерило интерес греков к новооткрытой территории: остров нанесли на карту — и тем ограничились: повторить маршрут Пифея, обогнувшего Галлию и Британию и добравшегося до Фулы, охотников не нашлось. Постепенно Фула словно бы «выпала» из Ойкумены — как выяснилось впоследствии, на добрый десяток столетий³.

Скандинавия в IX–XI вв.

Возвращение скандинавов в мировую историю получилось весьма впечатляющим. Северные варвары привели в трепет всю Европу. Начав с покорения ближайших соседей — фризов и саксов, принадлежавших к германским племенам, — норманны, то есть «северные люди», как стали называть скандинавов, ни много ни мало изменили «вектор цивилизации»: до той поры этот вектор был ориентирован с Юга на Север, а с началом викингских походов стал разворачиваться в обратную сторону. Юг нес на Север утонченность культуры, многочисленные технические достижения и религию Белого Бога; Север же, выплеснув на Юг всю свою «периферийную пассионарность», коренным образом изменил этническую карту Европы, наладил морские коммуникации с опорой на Балтику и Северное море — и утвердил на пространстве от Тронхейма до Таррагоны и от Новгорода до Нормандии свой кодекс чести и свою веру, каковая в значительно более поздние времена стала именоваться «мифологией викингов».

* * *

«Скандинавские мифы увлекательны сами по себе. Мы не устаем поражаться фантазии древних людей, создавших эти бесконечно разнообразные, одновременно мудрые и наивные, рассказы о богах, великанах и множестве других обитателей мифологического мира. Но если мы попытаемся немного глубже вникнуть в то, что же такое эти мифы, дошедшие до нас из песней "Старшей Эдды" и из пересказов Снорри Стурлусона в его «Эдде» ("Младшая Эдда"), мы поневоле задумаемся. Ведь обе «Эдды» — памятники середины XIII века, между тем как Исландия была крещена в 1000 году, т. е. за два с половиной века до этого. Правда, общепризнанно, что мифологические песни восходят к глубочайшей языческой древности. Однако что это значит — «восходят»? Может быть, они сберегались памятливыми исландцами просто как "обломок древней правды", из почтения к предкам и ради их поэтичности? Или, может быть, это просто литературная вариация на мифологические темы, дальний отголосок древних верований? Оба этих предположения не раз высказывались учеными. И все же, как ни невероятно это может показаться, миф не умер в Исландии. Спустя долгие века после принятия христианства исландцы каким-то образом сохранили веру в "старых богов" и реальность мифологического мира»⁴.

Среди викингов были и даны (предки современных датчан), и свеи (предки шведов), и

³ «Наследовавшие» грекам римляне время от времени добирались до Скандии (от Скане — одной из шведских областей). Впрочем, контакты, исключительно торговые, были единичными; «массовая коммуникация» между Югом и Севером возникла значительно позднее. В 6 веке н. э. византийский историк Прокопий Кесарийский вкратце упомянул о Скандинавии в связи с войнами императора Юстиниана против остготов; иных сведений о европейском Севере в контексте «послеримской» цивилизации Европы не сохранилось.

⁴ *Смирницкая О.А.* Корни Иггдрасиля // *Корни Иггдрасиля: древняя скандинавская литература.* М., 1997.

норги (предки норвежцев), а также саксы, англ, юты и представители других скандинавских и германских племен, и везде, где высаживались на берег со своих драккаров, где устраивали стоянки и основывали поселения, они возводили «языческие капища поганым идолам». Однако лишь Исландия, заселенная норвежцами около 970 года, смогла сохранить до наших дней, хотя бы фрагментарно, мифологию древних скандинавов.

Вероятно, этому в значительной степени способствовало географическое положение Исландии — острова «на отшибе» северной Европы. Если на материке боги викингов были вынуждены существовать бок о бок с богами других народов (не говоря уже о Белом Боге христиан, чье триумфальное шествие по Европе завершилось к X–XI столетию), то на острове этим богам было привольно и вольготно. Даже христианство оказалось не в состоянии изгнать языческих богов из Исландии, подтверждением чему — современный официальный статус нового языческого культа Асатру как равноправной с христианством религии⁵.

Исландия в X в.

Впрочем, подобное «двоеверие», когда древние боги мирно уживались в сознании с «богом иудеев», было характерно не только для Исландии, но и для Скандинавии в целом. Если в других землях правители, принимая крещение и утверждая христианскую веру среди своих подданных, отвергали древних богов и все, что было с ними связано, скандинавские конунги, насаждавшие христианство огнем и мечом, одновременно продолжали верить в Одина, асов и ванов. Характерный пример такого двоеверия — эпизод из «Саги об Олаве сыне Трюггви». Этот норвежский конунг столь ревностно утверждал новую веру, что его именем пугали детей, а исландцы, наслышанные о зверствах Олава в Норвегии, благоразумно решили принять христианство сами, пока Олав не добрался и до них. Тем не менее и поборник новой веры Олав сохранял почтение к прежним богам. Сага гласит:

«Рассказывают, что, когда Олав конунг гостил в Эгвальдснесе, однажды вечером туда пришел какой-то человек, старый и очень красноречивый. У него была шляпа с широкими полями и только один глаз. Он умел рассказывать обо всех странах. Он завел разговор с конунгом. Конунгу очень понравились его речи. Конунг спрашивал его о многих вещах, и гость всегда умел ответить на его вопросы, так что конунг засиделся с ним до позднего вечера. Вот спрашивает конунг, не знает ли тот, кто такой был Эгвальд, по которому названы мыс и усадьба. Гость отвечает, что Эгвальд был очень воинственный конунг и поклонялся всего больше одной корове, которую брал с собой, куда бы ни ходил в поход. Он считал полезным всегда пить ее молоко. Эгвальд конунг бился с конунгом, которого звали Варин. В этой битве Эгвальд конунг пал. Он был погребен здесь, недалеко от усадьбы, и ему было поставлено два камня, которые и сейчас стоят. А в другом месте недалеко отсюда была погребена та корова. Такие вещи рассказывал гость и многое другое о конунгах и древних событиях.

Так как была уже поздняя ночь, епископ напомнил конунгу, что пора ложиться спать. Конунг так и сделал. Но когда он разделся и лег в постель, гость сел на ступеньку у его ложа и еще долго разговаривал с конунгом. Конунгу все хотелось услышать еще что-нибудь. Тогда епископ сказал конунгу, что пора уже спать. И конунг заснул, а гость ушел.

Некоторое время спустя конунг проснулся и спросил, где гость, и велел позвать его. Но гостя нигде не нашли. На следующее утро конунг велит позвать повара и того, кто готовил питье, и спрашивает их, не приходил ли к ним какой-нибудь незнакомец. Те говорят, что,

⁵ В XII–XIII столетиях, времени записи «Эдд», вся образованная Европа писала на латыни, исландская же письменность основывалась на родном, «народном» языке, что также сыграло немаловажную роль в сохранении почти в «первозданной чистоте» мифологического свода.

когда они собирались стряпать, подошел к ним какой-то человек и сказал, что больно плохое мясо варят они к конунгову столу. Затем он дал им два больших и жирных куска говядины, и они сварили их вместе с другим мясом. Тогда конунг велел все это варево выбросить.

— Наверное, это был не человек, — сказал он, — это был, наверное, Один, в которого язычники долго верили. Но Одину не удастся перехитрить меня»⁶.

Показательно, что Олав не отрицает самого существования Одина, как подобало бы радетелю христианской веры, он лишь сомневается в искренности слов языческого бога. И эти «двойственные чувства» конунга, обычно безжалостного к врагам и язычникам, разделялись всем населением Скандинавии.

* * *

«Мифы создают впечатление, что мифологический мир гораздо больше того, что о нем рассказывается. Он как бы существует сам по себе, живет своей собственной, особенной жизнью, а тексты лишь приоткрывают нам отдельные его участки — отдельные сцены из жизни богов. Сцены эти замечательно разнообразны по тону — в них есть место и лирике, и поучениям, и самому грубому фарсу. При этом они не связаны общим сюжетом и неизвестна даже сама их последовательность. Нельзя сказать, что было раньше — приход Одина к конунгу Гейрреду («Речи Гримнира») или его перебранка с Тором («Песнь о Харбарде»). Для мифов, во всяком случае для громадного их большинства, не существует «до» и «после», но есть только «здесь» и «всегда». Поэтому мифологические события происходят в песнях как бы у нас на глазах, как своего рода представление, сценическое действие. Даже мудрые сведения об устройстве мира становятся частью этого действия, обыгрываются на "эддической сцене". Гримнир не просто в подробностях описывает Асгард и перечисляет его обитателей: всею силой своего духа он стремится перенестись в Асгард, воссоединиться с богами и снова стать самим собою — всемогущим Одним»⁷.

Для скандинавской мифологии — в том виде, в каком она дошла до наших дней, — характерно одновременное бытование в двух «измерениях». Первое — то самое существование вне времени, «здесь» и «сейчас», в круге вечного возвращения, как назвал этот мифологический принцип Мирча Элиаде: «Все повторяется до бесконечности и на самом деле под солнцем не случается ничего нового. Но это повторение... придает событиям реальность»⁸. Второе «измерение», напротив, наполнено временем; это внутреннее время мифологической системы, определяющее и описывающее ее возникновение, развитие — и гибель; вся мифология скандинавов, все действия богов и героев подчинены единому, разворачивающемуся во внутреннем мифологическом времени эсхатологическому сюжету о гибели мироздания в языках пламени (или, по другой версии мифа, во вселенской стуже). И эта «предустановленная эсхатологичность» проводит четкую разграничительную черту между скандинавской мифологией и другими индоевропейскими мифологическими системами. Эта «мифическая идеология» уникальна, и вряд ли будет преувеличением сказать, что в ней в полной мере отразилось мироощущение жителей европейской периферии, обитателей сурового Севера, где природа «грандиозна, как в первый день творения» (М.И. Стеблин-Каменский), где отсутствует даже погода в привычном понимании: «Погода здесь — не состояние атмосферы, а события, непредсказуемо и по несколько раз на дню меняющие картину земли и неба. Уцелеть. и дать начало новому

⁶ Сага об Олаве сыне Трюгви // Стурлусон С. Круг Земной. М., 1980. Перевод М.И. Стеблин-Каменского.

⁷ Смирницкая О.А. Корни Иггдрасиля.

⁸ Элиаде М. Миф о вечном возвращении. М., 2000.

народу можно было, только одушевив стихийную жизнь этой земли культурой»⁹.

Это мироощущение замечательно уловил Иван Бунин:

Он на запад глядит — солнце к морю спускается, Светит по
морю красным огнем.

Он застыл на скале — ветхий плащ развевается
От холодного ветра на нем.

Опираясь на меч, он глядит на багровую

Чешую беспредельных зыбей.

Но не видит он волн — только думу суровую

Означают изгибы бровей.

Древен мир. Он древней.

Плащ Одина как вретище.

Ржа веков — на железном мече.

Черный ворон Хугин, скорбной памяти детище,

У него на плече.

* * *

Как уже упоминалось, основные сведения по скандинавской мифологии сохранились в записях XIII века — стихотворной «Старшей Эдде», содержащей песни о богах и героях, и прозаической «Младшей Эдде», учебнике скальдического искусства, составленном знаменитым исландцем Снорри Стурлусоном. Отдельные мифы реконструируются по позднейшим сагам — например, по «Саге о Вельсунгах» или по «Саге об Инглингах». Мифологические мотивы обыгрываются и в поэзии скальдов — прежде всего в так называемых «кеннингах», то есть скальдических метафорах, часто содержащих аллюзии и отсылки к эпизодам мифов. «Рационализированные», сведенные с небес на землю мифы приводит в своем сочинении «О деяниях датчан» датский хронист Саксон Грамматик.

Христианизация Скандинавии привела в том числе и к забвению мифов, записи которых прозябали невостребованными в монастырских библиотеках, — мифов, но не веры, бытовавшей в сельской глубинке на протяжении столетий, несмотря на все усилия христианских священников. Лишь с началом «ученого ренессанса» в северной Европе, пришедшегося на XVI–XVII века, мифы скандинавов были открыты заново и вернулись в европейский культурный контекст. Романтическое движение с его неиссякаемым интересом ко всему «народному» превратило мифы из предмета изучения филологов в достояние широкой публики. «Как и во многих других областях духовной жизни, в изучении мифа романтизм открыл новую страницу. И как во многих других областях, в изучении мифа до сих пор разрабатывается многое из того, что начали разрабатывать романтики. Сущность романтического открытия мифа заключалась в том, что несостоятельность всех старых толкований мифов вдруг стала очевидной. Мифы были осознаны как Правда (с большой буквы) и как создание Народа (тоже с большой буквы) и в силу этого стали объектом восхищения и поклонения»¹⁰.

Век двадцатый стал эпохой подлинного возрождения скандинавской мифологии — как

⁹ Смирницкая О.А. Корни Иггдрасиля.

¹⁰ Стеблин-Каменский М.И. Миф. Л., 1976.

культурного, так и практического. Новое язычество, буквально захлестнувшее Европу и Северную Америку, «восстановило в правах» древнюю веру, придав ей официальный статус, а в художественной литературе сложилось целое направление, получившее название «нордической фэнтези» и опирающееся на сюжеты мифологии скандинавов (аналогичная ситуация наблюдается и с мифологией кельтской). Иными словами, скандинавские мифы вновь обрели «плоть и кровь», поэтому, как нам представляется, книга, посвященная скандинавской мифологии, вправе рассчитывать на благосклонное внимание публики.

Кирилл Королев

Краткая хронология эпохи викингов, предшествующих и последующих событий на севере Европы¹¹

Предыстория

- 100 н. э.** Корнелий Тацит пишет исторический трактат «Германия».
- 200.** Начало Великого переселения германских народов.
- 300.** Древнейшие рунические надписи в Дании.
- 375.** Умирает король остготов Эрманарих — прототип конунга Йормунрека из «Саги о Вельсунгах».
- 436.** Победа гуннов над бургундами.
- 437.** Умирает король бургундов Гундихарий — прототип Гунна-ра из «Саги о Вельсунгах».
- 449.** Англы, саксы и юты переселяются в Британию.
- 450.** В Остфольде (Норвегия) на камне вырезают аллитерационную строфу.
- 453.** Погибает король гуннов Аттила — возможно, от руки своей новой жены, германки Ильдико (ее имя родственно имени валькирии Хильд из «Старшей Эдды»). Аттила — прототип Атли из «Саги о Вельсунгах».
- 500.** Завершается Великое переселение германских народов.
- 528.** Хигелак, правитель геатов, вторгается во Фризию.
- 550.** Иордан пишет «Историю гетов».
- 570.** Даны вторгаются во Фризию.
- 597.** Святой Августин начинает обращать англосаксов в христианство.
- 600.** Основана Упсала.
- 620.** Высадка норгов (предки норвежцев) на Гебридских островах.
- 630.** Корабельное погребение в Саттон-Ху.
- 700.** Корабельное погребение в Венделе.
- 700.** Котел с изображением Велунда и скальда Эгиля.
- 700.** Возведен рунический камень в Сегне — «предшественник» скальдической поэзии.
- 700.** Сложен «Беовульф» — англосаксонский эпос, в котором встречаются отсылки к преданию о роде Вельсунгов, упоминаются брисинги и чудесный кузнец Велунд.
- 705.** Основание Рибе на полуострове Ютланд.
- 715.** Виллиброд — первый христианин в Скандинавии. Его попытка обратить в христианство данов оказывается безуспешной.
- 720.** Ангантюр становится конунгом Дании.
- 750.** Шведские викинги основывают поселение Старая Ладога на Ладожском озере.
- 750.** Основание Бирки в Свеланде (ныне Швеция).
- 770.** Сложена поэма «Вальдере», содержащая упоминания о чудесном кузнеце

¹¹ Датировка событий в данном материале является в значительной степени гипотетической. — Ред.

Велунде.

786. Павел Диакон начинает работу над «Историей лангобардов», в которой излагается легенда о Водене и Фрийе (Одине и Фригг).

Эпоха викингов

- 789.** Норвежские викинги нападают на английский город Портленд.
- 793.** Викинги грабят Линдисфарн.
- 795.** Первые документально подтвержденные набеги викингов на Ирландию и Шотландию; захват островов Мэн и Айона.
- 800.** Первые известные образцы скальдической поэзии; захват Фарерских островов.
- 808.** Датский конунг Годфред грабит торговый центр Рерик и переселяет всех торговцев в Хедебю на полуострове Ютланд.
- 810.** Даны нападают на Фризию и облагают данью местных жителей.
- 826.** Датский конунг Харальд Крак принимает христианство. Его крестят в Майнце.
- 827.** Харальда Крака изгоняют из Дании.
- 839.** Шведские викинги добираются до Константинополя.
- 839.** Викинги нападают на пиктов.
- 841.** Основана «база» викингов в Дублине.
- 843.** Фризия переходит под власть викингов.
- 844.** Первое появление викингов в Испании.
- 845.** Мятеж язычников вынуждает христианских миссионеров покинуть Бирку; захват Гамбурга и Парижа.
- 850.** Датский конунг Эйрик Первый разрешает возвести христианские церкви в Риббе и Хедебю.
- 860.** Шведские викинги и русы нападают на Константинополь.
- 862.** Рюрик становится правителем Новгорода.
- 862.** Финны и славяне приглашают Рюрика «на княжество».
- 866.** Даны захватывают Йорк; утверждение в Британии области Датского права (Dane Law).
- 866.** Ирландские и шотландские викинги облагают данью пиктов.
- 869.** Король Восточной Англии Эдмунд гибнет в сражении с викингами.
- 870.** Первые поселения викингов в Исландии.
- 871.** Викинги зимуют в Лондоне.
- 873.** Умирает Ивар, правитель севера Ирландии, Гебридских островов и Шотландии.
- 878.** Захват Руана и осада Парижа.
- 879.** Умирает Рюрик, которому наследует Олег.
- 880.** Олег становится князем Киевским.
- 880.** Харальд Прекрасноволосый — единовластный правитель Норвегии.
- 892.** Разграбление Кельна и Бонна.
- 896.** Викинги покидают Британию, оставляя тех, кто решил осесть на острове.
- 900.** Время Тьодольва из Хвинира, скальда конунга Харальда Прекрасноволосого. Ему принадлежат «Перечень Инглингов» и щитовой драпы «Хаустленг».
- 900.** Умирает датский конунг Хельги.
- 902.** Викингов изгоняют из Дублина.
- 911.** Ролло обосновывается в Нормандии.
- 917.** Викинги возвращают себе Дублин.
- 919.** Рагнальд, внук Ивара Дублинского, овладевает Йорком.
- 930.** Эйрик Кровавая Секира становится конунгом Норвегии.
- 930.** Время Эйвинда Погубителя Скальдов, скальда норвежских конунгов Харальда Прекрасноволосого и Хакона Доброго.
- 930.** Открытие Винланда; заселение Гренландии.

936. Хакон Добрый становится конунгом Норвегии.
937. Британцы побеждают скоттов и викингов в битве при Брунабурге.
940. Горм Старый становится королем Дании.
944. Ирландцы грабят Дублин.
954. Викинги теряют Йорк, погибает Эйрик Кровавая Секира.
958. Харальд Синезубый становится королем Дании.
961. Викинги вторгаются в Уэльс.
965. Харальд Синезубый обращает данов в христианство.
970. Норвегия попадает в зависимость от Дании.
974. Хедебю оккупирован германцами (до 983).
975. Составлен Эксетерский кодекс, в котором присутствует стихотворение «Деор», содержащее упоминание о чудесном кузнеце Велунде.
980. В Константинополе из наемников сформирована варяжская гвардия.
985. Эйрик Рыжий отплывает из Норвегии в направлении Гренландии.
987. Свейн Вилобородый становится королем Дании.
988. Владимир Киевский принимает христианство.
990. Умирает скальд Эгиль Скаллагримссон.
991. Олав Трюггвасон побеждает британцев при Мэлдоне.
992. Путешествие Ибн-Фадлана на Русь.
995. Олав Трюггвасон становится конунгом Норвегии.
1000. Исландия принимает христианство.
1000. Древнейшие засвидетельствованные рунические надписи в Швеции.
1000. Лейф Эйрикссон зимует в Винланде.
1000. Вырезан камень с изображением Сигурда, жарящего на костре сердце Фафнира.
1014. Король Ирландии Бриан Бору побеждает викингов при Клонтарве.
1015. Олав Харальдсон (Олав Святой) становится конунгом Норвегии.
1016. Датский конунг Кнут Могучий становится правителем Британии.
1019. Кнут Могучий — верховный король Дании.
1035. Ярл Торфинн с Оркнейских островов завоевывает большую часть северной Шотландии.
1035. Херда-Кнут становится королем Дании.
1035. Магнус Добрый становится конунгом Норвегии.
1042. Британия освобождается от датского владычества.
1042. Магнус Добрый становится правителем Дании.
1043. Последний поход русов на Константинополь.
1045. Харальд Суровый становится конунгом Норвегии.
1052. Ирландский вождь Диармайт занимает Дублин.
1056. Родился Сэмунд Мудрый, гипотетический автор «Старшей Эдды».
1066. Харальд Суровый убит в сражении при Стэмфорд-бридж.
1067. Родился Ари Мудрый, первый исландский книжник.
1075. Адам Бременский составляет свою хронику «Gesta Hammaburgensis Ecclesiae Pontificum» («Повествование о благословенном епископстве Гамбургском»), в которой рассказывает, в частности, о языческих ритуалах в Упсальском храме.
1080. Святилище в Упсале уничтожено.
1125. Сложена исландская «Книга о заселении земли».
1169. Даны пиратствуют на берегах Балтийского моря.

После викингов

1179. Родился Снорри Стурлусон.
1185. Саксон Грамматик составляет «Деяния датчан».
1195. Сложена «Песнь о нибелунгах».

1200. Записана «Сага о Вельсунгах». Единственный сохранившийся до наших дней манускрипт датируется 1400 г.
1210. Записаны древнейшие исландские родовые саги.
1220. Составлена «Младшая Эдда».
1230. Записана — возможно, Снорри Стурлусоном — «Сага об Эгиле».
1240. Снорри Стурлусон пишет «Круг Земной».
1240. Составлен «Королевский кодекс», содержащий песни «Старшей Эдды».
1245. Записана «Сага о Кормаке».
1245. Записана «Сага о людях из Лососьей долины».
1250. Записаны шведские законы провинций, текст которых первоначально излагался в аллитеративных стихах.
1261. Гренландия переходит во власть Норвегии.
1263. Исландия переходит под власть Норвегии.
1266. Норвежцы уступают Шотландии остров Мэн и Гебридские острова.
1271. Заканчивается династия Рюрика на Руси.
1300. Записаны «Сага о Греттире» и «Сага о Стурлунгах».
1387. Норвегия переходит под власть Дании.
1469. Датчане уступают Шотландии Оркнейские и Шетландские острова.
1480. Погибает последняя норвежская колония в Гренландии.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ КРУГ ЗЕМНОЙ

Глава 1

СКАНДИНАВСКАЯ КОСМОГОНΙΑ: о сотворении и обустройстве мира

Хаос и космос. — Мировая бездна Гинунгаган. — Имир и его смерть. — Жертвоприношение первосущества в индоевропейской традиции. — Сотворение мира. — Горизонтальная и вертикальная проекции мироздания. — Ясень Игдрасиль. — Девять миров. — Мост Биврест. — Асгард и Вальхалла. — Чертоги богов. — Нифльхель. — Торжество порядка и культуры.

Всякая мифология, и скандинавская в том числе, содержит своего рода архетипический сюжет, суть которого составляет преобразование хаоса, то есть состояния первозданной неупорядоченности, в организованный космос. Как писал Е.М. Мелетинский, «в мифах о хаосе этот смысл и пафос проявляются наглядно... посредством адекватной мифологической темы».

Наиболее известным мифом о преобразовании изначального хаоса в космический порядок является, без сомнения, миф библейский, согласно которому Дух Божий своим присутствием в мировой бездне сотворил небо и землю и разогнал «тьму над бездною». Схожие представления находим в мифологии Шумера и Аккада (первичный океан Апсу, воплощение «исконной» стихии, олицетворяющий хаос, и его супруга Тиамат гибнут в сражении с богом Мардуком; последний создает из тела Тиамат небо и землю) и в ведической мифологии Древней Индии (по «Ригведе», в начале времен «не было ни сущего, ни не-сущего... не было ни воздушного пространства, ни неба над ним. не было ни смерти, ни бессмертия, не было разницы между днем и ночью.»; затем разлились воды Мирового

океана, и из них возникла Земля — или мировое яйцо, породившее небо, землю и бога-демиурга), а также и в других мифологических системах.

Скандинавская космогония возводит начало мироздания к мировой бездне Гинунгагап, в которой скапливался иней от взаимодействия студеной брызг потока Хвергельмир (или Эливагар) и огненных искр, летевших из Муспелля — области вечного пламени. Чем больше искр попадало в Ги- нунгагап, тем быстрее таял иней, и в процессе таяния из него возникло первое живое существо — инеистый великан Имир. «Старшая Эдда» гласит:

В начале не было
(был только Имир)
ни берега моря,
ни волн студеной,
ни тверди снизу,
ни неба сверху,
ни трав зеленых —
только бездна зевала¹².

Н. Альбигаард. Аудумла (ок. 1790 г.).

Пока Имир сосет вымя Аудумлы, корова вылизывает предка богов Бури.

Вместе с Имиром из бездны Гинунгагап возникла космическая корова Аудумла: она вскормила Имира своим молоком, а сама питалась тем, что лизала соленые камни, покрытые инеем. Впоследствии из этих камней возник предок богов Бури.

Из подмышек Имира, а также от трения его ног родились другие инеистые великаны. Самого же Имира постигла судьба многих других первосуществ — его принесли в жертву, чтобы из тела убитого создать мир:

Из мяса Имира
сделаны земли,
из косточек — горы,
небо из черепа
льдистого йотуна,
из крови — море¹³.

Из крови убитого Имира, согласно «Младшей Эдде», возник Мировой океан, а из мозга инеистого великана боги сотворили облака.

Принесение в жертву первосущества и создание мира из его тела — мотив, широко распространенный. В «Ригведе» рассказывается о жертвоприношении первочеловека Пуруши, которого расчленили на составные части, а из последних возникли основные элементы социальной и космической организации: глаз Пуруши стал солнцем, дыхание — ветром, пуп — воздушным пространством, голова — небом, ноги — землей, уши — сторонами света; кроме того, изо рта Пуруши произошли брахманы, то есть жрецы, из рук — кшатрии, или воины, из бедер — вайшьи, или земледельцы, а из ног — шудры, иначе «неприкасаемые», низшая индийская каста.

¹² «Прорицание вельвы». Здесь и далее, за исключением особо оговоренных случаев, цитаты из «Старшей Эдды» приводятся в переводе В.Г. Тихомирова. — *Примеч. ред.*

¹³ «Речи Вафтруднира». — *Примеч. ред.*

В ведийском гимне Пуруше говорится, что из тела первочеловека,

Из этой жертвы, полностью принесенной,
Было собрано крапчатое жертвенное масло.
Он сделал из него животных, обитающих в воздухе,
В лесу и (тех), что в деревне.

Из этой жертвы, полностью принесенной,
Гимны и напевы родились,
Стихотворные размеры родились из нее,
Ритуальная формула из нее родилась.

Из нее кони родились
И все те (животные), у которых два ряда зубов;
Быки родились из нее,
Из нее родились козы и овцы¹⁴.

Согласно иранской «Авесте», первочеловек Йима был распилен пополам, и из его тела был сотворен мир. В классической греческой традиции, идущей от Гесиода, о жертвоприношении первосущества не упоминается, если не считать за намек на это жертвоприношение рассказ об оскоплении Урана. По Гесиоду, сотворение мира происходило следующим образом:

Прежде всего во вселенной
Хаос зародился, а следом Широкогрудая Гея, всеобщий приют
безопасный,
Сумрачный Тартар, в земных залегающий недрах глубоких,
И, между вечными всеми богами прекраснейший, —
Эрос Сладкоистомный — у всех он богов и людей
земнородных
Душу в груди покоряет и всех рассужденья лишает.
Черная Ночь и угрюмый Эреб родились из Хаоса.
Ночь же Эфир родила и сияющий День, иль Гемеру:
Их зачала она в чреве, с Эребом в любви сочетавшись¹⁵.

От Геи-земли произошел Уран-небосвод, а также Понт- море и нимфы; от союза Геи с Ураном — Океан, титаны, циклопы, гиганты и сторукие великаны гекатонхейры (все эти чудовища — создания хтонические, олицетворяющие хаос, и победа богов над ними есть торжество порядка над хаосом).

Однако в орфическом гимне Зевсу находим «наложение» образа бога богов на образ первосущества-жертвы:

Зевс — владыка и царь, Зевс — всех прародитель единый.
Стала единая власть и бог-мироправец великий,
Царское тело одно, и в нем все это кружится:
Огонь и вода, земля и эфир и Ночь со Денницей,
Метис-первородитель и Эрос многоусладный —

¹⁴ «Ригведа», X, 90. Перевод Т.Я. Елизаренковой. — *Примеч. ред.*

¹⁵ «Теогония». Перевод В.В. Вересаева. — *Примеч. ред.*

Все это в теле великом покоится ныне Зевеса.
 В образе зримы его голова и лик велелепный
 Неба, блестящего ярко, окрест же — власы золотые
 Звезд в мерцающем свете, дивной красы, воспарили.
 Бычьи с обеих сторон воздел он рога золотые —
 Запад вкупе с Востоком, богов небесных дороги.
 Очи — Солнце с Луной, противогрядущею Солнцу.
 Царский же ум неложный его — в нетленном эфире,
 Коим слышит он все и коим все замечает.
 Тела же образ таков: осиянно оно, безгранично,
 Неуязвимо, бездрожно, с могучими членами, мощно.
 Сделались плечи и грудь, и спина широкая бога
 Воздухом ширококрылым, из плеч же крылья прозябли,
 Коими всюду летает. Священным сделались чревом
 Гея, всеобщая мать, и гор крутые вершины.
 В пахе прибой громыхает морской, тяжелогремящий,
 Ноги — корни земли, глубоко залегающие в недрах¹⁶.

В славянской (точнее — северорусской) «Голубиной книге», географически наиболее близкой скандинавскому ареалу, также повествуется о жертвоприношении первосущества, повлекшем за собой сотворение мира (правда, под влиянием христианства опущен момент расчленения тела пер-восущества и привнесены христианские мотивы):

У нас белый вольный свет зачался от суда Божия;
 Солнце красное от лица Божьего
 Самого Христа Царя небесного;
 Млад светел месяц от грудей его;
 Звезды частые от риз Божьих;
 Ночи темные от дум Господних;
 Зори утрени от очей Господних;
 Ветры буйные от Свята Духа;
 У нас ум-разум самого Христа,
 Самого Христа Царя небесного;
 Наши помыслы от облак небесных;
 Кости крепки от камня;
 Телеса наши от сырой земли;
 Кровь-руда наша от черна моря.

Русский религиозный философ Г.П. Федотов в связи с этим фрагментом «Голубиной книги» замечал: «Стих не дерзает говорить о теле, о костях Божиих и отказывается ставить вопросы о происхождении земли, моря и гор (камней). Ответы на эти вопросы легко угадываются; они становятся ясны по аналогии с происхождением тела Адамова. Но певец умалчивает о них, думается, по требованию религиозного целомудрия, подавляя в себе естественный интерес к космологии матери-земли».

Сравнивая космогонические сюжеты различных мифологий, отмечая разнообразие в деталях и несомненное «инвариантное» сходство в основе, мы неизбежно приходим к выводу о существовании единого индоевропейского космогонического пра-сюжета, развитием которого явились космогонические мифы народов Евразии, в том числе и скандинавский.

¹⁶ Фрагменты ранних греческих философов. Перевод А.М. Лебедева. — *Примеч. ред.*

Выше упоминалось, что из покрытых инеем соленых камней, которые лизала корова Аудумла, возник предок богов Бури. Именно потомки Бури, сыновья его сына Бора — Вили, Ве и Один — убили Имира, принесли его в жертву и сотворили из его тела мир:

Отпрыски Бора
подняли сушу,
мир срединный
воздвигли дивный —
солнце сияло
с юга на скалы,
зеленью землю
злаки покрыли;

солнце — луна же
с ним шла бок о бок —
долонь простерло
с юга чрез небо;
солнце не знало
ночлега в небе,
звезды не знали
дороги в небе,
луна же не знала,
сколь сильна она в небе;

сошлись на судбище,
по лавам сели,
совет держали
все вышние боги:
ночь нарекали,
полночь и вечер,
именовали утро
и полдень
и все межечасья
для числения времени.

Упомянутый «мир срединный» — иначе Мидгард — в «эддической модели» мироздания выступает как центр вселенной, как средоточие физических и духовных сил и энергий, высший принцип вселенной, олицетворение сокровенной, божественной мудрости. Согласно мифу, Мидгард был создан богами из ресниц Имира.

Приведенный фрагмент любопытен еще и тем, что в нем вскользь описывается горизонтальная модель скандинавского мифологического мироздания: в центре этой модели расположен Мидгард, солнце светит с юга, то есть именно юг выступает олицетворением светоносного, благого начала; противопоставленный югу север ассоциируется с тьмой и смертью; на востоке находится Утгард — внешнее, «чуждое», неосвоенное пространство, обитель враждебных богам инеистых великанов-хримтурсов. Более того, в этой модели юг и запад соотносятся с верхом, а север и восток — с низом; первый всегда признается благим, чистым, святым, возвышенным, тогда как второй — скверным, «нечистым». Кстати сказать, отголосок этой горизонтальной модели находим в культовой эпопее Дж. Р. Р. Толкина «Властелин Колец», в значительной мере вдохновленной скандинавскими мифами: край зла Мордор у Толкина помещается на востоке, а противостоящие ему «светлые земли» — на западе и даже на «Заокраинном Западе». В литературоведческих работах, посвященных эпопее Толкина, неоднократно проводились параллели между этой бинарной оппозицией и

противостоянием Востока и Запада в политике XX столетия, однако сам Толкин в интервью многократно опровергал какую-либо политическую ангажированность своего сочинения.

Если говорить о мифологических моделях мироздания, то следует отметить, что сравнительное изучение многих мифологических систем, прежде всего индоевропейских, позволило вычленить две модели этого рода — модель горизонтальную, или пространственно-структурную (В.Н. Топоров), и модель вертикальную, или пространственно-динамическую. Для первой характерно обозначение центра и четырех (или восьми) сторон света и представление мира как земли, со всех сторон окруженной водой — Мировым океаном. В случае скандинавской мифологии центром, как уже упоминалось, является срединный мир Мидгард (со своим центром — Асгардом), стороны света олицетворяют четыре карлика-цверга, имена которых соответствуют «географическим координатам» (Нордри — северный, Судри — южный, Аустри — восточный, Вестри — западный), а вокруг Мидгарда и расположенного на востоке Утгарда простирается Мировой океан, в котором плавает хтоническое чудовище — змей Йормунганд, иначе называемый «змеем Мидгарда» (подробнее о Йормунганде см. главу III первой части).

Хендрих. Асгард (ок. 1890 г.).

Вертикальная проекция мифологического мироздания, как правило, описывается через образ мировой горы (например, шумерская и индийская Меру или японская Фудзи) — или через образ мирового дерева, соединяющего небо, землю и подземный мир. В скандинавской традиции вертикальная проекция мироздания представлена именно мировым деревом — ясенем Иггдрасиль (иначе — Лерад), соединяющим девять миров. В «Младшей Эдде» сказано, что Иггдрасиль «больше и прекраснее всех деревьев. Сучья его простерты над миром и поднимаются выше неба. Три корня поддерживают дерево, и далеко расходятся эти корни. Один корень — у асов, другой — у инеистых великанов, там, где прежде была Мировая Бездна. Третий же тянется к Нифльхейму...» А «Старшая Эдда» описывает Иггдрасиль так:

Тремя корнями тот яшень-дерево на три страны пророс: Хель — под первым, хримтурсам — второй, под третьим род человеков.

Белка по имени мысь
Вострозубка снует по
Иггдрасиль-древу,
сверху она слово орла
вниз темному Нидхеггу носит.

Две пары оленей
вершину древа гложут,
вытянув выи:
Туротрор, Умерший,
Мешкий и Чуткий.

И змей немало под
Иггдрасиль-древом —
больше, чем думают дурни иные:
Пустожил и Подземельник —
волкодлачьи чада,
тоже Серый и Скрытень,
Снотворец и Витень;

мне же ведомо:
ветви Древа им вечно грызть.

Иггдрасиль-ясень
терпит страсти,
коих не знают люди:
олень объедает,
ствол подгнивает,
Нидхегг терзает снизу¹⁷.

Иггдрасиль. Иллюстрация к «Древностям Севера» (1847 г.).

Девять миров, которые соединяет собой Иггдрасиль, — скорее всего, мифологическая метафора, поскольку в эддических текстах неоднократно говорится, что ясень стоит в Мидгарде, крона его возносится к небу-Асгарду, а корни уходят в преисподнюю-Нифльхель, другие миры не упоминаются вовсе (число 9 — священное в скандинавской мифологии, аналогично тому, как у славян священным было число 3, у египтян — тоже 9, ср. представления о девятке богов — Эннеаде, а в христианской мифологии и у каббалистов священным считалось число 7). По всей видимости, девять миров — своего рода «три в кубе», мифологическое умножение тройки как символа мироздания, подчеркивающее значимость каждой из трех пространственных сфер.

Впрочем, «Младшая Эдда» упоминает три неба, то есть три верхних мира: первое из небес — небо Асгарда, над ним находятся небеса Андланг («беспредельное») и Видблаин («широкосинее»), где обитают «одни лишь светлые альвы»¹⁸.

На кроне Иггдрасиля восседает мудрый орел — олицетворение власти, «царь птиц», спутник солнечных богов, также божеств неба и войны, символ царственности, величия, благородства, силы, мощи, одухотворенности. Как и все птицы, орел связан с небом, но у него эта связь наиболее крепка: он — владыка воздуха, способный долететь до солнца. Орел — священная птица бога-громовержца. Между глазами орла сидит ястреб Ведрфельнир — птица солнца, спутница солнечных богов, способная, подобно орлу, не мигая смотреть на светило, олицетворение аристократической власти и знатности. Кроме того, крону Иггдрасиля объедают олень Эйктюрмир и коза Хейдрун, стоящие на крыше Вальхаллы. Молоко козы, напоенное медвяной влагой с листьев ясеня, питает обитателей Вальхаллы — эйнхериев.

У корней ясеня гнездится змей (дракон — исл. *Wyrm*, то есть ползучий бескрылый дракон) Нидхегг, в котором исследователи видят «аналог» мирового змея Йормунганда. Этот дракон и кишачие вокруг него змеи гложут корни Иггдрасиля. В канун битвы в конце времен — Рагнарек — Нидхегг вырвется из преисподней:

И вот прилетает
темный дракон

¹⁷ «Речи Гримнира». — *Примеч. ред.*

¹⁸ В ряде современных работ предпринимаются попытки «обнаружить» все девять миров скандинавского мифологического мироздания. В частности, предлагается следующая девятичастная структура: Асгард — Ванакхейм — Альвхейм — Мидгард — Йотунхейм — Муспелльсхейм — Нифльхейм — Свартальвхейм (мир темных альвов, или цвергов) — Хель. Однако в данной структуре не находится места для Утгарда, который близок Йотунхейму, но все-таки не тождествен ему, да и мир цвергов в мифах не выделен в отдельную «область»: цверги обитают под землей, но — в пределах Мидгарда.

с темных вершин,
Нидхегг, над
полем летящий,
несет мертвых
под крыльями¹⁹.

Там же, у корней Иггдрасиля, находится обитель трех норн, трех «сестер судьбы», которые ежедневно опрыскивают корни мирового древа водой из источника мудрости. Норны определяют судьбы людей, прядут нити судеб или вырезают и мечут руны. «Старшая Эдда» гласит:

Первая Урд,
Верданди тоже
(резали жребья),
а третья —
Скульд:
судьбы судили,
жизни рядили,
всем, кто родится,
удел нарекали²⁰.

Между верхом и низом, то есть между орлом в кроне и драконом Нидхеггом у корней ясеня, снует по стволу белка Рататоск («острые зубы»), образ которой толкуется как образ «посредника» между небом и преисподней. На среднем уровне, ближе к кроне, на стволе ясеня пасутся четыре оленя; любопытно, что символика образа оленя связана с солнцем, луной, огнем и светом вообще.

Уильям Коллингвуд. Сошествие северных богов (ок. 1890 г.).

Первыми по радужному мосту спус — каются близнецы Фрейр и Фрейя, их отец Ньерд, за ними в крылатом шлеме — Один, дальше Тор, Бальдр с Нанной, за ними Хеймдалль.

Помимо Иггдрасиля землю и небо, Мидгард и Асгард соединяет между собой радужный мост Биврест. Как писал А.А. Афанасьев, «это лучший из всех мостов на свете, он крепко создан из трех цветов, и светлые боги переезжают по нему на своих конях. Один конец этого моста достигает жилища бога Хеймдалля, который приставлен оберегать мост от демонических великанов. При кончине мира, когда поедут через него злобные сыновья Муспелля, мост разрушится». Страж богов Хеймдалль, «светлейший из асов», охраняет не только Биврест, но и Иггдрасиль, его рог спрятан под корнями мирового древа. Более того, поскольку в заклинаниях Хеймдалля называли «сыном девяти матерей», некоторые современные исследователи видят в нем персонификацию мирового древа, соединяющего, как уже говорилось, девять миров, а само имя божества *Heim-dallr* толкуют как «мировое древо».

Итак, Иггдрасиль — мировое древо, соединяющее между собой три (или трижды три) мира. Об устройстве мира срединного, то есть Мидгарда, известно лишь то, что этот мир

¹⁹ «Прорицание вельвы».

²⁰ Там же.

противопоставляется Утгарду (или Йотунхейму), стране великанов и что он окружен Мировым океаном. Гораздо подробнее в мифах говорится об устройстве верхнего мира — Асгарда и нижнего — Нифльхель.

Асгард существует одновременно в двух проекциях мифологического мироздания: в горизонтальной это — сакральный центр Мидгарда, куда приходят за мудростью конунги, подобно Гюльви в «Младшей Эдде» (в демифологизированной версии «Саги об Инглингах» Асгард — столица некоей Страны Асов, которой правил Один), и он отделен от края великанов, иначе Йотунхейма, рекой Ивинг, никогда «льда не знавшей»; в вертикальной же проекции Асгард — верхний мир, мир богов.

География Асгарда достаточно запутанна. Известно, что в него прорастает кроной Иггдрасиль и что поблизости от кроны мирового дерева находится поле Идавелль, где боги собираются на совет. С ветвей ясеня, на которых пасется олень Эйктюрмир, каплет влага, дающая начало многочисленным рекам, перечисленным в «Речах Гримнира»:

Доль и Ширь,
Скорь и Ярь,
Студь и Битвохоча,
Мчица, Жрица,
Рейн и Торопа,
Болтунья и Рева,
Старица и Копьекиша —
вьются вокруг божьих сокровищ, —
Гремуча и Луга,
Вспуча и Круча,
Жада и Ложетеча.

Двиною одна зовется,
Быстриною — вторая,
третья — Вода Велика,
Млеча, Леча,
Буча, Бегуча,
Лють и Буря,
Алчица, Волчица,
Доль и Надежа,
Бережа и Непрохожа;
а Звонь и Молонья —
людские реки,
но ниспадают в Хель.

Неподалеку от Иггдрасиля находится и чертог Вальхалла (олень Эйктюрмир и коза Хейдрун обедают листья ясеня, стоя на крыше этого чертога). Вальхаллу легко узнать с первого взгляда:

Кто к Одину отходит,
оные хоромы
тот сразу распознает:
кров там — тарчи,
копья — стропила,
на скамьи стланы кольчуги.

Кто к Одину отходит,
оные хоромы

тот сразу распознает;
волк там подвешен
над дверью закатной,
и тоже орел там кружит²¹.

Фридрих фон Штассен. Асгард и Вальхалла (1914 г.).

В Вальхаллу попадают после смерти избранные люди — отмеченные ратной доблестью и павшие смертью, «достойной воина». Эти люди — эйнхерии — уже при жизни пользуются особым покровительством верховного бога Одина, а когда они погибают, посланницы Одина валькирии забирают их и переносят в Вальхаллу. Там они проводят время в пирах и сражениях. Вальхаллу окружает полноводный поток Тунд, который эйнхериям не пересечь, а посреди поля, на котором стоит чертог, возвышаются ворота Вальгринд — «для мертвых врата».

Пропитание эйнхериям в Вальхалле дают неиссякающее медвяное молоко козы Хейдрун и неубывающее мясо вепря Сэхримнира.

«Старшая Эдда» гласит:
Андхримнир варит
Сэхримнир-вепря в
Эльдхримнир-чане —
мясо прекрасно,
но немногим известно,
что этим эйнхсриев кормят²².

Размеры Вальхаллы не беспредельны, однако она вмещает в себя изрядное число павших воинов:

Дверей пять сотен
и сорок,
как помню, —
в Вальгалле есть:
в дверь каждую
восемь воинов сотен
выйдет на битву с Волком²³.

Помимо Вальхаллы, в Асгарде расположены и другие чертоги, а именно жилища богов и богинь:

Трудхейм («обитель силы»), или *Бильскирнир* («неразрушимый»), — чертог Тора;
Идалир — чертог Улля;
Валаскьяльв — чертог Одина с тронем Хлидскьяльв («сторожевая башня»): «когда восседает на нем Всеотец, виден ему оттуда весь мир»;
Секквабек («погруженная скамья») — чертог Одина и Саги;

²¹ «Речи Гримнира». — *Примеч. ред.*

²² Андхримнир — божественный повар. — *Примеч. ред.*

²³ Битва с Волком — Рагнарек. — *Примеч. ред.*

Гладсхейм («обитель радости») — чертог Одина, часть которого составляет Вальхалла;

Трюмхейм («обитель шума») — чертог богини Скади;

Брейдаблик («широкий блеск») — чертог Бальдра;

Химиньберг («небесная гора»), стоящий рядом с мостом Биврест, — чертог Хеймдалля;

Фенсалир («болотные палаты»?) — чертог Фригг;

Фолькванг («поле боя») — чертог Фрейи, где находится «вторая половина» Вальхаллы²⁴;

Глитнир («блестящий») — чертог Форсети;

Ноатун («корабельный двор») — чертог Ньерда.

К этому перечню чертогов, известному из «Старшей Эдды», «Младшая Эдда» добавляет святилище богинь Вингольв.

Кроме того, на небе находится обитель богов-ванов — Ванахейм и обитель светлых альвов — Альвхейм.

Что касается преисподней, или Нифльхель, сведения об ее устройстве гораздо более отрывочны, нежели сведения об Асгарде. Нифльхель, подобно Асгарду, существует в обеих мифологических проекциях мироздания: в вертикальной проекции он расположен внизу, у корней ясеня Иггдрасиль, а в горизонтальной помещается на севере. Правит преисподней великанша Хель, по имени которой иногда называют и сам Нифльхель. О ней в «Младшей Эдде» говорится так: «А великаншу Хель Один низверг в Нифльхель и поставил ее владеть девятью мирами, дабы она давала приют у себя всем, кто к ней послан, а это люди, умершие от болезней или от старости. Там у нее большие селенья, и на диво высоки ее ограды и крепки решетки. Мокрая Морось зовутся ее палаты, Голод — ее блюдо, Истощение — ее нож, Лежебока — слуга, Соня — служанка, Напасть — падающая на порог решетка, Одр Болезни — постель, Злая Кручина — полог ее. Она наполовину синяя, а наполовину — цвета мяса, и ее легко признать по тому, что она сутулится и вид у нее свирепый». Перед Нифльхель протекает река Гьелль, через которую переброшен мост, «выстланный светящимся золотом».

По всей видимости, именно в преисподней находится и обитель темных альвов, или цвергов; во всяком случае, известно, что цверги живут под землей и боятся света (луч солнца обращает цверга в камень).

«Вне пространства», то есть вне горизонтальной и вертикальной проекций скандинавского мифологического мироздания, находятся две местности, существовавшие еще до начала времен, — огненный край Муспелль и ледяной край Нифльхейм с потоком Хвергельмир, или Эливагар. О Муспелле известно только то, что это край огня, расположенный где-то на юге; в этом краю обитает огненный великан Сурт, с которым в Рагнарек сразится бог Фрейр. Нифльхейм — край мрака, испарения ядовитых рек которого оседали инеем в мировой бездне Гинунгагап.

* * *

От полной бесформенности и неопределенности изначального хаоса к всеобъемлющей упорядоченности и структурированности божественного и людского космоса — такова

²⁴ Ср.:

Фолькванг — девятый,
Ратный, где Фрейя
наделяет местами в застолье:
что дневно из павших берет половину,
другой же владеет Один.

«генеральная линия развития» скандинавской мифологии. Мировая бездна Гинунгагап заполняется пространством и временем, в ней создаются земля и небо, возникают стороны света и центр, олицетворенный в образе мирового древа Иггдрасиль. «Неосвоенным», «чуждым», хаотическим остается лишь Утгард, или Йотунхейм, — обитель великанов где-то на севере или на востоке, да Мировой океан, в котором плавает змей Йормунганд; все прочее пространство мироздания освоено и описано, можно даже сказать, каталогизировано. Природа, воплощенная в хаосе, уступает место культуре, воплощенной в деяниях богов.

Глава 2

DRAMATIS PERSONAE: скандинавский пантеон, помощники богов и их враги

Адам Бременский о религиозном культе скандинавов. — Тор, Один и Фрейр. — Один и Тюр. — Асы и асиньи. — Асы и ваны. — Йотуны. — Потомки йотунов. — Хтонические чудовища. — Локи и его двойственная природа. — Фенрир. — Цверги. — Цверги и карлики. — Богини судьбы. — Валькириш. — История Брюнхильд.

Средневековый немецкий хронист Адам Бременский (XI в.) в своем сочинении упомянул о главном святилище свеонов, то есть шведов, в Упсале, неподалеку от Сиктоны (Сигтуны). Поблизости от святилища, по словам Адама, растет дерево неведомой породы, зеленеющее зимой и летом, а рядом находится источник, в котором свеоны совершали человеческие жертвоприношения. Сам же храм «весь украшен золотом, а в нем находятся статуи трех почитаемых народом богов. Самый могущественный из их богов — Тор — восседает на престоле в середине парадного зала, с одной стороны от него — Водан, с другой — Фриккон. Вот как распределяются их полномочия: «Тор, — говорят свеоны, — царит в эфире, он управляет громами и реками, ветрами и дождями, ясной погодой и урожаями. Водан, что означает «ярость», — бог войны, он возбуждает мужество в воинах, сражающихся с неприятелем. Третий бог — Фриккон — дарует смертным мир и наслаждения. Последнего они изображают с огромным фаллосом. Водана же свеоны представляют вооруженным, как у нас обычно Марса. А Тор напоминает своим скипетром Юпитера.» Ко всем их богам приставлены жрецы, ведающие племенными жертвоприношениями. Если грозит голод или мор, они приносят жертву идолу Тора, если война, Водану, если предстоит справлять свадьбы, Фриккону».

Описание Адама весьма любопытно. Во-первых, из него следует, что во главе шведского пантеона (и это подтверждается археологическими находками — амулетами в форме молота Тора) стоял не Один, а Тор: для населения «внутренней» по отношению к «внешним» Дании и Норвегии Швеции грубоватый и искренний Тор-защитник был ближе и понятнее, чем воинственный и двуличный Один²⁵. Во-вторых, «распределение функций»

²⁵ Контраст между Одним и Тором замечательно показан в эддической песни о Харбарде: по сюжету этой песни простак Тор вынужден отвечать на каверзные вопросы лукавого Одна, укрывшегося под личиной перевозчика Харбарда. В ответ на простодушные похвалы Тора своими воинскими подвигами Один живописует собственные победы на амурном поле. Вот характерный пример:

[Тор сказал:]
А я великана
Тьящи убил,
Альвальди сына
я очи закинул
аж на самое небо:
пусть каждый увидит
силу мою! —
они и поныне в небе.

между богами в описании Адама вполне соответствует выведенной французским исследователем Ж. Дюмезилем трехчленной структуре социальных функций индоевропейских божеств: Тор в данном случае олицетворяет духовную и юридическую власть, Один — воинскую функцию, а Фриккон (очевидно, Фрейр) — богатство и плодородие.

Впрочем, триада Тор — Один — Фрейр характерна для позднего периода скандинавского язычества; первоначально ее, по-видимому, составляли Тор, Фрейр (или Ньерд) и Тюр (Тивас, или Тиу, имя которого этимологически соответствует индоевропейскому Дьяусу; от последнего, в частности, «произошел» Зевс). Причем в «исконном» варианте триады Тор как бог грома и молнии, тождественный индийскому Индре, олицетворял воинскую силу, Фрейр — плодородие и богатство, а Тюр — власть. Однако с развитием культа Одина и усилением «одиноческого» элемента в скандинавской мифологии Тюр был вынужден уступить свое место в триаде Одину, исходно — покровителю воинских союзов и богу-колдуну. Как писал Е.М. Мелетинский, «превращение Водана-Одина в небесного и верховного бога связано не только с укреплением воинских союзов и повышением удельного веса бога — покровителя военных дружин., но и с расщеплением первоначального представления о загробном мире и с перенесением на небо особого царства мертвых для избранных — смелых воинов, павших в бою. В качестве «хозяина» такого воинского рая Один оказался важнейшим небесным божеством и сильно потеснил и Тюра, и Тора в функции богов неба и войны. Процесс превращения Одина в верховного небесного бога. завершился в Скандинавии (начавшись в германских землях. — *Ред.*). Здесь Один оставил заметные следы в топонимике (главным образом в названиях водоемов и гор)».

Одина с Тором и Тюром, помимо «совместного членства» в триаде верховных божеств, объединяет и принадлежность всех этих богов к числу главных божеств скандинавского пантеона — асов. Кроме Одина, Тора и Тюра, согласно «Эддам», к асам принадлежат также Хеймдалль, Браги, Хед, Видар, Хенир, Улль, Форсети, Локи, Вали и Бальдр. «Младшая Эдда» перечисляет и богинь, или асинь: это Фригг, Сага, Эйр, Гевьон, Фулла, Сьевн, Ловн, Вар, Вер, Сюн, Хлин, Снотра, Гна, Соль, Биль, Йорд и Ринд. По своим «сферам влияния» асы и асиньи распределяются следующим образом:

Один — верховный бог, божество неба, покровитель воинской доблести, бог мудрости и священного знания;

Тор — сын Одина, бог грома и молнии, бури и плодородия, защитник богов и людей;

Тюр — бог неба, войны и воинских правил;

Хеймдалль — страж богов, а также (в ипостаси Рига) родоначальник трех людских сословий — конунгов, крестьян и рабов;

Браги — сын Одина, бог скальдического искусства;

Хед — сын Одина, слепой бог, убийца своего брата Бальдра;

Видар — сын Одина, «молчаливый бог», божество войны;

Хенир — брат и спутник Одина, вместе с которым он оживил первых людей;

Улль — бог охоты и стрельбы из лука;

А ты чем похвалишься, Харбард?

[Харбард сказал:]

А я соблазнял
наездниц ночных —
жен уводил у мужей;
мне Хлеббард по дружбе
дал, великан,
волшебную ветку,
а я этой веткой
ему же мозги заморочил.

Форсети — сын Бальдра, бог справедливости и правосудия;
Локи — бог хитрости и коварства;
Вали — сын Одина, бог-мститель;
Бальдр — сын Одина, «светлый бог», божество плодородия, мира и красоты;
Велунд — божественный кузнец, бог-покровитель путников;
Фригг — супруга Одина, богиня-покровительница брака и супружеской верности;
Сага — вероятно, богиня прорицания;
Эйр — богиня врачевания;
Гевьон — богиня целомудрия;
Фулла — богиня изобилия, покровительница девственности;
Сьевн — богиня любви;
Ловн — богиня любви и милосердия;
Вар — богиня верности и любовных клятв;
Вер — богиня знания;
Сюн — богиня-хранительница;
Хлин — богиня-покровительница;
Снотра — богиня сдержанности, рассудительности;
Гна — богиня-вестница;
Соль — богиня солнца;
Биль — богиня луны;
Йорд (Фьергюн) — богиня земли, мать Тора;
Ринд — мать Вали.

Кроме того, в числе богов иногда упоминаются морской великан *Эгир* и его супруга *Ран* — владычица морей; *Скади* — богиня-лыжница, покровительница охоты; сыновья Тора *Магни* и *Моди*; *Сив* — супруга Тора, богиня с золотыми волосами; *Идунн* — супруга Браги, хранительница молодильных яблок; *Нанна* — супруга Бальдра; *Сигюн* — супруга Локи; *Хермод* — брат Бальдра; *Вили* и *Ве* — братья Одина; *Од* — супруг Фрейи, вероятно, ипостась Одина.

По справедливому замечанию Е.М. Мелетинского, «асы представлены в мифах как возглавляемая Одним патриархальная родовая община, в которой, однако, важные вопросы решаются на тинге (народном собрании); большое значение имеют ритуальные пиры богов с распитием священного напитка».

В эддических текстах часто встречаются имена трех богов, которые не принадлежат к асам. Это *Ньерд*, *Фрейр* и его сестра *Фрейя*. Они — представители богов плодородия ванов, в начале времен враждовавших с асами и даже воевавших с ними. Война асов с ванами считается в скандинавской традиции первой войной в мировой истории. Победа в этой войне склонялась на сторону ванов, и асы поспешили заключить перемирие и в знак нерушимости мирного соглашения отдали ванам в заложники Хенира, а те, в свою очередь, передали асам Ньерда и Фрейра (равно как и, по-видимому, Фрейю). В итоге Хенир, непременный участник ранних походов Одина по миру, совершенно «выпал» из мифологического повествовательного цикла, зато ваны, в особенности Фрейр и Фрейя, сделались непосредственными участниками многих событий. По своим функциям эти божества являются богами плодородия, причем Ньерд также повелевает морской стихией, его сын Фрейр — бог растительности и супруг богини земли Герд, а дочь Фрейя — богиня любви и красоты, знаток магии *сейд*.

спускаются Один и Фригг, за ними — Фрейр, Фрейя, Тор и Локи.

Другие представители племени ванов в мифологических текстах не упоминаются, если не считать загадочного *Квасира*, «наполовину вана», из крови которого, смешанной с пчелиным медом, был изготовлен мед поэзии.

Особое положение занимают упоминаемые в «Эддах» *Деллинг* (рассвет), *Нотт* (ночь), *Даг* (день), *Кари* (воздух), *Хлер* (море), *Вирд* (доля); из сохранившихся текстов трудно понять, причислялись ли они к богам или к инеистым великанам — последние, следует отметить, богами вовсе не считались.

Асы и ассимилированные ими ваны обитают в Асгарде, где у каждого бога и каждой богини имеется собственный чертог и собственные палаты. В Асгарде же хранятся сокровища богов: принадлежащие Одину копье *Гунгнир*, бросок которого положил начало войне между асами и ванами, и золотое кольцо *Драупнир*, молот Тора *Мьелльнир*; принадлежащие Фрейру чудесный вебрь *Гуллинбурсти* с золотой щетиной и корабль *Скидбладнир*, всегда имеющий попутный ветер и вмещающий любое число воинов; ожерелье *Брисингов*, или *Брисингамен*, которым владеет Фрейя и которое помогает при родах; молодильные яблоки богини Идунн. Эти сокровища составляют предмет вожделения великанов-йотунов, основных врагов скандинавских божеств.

Йотуны ведут свой род от инеистых великанов, или хримтурсов, первым из которых был Имир. Когда боги Один, Вили и Ве убили Имира и сотворили из его тела мироздание, а из крови — Мировой океан, в крови Имира утонули все инеистые великаны²⁶, кроме Бергельмира, внука

Имира, который спасся в погребальной ладье. «Старшая Эдда» гласит:

Бергельмир жил
за многие зимы
до сотворения суши:
как он лежал
в погребальной ладье —
вот что мне первое памятно²⁷.

Бергельмир стал родоначальником нового поколения великанов, получивших имя йотунов, или турсов.

Йотуны обитают в холодной каменистой стране где-то на востоке мира (в его горизонтальной проекции), эта страна называется Йотунхейм, или Утгард. Правит ими великан по имени Утгарда-Локи, или Скрюмир. Совпадение имени этого великана с именем аса Локи до сих пор не получило удовлетворительного объяснения; любопытно, что Саксон Грамматик в своих «Деяниях датчан» утверждает, что Утгарда-Локи — это собственно Локи, изгнанный другими богами в Утгард.

Йотуны, с одной стороны, хранители древней мудрости, унаследованной ими от инеистых великанов. Мудрость йотунов показывает, в частности, эддическая песнь «Речи Вафтруднира», в которой Один состязается в вопросах и ответах с великаном Вафтрудниром. К йотунам, вероятно, принадлежал и Мимир, с чьей головой Один советуется и из чьего источника у корней ясеня Иггдрасиль он черпает мудрость. Мудр и Скрюмир, испытывающий Тора своими загадками, мудры Сутгунг и Бауги — хранители меда поэзии.

С другой стороны, йотуны нередко демонстрируют скудоумие, впоследствии ставшее

²⁶ Интересно, что род самого Одина восходит по матери к инеистым великанам: отец матери верховного бога — хримтурс Бельторн, одаривший Одина магическими рунами.

²⁷ «Речи Вафтруднира». — *Примеч. ред.*

отличительной чертой их потомков — троллей. Таков противник Тора Трюм, таков Хюмир, вместе с Тором ловивший мирового змея Йормунган- да, таков, наконец, безымянный великан-строитель Асгарда, обманутый Локи (подробнее о сражениях йотунов с богами см. главу III первой части).

С течением времени миф уступил место сказке, и мифологические йотуны «превратились» в недалеких троллей, унаследовавших от своих предшественников только огромную силу — и страх перед Тором, защитником богов и людей. Многие скандинавские баллады посвящены противоборству людей с троллями; как правило, люди одерживали в этих противоборствах победу не силой, а хитростью. Так, например, датская баллада «Святой Олуф и тролли» рассказывает о поединке конунга Олуфа с троллями, обитавшими на горе Хорнелуммер:

Велит он построить и с берега столкнуть
Ладью отменной оснастки.
«Отсель мы отправимся, чтоб задать
Нечистой силе острастки!»

Кормщик взобрался на грудь добра.
«Стоянка с худою славой
У Хорнелуммера: эта гора
Захвачена троллей оравой.

Множество лет живет на земле
Старшой их, по прозвищу Аред.
Наши ладьи с молодцами в скале
Замыкает злодей и скаред.

Пышут кострами гляделки его.
Ногти чернее дегтя,
Загнуты вроде козлиных рогов,
Длиной не менее локтя.

Его бородища у самых колен
Треплется конской гривой.
Тошно глядеть на когти его
И видеть хвост шелудивый».

Но конунг не испугался и не отказался от своего намерения. Только ладья подошла к горе, как навстречу конунгу вышел сам Аред.

«Скажи мне, Рыжая Борода,
Как ты со страху не умер?
Большая тебя ожидает беда!
Попомнишь ты Хорнелуммер!

Никто не причаливал к нашей земле!
Вот собью с тебя спесь:
В скалу одной рукой засажу
Ладью, что болтается здесь!»

Аред попытался выполнить свою угрозу, но лишь увяз в скале по колена. Он воскликнул:

«Я в камне завяз, но хребта и рук
Ничуть не утратил силу.
На собственной шкуре испробуешь ты
Мою молодецкую жилу!»

Конунг ответил:

«Каменной глыбой, нечистый дух,
На глазах у крещеного люда
Ты прстоишь до судного дня,
Никому не делая худа!»

Отколь ни возьмись, прибежала карга,
Вытянув шею отвратно.
Она что есть мочи таращила очи,
Визжа: «Убирайтесь обратно!»

Велела она, чтоб Олуф-король
Немедля ноги унес,
А он приказал ей недвижно стоять
И каргу превратил в утес.

Малые тролли, сидя в норе,
Хватают железные крючья:
«Коль скоро матушка наша молчит,
Нет ли в том злополучья?»

А если виной не кто иной,
Как недруг рыжебородый,
Железными прутьями угостим
Губителя нашей породы».

Славной шуткой дружину свою
Позабавил Олуф Святой:
Заклятьем он камень с камнем свел
И стену свел со стеной.

Наглухо гору он замкнул
Так, что не стало ходу
С этой поры из недр горы
Ни троллям, ни их приплоду.

Троль меньшей взаперти бушевал
И такие выкрикивал речи:
«Нам глыбы тяжеле этой горы
Взвалить случилось на плечи!»

Братья, хвост подпирая лбом,
Подсаживать стали друг друга,
Но им скала была невподьем:

Хребты раздробила натуга²⁸.

Помимо йотунов, с богами враждуют хтонические чудовища: это мировой змей Йормунганд, чудовищный волк Фенрир и владычица преисподней Хель, — порожденные в лесу Ярнвид великаншей Ангрбодой от аса Локи.

Локи, подобно Одину, ведет свой род от инеистых великанов: его отец — хримтурс Фарбаути. Кроме того, он — родной или сводный брат Одина; в эддической песни «Перебранка Локи» он произносит такие слова:

Оба мы, Один,
во время оно
кровью братство скрепили.

К. Кварестрем. Локи и Хед (ок. 1890 г.).

Из мифов следует, что Локи постоянно мечется между богами и йотунами: он то подстрекает йотунов похитить сокровища асов и сам принимает участие в этих похищениях, то помогает богам вернуть украденные сокровища. Так, он хитростью возвращает похищенный великаном Трюмом молот Тора, а затем срезает у супруги Тора Сив ее золотые волосы, но из страха перед Тором заставляет цвергов выковать богине новые. Он обманом увлекает в лес богиню Идунн, хранительницу молодильных яблок, и отдает ее во власть великана Тьяцци, однако, уstraшенный угрозами других богов, которые начали стремительно стареть, проникает в жилище Тьяцци и возвращает Идунн в Асгард. Он вместе с Одинем и Хениром принимает участие в оживлении первых людей — и он же немало способствует гибели богов и всего живого в битве перед концом света.

Многие исследователи полагали, что двойственность образа Локи заключается в его «огненной природе» (имя *Loki* выводили из *Logi* «огонь»); впервые такую точку зрения высказал еще Снорри Стурлусон в «Младшей Эдде». Впрочем, проделки Локи и его постоянное стремление разрушить или осквернить то, что было создано другими богами, прежде всего Одинем, показывают, что правильнее было бы характеризовать этого бога как отрицательный вариант культурного героя, как мифологического плута-трикстера с выраженными хтоническими и демоническими свойствами. Более того, можно сказать, что Локи — отрицательный двойник Одина; в некоторых работах утверждается, что Локи в скандинавской мифологической системе противопоставляется Одину, как космогония, или миротворение, противопоставляется эсхатологии, или мироразрушению.

По намекам, содержащимся в «Прорицании вельвы», можно предположить, что Локи, зачиная с Ангрбодой чудовищ, создавал, какую роль им суждено сыграть в битве перед концом света. Это обстоятельство подкрепляет гипотезу о Локи как об отрицательном культурном герое, разрушающем и «перераспределяющем» созданное другими.

Песнь «Краткое прорицание вельвы» рассказывает об отпрысках Локи более или менее подробно:

От Ангрбоды Локи
Волка родил, а Слейпнир —
сын Локи от Свадильфари;
еще одно чудище,
самое злое,

²⁸ Перевод В. Потаповой. — Примеч. ред.

на свет рождено
Бюлейста братом.

Найдя на костре
полусгоревшее женщины
сердце, съел его Локи;
так Лофт зачал
от женщины злой;
отсюда пошли
все ведьмы на свете²⁹.

Чудовища, рожденные Ангрбодой, настолько напугали богов (пророчица-вельва открыла божествам грядущее и предрекла гибель), что змея Йормунганда Один низверг в Мировой океан, и, как говорится в «Младшей Эдде», «так вырос Змей, что посреди моря лежа, всю землю опоясал и кусает себя за хвост»; Хель отправилась в преисподнюю, а волка Фенрира боги взяли в Асгард, чтобы он находился у них под постоянным присмотром. Кормить его осмеливался только Тюр. Пророчества гласили, что Фенрир рожден на погибель богам, поэтому асы решили посадить волка на цепь. Первая цепь называлась Лединг, и Фенрир сразу ее порвал; вторая цепь называлась Дроми, и она также не удержала волка; самой крепкой оказалась третья цепь, Глейпнир, выкованная по просьбе богов цвергами из «шести сутей» — шума кошачьих шагов, женской бороды, корней гор, медвежьих жил, рыбьего дыхания и птичьей слюны. Асы надели эту цепь на волка, причем Тюру пришлось пожертвовать правой рукой, которую он положил Фенриру в пасть в залог того, что боги не обманут волка. Эта цепь будет удерживать Фенрира до конца времен: в канун Рагнарек волк разорвет путы и вырвется на свободу.

В «Младшей Эдде» имеется любопытный эпизод. Конунг Гюльви, выслушав рассказ Одина об усмирении волка, спрашивает: «Отчего же не убили боги Волка, если ждут они от него большого зла?» Ответ Одина был краток: «Так чтит боги свое святилище и свой кров, что не хотели осквернять их кровью Волка, хоть и гласят пророчества, что быть ему убийцею Одина».

Единоборства Одина с Фенриром и Тора с Йормунгандом в Рагнарек, завершающиеся гибелью противников, знаменуют одновременно краткое торжество хаоса и зарождение нового космоса. В современной политико-культурологической терминологии (модель социомеханики) эти поединки и сам Рагнарек можно охарактеризовать как метафорическое описание «фазового перехода» от одной цивилизационной стадии к другой.

Фенрир на цепи и Тюр (штамп VIII в.).

* * *

Выше уже неоднократно упоминались цверги, они же карлики, искусные мастера, создатели многих сокровищ богов. Согласно эддическому мифу, они были созданы богами из костей и крови некоего Бримира или Блаина (вероятно, эпитет Имира):

Сошлись на судбище,

²⁹ Перевод А.И. Корсуна. Бюлейст — эпитет Одина, Лофт — другое имя Локи. Слейпнир — чудесный восьминогий конь Одина, рожденный Локи, который превратился в кобылицу, от Свадиль-фари — жеребца великана-строителя Асгарда. — *Примеч. ред.*

по лавам сели,
совет держали
все вышние боги:
кому-то должно
карликов сделать
из крови Бримира,
из кости Блаина;

был Мотсогнир сделан
и назван первым
в народе цвергов,
вторым был Дурин,
по слову Дурина
и прочих цвергов
человекоподобных
вылепили из глины³⁰.

Правда, «Младшая Эдда» утверждает, что цверги первоначально были червями в теле Имира, но «по воле богов обрели человеческий разум и приняли облик людей». Перечень имен цвергов в «Прорицании вельвы» любопытен для современного читателя тем, что там встречаются многие имена, знакомые ему по эпосе Дж. Р. Р. Толкина «Властелин Колец»:

Нии да Ниди,
Нордри да Судри,
Аустри да Вестри,
Альтиов, Двалин,
Бивер, Бавер,
Бембур, Нори,
Ан да Анар,
Аи, Мьедвитнир,

Вейг и Гандальв,
Виндальв и Траин,
Текк и Торин,
Трор, Вит и Лит,
Нар и Нирад
(ныне всех цвергов),
Регин и Радсвинн
(разом поименую),

Фили, Кили,
Фундин, Нали,
Хефти, Вили,
Ханар, Свиор,
Фрар и Хорнбори,
Фрег и Лони,
Аурванг, Яри,
Эйкинскьяльди;

30 «Прорицание вельвы». — *Примеч. ред.*

а вот родословная
Ловара предков —
Потомков Двалина
поименую,
чей род явился
из камня земного,
пришел из трясины
на песчаную землю:

Драупнир, во-первых,
Дольгтрасир тоже,
Хар и Храугспори,
Хлеванг, Глои,
Дори, Ори,
Дув и Андвари,
Скивир, Вивир,
Скафинн, Аи,

Альв, Ингви,
Эйкинскьяльди,
Фьялар и Фрости,
Фин и Гиннар —
Вот родословная
Ловара предков,
Пускай человеки
до века хранят...

Цверги обитают в земле и в камнях, они боятся солнечного света, который обращает их в камень (этой особенностью цвергов воспользовался, едва ли не единственный раз выказав хитрость, бог Тор, затянувший препирательство с карликом Альвисом, который сватался к дочери бога, до самого рассвета).

Руками цвергов выкованы главные сокровища богов — копьё Гунгнир и золотое кольцо Драупнир, золотые волосы Сив и вебрь с золотой щетиной, ожерелье Брисингамен, молот Мьелльнир и корабль Скидбладнир. Двое цвергов, Фьялар и Галар, изготовили мед поэзии.

Артур Рэкхем. Брюнхильд в языках пламени (ок. 1900 г.).

В позднейшей фольклорной традиции цверги «превратились» в карликов, или гномов, — крохотных седобородых существ, отличающихся могучим телосложением и недюжинной физической силой; зрелости они достигают трех лет от роду, а к семи годам у них отрастают седые бороды. Они добывают самоцветы и руду, куют оружие, доспехи и украшения, зачастую наделяя свои изделия магическими свойствами. Отличительная черта в облике карликов — ступни, либо похожие на птичьи лапы (гусиные или вороньи), либо вывернутые задом наперед. Поэтому они носят плащи до пят. Считается, что узнать, карлик ли перед тобой, можно, если насыпать на дорогу пепел или муку, а потом внимательно рассмотреть следы.

Цвергов в мифологических текстах иногда именуют черными или темными альвами, тем самым противопоставляя их, как обитающих в земле, альвам светлым — духам плодородия, обитающим в Асгарде. Правитель светлых альвов — божественный кузнец

Велунд.

* * *

Рассказ о «действующих лицах» скандинавской мифологии будет неполным без упоминания об особой группе богинь — дис.

Дисы — низшие женские божества, по своим функциям непосредственно связанные с судьбой: они определяют судьбы людей, прежде всего воинов. К дисам принадлежат норны и валькирии.

Норны — богини судьбы, «родственные» греческим мойрам и римским паркам. Их обиталище находится у корней ясеня Иггдрасиль, рядом с неким таинственным источником (в «Прорицании вельвы» он назван «источником Урд», по имени одной из норн). Их имена — Урд, то есть «судьба» или «прошедшее»; Верданди — «становление» или «настоящее»; Скульд — «долг» или «будущее».

Согласно эддической песни «Речи Фафнира» норн не три, а гораздо больше, причем они ведут свой род как от асов, так и от альвов и даже от цвергов:

Сигурд сказал:
«Фафнир, скажи мне,
ты мудр, я слышал,
и многое знаешь:
кто эти норны,
что могут прийти
к женам рожающим?»

Фафнир сказал:
«Различны рождением
норны, я знаю, —
их род не единый:
одни от асов,
от альвов иные,
другие от Двалина»³¹.

В одной из героических песней «Старшей Эдды», «Первой песни о Хельги Убийце Хундинга», подробно рассказывается о том, как действовали норны, определяя человеческую судьбу:

Ночь была в доме,
норны явились
судьбу предрекать
властителю юному;
судили, что он
будет прославлен,
лучшим из конунгов
прозван будет.

Так нить судьбы
пряли усердно,
что содрогались

³¹ Перевод А.И. Корсуна. — *Примеч. ред.*

в Бралунде стены;
нить золотую
свили и к небу —
к палатам луны —
ее привязали.

На восток и на запад
концы протянули,
конунга земли
нитью отметили;
к северу бросила
Нери сестра нить,
во владенье
север отдав ему.

Что касается валькирий, эти богини, спутницы и помощницы Одина, также определяют человеческие судьбы — однако если норны делают это при рождении человека, то валькирии решают, кому из павших в битве суждено попасть в Вальхаллу, а кто отправится в Хель. Всего валькирий двенадцать, у них ослепительно яркие голубые глаза и длинные светлые волосы, одеты они обычно в доспехи, на головах — рогатые шлемы, в руках — мечи и копья. В Вальхалле они услаждают слух эйнхериев музыкой и песнями. «Старшая Эдда» называет валькирий по именам:

Христи Мглиста
рог да подаст мне,
тож Секирница и Протыка,
Сечь и Сила,
Страдь и Дружина,
Мечезвоница и Копьемеча;
а Защита и Щада, и
Советница тоже эйнхериям пиво несут³².

Фридрих фон Штассен. Золото Андвари (1914 г.). *Вверху изображены норны, прядущие нить судьбы, внизу — хозяйка преисподней Хель.*

В героических песнях «Старшей Эдды» валькирии носят другие имена, из которых наиболее известна Брюнхильд (Сигдрива «Саги о Вельсунгах») — нареченная витязя Сигурда (германского Зигфрида), который забыл о ней, отведав напиток забвения, и женился на сестре короля гуннов Гудрун. Обуреваемая мстью, Брюнхильд подстрекает своего супруга Гуннара, брата Гудрун, убить Сигурда, а когда тот погибает, сама всходит на погребальный костер — и, согласно эддической песни «Поездка Брюнхильд в Хель», попадает после смерти отнюдь не в Вальхаллу, а в преисподнюю.

У.Т. Мод. Скачка валькирий (ок. 1890 г.).

32 «Прорицание вельвы». — *Примеч. ред.*

В корпусе эддических текстов содержится и «Песнь валькирий», замечательно характеризующая этих дев-воительниц:

Соткана ткань
большая,
как туча,
чтоб возвестить
воинам гибель.
Окропим ее кровью,
накрепко ткань
стальную от копий
кровавым утком
битвы свирепой
ткать мы должны.

Сделаем ткань
из кишок человеческих;
вместо грузил
на станке — черепа,
а перекладыны —
копья в крови,
гребень — железный,
стрелы — колки;
будем мечами
ткань подбивать!..

Страшно теперь
оглянуться: смотри!
По небу мчатся
багровые тучи;
воинов кровь
окрасила воздух, —
только валькириям
это воспеть!

Спели мы славно
о конунге юном;
слава поющим!

Слышавший нас
песню запомнит,
людям расскажет
о том, что слышал
от жен копьеносных!
Мечи обнажив,
на диких конях,
не знающих седел,
прочь мы умчимся³³.

³³ Перевод А.И. Корсуна. — *Примеч. ред.*

В этой песни, кстати сказать, отражено реальное историческое событие — битва, произошедшая в страстную пятницу 1014 г. при Клонтарве (Ирландия). В этой битве ирландский правитель Бриан ценой собственной смерти одержал победу над викингами — конунгом Сигтрюном и ярлом Сигурдом. В «Саге о Ньяле», в которой сохранилась эта песнь, рассказывается о ряде знамений, предшествовавших этой битве. Так, некий человек по имени Дерруд видел, как двенадцать валькирий подъехали к дому, в котором стоял ткацкий станок, и, войдя в дом, стали ткать там ткань из человеческих кишок и спели эту зловещую песнь. Кончив ткать, они разорвали ткань на части и ускакали в разные стороны.

По всей вероятности, к дисам принадлежит и вельва — пророчица, которую Один вызвал из могилы, чтобы узнать у нее об участии Бальдра; «Прорицанием вельвы» — песнью, в которой излагаются космогония и эсхатология скандинавского мифологического мироздания, — начинается «Старшая Эдда».

* * *

Многообразие персонажей скандинавской мифологической системы лишь на первый взгляд представляется хаотическим, лишенным какой бы то ни было структуры. Центральными персонажами этой мифологии, ее «осью», безусловно выступают боги-асы, вокруг которых выстраиваются все мифологические сюжеты. Как писал Е.М. Мелетинский, «боги противостоят враждебным хтоническим чудовищам и йотунам; возвышаются над природными духами альвами и над карликами (цвергами), над женскими судьбоносными существами (валькириями и норнами), над земными героями. Высший пантеон богов в скандинавской космогонии представлен как результат объединения двух групп богов — асов и ванов после войны, точнее, как результат ассимиляции асами ванов — весьма ограниченной категории божеств, связанных с аграрными культами, наделенных магическим и пророческим даром, сакральным миролюбием... Во многих текстах боги и асы — синонимы, так как ваническая аграрная мифология подчинена единичной, то есть небесно-хтонической, воинской и «шаманской» мифологии Одина...»

К. Дилитц. Валькирия (ок. 1890 г.).

Как яшень Иггдрасиль соединяет собой все девять миров, так и боги-асы, прежде всего Один, Тор и Локи, выступают связующим звеном различных событий, укладывающихся благодаря «посредничеству» богов в единый, выраженно эсхатологический сюжет.

Глава 3 **РЕЧИ ВЫСОКОГО: о важнейших деяниях богов**

Боги и культурные герои. — Сотворение мира. — Оживление первых людей. — Многоликий и многоименный Один. — Обретение рун мудрости. — Добывание меда поэзии. — Смерть Бальдра и разговор с вельвой. — Тор-защитник. — Возвращение Мьелльнира. — Единоборство с Гейрредом. — Скачка Хрунгнира. — Испытания у Скрюмира. — Тор и Хюмир. — Странствия Хеймдалля-Рига. — Злокозненный Локи. — Строительство Асгарда. — Похищение Идунн. — Перебранка Локи. — Наказание Локи. — Понятие судьбы в скандинавской традиции.

Во всякой мифологической системе — будь это мифология индийская, японская, мезоамериканская, египетская, классическая, славянская или скандинавская — важнейшим божественным деянием является творение мира. За миротворением же традиционно следует

мироустройство — освоение и обустройство сотворенного мироздания.

Не менее традиционно обустройством мира занимаются уже не сами боги, а их «младшие помощники» — культурные герои, которые добывают или впервые создают для людей разнообразные предметы обихода, устанавливают правила социальной организации, обучают ремеслам и т. д. Свою добычу культурный герой, как правило, либо находит, либо похищает. Иногда он также сражается со стихийными силами, которые олицетворяют первоначальный хаос, и способствует тем самым торжеству космоса, т. е. установленного миропорядка. Типичные примеры культурных героев — греческий Прометей, принесший людям огонь, греческий же Геракл, усмиривший хтонических чудовищ (знаменитые двенадцать подвигов Геракла), финский Ильмаринен, выковывающий чудесную мельницу Сампо. В некоторых же мифологических системах — и, в частности, в скандинавской — подвиги культурных героев свершают сами боги: Тор сражается с хтоническими чудовищами, подобно шумеро-аккадскому Мардуку, а Один, к примеру, приносит в мир магическую мудрость рун и мед поэзии.

Бог — творит. Культурный герой — добывает. Мифология, объединяющая в «одном лице» функции божества и культурного героя, творца и добытчика, тем самым приближает богов к бытованию мира, делает их непосредственными участниками «цивилизационного процесса», а следовательно, изначально вводит в божественную тему творения эсхатологический мотив: боги принадлежат сотворенному ими миру и гибнут вместе с ним³⁴.

* * *

В сотворении скандинавского мироздания участвовали трое богов — Один и его братья Вили и Ве, которые в дальнейшем не упоминаются. Они создали мир из расчлененного тела инеистого великана Имира, дали жизнь цвергам (и, возможно, альвам), подняли в небо светила и установили ход времени. Как говорится в «Младшей Эдде», «они дали место всякой искорке: одни укрепили на небе, другие же пустили летать в поднебесье, но и этим назначили свое место и уготовили путь. И говорят в старинных преданиях, что с той поры и ведется счет дням и годам».

Следующим деянием богов было оживление первых людей. На сей раз Одину помогали Локи (Лодур) и Хенир, вместе с которыми Отец богов странствовал по свету (впрочем, в «Младшей Эдде» утверждается, что и это деяние Один совершил вместе с Вили и Ве). В «Старшей Эдде» оживление людей описано так:

Как-то раз вышли
три аса к морю,
благие, могучие

³⁴ Любопытно, что в скандинавских сагах, особенно относящихся к «мифическому времени», прежде всего — в прологе к «Младшей Эдде» и в «Саге об Инглингах» — боги эвгемеристически толкуются как первопродки и культурные герои, выходцы из Азии (отсюда их прозвище — асы), первые правители шведов и норвежцев. В «Саге об Инглингах» говорится: «Рассказывают как правду, что когда Один и с ним дии [асы-спутники Одина, от лат. *Dii* — боги. — *Red* .] пришли в Северные Страны, то они стали обучать людей тем искусствам, которыми люди с тех пор владеют. Один был самым прославленным из всех, и от него люди научились всем искусствам, ибо он владел всеми, хотя и не всем учил, он владел искусством менять свое обличие как хотел. Он также владел искусством говорить так красиво и гладко, что всем, кто его слушал, его слова казались правдой. В его речи все было так же складно, как в том, что теперь называется поэзией. Он и его жрецы зовутся мастерами песней, потому что от них пошло это искусство в Северных Странах. Один мог сделать так, что в бою его недруги становились слепыми или глухими или наполнялись ужасом, а их оружие ранило не больше, чем хворостинки, и его воины бросались в бой без кольчуги, ярились, как бешеные собаки или волки, кусали свои щиты, и были сильными, как медведи или быки. Они убивали людей, и ни огонь, ни железо не причиняли им вреда. Такие воины назывались берсерками»

шагали по свету,
нашли на отмели
двух неживущих,
Аска и Эмблу,
Судьбы не обретших, —

Души не имели,
ума не имели,
ни крови движенья,
ни цвета живого:
душу дал Один,
разум дал Хенир,
кровь же
дал Лодур
и цвет живого...³⁵

В этом мифе присутствует один из наиболее распространенных мифологических мотивов — «доделывание» незавершенных существ, в данном случае — древесных прообразов. В известной степени можно сказать, что уже здесь, фактически на заре творения, Один приобретает, в дополнение к божественным, функции культурного героя. Что касается «древесности» первых людей, можно предположить неявную связь между ними и мировым деревом ясенем Иггдрасиль; по крайней мере, Аска вполне возможно толковать как побег или ветку мирового дерева. Любопытно, что душу (которая, собственно, и делает человека человеком) дает первым людям Один, также связанный с мировым деревом.

Один, Тор и Фрейр. Гобелен (XII в.). *Один держит в руках топор и копье, в руках у Тора молот Мьелльнир, Фрейр держит колос. Стилизованное дерево слева от Одина — ясень Иггдрасиль.*

Вообще, Один — центральный персонаж скандинавской мифологии, ее «движущая сила», ее «стержень»: никакое мифологическое событие не обходится без его явного или опосредованного участия. Он — Отец богов и одновременно Всеотец, беспрестанно вмешивающийся в дела божеств и людей; порой создается впечатление, что он предпринимает те или иные действия лишь ради того, чтобы не заскучать самому и не дать заскучать другим. Так, именно по наущению Одина Локи крадет у Фрейи чудесное ожерелье Брисингамен, за которое потом Локи пришлось сражаться с Хеймдаллем у камня Сингастейн, причем оба бога приняли обличья тюленей. Именно Один начал войну между асами и ванами, бросив в ванов свое магическое копье Гунгнир, обладавшее свойством возвращаться к владельцу после броска, как бумеранг, и не знавшее промаха. Именно Один затевает распрю конунгов Хедина и Хегни, в результате которой гибнет дружина Хьяднингов (вариант эйнхериев); валькирия Хильд, из-за которой и вспыхнула распря, своим колдовством пробуждает мертвецов, и на следующую ночь они вновь вступают в бой, которому суждено длиться вечно. Наконец, именно Один ведет Сигурда — героя скандинавского героического эпоса — к его трагической судьбе.

Один многолик и носит множество имен. Чаще всего его описывают как высокого старика в широкополой шляпе, закрывающей лицо, и в просторном синем плаще; впрочем, он с такой легкостью меняет облик, что его, как свидетельствует эддическая «Песнь о

³⁵ «Прорицание вельвы». Аск — «ясень», Эмбла — «ива». — *Примеч. ред.*

Харбарде», не способен узнать даже его собственный сын Тор. Как правило, Одина опознают по той самой широкополой шляпе — или по чудесному восьминогому коню Слейпниру, или же по сопровождающим верховного бога воронам и волкам. Имена воронов — Хугин и Мунин, то есть «Думающий» и «Помнящий», а имена волков — Гери и Фреки, то бишь «Жадный» и «Прожорливый». Что же до имен самого Одина, их перечень содержится в «Речах Гримнира»:

Вот лик свой
явил я чадам божьим,
да явится помочь победных,
дабы все асы вместе
воссели на скамьи
Эгира в застолье Эгира!

Я — Грим-личина и
Ганглери-странник,
Вождь — мне имя,
тож Шлемоносец,
Друг и Сутуга,
Третей и Захват,
Высокий и Слепо-Хель,

Истый, Изменный,
Истогадатель,
Радость Рати и Рознь,
тож Одноглазый,
тож Огнеглазый,
Злыдень и Разный,
Личина и Лик,
Морок и Блазнь,

Секиробородый,
Даятель Побед,
Широкополый,
Смутьян,
Всебог и Навь-бог,
Всадник и Тяж-бог, —
вовек не ходил я
среди человеков,
своих не меняя имен.

Ныне у Гейреда я —
Гримнир-личина;
я же у Эсмунда был Мерин,
впрягшийся в сани, Кормилец;
я на тинге — Цветущий,
я же в битве — Губитель;
Ярый, Равный,
Вышний, Брадатый,
Посох и Щит для богов.

Звал меня Секкмимир

Узд и Обузд,
я же стар-йотуна перехитрил
и победил я
один на один
славного Мидвиднир-сына...

Один я ныне,
доныне — Игг страшный,
Сутуга — допрежде того,
Сторожкий и Конунг,
Сплетель и Тайный,
Гаут и Мерин в богах,
Снотворец и Витень —
и все они, знаю, ныне во мне едины!

Один и его вороны — Хугин (*слева*) и Мунин. Иллюстрация к «Младшей Эдде» (1760 г.).

Одно из этих имен, конкретно — Одноглазый, связано с мифом об обретении Одином «предвечной» мудрости инеистых великанов. Миф гласит, что Один отдал свой глаз великану Мимиру за право испить из охраняемого великаном источника мудрости (правда, стих из «Прорицания вельвы» -

«пьет мудрый Мимир
мед ежеутренне
с Одинова заклада» —

можно толковать и так, что это Мимир приобщается к мудрости, исходящей от глаза Одина). По другой версии мифа, ради великанской мудрости Один принес самого себя в жертву и провисел девять дней, пронзенный собственным копьем, на ясене Иггдрасиль. В итоге этой шаманической инициации (не будем забывать, что Один — бог-колдун, носитель магии *гальдр*) он получил право испить священного меда из рук своего деда, хримтурса Бельторна, после чего Бельторн передал внуку магические руны:

Знаю, висел я
в ветвях на ветру
девять долгих ночей,
пронзенный копьем,
посвященный Одину,
в жертву себе же,
на дереве том,
чьи корни сокрыты
в недрах неведомых.

Никто не питал,
никто не поил меня,
взирал я на землю,
поднял я руны,
стена их поднял —
и с древа рухнул.

Девять песен узнал я
от сына Бельторна,
Бестлы отца,
меду отведал
великолепного,
что в Одрерир налит.

Руны найдешь и
постигнешь знаки,
сильнейшие знаки,
крепчайшие знаки,
Хрофт их окрасил,
а создали боги и
Один их вырезал.

Умеешь ли резать?
Умеешь разгадывать?
Умеешь окрасить?
Умеешь ли спрашивать?
Умеешь молиться
и жертвы готовить?
Умеешь раздать?
Умеешь заклать³⁶?

Мед поэзии — еще одно деяние культурного героя — Один добыл, соблазнив дочь хранителя меда, великана Суттунга. Наиболее подробно миф о меде поэзии изложен в «Младшей Эдде».

По мифу, после войны асов с ванами боги в знак вечного мира смешали в чаше свою слюну и создали из нее Квасира — «наполовину вана». Этого Квасира впоследствии убили карлики Фьялар и Галар, которые из его крови, смешанной с пчелиным медом, приготовили мед поэзии и разлили его в три сосуда — Одрерир («приводящий дух в движение»), Сон («кровь») и Бодн.

Б. Фогельберг. Один (ок. 1890 г.).

Когда же кровожадные карлики убили и великана Гиллинга, им пришлось заплатить виру (выкуп за убийство) сыну убитого Суттунгу и отдать тому мед поэзии. Суттунг укрыл сосуды с медом в скале, а сторожить их поставил свою дочь Гуннлед. Один обманом поступил в услужение к Бауги, брату Суттунга, и выговорил себе наградой за службу глоток меда. Впрочем, Суттунг не принял договора Одина с Бауги, и тогда бог буравом Рати пробурил скалу, в обличье змеи проник в отверстие и провел три ночи с Гуннлед, а затем, с разрешения дочери великана, тремя глотками осушил три сосуда с медом. Выбравшись из скалы, он превратился в орла и улетел в Асгард, где и выплюнул весь мед в чашу. Как заключает «Младшая Эдда», Один отдал мед асам и «тем людям, которые умеют слагать

³⁶ «Речи Высокого». Перевод А.И. Корсуна. Одрерир — один из трех сосудов, в которых мед поэзии хранился у великана Суттунга. — *Примеч. ред.*

стихи»³⁷.

Исследователи видят параллель между мифами о получении рун и о добывании меда поэзии. В обоих случаях результатом является обретение мудрости. Гора, в которой Суттунг скрывал сосуды с медом, может толковаться как вариант мирового древа, тем паче что Один, добывая мед, принимает образы тех животных (орла и змеи), которые связаны с мировым деревом.

Квасир.

Иллюстрация к «Младшей Эдде» (1760 г.).

Мед поэзии, этот «экстатический источник мудрости и обновления жизненных и магических сил» (Е.М. Мелетинский), обладает несомненным сходством с *нектаром*, который пьют греческие боги, с *амритой* — священным напитком индийских богов, и *хаомой* — священным напитком богов иранских. Кроме того, этот священный мед является источником жизни в скандинавском мифологическом мироздании: недаром в песнях «Старшей Эдды» подчеркивается, что ствол и листья Иггдрасиля покрыты медвяной росой, что мед пьют бог Хеймдалль и великан Мимир, что медвяным молоком козы Хейдрун поят эйнхериев в Вальхалле.

Когда Одину что-нибудь нужно, он (и в этом они весьма схожи с Локи) готов добиваться цели любыми средствами. Миф о добывании меда поэзии — характерный тому пример. Одина никак нельзя назвать справедливым богом или богом добродетели; он коварен и даже злонамерен. Среди исследователей встречается гипотеза, что Один «приложил руку» к убийству любимого всеми асами своего сына Бальдра; высказывались мнения, что слепой бог Хед, поразивший Бальдра, — ипостась самого Одина, указывали и на тесную связь между Одним и Локи, ^{подговорившим Хеда вы}стрелить в Бальдра.

Тор с молотом Мьелльнир. Бронзовая статуэтка (X в.).

И тем не менее, несмотря на свое двуличие и эгоизм, Один — верховный бог скандинавского пантеона, божество войны и военной дружины, бог, решающий судьбы воинов, дарующий победы и поражения, покровитель героев и родоначальник нескольких знатных родов (датский королевский род Скъельдунгов, род Вельсунгов, из которого происходил Сигурд), учредитель воинских инициаций, бог неба, олицетворение духовной власти и мудрости по трехчленной структуре индоевропейских мифологий, выделенной Ж. Дюмезилем.

Совсем другой характер у прямодушного и доблестного Тора. Тор — бог грома и молнии, обладатель чудесного молота Мьелльнир, которым он побеждает чудовищ, норовящих уязвить богов и людей. Этот молот, как и другие сокровища богов, выкован цвергами; само название молота — Мьелльнир — этимологически тождественно русскому «молния». Священные животные Тора — козлы, двое козлов влекут его упряжку, их имена — Тангниостр и Тангриснир; в том, что бог грозы владеет козлами, исследователи видят причастность бога-громовника к плодородию (козел — олицетворение любострастия и земного плодородия).

В мифах Тор выступает как защитник Асгарда и Мидгарда, он не «меняет сторон», как

³⁷ «Эдда» также упоминает, что часть меда, торопясь избавиться от похищенного, пока его не настиг Суттунг, Один изверг через задний проход. «Этот мед не был собран, его брал всякий, кто хотел, и мы называем его "долей рифмоплетов"».

Один или Локи, для него невозможны союзы с йотунами (хотя, впрочем, одного из своих сыновей, а именно Магнии, он зачал с великаншей Ярнсаксой). Как бог-защитник, Тор в известной степени примеряет на себя функции культурного героя, наподобие греческого Геракла: он сражается с хтоническими чудовищами, олицетворяющими хаос, и тем самым способствует *упорядочению* мироздания.

Главный сюжет мифов, связанных с Тором, — походы бога на восток, в страну великанов. Так, когда йотуны похитили молот Мьелльнир (как замечает Е.М. Мелетинский, «в основе [мифа. — *Ред.*] — мотив похищения громового инструмента демонами»), Тор отправился выручать свое оружие. От Локи, который в пернатом наряде богини Фрейи облетел мир, стало известно, что молот находится в Йотунхейме, у великана Трюма, который так похвалялся своим деянием:

Я Хлорриди молот
украл и укрыл —
на восемь поприщ
в землю вкопал, —
никто не достанет
оттуда его,
покуда не станет
мне Фрейя женой³⁸.

Фридрих фон Штассен. Фрейя (1914 г.).

По совету Хеймдалля (Фрейя решительно отказалась выходить за великана) Тор отправился в Йотунхейм в наряде невесты, а сопровождать его вызвался хитроумный Локи:

Надели на Тора
покров невестий,
на шею повесили
Брисингов гривну,
сбоку брэнчала
связка отмычек,

под бабьим подолом
упрятались ноги,
на грудь нацепили
камней драгоценных,
а на макушку —
приличный убор.

Локи промолвил,
сын Лаувейи:
«А я при невесте
буду подружкой,
поедем-ка вместе
мы в Йотунхейм»³⁹.

³⁸ «Песнь о Трюме». Хлорриди — одно из имен Тора. — *Примеч. ред.*

³⁹ «Песнь о Трюме». Брисингов гривна — ожерелье Брисингамен, атрибут Фрейи. — *Примеч. ред.*

По прибытии «невесты» в Йотунхейм великан Трюм устроил свадебный пир, на котором его сильно смутил аппетит «невесты»:

К вечеру дело,
йотуны сели,
пиво пили,
гостей угощали:
быка и восемь
пожрал лососей,
и все гостинцы,
что были для женщин,
и меду три бочки
выпил муж Сив.

Трюм промолвил,
йотун-владыка:
«Можно ль невесте
так много ести?
Кто из невест
столько наест и меду напьет
за один присест!»

А при невесте —
подружка премудрая,
тут же сказала
йотуну слово:
«Фрейя не ела
восемь ночей —
вот как хотела
попасть в Йотунхейм!»

После пира Трюм потребовал от слуг принести молот Мьелльнир — для освящения брачного союза. Едва молот принесли, Тор сбросил «бабий наряд» и принялся избивать великанов:

У Хлорриди сердце
в груди взыграло,
когда крепкохрабрый
схватился за молот:
Трюм пал первым.

йотун-владыка,
за ним же сгинул
весь йотунский род.

Убил и старуху,
сестрицу йотуна,
что у невестки
подарка просила:

удар получила
заместо дара,
могучим молотом
заместо золота.

Так Одинов сын
молот вернул.

Другой поход Тора в Йотунхейм был предпринят для мести за Локи, пойманного в обличье сокола великаном Гейрредом. Согласно «Младшей Эдде», Гейрред три месяца держал Локи в сундуке и морил его голодом, и бог сумел освободиться, лишь открыв, кто он такой, и пообещав привести к Гейрреду Тора «без молота и без Пояса Силы». Тор оставил в Асгарде все свое оружие, но по пути на восток встретил великаншу Грид, мать бога Видара, которая «поведала ему всю правду о Гейрреде, что, мол, великан очень хитроумен и трудно с ним справиться» и дала богу собственный Пояс Силы, железные рукавицы и свой посох. В Йотунхейме, в палатах Гейрреда, Тора позвали «позабавиться играми». Гейрред швырнул в бога раскаленный брусок железа, однако Тор перехватил этот брусок железными рукавицами и кинул обратно в великана; железо пробило столб, за которым прятался Гейрред, и поразило великана насмерть.

М.Э. Винге. Тор и великаны (ок. 1900 г.).

Еще с одним великаном, Хрунгниром, Тор схватился в стенах Асгарда, где Хрунгнир очутился, увлекшись погоней за Одином: конь Хрунгнира Золотая Грива пытался догнать божественного коня Слейпнира. Радужно принятый асами, великан захмелел от поднесенного пива и стал похваляться своими намерениями «поднять всю Вальхаллу и унести в Йотунхейм, потопить Асгард и поубивать всех богов, кроме Фрейи и Сив, а их — взять к себе». Разгневанный Тор хотел было покарать Хрунгнира на месте, но тот отговорился тем, что безоружен, и вызвал бога на поединок у Каменных Дворов в Йотунхейме. Тор явился в назначенное место со своим слугой Тьяльви, а на подмогу Хрунгниру, «сильнейшему среди них», прочие йотуны слепили глиняного человека Меккуркальви «девяти поприщ ростом и трех поприщ в обхвате». Тор метнул в великана свой молот, а Хрунгнир бросил навстречу точило; в воздухе точило и молот столкнулись, точило расколосось пополам, один его кусок «упал на землю, из него-то и образовались все кремневые скалы», а второй вонзился Тору в голову. Молот же Мьелльнир раскроил Хрунгниру череп, и великан рухнул наземь, причем одна его нога придавила Тора.

Снять эту ногу пытался и Тьяльви, и «все асы», но получилось это лишь у сына Тора Магнии, которому в ту пору было всего «три ночи отроду». Тьяльви же одолел Меккуркальви. Осколок точила так и остался в голове Тора, поэтому, как замечает «Младшая Эдда», «следует остерегаться бросать точило поперек пола: тогда точило шевелится в голове у Тора».

Тьяльви вместе со своей сестрой Ресквой сопровождал Тора и в том походе, когда богу выпало соперничать с правителем Йотунхейма великаном Утгарда-Локи; с ними был и Локи. По дороге все они заночевали в некоем доме, который, как выяснилось поутру, оказался на деле рукавицей Скрюмира — то бишь Утгарда-Локи. В Йотунхейме Утгарда-Локи предложил Тору посостязаться «в каком-нибудь искусстве или хитрости». Локи и великан Логи («пламя») соревновались, кто скорее съест корыто, наполненное мясом, и победа осталась за Логи. Тьяльви состязался в резвости с великаном Хуги («мысль») — и тоже уступил. А самому Тору пришлось выпить из «штрафного рога», причем Утгарда-Локи прибавил: «Считается, что тот горазд пить из этого рога, кто осушит его с одного глотка.

Другим на то надобно два глотка, и не найдется такого, у кого не достало бы силы опорожнить его с третьего разу». Тору показалось, что рог невелик, и он сделал большой глоток; «когда же перехватило у него дыхание и он отвалился от рога и смотрит, как идет дело, видит он, что воды против прежнего почти не убавилось». Потом Тору предложили поднять серую кошку: «Но чем выше он поднимал кошку, тем больше выгибалась она в дугу. И когда он поднял ее так высоко, как только мог, она оторвала от земли одну лапу. И больше у Тора так ничего и не вышло». Последним испытанием стала борьба со старухой-великаншей Элли («старость»); в «Младшей Эдде» говорится: «Чем больше силился Тор повалить старуху, тем крепче она стояла. Тут стала наступать старуха, и Тор еле удержался на ногах. Жестокою была схватка, да недолгою: упал Тор на одно колено».

Молот Мьелльнир. Серебряный кулон (X в.).

При прощании Утгарда-Локи открыл раздосадованному богу правду: Логи, победивший Локи, на самом деле был огнем и сжег не только мясо, но и само корыто; Хуги, состязавшийся с Тьяльви, был мыслью Утгарда-Локи, «и нельзя было ждать от Тьяльви, чтобы он поспорил с ней в скорости»; Тор пил из рога, другой конец которого окунули в море, потому-то воды в нем не убавлялось; серая кошка, которую силился поднять Тор, в действительности была мировым змеем Йормунгандом, причем у змея «едва достало длины удержать на земле хвост и голову»; наконец, старуха, с которой боролся бог, — не кто иная, как старость, и удивительно, что Тор упал только на одно колено: «Ведь не бывало еще человека, которого не свалила бы старость, если он вообще доживет до преклонных лет». По словам великана, знай он «наперед», сколь велика сила Тора, он ни за что не подпустил бы бога близко к своим владениям.

С мировым змеем Тор, согласно мифам, сражается трижды: в доме Утгарда-Локи, во время рыбалки с великаном Хюмиром и в Рагнарек — битве перед концом света. О последнем поединке речь пойдет в следующей главе, что же касается «рыбалки Хюмира», она стала излюбленной темой *щитовых драп* — скальдических стихов, в которых описывались картины, воспроизведенные на щитах, подаренных конунгами скальдам.

В «Песни о Хюмире» говорится, что Тор и Тюр отправились в Йотунхейм, к великану Хюмиру (между прочим, отцу Тюра), за котлом для варки пива. Хюмир предложил Тору вместе порыбачить; бог согласился — и сделал наживку для рыбалки из головы черного быка, принадлежавшего великану. На рыбалке Хюмир вытащил из моря двух китов, а Тор, как повествует «Песнь о Хюмире»,

сидел на корме
и донку снастил:

голову бычью
друг человек,
недруг червей
насадил на крючок;
и тут же клюнул,
сглотнул наживку
гад кругосветный,
богов супостат.

Выводил, вытащил
Тор-змееборец ядом
блестящего на борт червя;

молотом плющил
голову змею,
бил волчьему брату
в бугрище волос.

Кольчатый взвыл,
аж лед раскололся,
древняя вся
земля всколебалась,
на дно морское
канула рыба.

Хюмир и Тор ловят мирового змея. Иллюстрация к «Младшей Эдде»
(1760 г.).

В поединках Тора с Йормунгандом отчетливо выступает реконструированный индоевропейский мифологический сюжет о борьбе бога-громовника со змеевидным противником. В.В. Иванов и В.Н. Топоров видят в этой борьбе основной сюжет индоевропейской мифологии: «Громовержец обычно находится наверху — на небе, на горе, на скале, на вершине дерева, в дубовой горной роще [Тор, как убедительно доказывают археологические данные, был связан с культом дуба. — *Ред.*]... Противник громовержца находится внизу — под горой, под деревом, у воды. Этот противник предстает в виде существа змеиной породы. Громовержец преследует его, убивает, рассекая на части и разбрасывая их в разные стороны, после чего освобождает скот и воды. Начинается плодonoсящий дождь с громом и молнией».

В скандинавской мифологической традиции поединок громовержца со змеем, впрочем, трансформировался в богатырское деяние, достойное культурного героя, — в схватку с хтоническим чудовищем, которое покушается на упорядоченность мироздания. Вполне возможно, змееборство Тора — своего рода мифологический прообраз поединков с драконами, известных из германо-скандинавского героического эпоса: в таких поединках участвовали герой одноименной англосаксонской поэмы Беовульф, а также скандинавские Сигмунд и его сын Сигурд (германские Зигмунд и Зигфрид).

* * *

Еще одним скандинавским богом с функциями культурного героя является «страж Бивреста» Хеймдалль. Согласно «Песни о Риге», не входящей в основной корпус эдических песней, Хеймдалль установил среди людей первые правила социальной организации; возможно, именно поэтому в зачине «Прорицания вельвы» люди названы «чадами Хепмдалля».

Назвавшись Ригом, Хеймдалль странствовал среди людей и пришел на некий двор, где обитали «прадед с прабабкой» (Аи и Эдда):

Риг им советы
умел преподать.

Пробыл он там
три ночи подряд;
и снова пошел
серединой дороги;

девять прошло
после этого месяцев.

Родила она сына,
водой окропили,
он темен лицом был
и назван был Трэлем...⁴⁰

От Трэля, который был «морщинист, сутул и лицом безобразен», и его жены Тир («рабыня»), «девы с кривыми ногами», ведет свое начало род рабов — низшей «касты» скандинавской социальной структуры.

Затем Риг пришел на двор, где обитали «бабка и дед» (Афи и Амма).

Риг им советы
умел преподавать...

Пробыл он там
три ночи подряд
и снова пошел
серединой дороги;
девять прошло
после этого месяцев.

Ребенка тогда
родила эта бабка,
водой окроплен был
и назван был Карлом⁴¹.

От Карла, который был рыж, румян и с «глазами живыми», и его жены Снер («сноха»), в одежде из козьей шерсти и с ключами у пояса, пошли бонды — свободное крестьянство, основа скандинавского социума.

Наконец Риг пришел на двор, где обитали «отец и мать» (Фадир и Модир).

Риг им советы
умел преподавать...

Пробыл он там
три ночи подряд
и снова пошел
серединой дороги;
девять прошло
после этого месяцев.

Сына Мать родила,
спеленала шелками,
водой окропила,
он назван был Ярлом⁴².

⁴⁰ *Trall* — раб. Здесь и далее цитаты из «Песни о Риге» в переводе А.И. Корсуна. — *Примеч. ред.*

⁴¹ *Karl* — свободный крестьянин, бонд. — *Примеч. ред.*

Риг признал Ярла своим сыном, и от Ярла, светловолосого, румяного и «со взором страшным», ведут свой род скандинавские вожди:

Ярл в палатах
начал расти;
щитом потрясал,
сплетал тетивы,
луки он гнул,
стрелы точил,
дротик и копья
в воздух метал,
скакал на коне,
натравливал псов,
махал он мечом,
плавал искусно.

Тут из лесов
Риг появился,
Риг появился,
стал рунам учить;
сыном назвал его,
дал свое имя,
дал во владенье
наследные земли,
наследные земли,
селения древние.

Упоминание о рунах, которым Риг учил своего сына, позволило некоторым исследователям (Р. Мейснер и др.) предположить, что Риг тождествен не Хеймдаллю, как утверждается в прозаическом зачине «Песни о Риге», а скорее Одину; Хеймдалль же — позднейшее «наслоение», связанное с тем, что в характеристиках Хеймдалля и Одина много параллелей (оба связаны с мировым деревом, оба сделали заклад у корней Иггдрасиля — Один отдал глаз, Хеймдалль же — слух или рог, и т. д.).

Сходство между Хеймдаллем-Ригом и Одним можно усмотреть и в следующих строфах «Песни о Риге»:

Потом через лес
он оттуда поехал
по снежным нагорьям
к высоким палатам;
копье стал метать,
щитом потрясать,
скакать на коне,
вздымая свой меч;
затевал он сраженья,
поля обагрят,
врагов убивал,
завоевывал земли.

Восемнадцать дворов —
вот чем владел он,
щедро раздаривал
людям сокровища,
поджарых коней,
дорогие уборы,
разбрасывал кольца,
запястья рубил.

Впрочем, это тождество — не более чем гипотеза, ведь, как подчеркивал Е.М. Мелетинский, «образ Хеймдалля крайне труден для понимания из-за отрывочности информации и отсутствия связного мифа о нем».

* * *

Последний из богов, чьи деяния укладываются в рамки действий культурного героя и чьи поступки и действия составляют основной сюжет скандинавской мифологии, — это Локи.

В «Младшей Эдде» о нем говорится, что «асы не раз попадали из-за него в беду, но он же выручал их своей изворотливостью». С одной стороны, Локи — участник миротворения, вместе с Одином и Хениром он оживил первых людей, дал им кровь и «цвет живого». С другой стороны, Локи — противник богов, и в Рагнарек — битве перед концом света — ему суждено возглавить демонические силы, которые погубят мир.

Локи — своеобразный двойник Одина, этакая «пародия на верховного аса» (О.А. Смирницкая). Подобно Одину, он — добытчик или похититель, однако, в отличие от действий Одина, преследующего в целом интересы богов и благоволящего людям, Локи попеременно помогает то богам, то великанам (по выражению Е.М. Мелетинского, «он как бы способствует циркуляции ценностей между различными мирами»).

Так, в мифе о строительстве Асгарда Локи выступает на стороне богов. По договору, заключенному асами с неким великаном, взявшимся построить Асгард, боги должны были в уплату за это дело отдать великану солнце, звезды и месяц, а также богиню Фрейю. Великан привлек к строительству Асгарда своего коня Свадильфари — по совету Локи, вероятно, предвидевшего исход уговора. Когда срок расплаты приблизился и работа была почти закончена, боги стали совещаться, как им быть: «Сели тогда боги на свои престолы и держали совет и спрашивали друг друга, кто посоветовал выдать Фрейю замуж в страну великанов и обезобразить небо, сняв с него солнце и звезды и отдав их великанам. И все сошлись на том, что такой совет дал не иначе как Локи, сын Лаувейи, виновник всяческих бед. И сказали, что поделом ему будет лютая смерть, если он не найдет способа, как помешать мастеру выполнить условие сделки, и они надели на Локи. А он струсил и поклялся подстроить так, что каменщик ни за что не выполнит условия». Локи превратился в кобылу и стал соблазнять жеребца Свадильфари, а великан, хозяин жеребца, бегал за своим помощником и тщетно старался его изловить. Разгневанный великан стал оскорблять богов — и Тор проломил ему голову своим молотом Мьелльнир. А от союза Свадильфари и кобылы-Локи родился чудесный восьминогий конь Слейпнир, о котором в «Старшей Эдде» говорится:

Слейпнир — [лучший. — Ред.] из коней⁴³.

⁴³ «Речи Гримнира». — Примеч. ред.

В другом мифе Локи уже действует как пособник йотунов (правда, из страха перед богами он все-таки помогает и последним). Как-то, когда Локи с Одином и Хениром странствовал по миру, боги остановились на ночлег и принялись жарить быка. С неба спустился орел — обернувшийся птицей великан Тьяцци — и стал хватать куски мяса. Локи хотел было отогнать орла и ударил того палкой, но палка пристала к орлиному оперению и орел-Тьяцци унес бога к себе в жилище. Он согласился отпустить Локи при одном условии: что тот приведет к нему богиню Идунн, хранительницу молодильных яблок. В условленный час Локи заманил Идунн в лес; «тут прилетает великий Тьяцци в обличье орла и, схватив Идунн, уносится с нею в Страну Великанов к своему жилищу».

С похищением Идунн и пропажей молодильных яблок асы мгновенно утратили вечную молодость и начали «седеть и стареть». На совете богов выяснилось, что в последний раз Идунн видели с Локи. Припертый к стене, тот сознался в обмане и поклялся вернуть Идунн. Взяв соколиное оперенье Фрейи, он полетел в Йотунхейм, застал Идунн одну в доме великана, превратил богиню в орех, взял в когти и устремился обратно в Асгард. Тем временем Тьяцци хватился Идунн, надел оперенье орла и бросился вдогонку за Локи. Асы вышли ему навстречу за стены Асгарда и вынесли ворох стружек. Едва Локи влетел в Асгард, как асы подожгли стружки. Огонь опалил перья орла, и он рухнул наземь, а асы тут же накинулись на него и убили Тьяцци.

Г. Тикер. Похищение Идунн (ок. 1920 г.).

«Младшая Эдда» называет это убийство «славнейшим деянием асов».

Дж. Пенроуз. Молодильные яблоки Идунн (ок. 1890 г.).

Кстати сказать, история имела свое продолжение: дочь великана Скади решила отомстить за отца и пришла в Асгард, однако согласилась на мировую, когда ей пообещали в мужья кого-нибудь из асов. Мужа она должна была выбрать себе сама — но по ногам, не видя ничего другого. Скади увидела ноги «замечательной красоты» и указала на них, полагая, что это ноги Бальдра; но ее избранным оказался не Бальдр, а Ньерд.

Другим условием мировой было желание Скади, чтобы боги ее рассмешили. И тут асов вновь выручил Локи. Он «обвязал веревкой козу за бороду, а другим концом — себя за мошонку. То один тянул, то другой, и оба громко кричали. Наконец Локи повалился Скади на колени, тут она и рассмеялась».

Один в знак примирения взял глаза Тьяцци и забросил их на небо, где они превратились в две звезды.

И в этих, и в других мифах Локи выступает в роли *трикстера* — отрицательного культурного героя, наделенного демоническими и комическими чертами, плута-озорника, искусственного в проделках и кознях, нарушающего табу и профанирующего святыни. По К. Леви-Стросу, трикстер — персонаж-посредник, «медиатор» между возвышенным и низким, богами и йотунами, жизнью и смертью, космогоническим и эсхатологическим; он «ас среди асов и демон среди демонов» (О.А. Смирницкая). Как писал Е.М. Мелетинский, «трюки, с помощью которых Локи достигает цели, и его шутовские проделки специфичны для трикстера».

Наиболее ярко комическая и «двойниковая» составляющие образа Локи проявляются в эддической песни «Перебранка Локи», в которой Локи «выводит на чистую воду» всех собравшихся на пир богов — и обменивается с Одином взаимными обвинениями, одинаковыми по своей сути.

Бога скальдического искусства Браги «волчий отец» (эпитет Локи, связанный с тем, что чудовищный волк Фенрир — его сын) попрекает трусостью, Идунн и Гевьон обвиняет в распутстве, Фригг — в прелюбодеянии с братьями мужа, Фрейю — в порочности и кровосмесительной связи с Фрейром, Тюра — в малодушии, Хеймдалля — в чрезмерном усердии, Тора — в страхе перед великанами. Одину же он бросает такое обвинение:

Молчи-ка ты, Один!
с начала времен людей
ты судил неправо:
в распре не раз,
кто праздновал труса,
тому ты дарил победу.

Далее следует взаимный упрек в колдовстве, «недостойном» богов:

Один сказал:
«Пусть в распрах не раз,
кто праздновал труса,
тому я дарил победу,
зато восемь зим ты
в подземье сидел,
был дойной коровой,
был женкой рожалой,
ты — бабоподобный муж!»

Локи сказал:
«А сам ты, я слышал,
на острове Самсей,
как ведьма,
бил в барабаны, жил,
ворожея, у людей в услуженье, —
сам ты бабоподобный муж».

Кроме того, в этой песни содержатся многочисленные намеки на Рагнарек — битву перед концом света — и печальную участь богов, которую предвидит Локи. Так, он говорит Фрейру, намекая на миф, изложенный в песни «Поездка Скирнира»:

Дал ты в уплату
за Гюмира дочь
злато и меч в придачу:
коль Муспелля чада
промчатся сквозь Мюрквид,
чем ты, несчастный, помашешь?

Тору, грозящему ему своим молотом, Локи советует быть посдержаннее:

Ты же, сын Йорд,
к меду пришел, —
почто же, Тор, вздоришь?
Не столь будешь стоек
в стычке с тем волком,

Вдобавок в этой песни Локи фактически признается в своей причастности к смерти Бальдра:

Фригг сказала:
«В застолье пристало ль
столь много о старом
вам толковать сегодня?
Зачем понапрасну
двум асам спорить?
Прежние распри забудем!»

Локи сказал:
«Молчи-ка ты, Фригг!
ибо, Фьегюна дочь,
как раз ты
блудить горазда:
Вили и Ве,
хоть Видрир — твой муж,
с тобою любились оба».

Фригг сказала:
«Когда бы сидел здесь,
у Эгира в доме,
хоть кто-нибудь,
Бальдру подобный,
ты с пиршества асов
сейчас не ушел бы
иначе, как больно побитый».

Локи сказал:
«Знать, мало досталось! —
желает ли Фригг
хулу до конца послушать?
Я — вот причина,
что сына вовек,
Бальдра, с тобою не будет!»⁴⁵

К. Хлисен. Перебранка Локи (ок. 1861 г.).

Это признание переполнило чашу терпения богов, и они решили отомстить Локи. Как гласит миф, Локи ускользнул из дома Эгира, превратился в лосося и спрятался в водопаде, однако асы его поймали и связали кишками собственного сына Нарви. Скади, дочь великана Тьяцци, которую Локи также оскорбил на пиру, подвесила над его лицом ядовитую змею.

⁴⁴ Родитель Ратей — Один. — *Примеч. ред.*

⁴⁵ Видрир — эпитет Одина. — *Примеч. ред.*

Сигюн, супруга Локи, подставляла под каплющий яд чашу; когда же чаша переполнялась и Сигюн ее опорожняла, яд капал прямо на лицо Локи, и тот корчился так, что содрогалась земля. Связанный и казнимый, Локи осужден пребывать в некоей пещере до того мгновения, пока не придет срок битвы перед концом света и он не вырвется на свободу.

* * *

Скандинавская мифология отличается от прочих мифологий индоевропейского ареала прежде всего тем, что в ней особое значение придается судьбе. Этот «мировой закон» определяет не только поступки людей (как, скажем, в мифологии греческой или кельтской), но и деяния богов. Никто из них, даже сам Один, не властен изменить того, что предначертано судьбой: Бальдру суждено погибнуть — и он погибает, несмотря на все усилия асов; Фенриру суждено вырваться из пут — и он вырывается, как ни удерживают его боги; миру суждено быть разрушенным — и он разрушается, вопреки героизму асов в последней схватке перед концом света.

А.Я. Гуревич называл скандинавское представление о судьбе «активистским», противопоставляя его представлению «фаталистическому», когда герой покоряется возвышающейся над ним силе; жизненные установки героев (и богов) скандинавских преданий противоречат «фатализму, превращающему человека в безвольное орудие безличной судьбы». Скандинавский герой «не отделен от своей судьбы, они едины, судьба выражает внеличную сторону индивида, и его поступки только раскрывают содержание судьбы. Он осознает себя как личность постольку, поскольку ощущает в себе свою индивидуальную судьбу».

Скандинавские боги действуют в «пространстве судьбы», представленном двумя проекциями мифологического мироздания — горизонтальной, противопоставляющей освоенный мир (Асгард и Мидгард) миру неосвоенному (Утгард), и вертикальной, которую удерживает и структурирует мировое древо ясень Иггдрасиль, выступающее и как древо судьбы с норнами у корней; действуют, сознавая, что все их деяния ведут, если воспользоваться современным физическим термином, к нарастанию энтропии и к гибели мира. Но бездействовать нельзя, иначе это — не жизнь.

Глава 4

СКАНДИНАВСКАЯ ЭСХАТОЛОГИЯ: Рагнарек — гибель богов

Эсхатологические мотивы в мифологии. — В круге вечного возвращения. — Миф и история. — Эсхатология и этика. — Миф о Бальдре. — Миф об умирающем и воскресающем боге. — Омела. — Дж. Фрэнгер о Бальдре и омеле. — Предвидение Рагнарек. — Силы противников. — Битва перед концом света. — Рагнарек. — Возрождение мира. — Gotterdammerung Рихарда Вагнера.

Эсхатология — представление о грядущем конце мироздания — сложилась, по всей вероятности, под влиянием формирования концепции исторического времени — противопоставляемого времени мифическому, циклическому, существующему, по образному выражению М. Элиаде, «в круге вечного возвращения». В рамках мифического времени эсхатологические мотивы в мифах если и присутствуют, то, скажем так, в латентной, неявной форме. К таковым мифам можно отнести рассказы о древнейшем потопе или пожаре, о гибели старшего поколения богов (великанов, титанов), обитавших на земле до появления человечества. Классический пример эсхатологического мифа в границах мифического времени дает индийская мифология, которая содержит представление о космических циклах гибели и обновления мира: вселенная гибнет, когда засыпает Брахма, — и возрождается, когда наступает новый день бога-творца. Этот процесс повторяется непрерывно, разве что он весьма длителен (протяженность дня Брахмы — тысяча «больших

веков», или *махаяог*, каждый из которых равен 4 320 000 человеческих лет, а сам Брахма живет сто «лет Брахмы», причем каждый его год насчитывает 311 040 000 000 000 человеческих лет). С появлением исторического времени идея истории как процесса движения от начала к концу — идея, с течением веков выкристаллизовавшаяся в прославляемое одними и проклинаемое другими понятие прогресса, — проникает и в мифологическую цикличность. Мир создается, чтобы быть разрушенным, причем теперь гибель мира затрагивает не только старшее поколение обитателей земли, но буквально всех, в том числе людей. Квинтэссенция «историзации» мифологии — христианская апокалиптика с ее мотивами Судного дня и Страшного суда. Кстати сказать, в христианской мифологии, как и в мифологиях иудаистической и иранской, эсхатологическая тема приобретает «этическую составляющую»: гибель мира неизбежна, поскольку он погряз в грехе, и только очищение огнем способно принести избавление от скверны.

Скандинавская мифология — во всяком случае, на той, достаточно поздней стадии своего развития, которую сохранили для нас песни «Старшей Эдды» и прозаические фрагменты «Младшей Эдды»⁴⁶ — безусловно исторична; в ней присутствует «направленное» время, движущееся от начала к концу. Она уникальна в том отношении, что эсхатологическая тема составляет основное ее содержание; более того, в скандинавской традиции гибель мира неизбежна, поскольку мироздание рукотворно, а потому обречено состариться, одряхлеть и умереть, — и вместе с мирозданием гибнут боги, гибнут раз и навсегда⁴⁷.

Скандинавская мифологическая этика не ведает греха (в христианском значении этого слова). Миру суждено погибнуть отнюдь не потому, что боги нарушают собственные клятвы, прелюбодействуют или ополчаются друг на друга. Нет, мир погибнет лишь потому, что такова его судьба (недаром Рагнарек переводится и как «гибель», и как «судьба богов»).

* * *

Эсхатологический мотив судьбы отчетливо звучит в предваряющем миф об уничтожении мира и уходе великих богов мифе о гибели светлого бога Бальдра. По замечанию Е.М. Мелетинского, «миф о возникновении смерти от копья и первом ритуальном жертвоприношении в рамках воинских инициаций — убийстве юного бога Бальдра — становится прологом к собственно эсхатологическому циклу и обратному превращению космоса в хаос».

Гибель Бальдра, напророченная вельвой, предопределена изначально; более того, она — естественное следствие цепи событий, первым из которых было сотворение мира. Как пишет О.А. Смирницкая, «война асов и ванов, строительство Асгарда, смерть Бальдра — эти и другие события проходят перед нами не как отдельные сцены из жизни богов, а как акты вселенской драмы, конец которой известен. Все оказывается взаимосвязанным в судьбах мира. Добро прорастает злом, неутомимая деятельность богов расшатывает основы устроенного ими мира, приближая в конце концов его гибель. В своем стремлении к власти боги попирают законы, ими же установленные. Сам Один, оказывается участником событий, ход которых ему неподвластен. Боги, как и все сущее, не избегают приговора судеб.»

⁴⁶ Оба текста относятся к XIII в., между тем как христианство распространилось в Скандинавии в X–XI вв.

⁴⁷ Возможно, нежеланием «расставаться» с «привычными» богами отчасти объясняется эвгемеризация скандинавских божеств в «Саге об Инглингах» и в прологе к «Младшей Эдде» Снорри Стурлусона. Может быть, это — в известной степени попытка «продлить жизнь» богов, изобразив их не божествами, а много знавшими и много умевшими людьми, первыми правителями Скандинавии.

Б. Фогельберг. Бальдр (1840 г.).

Зачином к мифу о гибели Бальдра выступает предание о зловещих снах, которые с некоторых пор стали преследовать юного бога. Обеспокоенный этими сновидениями, отец Бальдра Один отправился в Хель и своим колдовством поднял из могилы прорицательницу-вельву, чтобы вызнать у нее, отчего «сны у Бальдра такие зловещие». Вельва отвечала, что в мире мертвых для Бальдра приготовлены богато украшенные палаты, то есть подтвердила, что Бальдру суждено погибнуть. На настойчивые расспросы Одина она также поведала, что убийцей Бальдра станет его брат Хед:

Один сказал:
«Вельва, ответь!
Я спрашивать буду,
чтоб все мне
открылось:
еще хочу знать,
кому доведется
стать Бальдра убийцей,
кто сына Одина
смерти предаст».

Вельва сказала:
«Хед ввергнет
сюда дерево славы;
ему доведется
стать Бальдра убийцей,
он сына Одина
смерти предаст.
Больше ни слова
ты не услышишь»⁴⁸.

По возвращении в Асгард Один передал ответ вельвы богам, и тогда Фригг, мать Бальдра, взяла клятву со всех живых существ и со всех вещей — «с огня и воды, железа и разных металлов, камней, земли, деревьев, болезней, зверей, птиц, яда и змей», как добавляет «Младшая Эдда», — что они не повредят Бальдру. Когда же Бальдр заступничеством матери сделался неуязвимым, боги стали развлекаться тем, что стреляли в Бальдра, бросали в него камнями и рубили мечами, а он оставался цел и невредим.

Переменить положение дел смог, разумеется, Локи, этот «бог конца» (по аналогии с Одином, «богом начала»). Он хитростью выведал у Фригг, что та не взяла клятву не вредить Бальдру с омелы, растущей к западу от Вальхаллы; растение показалось богине слишком молодым, чтобы брать с него клятву. Локи поспешил найти побег, вырвал его и принес на поле, где асы по-прежнему забавлялись, пытаясь поразить Бальдра.

Артур Рэкхем. Хегни и Брюнхильд (ок. 1900 г.).

Воспользовавшись слепотой Хеда, он подсунул тому побег омелы и уговорил метнуть в

⁴⁸ «Сны Бальдра» («Песнь о Ветгате»). Перевод А.И. Корсуна. — *Примеч. ред.*

брата. Хед послушался совета — и Бальдр мгновенно пал бездыханным. Так, по выражению «Младшей Эдды», «свершилось величайшее несчастье для богов и людей».

Исследователи видели в Бальдре и солярного бога, сражающегося с тьмой и поглощенного ею, и королевскую жертву (в духе теории Дж. Фрэзера⁴⁹ о ритуальном убийстве царя-жреца), и миф о появлении в мире смерти в результате первого жертвоприношения (однако смерти Бальдра, как мы помним, предшествовала в этом смысле гибель Имира). Также подчеркивалась тесная связь мифа о смерти Бальдра с ближневосточным мифом об умирающем и воскресающем боге растительности.

К числу таких богов принадлежали шумерский Думузи, он же Таммуз, фригийский Аттис, финикийский Адонис, греческий Дионис-Загрей, «пришедший» в Грецию из Фракии. Несомненные следы культа умирающего и воскресающего бога, с гибелью которого умирает и природа, а по весне, с воскрешением божества, оживает вновь, — несомненные следы этого культа обнаруживаются и в христианской мифологии.

В скандинавском мифе не говорится о «помрачении природы» вслед за смертью Бальдра, однако «великая печаль», охватившая асов, возможно, является вариантом метафорического описания зимы. В строфе из «Прорицания вельвы» можно усмотреть намек на воскрешение природы после возвращения Бальдра из Хель:

...не пахан,
не сеян
хлеб уродится,
Бальдр воротится,
Хед воротится —
в жилище
Высокого жить
будут вместе.

Е.М. Мелетинский подчеркивает, что «нельзя полностью исключить связи мифа о Бальдре с культами плодородия и древневосточными мифами, а тем более христианских влияний. Однако Бальдр несомненно относится к мифологии Одина (шаманической. — *Ред.*). В своей основе миф о Бальдре скорее всего представляет собой миф о первой смерти, осложненный мотивами воинских инициаций.»

Выше уже упоминалось, что самой первой смертью в скандинавском мифологическом мироздании была гибель инеистого великана Имира, из расчлененного тела которого боги

⁴⁹ Сам Фрэзер в «Золотой ветви» высказал гипотезу о связи Бальдра с поклонением священному дубу, то есть мировому дереву. По Фрэзеру, Бальдр был олицетворением священного дуба (недаром в древнем ритуале практиковалось сжигание «человеческого представителя дуба», мифологизированного в образе Бальдра); омела же, которая его поразила, «мыслилась как вместилище жизни дуба, и, пока она оставалась нетронутой, ничто не могло его сразить или поранить... Они (древние. — *Ред.*) усматривали в омеле знамение того, что, покинув ветви священного дерева, она сохраняла жизненную силу... Поэтому, когда надо было умертвить бога или сжечь древесину священного дерева, для начала нужно было сломать омелу... Когда в позднейшие времена в качестве представителя дуба стал выступать живой человек, вполне логично было допустить, что, подобно олицетворяемому им дереву, он не может быть убит или ранен до тех пор, пока невредимой оставалась омела... Если принять такое воззрение, неуязвимый Бальдр был не более и не менее как персонификацией дуба, на котором произрастает омела. В пользу такого истолкования говорит древнее верование... согласно которому омела не могла погибнуть ни в воде, ни в пламени. А так как не было средства уничтожить это растение, то сам собой напрашивался вывод, что, пока омела остается на дереве, она заражает его своей неуязвимостью. В мифической форме эта идея могла получить свое выражение в повествовании о том, как когда-то жизнь благодетельного бога дуба была надежно заключена в не поддающейся уничтожению омеле, произрастающей на его ветвях; как сам этот бог пребывал неуязвимым до тех пор, пока омела оставалась на своем месте; как, в конце концов, коварный враг овладел тайной неуязвимости бога и сорвал омелу с дуба, убив тем самым бога дуба. После этого он сжег тело бога в огне, который не представлял для него никакой опасности, пока огнестойкое паразитарное растение оставалось на его ветвях».

создали мир. Правда, Имир не был богом — ведь он принадлежал к племени хримтурсов. С гибелью Бальдра смерть пришла в пространство богов и людей, вероятно, именно поэтому его гибель и стала «величайшим несчастьем».

Опечаленные гибелью светлого бога, асы приготовили погребальную ладью, на которую возложили тело Бальдра, его коня, золотое кольцо Одина Драупнир — и тело жены Бальдра, Нанны, сердце которой разорвалось от горя. Согласно эддической песни «Речи Вафтруднира», Один шепнул мертвому Бальдру некое тайное слово — возможно, передал сыну пророчество вельвы о том, что когда-нибудь Бальдр вернется в мир живых. Вали, «пасынок Фригг», сын Одина и богини Ринд⁵⁰, убил Хеда, отомстив за смерть своего сводного брата. Тем временем другой сын Одина, Хермод, взял отцовского коня Слейпнира и отправился в Нифльхель, за братом. Хозяйка преисподней Хель согласилась отпустить Бальдра, но при условии, что его оплачет все живое и мертвое на земле. Как сказано в «Младшей Эдде», «асы тут же разослали гонцов по всему свету просить, чтобы все плакали и тем вызволили Бальдра из Хель. Все так и сделали: люди и звери, земля и камни, деревья и все металлы, и ты ведь видел, что все они плачут, попав с мороза в тепло.

Когда гонцы возвращались домой, свое дело как должно исполнив, видят: сидит в одной пещере великанша. Она назвалась Текк. Они просят ее вызволить плачем Бальдра из Хель. Она отвечает:

«Сухими слезами
Текк оплачет
кончину Бальдра.
Ни живой,
ни мертвый о
мне не нужен,
пусть хранит его Хель»⁵¹.

Под обличем этой великанши скрывался все тот же Локи. Так Бальдр остался во владениях Хель, а Локи был наказан богами — связан в пещере, где на лицо ему капал змеиный яд.

Хермод верхом на Слейпнире скачет в Хель. Иллюстрация к «Младшей Эдде» (1760 г.).

Со смертью Бальдра в мире началась трехгодичная «великанская зима» — Фимбульветр, на исходе которой, по «Речам Вафтруднира», чудовищный волк Фенрир проглотит солнце. «Прорицание вельвы» вторит мудрому великану Вафтрудниру:

Там, на востоке,

⁵⁰ У Саксона Грамматика в «Деяниях датчан» присутствует рассказ о сватовстве Одина к Ринд. По Саксону, Ринд — дочь короля рутениев. Одина (Бе у Саксона) предсказано, что именно от Ринд родится мститель за Бальдра, и потому он желает овладеть девой. Он переодевается человеком и приходит ко двору рутениев, называется военачальником, выигрывает решающую битву и требует Ринд себе в награду. Но Ринд он совсем не нравится. Девушка толкает его так, что он сильно ударяется подбородком об пол. Один гневается и обрушивает на Ринд руническое заклятие, написанное на коре дерева. Ринд сходит с ума. Тогда Один переодевается женщиной-знахаркой, предписывает Ринд горькое лекарство и, чтобы девушка не вырывалась, советует привязать ее к кровати. Его совет исполняют, и тогда он овладевает беспомощной Ринд силой. Прочие боги гневаются на Одина за столь неблагоприятный поступок и даже на время изгоняют его.

⁵¹ «Видение Гюльви». Перевод О.А. Смирницкой. — *Примеч. ред.*

в Железных Лесах
рожала Старуха
отродий Фенрира:

настанет время,
из них единый
окажется троллем,
пожравшим солнце,

тела обгложет
мужей умерших,
обрызжет кровью
жилища богов,
и день затмится
в середине лета,
и быть ненастьям.

«Младшая Эдда» говорит, что следом за зимой Фимбульветр придут землетрясения и наводнения, яшень Иггдрасиль сотрясется до самых корней, а затем землю опалит нестерпимым жаром. «Старшая Эдда» относит эти катаклизмы на время *после* Рагнарек.

В «великанскую зиму» боги и люди откажутся от всех правил, которые были приняты в обществе:

...брат на брата —
и гибнут в бранях,
родич на родича —
режутся рати,
мерзость в мире,
настало время
меча и блуда,
щита разбитого,
ветра, волка,
погибели мира;
человек человека
не пощадит.

Мировой катаклизм приведет к тому, что освободятся хто- нические чудовища — вырвется из пут волк Фенрир⁵², освободится связанный Локи, выберется на сушу из океана змей Йормунганд. Из Хель приплывет в Асгард корабль Нагльфар, построенный из ногтей мертвецов; кормчим Нагльфара будет Локи (по «Младшей Эдде» — великан Хрюм). С юга, из Муспелльсхейма, прискачут «сыны Муспелля» во главе с огненным великаном Суртом, под которым провалится радужный мост Биврест; придут и инеистые великаны.

Навстречу чудовищам и великанам выступят асы, которых призовет бог Хеймдалль, затрубив в рог Гьяллархорн:

⁵² У Фенрира, по «Прорицанию вельвы», имеется «двойник» — демонический пес Гарм, сидящий на привязи в пещере Гнипахеллир:

Вот Гарм залаял там,
в Гнипахеллире —
вервь оборвется,
зверь выйдет голодный!

Взыграли под древом
Мимира дети,
пропел Гьяллархорн
мира кончину —
Хеймдалль трубит,
рог поднимает;
Один беседует
с Мимировой головою...

Один собирает дружину эйнхериев и выступает на бой — на «Бранное Поле», как называется место последней битвы в «Речах Вафтруднира». У каждого из богов свой противник: Одину выпадает сражаться с Фенриром, Тору — с Йормунгандом, Тюрю — с Гармом, Фрейру — с Суртом, Хеймдаллю — с Локи.

Наказанный Локи и его супруга Сигюн. Иллюстрация XIX в. к «Старшей Эдде».

Первым в сражении падет Один, проглоченный Фенриром. За ним, «не посрамившись», последует Тор:

... вот вышел
преславный сын
Хлодюн и Одина,
Мидгарда сторож
биться со змеем:
сразил он гада
и сам, погибая —
жилища людские
все опустели, —
на девять шагов
Тор отступает,
сын Фьергюн и Од⁵³.

Сурт побеждает Фрейра⁵⁴, Хеймдалль и Локи сражаются друг друга, Тюр убивает Гарма, но и сам гибнет; сын Одина Видар разрывает Фенриру пасть. И тогда, как гласит «Младшая Эдда», Сурт «мечет огонь на землю и сжигает весь мир».

«Старшая Эдда» добавляет:

... солнце затмилось,
земля утонула,
срываются с неба
светлые звезды,
огонь извергается,

⁵³ Возможно, девять шагов, на которые отступает Тор, — это метафорическое описание пути погибшего из верхнего мира, Асгарда, в обитель мертвых, Хель.

⁵⁴ По «Младшей Эдде», Фрейра погубило то, «что нет при нем доброго меча, отданного Скирниру». Скирнир — слуга Фрейра, сватавшийся от имени бога к великанше Герд и грозивший ей мечом.

жизни кормилец,
он жаром пышет
аж в самое небо...

С пламенем Сурта приходит Рагнарек — конец света, в котором погибают боги, люди и все живое.

Мир, сотворенный из тела инеистого великана Имира, прекращает свое существование. Остается лишь мировое древо, пронизывающее и объединяющее вселенную, — во всяком случае, в эддических текстах не встречается упоминаний о его гибели. Уместно предположить, что новый мир⁵⁵ возникает из «благословенного ясеня» — из его побегов, из медвяной росы, капающей с его листьев, из тех самых корней, которые тянулись в обители богов, людей и великанов. Этот новый мир вырастает из воды:

...суша из моря
восстала зеленая,
воды текут,
орлан по-над ними
летает и рыбу
высматривает⁵⁶.

Чертог Вальхалла. Справа — мировой змей Йормунганд. Иллюстрация к «Прозаической Эдде» («Младшей Эдде») (1760 г.).

В обновленный мир возвращаются из обители мертвых Бальдр и Хед, вновь появляется Хенир, на поле Идавель приходят сыновья Тора Модри и Магни, а также сыновья Одина Видар и Вали. Примечательно, что «младшие боги» после возвращения находят тавлеи, в которые играли их родители, и тотчас принимаются за игру — то есть начинают сами пытаться судьбу.

Кроме «младших богов», Рагнарек переживут и двое людей, Лив («жизнь») и Ливтрасир («пышущий жизнью»). Они скрывались в роще Ходдмимир и питались росой. От них заново пойдет человеческий род, как говорится в «Речах Вафтруднира»:

Лив и Ливтрасир, чета, укроются в куще Ходдмимир, рассветные росы будут им пищей, и вновь народятся люди.

⁵⁵ «В моем конце — мое начало». Т.С. Элиот.

⁵⁶ В этих строках, равно как и во всем рассказе о возрождении мира в «Прорицании вельвы», исследователи и комментаторы видят следы христианского влияния. В христианстве орел (орлан) — прежде всего символ Воскресения. Такое толкование образа основано на предании, по которому орел, летая вблизи солнца и окунаясь в воду, периодически обновляет свое оперение и возвращает себе молодость; ср. «...обновляется, подобно орлу, юность твоя» (Пс., 102:5). Орел также служит символом новой жизни и олицетворяет душу христианина, которая крепнет благодаря добродетели: «А надеющиеся на Господа обновятся в силе; поднимут крылья, как орлы...» (1 Ис., 40:31). Как птица, взлетающая выше остальных и способная не мигая смотреть на солнце, орел символизирует Христа. Не лишним будет напомнить, что эддические рукописи датируются XIII в., а христианство распространилось в Скандинавии в X–XI вв. Особенно заметны христианские мотивы в следующей строфе:

И вот пришел он,
судья великий,
пришел всевластный
владыка мира...

С возрождением мира начинается новая история — история не богов, но людей.

* * *

Песнь «Прорицание вельвы», открывающая корпус эддических текстов, была сложена, по всей видимости, в конце X века. Изложенный в ней сюжет «гибели богов» со временем был подхвачен романтиками, а в XIX–XX веках стал одним из основополагающих мотивов новейшей европейской культуры. Во многом это произошло благодаря «последнему романтику», великому немецкому композитору Рихарду Вагнеру.

Вагнер дал Рагнарек иное название — *Gotterdammerung*, то есть «сумерки богов». Боги в знаменитой оперной тетралогии Вагнера «Кольцо Нибелунга» охвачены жадой золота, затмевающей иные ценности и погружающей мир в испепеляющее пламя. С легкой руки Вагнера и подхвативших его метафору европейских интеллектуалов выражение «сумерки богов» стало синонимом безудержного разгула накануне гибели (вспомним хотя бы одноименный фильм Л. Висконти).

Мифологические песни «Старшей Эдды», наполненные «предчувствием конца», трагичны, но не столь безысходны, как те же сюжеты в трактовке Вагнера. Они оставляют надежду. Торжество хаоса кратковременно — на смену ему приходит новый космос, космос людей.

Жизнь продолжается. И героические свершения богов, как в зеркале, отражаются в не менее героических деяниях их потомков.

Глава 5 ПРОКЛЯТОЕ ЗОЛОТО: от мифологии к эпосу

Философ Эвгемер и его отношение к мифам. — Боги как первопредки и родоначальники. — Героическое время. — Боги и герои. — Предание о нибелунгах. — Мотив проклятого золота. — Поимка карлика Андвари. — Проклятие Андвари. — Вельсунги. — Фафнир и Регин. — Сигурд. — Сигурд и дракон. — Сигдрива-Брюнхильд. — Брюнхильд и Сигурд. — Гьёкунги. — Брюнхильд и Гудрун. — Убийство Сигурда. — Месть Гудрун. — «Кольцо Нибелунга» Р. Вагнера. — Мотив проклятого золота у Дж. Толкина. — От эпоса к саге. — Закат мифологии.

Греческий философ Эвгемер из Массены, живший в IV в. до нашей эры, учил, что божества — вовсе не божества, а лучшие люди первобытного времени, впоследствии обожествленные потомками. Это рационалистическое учение, точнее, рационалистический метод истолкования мифов, по имени философа получивший название эвгемеризации, оказался настолько живучим, что к нему прибегали и философы века восемнадцатого, и отдельные мифологи XIX столетия; мало того, попытки эвгемеристического истолкования мифов встречаются и по сей день.

Вряд ли Снорри Стурлусону, исландцу-книжнику XIII в., было знакомо само имя Эвгемера, не говоря уже об учении последнего. Тем не менее, в обоих своих сочинениях — в «Младшей Эдде» и в «Круге Земном» — Снорри использовал именно эвгемеровский метод рационализации мифа. Вернее всего видеть в этом подходе констатацию смены эпох в сознании скандинавов: эпоха мифологическая уступила место эпохе героического эпоса.

Снорри трактует богов скандинавского пантеона как первопредков и родоначальников. Согласно прологу к «Младшей Эдде», асами звалось некое племя, обитавшее в Азии; их правителю Одину (Водену) «было пророчество, и оно открыло ему, что его имя превознесут в северной части света и будут чтить превыше имен всех конунгов. Поэтому он вознамерился отправиться в путь, оставив Страну Турков. Он взял с собою множество людей, молодых и старых, мужчин и женщин, и много драгоценных вещей. И по какой бы

стране ни лежал их путь, всюду их всячески прославляли и принимали скорее за богов, чем за людей».

«Сага об Инглингах», открывающая свод королевских саг под общим названием «Круг Земной», также локализует местожительство асов в Азии и добавляет: «Так как Один был провидцем и колдуном, он знал, что его потомство будет населять северную окраину мира. Он посадил своих братьев Ве и Вили правителями в Асгарде, а сам отправился в путь и с ним все дии и много другого народа. Он отправился сначала на запад, в Гардарики, а затем на юг, в Страну Саксов. У него было много сыновей. Он завладел землями по всей Стране Саксов и поставил там своих сыновей правителями. Затем он отправился на север, к морю...»

Эта интерпретация Снорри совершенно очевидно подводит черту под мифологической эпохой: боги уступают место людям, начинается героическое время, и в средневековой литературе утверждается эпос. Появляется новый герой сочинений — не бог, побеждающий космических врагов своей божественной силой, которая, как у того же Одина, носит магический характер, а человек, уповающий исключительно на собственную доблесть и крепость своего меча и напрочь лишенный сверхъестественных черт (впрочем, даже если эти черты в известной степени и присутствуют в характере нового героя, они, как писал классик английского литературоведения С. Боура, «только дополняют его человеческие дарования»⁵⁷). Боги утрачивают свою исключительность, которая, в общем-то, и делала их богами, они становятся *как все*, как другие люди, разве что или мудрее, или сильнее, или резвее и т. п. прочих.

Тот же С. Боура подчеркивал особый «героический гуманизм» скандинавской мифопоэтической традиции позднего периода: «Во многих произведениях героической поэзии боги уже не играют вообще никакой роли, ни на сцене, ни за кулисами. Так, они почти полностью игнорируются во многих героических песнях «Старшей Эдды». Выглядит все так, словно исландские поэты полагали, что любое вмешательство богов принижает величие людских деяний и уменьшает героическую славу. Если богов и изображали, то в песнях, специально им посвященных, где люди не участвуют. Это предельный случай проявления героического гуманизма, та особая сосредоточенность героической поэзии на человеке, которая не столь уж часто встречается, но которую тем не менее можно считать логическим продолжением героического мировоззрения».

В скандинавской традиции героический эпос занимает «промежуточное» положение между мифом и сагой, то есть прозаическим литературным повествованием. Эта «промежуточность» наглядно проявляется в динамике эпических сюжетов, в их развитии: сюжеты восходят к мифологическому времени, даже из него, можно сказать, произрастают, однако постепенно «самоустраиваются» от мифологии и сближаются с королевскими и родовыми сагами, первым образцом которых, вероятно, является упоминавшаяся выше «Сага об Инглингах». Герои наследуют богам, но с каждым поворотом эпического сюжета в их поведении, в самом складе их мышления остается все меньше божественного; постепенно и мышление героев, и их поступки приобретают характер «человеческого, слишком человеческого» (Ф. Ницше).

* * *

Основу скандинавского героического эпоса составляет история рода Вельсунгов, изложенная в героических песнях «Старшей Эдды», в «Младшей Эдде», в «Саге о Вельсунгах»; отсылки к ней имеются в англосаксонском «Беовульф», а германский эпос

⁵⁷ Далее Боура прибавляет: «Героическая поэзия обрела жизнь в эпоху, когда внимание было сосредоточено не на магических силах человека, а на его собственно человеческих достоинствах; и хотя в представлениях о герое могут сохраняться следы более ранних воззрений, им восторгаются потому, что он соответствует тем новым нормам, которые утверждают высочайшую ценность того, кто превосходит остальных в качествах, в той или иной мере присущих всем».

«Песнь о нибелунгах» перетолковывает историю потомков Вельси (то есть Одина) в куртуазно-рыцарской манере.

После постановки оперной тетралогии великого немецкого композитора Р. Вагнера «Кольцо Нибелунга», более скандинавской, нежели германской по духу, «вернувшей» европейской культуре *en masse* историю рода Вельсунгов, этот сюжет стали также называть «преданием о проклятом золоте». Именно золото, в скандинавской версии предания, стало причиной гибели славного воинского рода.

Мотив проклятого золота имеет мифологическое происхождение. В «Младшей Эдде» рассказывается о том, как трое богов — Один, Локи и Хенир — однажды отправились в путь, «чтобы осмотреть весь мир». У некоего водопада они увидели выдру, которую Локи убил, метко бросив камень. Позже боги пришли на двор к Хрейдмару — «могущественному человеку, сведущему в колдовстве». Локи стал похваляться тем, что убил выдру. Хрейдмар разгневался, ибо боги убили его сына Отра, который в обличье выдры ловил у водопада рыбу. Чтобы откупиться, боги предложили Хрейдмару столько золота, сколько назначит он сам. Хрейдмар сказал, что боги должны засыпать золотом всю шкуру выдры.

Дабы найти золото, Один отправил Локи в страну черных альвов (то есть цвергов; выше упоминалось, что в ряде текстов эту страну называли Свартальвхейм, дословно «земля черных альвов»). Локи поймал карлика Андвари и наложил на того выкуп: все золото, которое Андвари хранил в своем логове. Карлик безропотно отдал свои сокровища, но попытался припрятать золотое колечко: это было особенное кольцо, приумножавшее богатство. Однако Локи заметил уловку Андвари и потребовал отдать кольцо. Карлик умолял бога о пощаде, но тщетно; и тогда он сказал, «что то кольцо будет стоить жизни всякому, кто им завладеет». Локи посмеялся над проклятием Андвари, забрал золото и удалился.

Фридрих фон Штассен. Хрейдмар, Локи и Один (1914 г.). *Вверху — явление норны с известием о смерти Отра его братьям — Фафниру и Регину.*

Боги вручили Хрейдмару условленный выкуп, но вот кольцо Один оставил себе, потому что оно сразу ему необыкновенно понравилось. Однако кольцо все же пришлось отдать, ибо его как раз и не хватало для того, чтобы шкура выдры целиком скрылась под грудой золота. А когда боги уходили, «Локи молвил, что сказанное Андвари сбудется и кольцо и золото погубят тех, кто будет ими владеть».

После ухода богов братья убитого Отра, Фафнир и Регин, потребовали у отца свою долю сокровищ. Хрейдмар отказался, и тогда сыновья убили отца, после чего поссорились между собой. Регин бежал, спасаясь от брата, а Фафнир принял образ дракона и залег на груди сокровищ.

На этом месте с преданием о проклятом золоте «сливается» родовая сага о Вельсунгах — роде, основателем которого был некий Сиги, или Скади, «слывший сыном Одина», мотив мифологический объединяется с героико-эпическим. Объединяет эти две линии Сигурд — главный герой скандинавского эпоса.

Регин, сбежавший от своего брата Фафнира, наткнулся в лесу на юношу, которого звали Сигурдом и который показался Регину достойным исполнителем с недавнего его замысла — убить Фафнира. В эддической песни «Речи Регина» он говорит так:

Вот пришел
Сигмунда сын,
юноша смелый,
в наше жилище;
он храбрее,

чем старые люди,
битвы я жду
от жадного волка.

Я воспитаю
конунга-воина;
Ингви потомок
у нас появился;
будет он князем
самым могучим,
лежат по всем
странам нити судьбы⁵⁸.

Регин воспитал юношу и выковал ему чудесный меч Грам, который был таким острым, что «Сигурд окунал его в Рейн и пускал по течению хлопья шерсти, и меч резал хлопья, как воду. Этим мечом Сигурд рассек наковальню Регина». Когда же Сигурд подрос и окреп, Регин стал подстрекать его убить Фафнира. Со временем его старания увенчались успехом, и «Сигурд и Регин отправились на Гнитахейд [гора, логово дракона. — *Ред* .] и нашли там след Фафнира, который он оставил, когда полз к водопою. Сигурд вырыл большую яму возле следа и засел в ней. И когда Фафнир пополз от сокровища, он изрыгал яд, и яд падал на голову Сигурда. И когда Фафнир проползал над ямой, Сигурд вонзил ему в сердце меч. Фафнир затрясся и стал бить головой и хвостом».

Смертельно раненый дракон изрек пророчество, которое вновь возвращает сюжет к мотиву проклятого золота:

Фафнир сказал:
«Слышишь ты
всюду слово вражды,
но прав я, поверь:
золото звонкое,
клад огнекрасный,
погубит тебя!»

Сигурд сказал:
«Богатством владеть
всем суждено
до какого-то дня,
ибо для всех
время настанет
в могилу сойти».

Фафнир сказал:
«Норн приговор
у мыса узнаешь
и жребий глупца;
в бурю ты станешь

⁵⁸ Перевод А.И. Корсуна. Ингви — бог Фрейр, родоначальник Инглингов в одноименной саге, он же конунг Фроди из «Песни о Гротти»; вероятно, в «Речах Регина» Ингви-Фрейр тождествен Одину, первоначально скандинавских аристократов по «Саге об Инглингах». Что касается отца Сигурда, обычно им признается Сигмунд, однако в эддических «Речах Фафнира» сам Сигурд утверждает, что он всю жизнь был «сыном без матери; нет и отца, как у людей». — *Примеч. ред.*

грести осторожно,
и все ж ты потонешь»⁵⁹.

В поединке Сигурда с драконом, кстати сказать, еще слышны мифологические отголоски: многие исследователи толковали этот поединок как сражение культурного героя с хтоническим чудовищем, олицетворяющим хаос. А немецкий мифолог О. Хефлер рассматривал этот поединок как мифологизацию исторического события — битвы германцев против римлян в Тевтобургском лесу (9 год н. э.).

Сигурд убивает дракона Фафнира. Деталь деревянной резьбы XIII в. на воротах церкви Хюлестада (Норвегия).

Регин, обрадованный победой Сигурда, вырезал у Фафнира сердце и стал пить кровь из раны, а Сигурд принялся поджаривать сердце дракона и случайно обмакнул палец в драконью кровь. Когда он облизал палец, то неожиданно обрел способность понимать язык зверей и птиц — и так узнал, что Регин замышляет предательство. Синицы, сидевшие на ветвях дерева, под которым расположился юноша, щебетали между собой:

Вот конунг Сигурд,
обрызганный кровью,
Фафнира сердце
хочет поджарить;
мудрым сочла бы
дарящего кольца,
если б он съел
сердце блестящее.

Вот Регин лежит,
он злое задумал,
обманет он князя,
а тот ему верит;
в гневе слагает
злые слова,
за брата отмстит
злобу кующий.

Тула седого
пусть обезглавит, —
в Хель ему место!
Сокровищем всем,
что Фафнир стерег,
один владел бы...

Не будет мудрым
ясень сраженья,
каким я войска
считала вершину,

⁵⁹ «Речи Фафнира». Перевод А.И. Корсуна. — *Примеч. ред.*

если позволит
уйти человеку,
брат которого
был им убит⁶⁰.

От тех же синиц Сигурд узнал о некой прекрасной деве, которая лежит на горе, окруженная языками пламени и погруженная в колдовской сон. Эта дева, как щебетали птицы, вполне могла бы стать его женой, если он сумеет ее разбудить.

Сигурд убивает своего наставника Регина. Деталь деревянной резьбы XIII в.
Из церкви Старкирба (Норвегия).

Вняв совету птиц, Сигурд убил Регина, завладел драконьим сокровищем (проклятым золотом Андвари) и отправился на поиски загадочной горы с окутанной пламенем вершиной.

Этой девой с огненной горы оказалась валькирия Брюнхильд, она же Сигрдрива «Саги о Вельсунгах», наказанная беспробудным сном за ослушание: она нарушила повеление Одина и пыталась избавить от смерти воина, которого верховный ас обрек на смерть. Р. Вагнер, включивший это предание в свою тетралогию, вложил в уста Одина, усыпляющего Брюнхильд, такие слова:

Твой грех —
твоя казнь:
ты сама казнила себя!
Моею волей ты создана —
и отвергла волю мою;
ты вдохновляла веленья мои —
и мои веленья презрела;
мой дух был твоим —
и восстал он против меня;
твой щит был моим —
и поднялся он на меня;
ты, знавшая выбор мой, —
вопреки мне жребий решила;
ты, сзывавшая мне бойцов, —
созвала их против меня же!..

Не вступишь
ты больше в Валгаллу:
на битву к бойцам
ты не пойдешь,
не будешь героев
вводить в мой зал!
На пиру богов отрадном
не ты мне подашь
наполненный рог...
Тот все возьмет,
кто возьмет тебя!

⁶⁰ «Речи Фафнира». Перевод А.И. Корсуна. Тулйотун, иносказательно «дурной, злонамеренный человек», «потомок йотунов». — *Примеч. ред.*

Сюда, на утес,
изгнана ты;
беспомощный сон
свяжет тебя:
тот путник деву возьмет,
кто найдет и разбудит ее⁶¹.

Регин переделывает рукоять меча Сигурда. Резьба по дереву (XII в.). Из церкви Старкирба (Норвегия).

Верхом на коне Грани Сигурд сумел проникнуть на гору и преодолеть огненный заслон. Он разбудил деву, мечом разрубив на ней зачарованную кольчугу, получил от нее в награду за спасение «мудрость», то есть познал различные руны и выслушал житейские советы, а в завершение обменялся с Брюнхильд брачными обетами.

С этого момента из эпоса безвозвратно, как действующие лица, исчезают боги; дальнейший сюжет строится исключительно вокруг людей и их деяний. Более того, в него вводится «историческая тема» — местом действия становится не условное «пространство Севера», а относительно четко локализованная земля бургундов, которой правил род Гьёкунгов.

Дж. Пенроуз. Фрейя, примеряющая Брисингамен (ок. 1890 г.).

При дворе Гьёкунгов Сигурда ожидала встреча с Гудрун, дочерью конунга Гьёки и сестры Гуннара, Хегни и Готторма (в «Песни о нибелунгах» они носят имена Гунтера, Хагена и Гернота). Мать Гудрун, Гримхильд (германская Кримхильда), опоила Сигурда любовным зельем, и он забыл клятвы верности, которыми обменялся с Брюнхильд, и женился на Гудрун. Между тем Брюнхильд, узнавшая о женитьбе Сигурда, также решила выйти замуж, но поставила условие: ее мужем станет тот, кто одолеет огненный вал, окружающий ее чертог. Совершить этот подвиг по силам лишь Сигурду, и юноша согласился помочь своему шурину Гуннару, влюбленному в деву: они поменялись обличиями, Сигурд прорвался сквозь огненный вал и провел три ночи на ложе Брюнхильд, положив между собой и девой обнаженный меч (в средневековой рыцарской терминологии такой меч назывался «мечом целомудрия»). После свадьбы Брюнхильд с Гуннаром Гудрун и Брюнхильд стали выяснять, чей муж доблестнее⁶², - и тут раскрылся обман: Гудрун в запале

⁶¹ «Золото Рейна». Перевод В. Коломийцова. — *Примеч. ред.*

⁶² Доблесть Сигурда — его естественная потребность, его образ жизни. Как писал С. Боура, «суть героической природы Сигурда — в его твердом, не знающем сомнений и колебаний стремлении испытать свою силу, дойдя до крайних пределов возможного». Доблесть Сигурда восхваляет и провиден Грипир в эддической песни «Речи Гринира»:

Нет, в жизни твоей
не будет позора, —
знай это, Сигурд,
конунг достойный;

навеки прославится
между людьми,
бурю копий зовущий,

поведала Брюнхильд о договоренности между Гуннаром и Сигурдом и о том, что именно последний выдержал испытание огненным валом. Разгневанная Брюнхильд потребовала от мужа отомстить Сигурду. Гуннар и Хегни подговорили своего младшего брата Готторма убить Сигурда; как сказано в «Саге о Вельсунгах», «Сигурд и не подозревал об их заговоре, да и не мог он противостоять судьбам и своей участи, и не считал он, что заслужил такую измену. Готторм вошел к Сигурду рано утром, когда тот покоился на ложе; но когда тот взглянул на него, не посмел Готторм поразить его и выбежал вон, но вернулся вторично. Взгляд Сигурда был так грозен, что редко кто смел глядеть ему в глаза. И в третий раз вошел он, и на этот раз Сигурд спал. Готторм занес меч и поразил Сигурда, так что острие вошло в перину под ним. Сигурд пробудился от раны, а Готторм бросился к дверям. Тогда схватил Сигурд меч тот Грам и метнул ему вслед, и попал меч в спину и разрубил Готторма надвое пополам; вон вылетела нижняя половина, а голова и руки упали обратно в горницу».

По другим версиям предания, Готторм убил Сигурда в лесу — или на тинге.

Узнав о смерти Сигурда, которого она все это время продолжала любить, Брюнхильд закололась мечом; перед смертью она велела сжечь себя на одном погребальном костре с Сигурдом.

Так исполнилось проклятие Андвари, перешедшее на Сигурда через драконий клад Фафнира. После смерти Сигурда это сокровище перешло к Гуннару, и вместе с ним Гуннар «унаследовал» и проклятие.

Сигурд жарит сердце дракона Фафнира и сосет палец, смоченный в драконьей крови. Регин спит у костра. Деталь деревянной резьбы XIII в. Из церкви Старкирба (Норвегия).

Гудрун долго оплакивала убитого мужа. Ее плач в эддической «Первой песни о Гудрун» — один из лучших образцов погребального плача в мировой литературе:

Так было — смерти
желала Гудрун,
над Сигурдом мертвым
горестно сидя;
не голосила,
руки ломая,
не причитала,
как жены другие.

Мудрые ярлы
к ней подходили,
скорбь ее
пытались рассеять.
Не было слез
горючих у Гудрун, —
горе великое
грудь разрывало.

имя твое!

Перевод А. И. Корсуна.

Сигурд рядом
с сынами Гьюки
как стебель лука,
из трав встающий,
как в ожерелье
камень сверкающий,
самый ценный
среди камней!

Чтили меня
воины конунга больше,
чем дев Одина смелых.
Как ивы листва,
стала я жалкой, —
смерть повелителя
сделала это!

Ни на скамье
его нет,
ни на ложе, —
в этом повинны
Гьюки сыны!
Гьюки сыны
повинны в несчастье,
горькие слезы
льет их сестра!

Как ваши клятвы
ложными были,
пусть ваши
земли так опустеют!
Гуннар, не впрок
пойдет тебе золото;
эти запястья —
гибель твоя,
ты ведь Сигурду
клятвы давал⁶³!

Брюнхильд и Гуннар. Иллюстрация XIX в. к «Старшей Эдде».

Оплакав Сигурда и выпив напитка забвения, Гудрун повторно вышла замуж — за гуннского конунга Атли, по одной из версий предания, брата Брюнхильд. Атли, возжаждав золота Андвари, заманил к себе Гуннара и Хегни и завладел золотом, убив обоих Гьюкунгов: у Хегни вырезал сердце, а Гуннара велел бросить в ров со змеями⁶⁴. Гудрун жестоко

⁶³ Перевод А.И. Корсуна.

⁶⁴ Согласно «Гренландской песни об Атли», Гуннар сам попросил убить Хегни, а когда его просьбу выполнили, воскликнул:

отомстила мужу за смерть братьев: она умертвила своих сыновей от брака с Атли и дала ему съесть их сердца, после чего убила и самого Атли и сожгла его палаты.

Эддическая «Третья песнь о Гудрун» гласит:

Атли беспечный
пьян был от пива,
меча не схватил,
не противился Гудрун,
иными бывали их
прежние встречи,
когда он при всех
обнимал ее нежно!

Постель она
с лезвия кровью
насытила рукой,
в Хель ведущей,
выгнала псов,
дверь заперла,
подняла домочадцев,
дом запалила
в отплату за братьев.

Всех предала огню,
кто вернулся
из Мюркхейма вспять
после Гуннара смерти;
рушились балки,
дымилось капище,

Атли, ты радости
так не увидишь,
как не увидишь
ты наших сокровищ!

Я лишь один,
если Хегни убит,
знаю, где скрыто
сокровище Нифлунгов!
Был жив он —
сомненье меня донимало,
нет его больше —
нет и сомненья:
останется в Рейне
раздора металл, -
в реке быстроводной
асов богатство!

Пусть в водах сверкают
вальские кольца,
а не на руках
отпрысков гуннских!

Перевод А.И. Корсуна. Этот эпизод сразу приводит на память знаменитую балладу Р. Бернса «Вересковый мед», в которой старик-пикт под надуманным предлогом просит короля шотландцев убить его сына, опасаясь, что тот сможет выдать захватчикам тайну верескового меда.

Будлунгов двор,
щитоносные девы
падали мертвые
в жаркое пламя⁶⁵.

* * *

Скандинавская эпическая история рода Вельсунгов-Гьёкунгов завершается бросанием сокровищ Андвари в воды Рейна и смертью Атли и Гудрун в пламени пожара. В XIX столетии эту историю творчески переработал Рихард Вагнер. В его творчестве мотив проклятого золота стал доминирующим: золото — главная тема Вагнера-поэта, Вагнера-композитора, Вагнера-мыслителя. Золото есть символ, если не синоним власти, и мир, по Вагнеру, обречен на гибель, если он не сумеет избавиться от этой власти. Вагнеровский пессимизм — родственник пессимизму А. Шопенгауэра и, вне сомнения, несколько преувеличенный потомками — оказал значительное влияние на европейскую мысль. К примеру, А.Ф. Лосев вспоминал: «Насколько я себе представляю, именно Вагнер, формулировал для меня то мое глубочайшее настроение, которое сводилось к чувству надвигающейся мировой катастрофы, к страстному ожиданию конца культуры и чего-то действительно вроде мирового пожара».

К. Эгерсберг. Смерть Бальдра (ок. 1840 г.).

Оперная тетралогия «Кольцо Нибелунга» целиком построена на мотиве проклятого золота. Первая часть тетралогии, «Золото Рейна», начинается с того, что властитель нибелунгов Альберих добивается любви русалок Рейна, хранительниц золотого клада. Русалки отвергают его, и тогда уязвленный их насмешками Альберих похищает золото, о котором одна из русалок говорит так:

Весь мир властно
наследует смелый,
Золото Рейна
в перстень сковав:
в том перстне — безмерная мощь⁶⁶!

Но сковать этот перстень дано не всякому. Это сумеет сделать лишь

тот, кто отвергнет
власть любви,
кто сладких ласк
лишит себя, —
лишь тот волшебною силой
из золота перстень скует!

Похитив золото, Альберих проклинает любовь и тем самым обретает возможность

⁶⁵ Перевод А.И. Корсуна. Двор Будлунгов — палаты Атли, сына Будли. — *Примеч. ред.*

⁶⁶ Здесь и далее цитаты из произведений Р. Вагнера в переводе В. Коломийцова. — *Примеч. ред.*

выковать перстень, дающий власть над миром. Вагнер строго следует мифологической традиции: этот перстень приумножает богатство Альбериха. Вот что говорит Миме, брат и жалкий раб властителя Нибелунгов:

Коварством злым
добыл Альберих
подводный клад
и сковал кольцо;
и теперь перед
ним трепещем
мы в страхе:
мой брат силой
перстня всех нас
обратил в рабов.
Прежде беспечно
мы своим женам
в блесках ковали
тонкий убор, —
много нарядных вещиц, —
и рады были труду.
А ныне в ущельях,
по воле злодея,
мы служим все
ему одному.
Ненасытный брат
кольцом узнает,
где скрыт
подземный огонь золотой:
и вот мы копаем,
ищем и роем,
добычу плавим
и сплавы куем;
свой покой забыв,
владык копим мы клад.

Боги Вотан (Один) и Логе (Локи) спускаются во владения Альбериха, чтобы забрать у него похищенное золото, — богам нужно расплатиться с великанами Фафнером и Фазольтом, которые воздвигли им небесный чертог. Причем обоим известно, что Альберих выковал себе перстень, и Вотан намеревается забрать у него кольцо:

Владеть этим перстнем
я считаю полезным.

Боги находят Альбериха и пытаются выманить у него золото. А тот в ответ произносит горделивые слова:

В облаках живете вы,
не зная забот, —
смеясь, любя...
Но мой кулак,
кулак золотой, вас поймает!
Как от любви

отрекся я,
так и вы все
с нею проститесь!
Вот золота блеск, —
его вы будете жаждать!..

Однако спесь Альбериха оказала ему злую услугу: хитроумный Логе сумел обезвредить Нибелунга. Боги связали Альбериха и вынесли его из подземелья, а затем потребовали у него золото. Альберих соглашается отдать клад, но прибавляет себе под нос:

Лишь бы перстень
остался моим,
тогда мне и клада не жаль:
ведь опять накопиться
и вырасти вновь
не замедлит он силой кольца...

Но Вотан замечает кольцо и требует отдать и его. Альберих умоляет не забирать перстня, но боги не внемлют мольбам Нибелунга. И тогда Альберих прокликает кольцо:

Ты проклятьем был рожден, —
будь проклят, перстень мой!
Ты давал мне — власть без границ,
неси отныне
смерть — взявшим тебя!
Лихой бедой
радость сменяй;
не на счастье сверкай
золотым огнем!
Тот, чьим ты стал,
пусть чахнет в тревоге,
других же вечно
пусть зависть грызет.
Всех щедротой
своей мани,
но всем приноси
только тяжкий вред!
Без наживы владельца оставь,
но убийц введи в дом его!
На смерть обреченный,
будет несчастный дрожать
и день за днем
в страхе томиться всю жизнь, —
властитель твой — и твой жалкий раб:
до тех пор, пока
ты опять ко мне не вернешься! —
Так в страшной моей беде
кольцо мое я клянусь!

ищут сокровище рейнских дев.

Проклятие Альбериха начинает исполняться почти сразу. Вручая великанам золото, Вотан хочет припрятать кольцо, а когда Фафнер требует отдать перстень, бог заявляет, что не сделает этого ни в коем случае. И лишь мрачное пророчество богини земли Эрды, предрекающей закат и гибель богов, заставляет Вотана расстаться с кольцом. Между тем Фафнер ссорится с Фазольтом и убивает своего соратника, чтобы тот не завладел перстнем.

Вагнер вводит в свой текст мотив, который отсутствует в скандинавской мифе, хотя и является вполне скандинавским по духу, — мотив всемогущества судьбы. Судьба определяет не только жизнь людей, но и поступки богов, и даже боги не в силах изменить предначертанного ею. Проклятие Альбериха сбудется независимо от того, кто окажется владельцем кольца — человек или бог.

Правда, Вотан пытается обмануть судьбу и устраивает так, что на свет рождается герой, не ведающий страха, — витязь Зигфрид. Именно Зигфрид может добыть кольцо, вернуть его рейнским девам и тем самым спасти себя и богов; как говорит Альберих:

На бесстрашном слабеет проклятье мое: он добычи не знает чар, кольца мощь бесполезна глупцу.

Сигурд сражается с Фафниром. Деталь деревянной резьбы XIII в. Из церкви Старкирба (Норвегия).

Но обстоятельства сильнее бога: Зигфрид убивает дракона Фафнера, завладевает чудесным перстнем, однако вскоре гибнет и сам, а перстень по воле судьбы возвращается к русалкам Рейна. А боги — боги погибают в пламени пожара, охватившего небесный дворец Вальхаллу...

В сказании о кольце Нибелунга, как его излагает Рихард Вагнер, есть одна любопытная деталь, которая напрочь отсутствует в суровом скандинавском мифе: сковать кольцо власти может лишь тот, кто откажется от любви. Такое под силу лишь уродливому, отвергнутому и осмеянному Альбериху. Иными словами, власть и любовь — понятия несовместимые; разумеется, тут сказывается влияние Галантного века, темное средневековье не знало подобного противопоставления.

* * *

В XX столетии предание о проклятом золоте трансформировалось в «современный миф» — именно так, поскольку эпопея Дж. Р. Р. Толкина «Властелин Колец» по силе общественного воздействия вполне претендует на звание свода современной мифологии. В своем произведении Толкин использует мифологему Кольца Всевластья, в которое «превратилось» скандинавское мифологическое кольцо, приумножающее богатство. Впрочем, принцип «богатство — это власть» известен с древнейших времен; скандинавы мифологических времен понимали его буквально и потому для них богатство и власть были понятиями тождественными. Толкин лишь «модернизировал» средневековое скандинавское представление в соответствии с нынешними реалиями.

Толкин опускает мотив проклятого золота. У него нет ни слова о сокровищах нибелунгов, которые кто-либо похищает. Все гораздо прозаичнее — и вместе с тем страшнее. Главный антагонист Добра, Саурон, верный прислужник злого бога Моргота, вначале был одним из майяров — в «божественной» иерархии Толкина майяры выступают отдаленным подобием христианских архангелов. Если проводить аналогию и дальше, то, пожалуй, именно в образе Саурона, а не Моргота гораздо больше от библейского Люцифера. Обманом завоевав доверие эльфов, Саурон вместе с ними стал ковать кольца власти (именно кольца — всего их насчитывалось двадцать). Втайне от эльфов он выковал Первое Кольцо,

могущественнее всех остальных. Как гласит стих, предваряющий трилогию:

Эльфам — Три Кольца — во владенья светлые.
Гномам — Семь Колец — в копи горные.
Девять — Людям-Мертвецам, ибо люди — смертные.
И Одно — Владыке Тьмы, в земли черные —
В Мордор, где таятся силы тьмы несметные.
В том одном Кольце — сила всех колец,
Приведет в конце всех в один конец —
В Мордор, где таятся силы тьмы несметные⁶⁷.

Саурон приложил руку к ковке Семи и Девяти колец, потому эти кольца и их владельцы беспрекословно подчинялись могуществу Первого кольца. Что же касается трех эльфийских колец, их выковали без участия Саурона, поэтому сила Трех осталась незамутненной.

Вряд ли имеет смысл пересказывать легенду о Кольце Всевластия, о том, как оно было потеряно и найдено вновь и как его уничтожили, — эта легенда хорошо известна всем, знакомым с творчеством профессора Толкина (а незнакомых с этими произведениями ныне можно встретить редко). Напомним лишь, что магической силе Кольца Всевластия противостоять не может никто — ни человек, ни хоббит, ни эльф, ни даже маг.

Читавшим «Властелина Колец» наверняка памятен диалог Фродо и Гэндальфа в первой книге «Хранителей»:

— Да как же я! Ты, Гэндальф, ты и сильный, и мудрый. Возьми у меня Кольцо, оно — тебе.

— Нет! — вскрикнул Гэндальф, отпрянув. — Будь у меня такое страшное могущество, я стал бы всевластным рабом Кольца... Ужасен Черный Властелин — а ведь я могу стать еще ужаснее. Кольцо знает путь к моему сердцу, знает, что меня мучает жалость ко всем слабым и беззащитным, а с его помощью — о, как бы надежно я их защитил, чтобы превратить потом в своих рабов. Не навязывай мне его! Я не сумею стать просто хранителем, слишком оно мне нужно.

Кольцо Всевластия развращает любое живое существо и подчиняет его своей воле; зов Кольца настолько силен, что ему невозможно противиться; сила Кольца столь велика, что для владельца, кем бы тот ни был, очень сложно расстаться с ним хотя бы на мгновение; благодаря ему все представляется в искаженном, уродливом виде:

Фродо неохотно вытащил Кольцо. Но едва Бильбо протянул к нему руку, Фродо испуганно и злобно отшатнулся. С неприязненным изумлением он внезапно заметил, что его друг Бильбо куда-то исчез: перед ним сидел сморщенный карлик, глаза у карлика алчно блестели, а костлявые руки жадно дрожали. Ему захотелось ударить самозванца.

Мелодичная музыка вдруг взвизгнула и заглохла — у Фродо в ушах тяжело стучала кровь. Бильбо глянул на его лицо и судорожно прикрыл глаза рукой.

Кроме того, Кольцо служит как бы мостом между двумя мирами — реальным и призрачным. Раненный моргульским клинком Фродо постепенно переходит из одного мира в другой.

— Объясни мне, почему они такие опасные, эти Черные Всадники, — попросил Фродо. — И что они хотели сделать со мной?

⁶⁷ Перевод В. Воседого. — *Примеч. ред.*

— Они хотели пронзить твое сердце моргульским клинком, — ответил Гэндальф. — Обломок клинка остается в ране и потом неотвратно двигается к сердцу. Если бы Всадники своего добились, ты сделался бы таким же призрачным, как они, но слабее — и попал бы под их владычество. Ты стал бы призраком Королевства Тьмы, и Черный Властелин тебя вечно мучил бы за попытку присвоить его Кольцо... хотя вряд ли найдется мука страшнее, чем видеть Кольцо у него на пальце и вспоминать, что когда-то им владел ты.

И символично, что уничтожить Кольцо — пускай и против собственной воли — помогает тот, кто сильнее всех (разумеется, после Саурона) стремился им завладеть — Голлум. Вспомним эту сцену: Фродо стоит на краю Роковой расселины, над ревушим пламенем, в которое он должен бросить Кольцо, — и понимает, что не сможет этого сделать. И тут на него набрасывается Голлум... Короткая схватка, Голлум откусывает Фродо палец с Кольцом, теряет равновесие — и падает в расселину вместе со своей «прелестью». Когда бы не Голлум, Фродо не сумел бы истребить Кольцо.

Известно, что Толкин не любил Вагнера и весьма неодобрительно относился к вагнеровским толкованиям германо-скандинавской мифологии. По сообщению биографа писателя Х. Карпендера, «Толкина всегда беспокоило сравнение "Властелина Колец" с творчеством Вагнера, и однажды он сказал: "Общего у этих колец только то, что оба они круглые"».

Между тем у обоих колец можно найти больше общего, чем признавал Толкин: оба кольца символизируют власть, возбуждают стремление к власти у тех, к кому попадают, и т. д. Кроме того, у обоих колец «общие предки» из германо-скандинавской мифологии. Однако могущество кольца у Вагнера берется извне; в отличие от Кольца Всевластия, оно не обладает собственной силой или силой своего создателя. Вдобавок имеется еще одно существенное различие. Вагнеровское кольцо всего лишь возбуждает в своем владельце стремление к наживе и — опосредованно — к власти. У Толкина же Кольцо Всевластия действует значительно более тонко, играя на желаниях и тайных мечтах своих «хранителей».

* * *

С исчезновением в водах Рейна проклятого золота карлика Андвари завершилась мифологическая история Скандинавии: боги сгнули в пламени мирового пожара, пали герои, чей род восходил к богам и чьи деяния были в известной степени сродни божественным. На смену этим героям пришли исторические (или квазиисторические — как угодно) персонажи: Атти, то бишь гуннский вождь Аттила, Тидрек, он же германский военачальник Дитрих Бернский, Йормунрекк, он же готский предводитель Эрманарих, и другие. А следом, вытесняя эпическую традицию, по всей Скандинавии распространилась новая литература — литература саг. Саги королевские, саги родовые, пряди об исландцах, или бытовые саги; единственным напоминанием о славных делах прошлого остались так называемые «саги о древних временах». Но и они постепенно утрачивали самобытность — отчасти под влиянием христианства, все крепче утверждавшегося на скандинавских землях, отчасти под влиянием латинской книжной культуры, которая принесла в Скандинавию прежде неизвестные сюжеты «общеευропейского свойства»; отсюда — такие сочинения, как «Всемирная сага», «Сага о римлянах», «Сага об иудеях», «Сага о троянцах», «Сага об Александре», «Сага о Карле Великом и его витязях».

«Младшая Эдда» и «Круг Земной» Снорри Стурлусо- на подвели итог скандинавской мифопоэтической традиции. Миф завершился — был искоренен огнем и мечом, как в Норвегии, где новую веру усердно насаждали на рубеже X–XI веков конунги Олав сын Трюгви и Олав Святой, или «по уговору», как в Исландии, где в 1000 году альтинг (всеобщее собрание) принял решение о повсеместном принятии христианства.

То, что прежде считалось незыблемой истиной и сугубой реальностью, постепенно отступило в область народных суеверий и фольклорных текстов. Рвением христианских

священников некогда могучие боги «превратились» в демонов (так, Одина «низвели» до предводителя демонической Дикой Охоты), герои эпоса «перекочевали» в баллады, грозные противники богов йотуны стали туповатыми троллями из сказок, а искусные цверги «видоизменились» в скуповатых гномов.

Впрочем, не все так печально. Чем дальше в прошлое отступают мифические времена, тем веселее становится первоначальный миф, заботливо сохраненный средневековыми книжниками и «воскрешенный» романтиками, возрождавшими народную культуру. Утратив *внешнюю* динамику и «преобразившись» в фольклор, миф вполне сохранил динамику *внутреннюю*, которую, будем надеяться, нам и удалось очертить на этих страницах.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ ПОД СЕНЬЮ МИФА

От редакции

Девятнадцатое столетие заслуженно считается «золотым веком» фольклористики. Романтическое движение с его преклонением перед «народной душой», воплощенной в мифологии и фольклоре (сам термин «фольклор» был «изобретен» в 1848 г.), — с одной стороны; и сравнительное языковедение, выявившее единую индоевропейскую основу европейских языков и санскрита («пра-язык») и предложившее новый метод научного исследования — с другой стороны, в немалой степени способствовали возникновению устойчивого интереса к народному творчеству. Этому столетию мы обязаны фундаментальными трудами, которые и по сей день остаются непревзойденными по своей полноте, масштабности филологических изысканий и сопоставлений и широте охвата материала.

К вершинам фольклористики XIX столетия принадлежат прежде всего работа немецкого ученого Якоба Гримма «Германская мифология» («*Deutsche Mythologie*», 1835), труды английских ученых Т. Кейтли «Волшебная мифология» («*Fairy Mythology*», 1828) и Эдуарда Тайлора «Первобытная культура» («*Primitive Culture*», 1871), грандиозное по размаху исследование русского филолога Александра Николаевича Афанасьева «Поэтические воззрения славян на природу» (1866–1869).

Имя Бенджамина Торпа, английского филолога, изучавшего англосаксонскую литературу, право и историю, известно значительно меньше, нежели имена его собратьев по перу. Между тем книга Торпа «Северная мифология» («*Northern Mythology*», 1851) принадлежит к числу основополагающих трудов по фольклористике вообще и по фольклору скандинавских стран, Германии и Нидерландов в частности.

Едва ли не первым среди европейских ученых Торп объединил в одной книге «мифологическое» и собственно фольклорное исследования, опираясь в известной мере на опыт Я. Гримма, который в своей «Германской мифологии» неоднократно использовал народные предания в качестве «иллюстраций» к мифологическим текстам. Кроме того, Торп ввел скандинавскую традицию (которой Гримм пренебрег как не относящейся к традиции германской, а другие исследователи затрагивали лишь фрагментарно) в общеевропейский фольклорный контекст: его работа изобилует сопоставлениями скандинавских мифов и преданий с мифами германских племен, с героическими и волшебными преданиями англосаксов, французов, континентальных германцев и даже славян. По замечанию Жаклин Симпсон, автора предисловия к современному изданию «Северной мифологии», Торп сделал для Скандинавии то же самое, что его предшественник Гримм — для Германии.

В настоящем издании использованы собранные и откомментированные Б. Торпом предания скандинавских народов. Перевод выполнен Г. Соловьевой (Норвегия, Дания) и О. Пискаревой (Швеция) под редакцией и с комментариями Д. Афиногенова.

Глава 1 НОРВЕЖСКАЯ ФОЛЬКЛОРНАЯ ТРАДИЦИЯ

Туссеры. — Ульдра. — Йутулы. — Мост йутула. — Гурри Куннан. — Корона невесты. — Повитухи и волшебная мазь. — Рог Ойстада. — Ниссе. — Вервольфы и мары. — Духи. — «Сага о людях с Песчаного берега». — Нок. — Кваренкнурре. — Птица Гертруды. — Дикая Охота. — Морской народ. — Морские змеи. — Эрик Понтопидиан. — Драконы. — Святой Олав. — Первая церковь в Норвегии. — Святой Олав и тролли. — Ведьма-сигне.

В Норвегии подземные жители — а под этим названием фигурируют туссеры (туссеры), веттиры и гномы, а иногда также ульдра, ниссе и эльфы — чрезвычайно многочисленны.

Туссеры, или тролли, ростом с человека и населяют горные хребты и холмы. Прежде их было так много, что христиане, желавшие поселиться в Норвегии, вынуждены были вступать с ними в брак. У них, как и у людей, есть дома, церкви, имущество и прекрасный скот, который пасется по ночам под присмотром пастушек и черных собак. Туссеры хороши собой, но бледны лицом и телом, а иногда имеют синюю кожу. Активнее всего они после захода солнца, в сумерках (*тусморк*). В эту пору не рекомендуется проходить мимо их поселений, откуда слышится чудесная музыка. Особенно опасно это для молодых девушек, которых туссеры очень любят. Нередко случалось, особенно в старину, что они заманивали юных дев в холмы и горы. Любят они и маленьких детей и часто подменяют их на собственных, которые не так красивы и плохо растут. Но крест или стальной предмет, положенный в колыбельку, отлично защищают от подмены.

По поводу этих сверхъестественных существ распространено поверье, что Господь сбросил их с небес и эти падшие ангелы рассеялись, кто в воздухе, кто по земле, кто в водах.

Такое же поверье относительно фейри бытует в Ирландии.

Ульдра, или улла

По всей Норвегии рассказывают о сверхъестественном существе, обитающем в лесах и горах и называемом ульдра, или улла. Оно выглядит как красивая женщина и одето обычно в синее платье, с белой лентой в волосах; его отличительная особенность — длинный хвост, вроде коровьего, который оно старательно скрывает от людей. Ульдра любит домашних животных, и у нее целое стадо красивой, упитанной скотины. Весь скот у нее безрогий.

Однажды ульдра пришла на праздник, и каждый хотел потанцевать с красивой незнакомкой. Однако посреди праздника парню, пригласившему ее на танец, попался на глаза выглянувший из-под платья хвост. Он сразу догадался, с кем танцует, и порядком перепугался, однако скрыл страх и, не желая выдавать ее, сказал только: «Красавица, ты потеряешь подвязку!» Ульдра тут же исчезла, но впоследствии вознаградила юношу подарками.

Представления об этом создании довольно сильно различаются в разных частях Норвегии. Кое-где ее описывают как красавицу с полой спиной. В других местах она известна под именем *скогснерте*; говорят, что она вся синяя и одета в зеленое платье, подобно шведской *скогснурфвор*. Ее песни — звуки, которые часто слышатся в горах, —

звучат гулко и печально⁶⁸, что отличает их от музыки других подземных жителей, которая, по словам слышавших ее, весела и чарующа. Однако не всюду ульдра считают одинокой лесной нимфой: часто рассказывают об ульдренах, или народе ульдра, который живет в горах и практически идентичен подземному народу. В Хардангере ульдрены всегда одеты в зеленое, а скотина у них голубая. Чтобы поймать корову ульдра, взрослый человек должен перебросить через нее свой пояс. Она будет давать очень много молока. Ульдра пользуются заброшенными горными пастбищами и приглашают людей в свои курганы, откуда слышится прекрасная музыка.

Поверье об ульдра очень древнего происхождения. Еще в 1205 году супруга конунга Магнуса Лагабатера, задержанная в Бергене противным ветром, прослышала, что исландец Стурли Тордсен считается прекрасным рассказчиком, и попросила его рассказать ей сагу об ульдра-великанше. Слово, по-видимому, происходит от древнескандинавского *hollr* — «ублажать, умиловать».

Йутулы и горные великаны

Йутулы огромного роста и очень сильны. Они живут в самых высоких горах, где скрывают богатые сокровища. Йутулы злобны, ненавидят церкви и колокольный звон и жадны до христианской крови. Когда приближается буря или вихрь завывает в скалах, они так трясутся в своих горах, что начинают звенеть горшки и котелки, в которых жены йутулов готовят ужин. По всей стране можно найти предания об этих чудовищах и увидеть в горах следы их ног.

Ни одно из сверхъестественных созданий Севера не носит столь явного отпечатка древности, как великаны-йутулы.

Сравнивая простонародные предания с древней мифологией, нетрудно узнать в йутулах йотунов — противников богов и людей, великанов, с которыми непрерывно сражается могучий бог грома Тор. Йотуны в скандинавской мифологии олицетворяют хаос, властвуют над темными холодными областями земли, чураются дневного света и от солнечных лучей превращаются в камень.

Великанши на древнескандинавском назывались *гивр*, или *гигир*, и это слово перешло в простонародное *гиври*, или *гиогра*, — жена йутула.

Кроме йотунов или йутулов мы встречаем в норвежском фольклоре ризеров, или бергризеров (великанов и горных великанов), живущих в горных пещерах. Они считаются древнейшими обитателями Севера. В сагах их часто называют троллями — слово, которое можно считать общим наименованием всех сверхъестественных созданий.

Г. Фюссли. Тор в схватке с Хюмиром (1790 г.).

Йутул на Хестмандо

На острове Хестмандо в Северном море есть гора, издали напоминающая всадника в плаще. Гора эта была прежде йутулом, жившим на этом месте. В двенадцати милях к югу, на острове Леко, в Нуммедале жила в то время дева, которую он любил. Но надменная девица, искушенная во всяческом колдовстве, не только отвергла его, но и превратила в камень всех его посланцев. Они обратились в утесы, которые до сих пор стоят на северном краю острова.

⁶⁸ Ульдра живут в горах и долинах; им принадлежит все богатство и красота Севера и вся его печаль. Тому свидетельство — песни ульдра, которые нельзя слушать без слез. Примечание Б. Тория. — *Ред.*

Разгневанный йутул согнул свой лук, чтобы немедля отомстить. Взлетела огромная стрела и прошла насквозь высокую гору Торгехат, оставив дыру, которая и теперь видна в твердых скалах. Но, пробиваясь сквозь Торгехат, стрела немного не долетела до цели и легла у ног девы на северном берегу Леко, где лежит и теперь в виде огромного длинного камня. Тогда йутул и дева своим колдовством обратили друг друга в камень и остались смотреть друг на друга до конца дней.

Даже в наше время норвежец редко проплывет мимо острова, не сняв шляпы перед девой Леко.

Мост йутула

В Сприллине при низкой воде можно видеть нечто вроде каменного моста около одной восьмой мили в длину. Он обязан своим происхождением йутулу, жившему на Эльсрудколле. Этот йутул сватался к ульдра с Энгеркулле, что на другом берегу. Чтобы любимая не огорчалась, что он приходит к ней, вымокнув насквозь, он решил выстроить мост, но раскололся на куски, когда взошедшее солнце застало его за этой работой.

Девушка на сэтере⁶⁹

Один свободный крестьянин в Норвегии был обручен с красивой девушкой, которая как-то отправилась пасти скот на летнее пастбище. Там она занялась рукоделием, но, не успев закончить работу ко времени, когда пришла пора возвращаться домой, решила остаться в горах. Едва жених узнал об этом, как отправился на пастбище, справедливо решив, что опасно оставлять девушку на произвол ульдра и прочего подземного народа. Он успел как раз вовремя и увидел вокруг пастушьей хижины оседланных черных коней. Заподозрив недоброе, он тихонько прокрался к хижине и, заглянув в оконце, увидел свою нареченную в свадебном платье, с золотой короной на голове, а рядом с ней — старого красноглазого ульдра. Выхватив пистолет, он зарядил его серебряной пуговицей, выстрелил через голову девушки и, не дожидаясь, пока рассеются чары, ворвался в хижину. Схватил невесту, посадил позади себя на коня и поскакал вниз, преследуемый по пятам целой толпой троллей. Один из них, чтобы задержать беглеца, протянул ему полный золотой рог. Парень взял рог, но пить не стал, а выплеснул напиток позади коня и поскакал дальше. Наконец он добрался до крутого склона над домом, в котором тоже жили тролли. Эти тролли враждовали с его преследователями и крикнули ему: «Не скачи, где гладко, скачи, где шершаво!» Парень последовал их совету и свернул на ржаное поле. Туда тролли не смогли последовать за ним, но со злости крикнули ему вслед: «Над твоим домом красный петух прокукарекает!» И в тот же миг его дом загорелся!

Гурри Куннан

В Остеррааде жил некогда богатый и могущественный человек, у которого была дочь по имени Аслауг, прекраснейшая в ближних и дальних землях. У нее, как легко догадаться, было немало галантных ухажеров, но она всем предпочитала юношу, который воспитывался в доме ее отца, хоть он и был низкого рода. Не надеясь, что гордый отец согласится на их союз, влюбленные бежали втайне и укрылись в глубокой пещере, которую и сейчас можно увидеть неподалеку от Остерраада. Случилось, что разгневанный отец на следующую весну проведал, где скрывается дочь, и тут же направился к ней, чтобы наказать дерзкого соблазнителя. Однако, едва он приблизился к пещере, сверху посыпались камни и щебень.

⁶⁹ Сэтеры — травянистые луга в горах Норвегии, куда отсылают скот на летний выпас. Часто они находятся довольно далеко от селений. Примечание Б. Торпа. — *Ред.*

Обвал полностью перекрыл вход, так что захватить беглецов не удалось. Когда первая опасность миновала, влюбленные с трудом выбрались из пещеры, разобрав обвалившиеся камни. Они взяли на берегу лодку и, преодолев множество опасностей, добрались к необитаемым островам Тарвен, где в то время скрывались тролли. Их предводительница, ульдра Гурри Куннан, дружески приняла влюбленных и позволила поселиться на острове при одном условии: никогда не творить крестного знамения, которого тролли не переносят. Однажды, перед Новым годом, когда на праздник к Гурри собралось бесчисленное множество троллей, Аслауг от удивления забыла о своем обещании, перекрестилась и произнесла имя Иисуса. В тот же миг весь волшебный народ пропал, и остался от них только огромный медный котел, который до нашего времени хранится на самом большом из островов — он теперь обитаем и зовется Хунсо.

Эта Гурри была дочерью великана, жившего на острове Куннан недалеко от Хельгеланда. Она была очень красива, и много женихов сражались за обладание прекрасной великаншей, так что вокруг Куннана еще видны скалистые островки, образовавшиеся из валунов, которыми ухажеры-соперники швыряли друг в друга. Однако всем им пришлось уступить великану Анфинду, который женился на прекрасной Гурри и жил с ней счастливо, пока ее отец не погиб вместе с силачом Скоутом, сраженный могучим Гаутом, который явился с востока. Тогда вся семья была изгнана с Куннана, и Анфинд с женой искали убежища у Фрейи, которая отдала им для житья Тарвен. Здесь они жили в мире, пока на остров не явился святой Олав. Он крестным знаменем и именем Иисуса не только смирил бурю, поднятую великаном, но и самого его превратил в твердую скалу.

Вышеизложенный рассказ стал основой прекрасной поэмы «Гурри Куннан» Стеенблока. Прозаический пересказ поэмы приведен в «Мифологии фей и эльфов» профессора Вольфа. Эта во многих отношениях интересная легенда, кажется, указывает на отдаленную древность, когда коренные обитатели Севера должны были отступить перед вторжением готов (гаутов в легенде), которые, обладая более высокой культурой и военным искусством, уничтожили или вытеснили своих противников.

Корона невесты

Жила некогда в Нуммедале молодая девушка, такая красивая, что ее полюбил туссер. Однако, хотя он обещал ей прекрасный дом, много скота и вообще все, что пожелает, если она обручится с ним, девушка осталась верна своему прежнему возлюбленному. Когда туссер понял, что добром ничего не добьется, он умыкнул девушку силой. Вместе со множеством туссеров он уже увлекал жертву к церкви подземного народа, где собирался обвенчаться с ней, когда ее жениху посчастливилось наткнуться на их следы. Догнав свадебный поезд, он выстрелил сталью через голову невесты, так что вся нечисть исчезла, и он не только вернул девушку, но и получил роскошную серебряную корону, которую туссер успел возложить ей на голову. Корона до сих пор хранится в Дале, и, поскольку считается, что она приносит счастье невесте, которая обвенчается в ней, без нее не обходится ни одна богатая свадьба.

Едва ли не на нашей памяти один парень из Нуммедаля проходил мимо заброшенной хижины на сэтере и увидел, что в ней ульдра играют веселую свадьбу. В окно ему видно было все, что творилось у горного народца, но смотрел он больше на невесту, привлеченный ее красотой и изящным нарядом, который особенно украшала тяжелая блистающая серебряная корона на голове девицы. Парень долго любовался ею и наконец, охваченный страстью, решил лишиться свадьбы веселья, а жениха — богатой и красивой невесты. Он проворно вытащил свой нож и метнул стальной клинок в окно через голову невесты. Гости в мгновение ока исчезли, и осталась только девушка, околдованная сталью. Молодые быстро сговорились, и невеста-ульдра отправилась с парнем в деревню, а затем, после того как ее окрестили, и к алтарю. Правда, чудесное свадебное платье не могло скрыть безобразного коровьего хвоста, но со временем тот постепенно исчез. Они жили долго и счастливо, а от

роскошного свадебного наряда, памятного до сих пор, осталась еще в Мэрабру драгоценная серебряная корона.

Стадо епископа

Однажды летом, давным-давно, епископ Дронтхейма послал свой скот пастись в горы. У него было прекраснейшее стадо в Норвегии, и епископ, отсылая животных, строго наказал пастухам ни в коем случае не спускать с них глаз, поскольку окрестные горы кишели подземным народом, каковой, однако, не имеет власти над животными, пока они на глазах у людей. И так, скот отогнали в горы. Однажды, когда стадо паслось на лугу, а пастухи сидели вокруг, не спуская с него глаз, на вершине горы появился вдруг огромный олень. Его появление отвлекло на мгновение троих пастухов, которые повернулись к оленю; когда же они снова обратили взгляды в долину, то увидели, что их коровы превратились в стайку крошечных мышек, которые заметались по склону и мигом скрылись в расщелинах. Так епископ Дронтхейма лишился трехсот голов скота.

Конвей в своем «Путешествии по Норвегии» пересказывает эту легенду и добавляет: «В горных районах все верят в эту историю».

Некой женщине, которая пасла стадо в горах, повезло больше: она увидела, как все стадо вдруг исчезло, и оплакивала потерю, когда вдруг из горы раздался голос, велевший ей поспешить домой, — и там она нашла не только своих коров, но и еще одну, которая, хотя никогда не телилась, давала молока много больше остальных.

Жили некогда муж и жена, и была у них всего одна дочь. Вдруг она пропала, и хотя ее родители, которым потеря единственного дитяти разрывала сердце, обыскали всю округу, они не нашли и следа девушки. Прошло немало времени, когда однажды вечером в дом явился незнакомец и спросил женщину, которая в то время была в доме одна, не хочет ли она навестить дочь: мол, та живет неподалеку, а теперь рождает и нуждается в помощи. Мать, и обрадованная, и опечаленная этой новостью, быстро собралась и, следуя за нитью, данной ей незнакомцем, мигом оказалась у дочери, которая родила здорового, красивого ребенка. Прежде чем его запеленали, мужчина дал повитухе какую-то жидкость и просил натереть младенца, в то же время предостерегая не коснуться мазью себя. Но у повитухи зачесался глаз, и она невольно потерла его, таким образом смочив глаз жидкостью. Когда нужда в ее помощи миновала, мужчина — а он был мужем ее дочери и троллем — сказал, что она может идти, и женщина, ориентируясь по нити, в несколько шагов добралась до дома. На следующий день, работая с мужем в поле, она вдруг увидела рядом с собой дочь и ее подземного супруга. Когда она заговорила с ними, зять удивленно спросил, в самом ли деле она их видит? «Ну конечно, я вижу вас правым глазом!» — ответила женщина. В тот же миг тролль коснулся ее глаза, и с тех пор она ничего им не видела.

Поверье о мази для глаз, дающей способность видеть невидимое, широко распространено среди населения Европы как кельтского, так и романского происхождения. Примеры бытования этого поверья весьма многочисленны.

Миссис Брэй передает рассказ женщины-провидицы из Тэвистока, которую однажды ночью вызвали к рожавшей фейри и которая, получив мазь, чтобы натереть глаза ребенку (она сочла, что раз мазь полезна для младенца, то и ей не повредит), втерла остатки в собственные глаза; мгновенно все вокруг нее явилось в истинном виде, наваждение рассеялось. В следующий базарный день она увидела старика, провожавшего ее к роженице, который таскал провизию с лотков, и заговорила с ним. «Как! — воскликнул тот. — Ты меня видишь?» — «Вижу ли? Конечно, вижу, и вижу, чем ты занимаешься!» — «А скажи-ка, которым глазом ты все это видишь?» — «Правым» — «Ну так, за то, что взяла чужое, больше ты меня не увидишь!» Он ударил ее в глаз, и с того часа до самой смерти она была слепа на этот глаз.

Похожую историю рассказывают о крестьянине и его жене из Нижнего Виттона.

Автор «Round about our Coal fire» говорит: «Едва кто-либо заметит их (фейри) и

признается в том, как ослепнет на один глаз».

Ритсон рассказывает, что женщина, оказавшаяся в обществе фейри, окликнула одного из гостей, которого увидела на рынке продающим «масло фейри». Эта вольность была встречена весьма неодобрительно и стоила ей того глаза, которым она впервые заметила фейри.

В шотландских легендах мы встречаем фейри, которые, оставив младенца молодой кормилице из Нитсдэйла, натерли ей глаза мазью, дающей способность видеть невидимых другим фейри. Ей удалось сохранить немного мази. Повстречав однажды даму-фейри, кормилица попыталась пожать ей руку. «Каким глазом ты меня видишь?» — спросила та. «Обоими», — ответила женщина. Фейри дунула ей в глаза, и мазь утратила свое действие.

Кейтли пересказывает сведения, полученные от дамы из Северного Уэльса, о цыганке, которая пригласила рассказчицу, желавшую увидеть фейри, встретиться с ней при луне на вершине Крэги-Диннис. Там она промыла ей глаза содержимым сосуда, который принесла с собой, и дама немедленно увидела тысячи фейри, танцевавших при луне под звуки множества арф.

Жерве Тильбюриийский, хронист XII столетия, говорит о неких водяных духах в Южной Франции, называемых «драками». Они принимают человеческий облик и появляются на рынках. Говорят, что обитают они в речных пещерах и заманивают купающихся детей и женщин, принимая вид золотых колец или чаш. Купальщика, нырнувшего за ними, внезапно утаскивают на дно. Такое часто случается с кормящими женщинами, которых драки принуждают вскармливать их собственных отпрысков. Некоторые через семь лет с наградой возвращаются в свой мир. Они рассказывают, что жили вместе с драками и их женами в просторных пещерах под берегом реки. О мужчинах, захваченных подобным образом, говорят, что драки ими питаются.

Однажды драк угостил женщину, бывшую у него в услужении, пирогом с угрями. Та нечаянно провела жирными пальцами по глазу и щеке и тут же приобрела зрение, позволявшее ясно и отчетливо видеть под водой. Отслужив три года и возвратившись домой, она однажды ранним утром встретила знакомого драка на рынке в Бокаре, приветствовала его и спросила о здоровье хозяйки и своего молочного сына. «Каким глазом ты меня узнала?» — спросил драк. Она указала на глаз, который смазала жиром от пирога. Драк ткнул ей в этот глаз пальцем и мгновенно сгинул.

Рог Ойстада

У реки Нид в Ниденесе есть поместье под названием Нерстен, в котором жил некогда человек по имени Сиур. Был он богат и влиятелен, потому что кроме Нерстена владел еще шестью поместьями и богатым форелевым ловом в реке Нид; однако, что много важнее прочего, была у него дочь, красивее всех девушек в округе. Она была обручена с человеком из Вестланда по имени Ринг, но богач Сиур не желал такого зятя, хотя дочь его очень любила. Влюбленные все же не сдавались, и в Иванов день, пока отец был на заутрене в ойстадской церкви, Ринг явился в поместье и нашел свою возлюбленную. Хотя отец из предосторожности запер ее в шкафу — которые в то время ставились в ногах кровати, — уголок передника девушки торчал наружу. Ринг освободил девушку, и влюбленные бежали, а Сиур, едва обнаружив пропажу, вскочил на коня и помчался в погоню. По дороге его остановил тролль, который вышел из горы и приветливо предложил рог с напитком. Сиур не стал пить, а выплеснул рог через плечо, однако несколько капель упали на круп коня и обожгли ему шкуру. Тут Сиур, который с самого начала заподозрил неладное, пришпорил коня и поскакал прочь, не выпуская рога из рук, а тролль помчался за ним по пятам. Он совсем пропал бы, если бы не помог ему другой тролль, враждовавший с первым и крикнувший беглецу, как раз выехавшему на край большого поля: «Скачи через рожь, а не через пшеницу!» Последовав его совету, Сиур оторвался от преследователя, которому было не так легко продираться сквозь высокую рожь. Опасность совсем миновала, когда он

добрался до поместья Брингсвер. Тут прокричал петух, и тролль исчез. Сиур же без промедления продолжал погоню и настиг беглецов у холма, где они остановились передохнуть. Увидев друг друга, мужчины взяли за ножи, и в поединке Сиур поразил Ринга в живот, отчего тот испустил дух.

За это убийство Сиуру пришлось заплатить большие деньги. Рог, который он унес, хранится в семье до сих пор. О судьбе дочери предание умалчивает.

Этот (во всяком случае, схожих очертаний) рог, долго передававшийся по наследству в семье Сиура, был подарен шкипером Бергом публичной библиотеке и музею Арендальской школы, где он и находится теперь. Рог очень красив и украшен тремя серебряными кольцами с латинской надписью монастырским унциальным письмом: «Caspar, Melchior, Baltazar».

Происшествие, напоминающее описанное выше, случилось много лет назад близ Хахаугера в Халлингдале, где в канун Рождества женщина подземного народа поднесла рог с питьем человеку по имени Гудбранд Хольберг; он же выплеснул напиток через плечо и ускакал с рогом. Троллиха прокляла Гудбранда, и все его потомки до девятого колена были отмечены в наказание каким-либо телесным изъяном. Этот рог, долго хранившийся в Хатстенгаарде в Аале, вмещал почти три кварты и был окован толстым кольцом золоченой меди, шириной примерно в три дюйма, на котором монастырским письмом было выбито: «Melchior, Baltazar, Caspar». В середине была вставлена медная золоченая пластинка, в которую был вделан драгоценный камень овальной формы.

Свадьба ульдра

Некий сноровистый молодой парень из Нордланда, положив над встреченной в лесу ульдра ствол своего ружья, получил над ней власть и взял в жены. Они жили счастливо, и был у них ребенок, но вдруг, когда вечером ребенок играл у очага, ульдра сидела за прялкой, а муж занимался своей работой, дикая натура взяла над ней верх, и ульдра сказала мужу, глядя на ребенка, что из него вышло бы отличное жаркое на ужин. Муж пришел в ужас, и жена, осознав, что она сказала, сменила тон и умоляла забыть ее слова. Но муж не забыл: ужасные слова звучали у него в ушах, и он видел в них проявление истинной природы его уже не столь красивой жены. Миру в доме пришел конец. Из доброго человека муж превратился в мрачного ворчуна, то и дело попрекал жену ее дьявольским предложением, проклинал час, когда решил жениться на ней, дурно с ней обращался и даже стал побивать. Так продолжалось полгода. Жена терпела и каялась. Однажды она пошла в кузницу, чтобы посмотреть на работу мужа, но он опять принялся корить ее. Дело дошло до побоев, и она, чтобы доказать ему, кто сильнее, схватила железный стержень и связала им мужа, словно проволокой. Тут ему пришлось смириться и поклясться не нарушать мира в семье.

Ниссе, или нисс

Это сверхъестественное существо весьма напоминает английского гоблина, шотландского брауни, немецкого кобольда и голландского каботера. В добрые старые времена ниссе были гораздо многочисленнее, чем в наши дни. Ростом они не больше ребенка, одеваются в серое и носят остроконечные красные шапочки. Обитают обычно в конюшнях и амбарах, где помогают ухаживать за скотиной и лошадьми, к которым привязываются так же, как люди. Не раз случалось, что ниссе отгребал сено в яслях от других лошадей к своей любимице. Он любит пошалить, иногда выпускает всех коров в коровнике или дразнит скотниц, то задувая свет, то удерживая сено так крепко, что бедные девушки не могут набрать ни пучка; когда же они потянут со всей силы, ниссе вдруг отпустит сено, так что они шлепаются наземь. Ниссе при этом радуется и ржет как лошадь. Если он привязан к хозяину дома, то будет всячески ему помогать. Не раз случалось, что они заимствовали сено и прочие вещи у соседей в пользу своего хозяина. Когда иной раз ниссе двух соседних домов поссорятся, то так и видишь, как сено и солома летят во все стороны.

Они услужливы для тех, кто с ними в дружбе, но зло мстят за пренебрежение или насмешки, поэтому неудивительно, что люди стараются заслужить их расположение. В ночь на Рождество и в Великий четверг многие ставят для них сладкую кашу, пироги, пиво и т. п. Если угощение придется им по вкусу — а ниссе бывают привередливы, — они с удовольствием его съедают. Насмешек и презрения ниссе не терпит, и, поскольку он очень силен, несмотря на малый рост, противнику часто приходится туго.

Один крестьянин, который зимним вечером встретил на дороге ниссе и властно приказал ему убраться с дороги, оглянуться не успел, как перелетел через изгородь прямо в сугроб. А с одной девушкой, которая рождественской ночью угостила его кашей вместе с градом насмешек, он сплясал такой танец, что беднягу на следующее утро нашли в амбаре мертвой.

Они любят лунный свет, и зимой иногда видят, как они забавляются, катаясь на салазках или прыгая через изгороди. Хотя они бойки и проказливы, но не всегда любят шум и суматоху. На Рождество и в сочельник ниссе предпочитают вести себя смирно. В целом ниссе в народе любят и во многих местностях называют «добрыми парнями».

Из всех сверхъестественных существ норвежский крестьянин наиболее убежден в существовании ниссе. Последний, хотя и принадлежит к роду гномов, отличается от них своей подвижностью и хорошим сложением, а также тем, что селится в амбарах и конюшнях, к которым настолько пристрастен, что не переносит переезда. Часто, если амбар сносили, ниссе покидал семью, унося с собой удачу. За свое пристрастие к «тофтам» — старым усадьбам — ниссе получил прозвание *тофветте*, *томтветте* и *гардбо*.

Часто они живут в высоких деревьях, посаженных вокруг дома, отчего следует остерегаться рубить эти деревья, особенно самые старые. Те, кто пренебрегал этим правилом, не раз бывали наказаны неизлечимой болезнью.

Вервольф

Вера в существование людей, способных превращаться в волка или медведя (усебьёрн) и снова возвращаться в собственный облик, столь же повсеместна, сколь и стара. Эта способность либо передается людям от троллей, либо тот, кто ею обладает, сам тролль. В «Саге о Вельсунгах» мы находим ранние следы этого поверья. Весьма характерен, например, такой отрывок: «Вот однажды выходят они в лес на добычу и находят дом некий и двух людей, спящих в доме, а при них толстое золотое запястье. Эти люди были заколдованы, так что волчьи шкуры висели над ними: в каждый десятый день выходили они из шкур; были они королевичами.

Сигмунд с сыном залезли в шкуры, а вылезть не могли, и осталась при них волчья природа, и заговорили по-волчьи: оба изменили говор. Вот пустились они по лесам, и каждый пошел своей дорогой. И положили они меж собой уговор нападать, если будет до семи человек, но не более; и тот пусть крикнет по-волчьи, кто первый вступит в бой».

Мара

Мара (англ. *mare* в *nightmare*, рус. *кошмар*) принадлежит к тому же семейству, что и оборотни. Внешне она напоминает прекрасную женщину, но на деле относится к самым вредоносным троллям. Она проникает сквозь запертые двери и нападает на спящих, садится на них и ужасно мучает. О людях, которых посетила такая ночная гостья, говорят, что на них ездит мара, и часто они задыхаются почти насмерть. Она не удовлетворяется тем, что мучает спящих людей, но ездит на конях и на овцах. В Теллемарке ее называют «муро», и там, как и в других местах, существует множество способов избавиться от нее. Один из самых действенных — обернуть нож одеждой и предписанным образом трижды обвести им вокруг тела, повторяя при этом особый стихотворный заговор.

Подобно другим сверхъестественным существам, мара способна проникать в самое

малое отверстие, но, опять-таки подобно им, непременно должна выйти тем же путем, каким вошла, хотя бы все окна и двери были открыты. Отсюда ответ Мефистофеля Фаусту, который спросил, почему демон не желает удалиться через окно:

Чертям и призракам запрещено
Наружу выходить иной дорогой,
Чем внутрь вошли; закон на это строгий⁷⁰.

В «Саге об Инглингах» есть рассказ о Ванланди, короле шведов, которого мара задавила насмерть. Когда люди поддерживали ему голову, мара давила на ноги, когда же они стали держать ноги, так навалилась на голову, что король умер. Скальд Тьодольв рассказывал об этом событии так:

Ведьма волшбой
Сгубила Ванланди,
К брату Вили
Его отправила,
Когда во тьме
Отродье троллей
Затоптало
Даятеля злата.
Пеплом стал
У откоса Скуты
Мудрый князь,
Замученный марой⁷¹.

Духи

Почти в каждом народе бытует верование, что души умерших находят удовольствие в посещении мест, где при жизни испытали радость или горе и страдание. Отсюда распространенное мнение, что души убитых предпочитают бродить вокруг мест, где похоронены их тела, и появляются, чтобы призвать мечь на голову убийцы. Глазам суеверных они предстают иногда как белые призраки на церковном дворе или кладбище, останавливают лошадей, пугают людей и производят шум и беспорядок; иногда как казненные преступники, бродящие под луной вокруг места казни, держа под мышкой собственную голову. Иногда они до синяков щиплют спящих, и такие отметины называются «пятна призраков» (*dodningepletter*) или «щипки призраков» (*dodningeknib*). Такие призраки не могут найти покоя в могиле из-за преступлений, совершенных ими самими или против них, пока у них не спросят, чего они желают: после этого они больше не появляются. Пули, порох и оружие против них бесполезны, зато крестное знамение и формула экзорцизма заставляют их исчезнуть. Следует упомянуть и так называемых «утбурдов», или «удборе», которые в некоторых областях плачут, как дети, в лесах и заманивают к себе людей, а в других местах обитают на крутых горах и у пустынных побережий и считаются душами убитых младенцев.

Датское название духа — «гиенгангер», или «гиенфард», в точности соответствует французскому *revenant* («явившийся снова»). Вера в духов глубоко запечатлелась в умах

⁷⁰ И-В. Гете. «Фауст». Часть 1. Перевод Б.Л. Пастернака. — *Примеч. ред.*

⁷¹ Перевод М.И. Стеблин-Каменского. — *Примеч. ред.*

язычников-северян, вера, тесно связанная с представлением о состоянии после смерти. Душа, полагали они, возвращается к месту, откуда возникла, в то время как тело и плотская жизненная сила, связанная с ним, отправляются во владения Хель, или Смерти. С этим естественно сочетается идея, что ушедшая душа может возвращаться на землю из своего небесного жилища и по ночам воссоединяться на могильном кургане с телесной тенью, освободившейся из царства Хель. Таким образом мертвые могут показываться в открытых могильниках в том же виде, который имели при жизни.

В «Саге о людях с Песчаного берега» приводится рассказ об изгнании из дома целого сонма духов посредством судебного процесса⁷².

Нок

Норвежский нок (нор, нир, *шв.* нек) обитает обычно в реках и озерах, а иногда во «фритах» (фьордах). Он ежегодно требует человеческих жертв, и потому каждый год в омутах вод, обитаемых ноками, гибнет хотя бы один человек. Когда кто-то тонет, часто слышат, как нок кричит гулким, неземным голосом: «*Saet over!*» («Переходит!»). Нок может превращаться во все что угодно. Иногда он появляется в виде половины лодки в воде или половины лошади на берегу, иногда в виде золота или других сокровищ. Если человек коснется такого предмета, нок сразу получает над ним власть. Особенно жаден он до маленьких детей. Однако опасен нок только после заката. Приближаясь к любому водоему, не вредно сказать: «Ник, ник! Игла в воде! Дева Мария бросила в воду сталь. Ты тонешь, я плыву!»

Нок известен во многих местностях под именем «соетрольд» (водяной дух), который, говорят, всегда обитает в воде и имеет много голов. Если человеку грозит кораблекрушение, он должен обещать ноку сына или дочь за свое спасение, водяной же, со своей стороны, обеспечит ему тогда богатство и удачу. Он часто меняет вид, а имя получает по тому месту, где обитает. В одной части Норвегии, когда собирается гроза или шторм, он появляется в облике большого коня, который своими чудовищными копытами бьет и волнует воду. В тех же водах обитает другое создание, именуемое «вигтрольд», испускающее ужасные вопли при приближении опасности.

Как ни опасен нок, случается ему встретить противника сильнее себя. В порогах Зунда, как говорит легенда, долго жил нок, причинявший гибель многим, пытавшимся пробиться вверх или вниз по течению. Некий священник решился разделаться с этой напастью. Он взял с собой четверых крепких мужчин и приказал им грести что есть мочи вверх через порог. Дважды они пытались выгрести, но течение сносило их обратно. На третий раз заметили, что священник, добравшийся до верховья порога, опустил руку в воду и вытащил маленькую черную тварь вроде собачонки. Потом он приказал людям грести дальше, а сам надежно зажал пойманного между ступнями и хранил полное молчание. Добравшись до каменного холма Твета, он заключил в него нока. С тех пор никто не погибал на порогах.

⁷² Ср. замечание А.Я. Гуревича в статье «Сага и эпос»: «Покойники причиняли массу неприятностей жителям усадьбы Фрода и всячески им вредили — до тех пор пока им не был вчинен иск и не устроен судебный процесс в доме хозяев усадьбы — точно такой же процесс, какой возбуждали против живых преступников. Их обвинили во вторжении в жилище без разрешения и в лишении людей здоровья и жизни. Были назначены свидетели обвинения и соблюдены все необходимые формальности, как на суде тинга. После того как был вынесен приговор, призракам пришлось покинуть усадьбу и, подчиняясь судебному решению, более в нее не возвращаться. Выходя из дому, призраки произносили аллитерированные фразы, в которых заявляли о нежелании покинуть усадьбу. Вся сцена описана в "Саге о людях с Песчаного берега" столь же конкретно и наглядно, как и все другие эпизоды. Это «реализм», в сферу которого входят самые невероятные вещи!» — *Примеч. ред.*

В Исландии, где нока называют «хникур», он появляется в виде прекрасного серого коня, копыта которого развернуты задом наперед, и пытается заманить людей себе на спину, а потом галопом уносит их в воду. Случалось, что попытки укротить его увенчивались частичным успехом и хникара заставляли работать, хотя и недолго.

На Фарерских островах «никар» обитает в реках или озерах, куда затягивает людей, чтобы утопить их.

В Шотландии нока называют ракушечником; это создание, покрытое водорослями и ракушками мидий, а также «келпи», который, по крайней мере у горцев, принимает вид коня. На Оркнейских островах он имеет вид маленькой лошадки или принимает облик некоего человека по имени Танги, «лошадиного обличья и с громадными тестикулами». На Шетландских островах он зовется «шупилти» и имеет вид красивой маленькой лошадки, которая приглашает встречного забраться на нее и уносит его в море. Ему традиционно приносят в жертву кружку пива.

Якоб Гримм в «Германской мифологии» интерпретирует название «ракушечник» (*shellycoat*) как производное от германского *shellenrock* («колокольная шкура») и предполагает, что данное существо получило свое прозвище от шкуры, увешанной колокольчиками; Гримм приводит в пример гоблина, который тридцать лет служил на кухне и в конюшне Мекленбургского монастыря. Тот казался добродушным и требовал для себя только «*Tunicam de diversis coloribus et tintinnabulis plenam*» («цветных одежек и плаща с колокольчиками»).

Норвежский нок и шотландский келпи — одно и то же существо. Когда один из Грэхэмов из Морфи строил старый замок, он заручился помощью келпи, или водяной лошадки, использовав проверенное средство: набросил ему на голову пару «бранков» (нечто вроде ярма). Исполнив свою работу, келпи получил свободу и, прежде чем вернуться в реку, сказал:

«Болят спина и кости,
оттого что таскал камни лэрду Морфи.
Не знать лэрду Морфи удачи,
пока келпи жив!»

Грим, или фоссегрим

Близкий родич нока — норвежский грим-музыкант, или фоссегрим. Он обычно играет в темные тихие вечера, заманивая к себе людей, и обучает игре на скрипке или других струнных инструментах тех, кто в ночь на четверг принесет ему в дар, отвернув лицо, белого козленка, которого надо бросить в водопад, низвергающий воду к северу. Если жертвенный козленок окажется тощим, ученик не продвинется дальше умения настроить скрипку, а если жирным, фоссе-грим схватит музыканта за правую руку и станет водить ею взад и вперед, пока у ученика на кончиках пальцев не выступит кровь. После этого обучение считается законченным и ученик может играть так, что под его музыку запляшут деревья и замрут водопады.

Роре-трольд

В Рореванде в Неденэсе, на озере, окруженном крутыми горами и открытым всем ветрам, живет тролль по имени роре-трольд. Он принимает различный вид: когда коня, когда воза с сеном, когда огромной змеи, а иногда и сразу нескольких лиц. Зимой, когда лед толще всего, иногда ночью в нем появляется длинная и глубокая расщелина, в которой видны осколки льда. Все это — работа роре-трольда.

Брунмиги

Еще один довольно вредный тролль — брунмиги, который, как предполагается, живет у ручьев и гадит в источники. Его имя (от *brunn* — «источник» и *miga* — «мочиться») полностью выражает его природу.

Кваренкнурре

Это существо, кажется, во многих отношениях идентично фоссегриму. В Гьеррестаде был прежде обычай класть на жернов свежий хлеб, ставить кружку пива или еще что-нибудь в этом роде, чтобы кваренкнурре добавил муки в мешки. Какое-то время он обитал в Сандагерском водопаде, где была тогда мельница. Часто, едва мельник начинал молотить зерно, колесо останавливалось. Мельник, догадываясь, что ему досаждают кваренкнурре, прихватил однажды вечером с собой горшок смолы и развел под ним огонь. Едва он запустил мельницу, колесо, как обычно, встало. Тогда он ткнул вниз шестом, рассчитывая отогнать кваренкнурре, но тщетно. Наконец он распахнул дверь и увидел кваренкнурре, который стоял, распахнув рот так, что нижняя челюсть опиралась о порог, а верхняя касалась притолоки. Он сказал мельнику: «Видал ты когда-нибудь такую пасть?» Схватив горшок со смолой, мельник выплеснул его в разинутый рот со словами: «А ты пробовал когда-нибудь такой горячий супчик?» Взвыв, кваренкнурре скрылся, и больше его не видели.

Весьма напоминает кваренкнурре уриск с Шетландских островов. Его описывают как уродливого мохнатого духа, запускающего мельницу по ночам, когда молотить нечего. Он с воем убирается прочь, если сыпануть ему, спящему, на колени горячей золы.

Финнгалкн

Это чудовище часто упоминается, хотя в точности не описывается, в поздних романтических сагах. Судя по этим сагам, у него человечесья голова с огромными зубами, звериное тело и большой тяжелый хвост, ужасные когти и по мечу в каждой лапе.

Птица Гертруды

В Норвегии красноголовый черный дятел известен под именем птицы Гертруды. Происхождение этого прозвища следующее. «Когда Господь со святым Петром, — гласит легенда, — странствовали по земле, пришли они к женщине, которая как раз пекла лепешки. Звали ее Гертруда, и на голове у нее была красная шапочка. Устав и проголодавшись после долгого пути, Господь попросил у нее лепешку. Она взяла немного теста и стала печь, но тесто поднялось так, что заполнило всю сковороду. Решив, что для милостыни этого многовато, женщина взяла еще меньше теста, и снова стала печь, но тесто снова заполнило всю сковородку. Тогда она взяла совсем немного теста, а когда и оно разрослось до того же размера, Гертруда сказала: "Придется вам обойтись без подаяния, потому что мои лепешки для вас велики". Тут Господь разгневался и сказал: "В наказание за то, что ничего мне не дала, ты станешь маленькой птицей, станешь разыскивать сухую пищу под корой, а пить будешь, только когда пойдет дождь". Едва он это сказал, как женщина превратилась в "птицу Гертруды" и вылетела в кухонную трубу». И по сей день ее видят с красной головкой и черным телом, оттого что она вымазалась в золе. Она всегда долбит кору деревьев ради пропитания и высвистывает дождь, потому что всегда жаждет и надеется напиться.

Дикая Охота, или Асгардрейя

Эта ватага состоит из тех, кто при жизни сделал слишком мало добра, чтобы заслужить небесное блаженство, но и не так много зла, чтобы попасть в ад. Ее составляют пьяницы,

дебоширы, певцы непристойных песен, искусные обманщики и те, кто ради выгоды лжесвидетельствовал. В наказание они должны скакать над землей до конца света. Во главе Охоты едет Гурорисса, или Рейса-Рова, со своим длинным хвостом, по которому ее легко отличить от других. За ней следует множество мужчин и женщин. Если смотреть спереди, и всадники, и кони кажутся высокими и красивыми, но сзади ничего не видно, кроме длинного хвоста Гуро. Лошади у них черны как уголь, а глаза горят в темноте огнем. Погоняют лошадей раскаленными докрасна кнутами и железными поводьями, которые, вместе с воплями всадников, производят ужасный шум, слышный издалека. По воде они скачут как посуху, и копыта коней едва касаются поверхности воды. Если они сбросят седло на крышу дома, там кто-нибудь скоро умрет; а предчувствуя пьяную драку и смертоубийство, они устраиваются на карнизе над дверью. Пока все спокойно, они ведут себя тихо, но ржут от смеха и звенят своими железными кнутами, когда начнется драка и кого-нибудь зашибут до смерти. Выезжают они чаще всего на Рождество, когда повсюду много пьют. Услышав приближение Дикой Охоты, нужно убраться с их дороги или лечь вниз лицом и притвориться спящим, потому что бывали случаи, когда застигнутого врасплох человека охотники увлекали за собой и потом либо возвращали на то же место, либо бросали ополоумевшего беднягу вдали от жилья. Человек, который примет эти меры предосторожности, может не опасаться ничего, кроме того, что сверху его оплюют. Когда ездоки промчатся, он, в свою очередь, должен плюнуть им вслед, иначе можно заболеть.

Дикая Охота Одина. Иллюстрация XIX в. к «Старшей Эдде». На рисунке можно различить постоянных спутников верховного аса — воронов и волков, а также оленя (Эйктюрмир?) и вепря.

Это примечательное предание, само название которого указывает на языческие истоки, известно, по крайней мере по названию, в большей части провинции Христиансанд, но наиболее подробно рассказывается в Верхнем Теллемарке. Там говорят об Аскере, или Асанерферде, которую нельзя видеть, а только слышать. Они пожирают «фладбред» (тонкие лепешки), масло и т. п., приготовленные к Рождеству, если те не перекрестили прежде, чем убрать в кладовую.

В одном районе Норвегии человек, услышавший приближение всадников, должен броситься ничком, иначе его душа последует за ними, а тело останется лежать на земле. К тому времени, как душа возвратится, тело уже ослабеет и останется таким навсегда. Кое-где этих всадников называют «аскерейя», в других местах — «хоскельрейя». Иногда они со страшным шумом проносятся по воздуху, иногда их можно встретить ночью на дорогах, верхом на черных конях с горящими глазами. В ночь перед Рождеством и в три рождественские ночи они буйствуют больше всего, и крестьянин, забывший положить засов перед своими конями или начертить крест над дверью в конюшню, может быть уверен, что найдет животных утром взмыленными и заезженными, потому что хоскельрейя каталась на них, а бродячие мертвецы — это не тот народ, который жалеет коней.

Наиболее распространено поверье, что во главе Дикой Охоты стоит бог Один.

Морские мужи и морские девы

Моряки и рыбаки в тихую погоду видят иногда, как из спокойных глубин моря поднимаются морские мужи и девы. У морских мужей темная кожа и черные волосы. Выше пояса они подобны человеку, а ниже — рыбе. Морские девы прекрасны выше пояса, а ниже у них, как и у их мужей, рыбы хвосты. Дети их зовутся «мармелер», рыбаки иногда ловят их и забирают домой, чтобы узнать от них будущее, потому что и дети, и мужи, и девы морского народа могут предвидеть грядущее. Теперь редко услышишь речь или песню морской девы. Моряки, увидев их, не радуются, потому что они предвещают шторм.

Причинять им вред опасно. Некий моряк подманил однажды морскую деву так близко, что та положила руку на корму его лодки, и моряк отрубил ее. За эту жестокость он был захвачен штормом и едва не погиб. Святой Олав, по легенде, во время одного из своих викингских походов повстречался с морской девой, которая сладкой песней пыталась убаюкать моряков, чтобы увлечь их потом на дно. Если, ныряя в воде, они поворачивают к кораблю, это дурной знак, а если от корабля — то добрый.

Вера в морских мужей и дев столь же стара, сколь повсеместна. По словам Жерве Тильбюриейского, в английских водах также водятся морские девы. Упоминаются они и в исландских сагах. В Ирландии их называют *merrow* и рассказывают о них то же, что в других странах.

Морской змей

В пресных водах и в море у побережья Норвегии, говорят, водятся огромные змеи, различающиеся как величиной, так и видом. По общепринятому поверью, они прежде жили на суше, в лесах и среди каменистых холмов, откуда, когда стали слишком большими, переселились в озера и заливы, а достигнув гигантского роста — в океан. Они редко показываются на глаза, и их появление считается предвестием важных событий. В большинстве сколько-нибудь крупных озер и рек их видели в старину раз или два, когда они поднимались из глубины. В пресных водоемах их на памяти ныне живущих уже не видели, но в мертвый штиль они порой показываются во фьордах или «фиртах». После Черной смерти⁷³, по преданию, два больших змея прошли от Форске мимо города к «логу» (баням), где одного, говорят, можно найти и сейчас, а другой примерно через двести лет попытался добраться до устья реки и погиб на порогах. Его вынесло к Дронтхейму, где он стал разлагаться и испускал такую вонь, что никто не мог подойти близко к тому месту.

В Лундеванде, на Листерере, есть огромная змея, которая показывается только перед смертью короля или большими переворотами. Некоторые уверяют, что видели ее. Также и в Болларватне жил прежде морской змей с телом толщиной с годовалого теленка и с хвостом шести локтей в длину. Он уничтожал рыбу, а жил под маленьким островком под названием Сванвиско. Но из всех змей, населявших северные воды, ни одна не прославилась так, как змеи Миоса. В старых записях мы читаем рассказ об ужасной змее, которая появилась со стороны островов и двинулась к «землям короля», но тут же исчезла. Подобным образом появлялись день за днем и змеи Миоса. Они причудливо извивались и вздымали воду на значительную высоту. Наконец уже упоминавшаяся гигантская змея появилась второй раз и стремительно поползла вверх, на утес. Глаза у нее были как днища бочек, а с шеи свисала длинная грива. Застряв на скале, она стала биться об нее головой, и тогда один из слуг епископа, смелый парень, взял стальной лук и стал пускать стрелу за стрелой змее в глаз, так что вода кругом окрасилась ее зеленой кровью. Эта змея, являвшая в себе множество цветов, была ужасна на вид. Она издохла от полученных ран и стала так вонять, что окрестные жители по приказу епископа собрались и сожгли ее. Скелет еще много лет лежал на берегу, и взрослый парень едва ли мог поднять хоть один позвонок.

Морской змей нападает на корабль. Из книги Олауса Магнуса «Морская карта» (XVI в.).

Также рассказывают о морской змее, обвившейся вокруг большого колокола из Хаммера, который во время Семилетней войны утонул в Акерсвиге и еще виден на дне,

⁷³ Черная смерть — эпидемия чумы, поразившая Европу в середине XIV в. Рассказывают, что погибло две трети населения Норвегии.

когда вода прозрачна. Все попытки вытащить его были тщетны, хотя однажды удалось поднять его до поверхности воды.

С этой миоской змеей шутки плохи, как видно из отчета 1656 года, помещенного в «Естественной истории Норвегии» Понтониана. Такая водяная змея сухим путем добралась от Миоса в Спириллен и, возможно, была той самой, что показывалась в озере в преддверии тяжелых и грозных времен. «Она выглядела как огромная мачта и опрокидывала все на своем пути, будь то дом или дерево. Ее громкое шипение и ужасный рев повергали в трепет всю округу».

Не приходится отрицать, что подобные морские змеи появляются в тихую погоду у побережья Норвегии, поскольку даже в наши дни их видели достойные доверия лица, к свидетельству которых можно добавить рассказ Гибберта; последний пишет: «Существование морского змея, чудовища пятидесяти пяти футов длиной, доказывается животным, выброшенным на берег на Оркнейских островах, его позвонок можно увидеть в Эдинбургском музее».

Среди исследователей старины наиболее плотно занимался морскими змеями Эрик Понтониан, который в своей «Естественной истории Норвегии» приводит два описания морских змеев. По его свидетельству, основанному на рассказах моряков Берегена и Нордланда, видевших чудовище своими глазами, живут эти змеи в глубинах океана, и только в тихую погоду в июне и в июле поднимаются к поверхности и снова уходят вглубь, едва ветер начнет рябить зеркало вод. Вот показания командора де Ферриса, данные в 1746 году перед судом. «Морской змей, которого он видел в окрестностях Мольты, имел голову, напоминающую лошадиную, и держал ее, подняв примерно на локоть от воды. Цвет сероватый, с черным рылом, очень большими черными глазами и длинной белой гривой, свисавшей с шеи в море. Были также видны семь или восемь витков его тела, очень толстого. По приблизительной оценке между витками было около фатома». По свидетельству епископа Тухсена из Херо и некоторых священников из той же местности, «эти морские змеи были толщиной в двойной *хогсхед* (бочка вместимостью до 530 литров), с большими ноздрями и голубыми глазами, которые издали напоминали пару блестящих оловянных тарелок. На шее была грива, издали похожая на морские водоросли».

Драконы

Предания о драконах, летающих ночами по воздуху и извергающих огонь, очень распространены, и по всей стране показывают норы в земле и в горах, откуда они выпускали огненные струи, когда надвигалась война или другое бедствие. Когда драконы возвращались в свои логова — где стерегли груды сокровищ, собранные, по некоторым рассказам, на дне моря, — слышно было, как за ними захлопываются тяжелые железные двери. Они свирепы и изрыгают испепеляющее пламя, так что вступать с ними в бой опасно.

Под церковью в Агерсе, которая стоит на четырех золотых колоннах, стережет огромные богатства дракон. Его видели вскоре после последней войны, когда он вылетал из норы неподалеку от церкви. В прежние времена огненных драконов с длинными хвостами видели вылетающими из Драконьей пещеры на Сторе в Аадале, из Драконьего холма на Развоге и во множестве других мест. То же случается и в наши дни.

Драконов можно победить, как доказывает старинная легенда, повествующая о священнике по имени Андерс Мадсен, который, говорят, жил в 1631 году и застрелил дракона, стерегшего груды серебра в так называемой Драконьей горе близ Тведеванда.

Важная роль, которую играли драконы и огненные драки в старинных песнях, легендах и романах, где убийство дракона было первым доказательством доблести героя, возможно, породила многочисленные предания, связанные с этими чудовищами. Случайных электрических разрядов, шаровых молний и тому подобного оказалось достаточно, чтобы поддерживать веру в них.

Наибольшую известность в эпосе и фольклоре получил дракон Фафнир, сраженный

прославленным героем Сигурдом. В «Саге о Вельсунгах» сказано:

А когда змей тот пополз к воде, то задрожала вся округа, точно сотряслась земля, и брызгал он ядом из ноздрей по всему пути, но не утратился Сигурд и не испугался этого шума. А когда змей проползал над ямой той, вонзил Сигурд меч под левую ключицу, так что клинок вошел по рукоять. Тут выскакивает Сигурд из ямы той и тянет к себе меч, и руки у него — все в крови по самые плечи. И когда огромный тот змей почувал смертельную рану, стал он бить головой и хвостом, дробя все, что под удар попадало. И когда принял Фафнир смертельную рану, стал он спрашивать:

— Кто ты таков, и кто твой отец и какого ты роду, что дерзнул занести на меня оружие?

Сигурд отвечает:

— Род мой неведом, и имя мне — Статный Зверь, и нет у меня ни отца, ни матери, и один совершил я путь.

Фафнир отвечает:

— Если нет у тебя ни отца ни матери, то от какого же чуда рожден ты? И если ты скрываешь от меня имя свое в смертный мой час, то знай, что ты — лжец.

Тот отвечает:

— Называюсь я Сигурд, а отец мой — Сигмунд.

О святом Олаве

Святой Олав, норвежский народный герой, до сих пор живет в памяти народа, хотя лишь несколько смутных преданий сохранились о его не менее доблестных предшественниках и последователях. Обратимся же к истории этого человека, чтобы лучше понять причину его великой славы.

Олав родился в 995 году; его отец, Харальд Гренске, принадлежал к роду Харальда Харфагра (Харальда Прекрасноволосого), а мать, Аста, была дочерью Гудбранда из Упланда. На третьем году жизни его окрестили, и конунг Олав сын Трюггви стал его крестным отцом. В молодости он ходил в грабительские походы, в которых набрался опыта и знания военного дела. При поддержке могущественных родичей и друзей, а также благодаря собственной мудрости и военному искусству, он завладел королевством отца и правил им пятнадцать лет, твердо и к большой его славе. Усилия Олава были направлены главным образом на полное установление в Норвегии христианского вероисповедания, которое после смерти Олава Трюггвасона сильно пошатнулось; однако насильственные методы, которыми он действовал, а также его честолюбие и суровость вызвали к нему такую ненависть, что он счел за лучшее бежать от своих недовольных подданных, которых к тому же возмущал и поддерживал датско-английский король Кнут Великий, в Гардарику к князю Ярославу. Олав, который перед лицом несчастий начал разыгрывать святого, как раз собирался отправиться в Иерусалим, когда ему приснился Олав Трюггвасон и повелел возвратиться в Норвегию. Олав повиновался видению и с войском вернулся на родину, где в упорной битве при Стиккластед, в Вердале, потерпел поражение и погиб от рук мятежных подданных 29 июля 1030 года.

Вскоре после смерти Олава в народе заговорили о его святости и чудесах, свершавшихся над его телом. Народ верил в это тем охотнее, чем сильнее было недовольство его преемниками. Тело Олава, похороненное в песчаной дюне под Стиккластедом, было извлечено и оказалось нетронутым тлением, а волосы и ногти за эти годы отросли. Гримкелл, придворный епископ Олава, объявил его святым, и тогда все общество утвердилось в мысли о его святости.

Тело конунга было положено его сыном, Магнусом Добрым, в драгоценную гробницу и помещено у высокого алтаря в церкви святого Клементия в Нидаросе (Дронтхейм), где, как позднее и в величественной Христовой церкви (ныне соборе), по слухам, совершались многочисленные чудеса. «Сага об Олаве Святом» из «Круга земного» говорит следующее:

«Из песчаного холма, где был сначала похоронен Олав конунг, забил чудесный родник. Водой из этого источника многие излечились от своих недугов. Этот источник огородили, и воду из него бережно охраняют с тех пор. Сначала там построили часовню, а на том месте, где лежало тело конунга, поставили алтарь. Теперь на этом месте стоит Церковь Христа. На том месте, где была могила конунга, Эйстейн архиепископ велел поставить главный алтарь, когда он построил огромный собор, который и теперь стоит. На этом же месте был главный алтарь и в старой Церкви Христа. Говорят, что на месте той хижины, где тело конунга оставили на ночь, теперь стоит Церковь Олава. А то место, куда мощи конунга перенесли с корабля, называется Склоном Олава, теперь это место — прямо в середине города».

День святого Олава, 29 июля, был высочайшим повелением объявлен главным всенародным праздником, а церкви в его честь возводились не только в Норвегии, но и в Дании, Швеции, России, Англии и даже в Константинополе. Толпы паломников стекались к гробнице святого Олава, и легендам о калеках, исцеленных там, и о других чудесах скоро был потерян счет.

Серебряная гробница святого Олава, выложенная золотом и драгоценными камнями, один из которых обошелся архиепископу Валькендорфа в двадцать *ластов* масла⁷⁴, по торжественным случаям, например, в ежегодный праздник святого или при выборах короля, выносилась шествием из шестидесяти человек и служила солидным источником доходов для духовенства и собора. Последний архиепископ, Олав Энгельбретсон, перенес ее с собой в крепость Стайнвиксхольм, где она, после его бегства, была захвачена шведским командующим Христофером Хвитфельдом, который отослал золоченую серебряную гробницу, весившую 3200 унций, вместе с другой серебряной гробницей, в которой хранились рубашки святого, в датское казначейство.

Когда в 1564 году шведы захватили Дронтхейм, они не нашли никаких сокровищ св. Олава, кроме его шлема, шпор и деревянного ящика, в котором хранилось его тело⁷⁵. Шлем и шпоры они увезли с собой в Швецию, где они все еще хранятся в церкви святого Николаса в Стокгольме, ящик же оставили в церкви, предварительно вытащив из него серебряные гвозди, оставленные датчанами. После изгнания шведов тело святого Олава и ящик были с величайшей торжественностью перенесены обратно в собор, где, по свидетельству современников, тело было найдено нетленным в каменной гробнице в 1567 году, и «кровь его до сего дня видна, и ее не отмыть ни водой, ни человеческими руками». На следующий год тело святого Олава было по указу короля покрыто землей.

Святой Олав больше не числится среди святых, и даже место, где он покоится, ныне забыто, но имя его еще живет, как доказывают многочисленные предания, которые свежи в памяти норвежцев. По всей стране находим следы деяний и многочисленных чудес святого Олава. Источники возникали там, где он испытывал жажду, и приобретали целебные свойства, если он пил из них; скалы расступались по его слову и заливы (зунды) возникали по его мановению; возводились церкви, а тролли встречали в нем врага, столь же грозного, как некогда в могучем Торе, от которого святой Олав унаследовал даже рыжую бороду. Во множестве мест показывают камни, в которые по воле святого Олава обратились тролли.

За пределами Норвегии святой Олав также долго жил в народных преданиях. В Дании и Швеции рассказывают о множестве мест, где святой Олав обращал троллей в камни. Так, однажды, когда он проезжал мимо церкви Далби в Вармеланде, какая-то троллиха обратилась к нему со словами:

⁷⁴ Около 40 тонн.

⁷⁵ Это, несомненно, был один из ящиков, в которых хранились серебряные гробницы. Что случилось с доспехами Олава, боевым топором, копьем и знаменем, врученным ему ангелом, когда он уснул на том месте, где был впоследствии убит, неизвестно. Примечание Б. Торпа. — *Ред.*

Олав, конунг остробородый,
Ты больно близко ко мне подошел!

На что он ответил:

Молчи, отродье троллей!
И ты, и весь твой скарб —
Вы в камень обратитесь
И впредь не будете губить добрых людей.

На Шетландских островах, как сообщает Гибберт, еще в восемнадцатом веке утверждали, что там имелся древний свод законов «святого Олла», об удивительных деяниях которого рассказывается в песнях, называемых «Виссаки». Предания Фарер приписывают святому Олаву отсутствие на острове лесов. Когда святой Олав спросил жителей острова, есть ли у них на родине леса, те, опасаясь, что он хочет обложить их новыми налогами, ответили отрицательно. «Да будет так», — сказал король, и в тот же миг все леса на Фарерах ушли в землю.

Происхождение большинства из этих удивительных преданий следует искать, вероятно, все в том же непонимании природы и в желании найти объяснение всему, что представлялось необычным; отсюда такое множество поверий о сверхъестественных существах. То, что язычество приписывало богам Вальхаллы и могучему Тору, искусные проповедники католицизма несомненно перенесли на могущественного гонителя веры в асов, чей топор заменил собой Мьелльнир Тора, а прославленный в преданиях скакун — упряжку козлов бога грома. Собственная слава Олава, рассказы благочестивых пилигримов и монашеские легенды постепенно превратили святого Олава в героя, которого невежественное и суеверное население считало способным на самые невероятные деяния.

О святом Олаве и первой норвежской церкви

В Норрланде рассказывают следующее предание о возведении первой в Норвегии церкви.

Однажды святой Олав бродил по лесам и горам в глубоком раздумье, гадая, как, не возлагая тяжелого бремени на народ, возвести замысленную церковь невиданного величия. Ему повстречался человек великанского роста, который спросил, о чем он задумался. «Как мне не задумываться, — ответил конунг, — если я дал обет построить церковь, больше и прекраснее которой нет в целом мире». Тогда тролль — а это был тролль — взялся к определенному сроку построить такое здание, с условием, что, если работа будет закончена к сроку, святой Олав отдаст ему солнце и луну и себя самого в придачу. Конунг согласился на это условие, решив про себя измыслить столь огромное здание, чтобы тролль никак не успел выстроить его к назначенному сроку. Церковь была так просторна, что семеро священнослужителей могли проповедовать в ней, не слыша и не мешая друг другу. Колонны и украшения, как внутри, так и снаружи, должны быть из самого твердого кремня; и еще множество не менее трудных условий были включены в договор. Однако гораздо скорее, чем требовалось по договору, церковь, как увидел святой Олав, была готова, и осталось только установить шпиль. Увидев это, конунг снова удалился в леса и горы в глубокой тревоге, думая о несчастливом уговоре. Вдруг он услышал из горы плач ребенка и голос великанши, успокаивавшей его такой песней:

Тише, тише, мой сынок!
Завтра Ветер и Буря,
твой отец, принесет луну
и солнце или самого святого Олава.

Тут конунг безмерно обрадовался, потому что тролли, как известно, всегда теряют силу, стоит христианину назвать их по имени. Вернувшись, он увидел великана, стоящего на вершине башни и устанавливающего шпиль, и крикнул ему;

Ветер и Буря,
шпиль поставил криво!

Тут же тролль со страшным криком рухнул с высоты и разбился вдребезги. Осталась от него только куча кремневых осколков. По другой версии тролля звали Слэтт, и Олав крикнул:

Слэтт, поставь прямее шпиль!

Еще в одной версии этой легенды тролля звали Бластер, и Олав крикнул:

Бластер!
Наклони шпиль на запад!

То же предание распространено и в других областях Норвегии. Тролля называют Скалле, а возводит он величественный собор Нидароса (Дронтхейма). Схожее поверье, касающееся имени демонов, известно и в Германии.

Святой Олав в Ваалере

Разъезжая по стране и утверждая христианскую веру, святой Олав посетил селение на восточном берегу Гломмена, которое, вместе с церковью и приходом, следующим образом получило свое название Валер.

Святой Олав созвал в вышеназванном селении совет, на котором, после некоторых споров, было решено, что народ должен поклоняться тому же богу, что и конунг, и, стало быть, вера в Одина должна уступить место вере в Христа. Решено было также, что, по предложению конунга, в этом селении, как и в других местах, где будет принята новая вера, должно воздвигнуть церкви. Однако никак не могли договориться, где именно их строить, и тогда, как говорит предание, святой Олав согнул лук, послал стрелу и объявил, что где та упадет, там и стоять церкви. Конунг стоял при этом у источника, который носит теперь имя святого Олава, и стрела упала на ваал⁷⁶, где впоследствии выстроили деревянную церковь, названную Ваалер. Эта церковь, в которую приносили дары больные и умирающие, простояла до 1805 года, когда была построена новая. В ней, в сундуке для облачений, хранилась витая проволочная пряжка, называемая «пряжкой святого Олава», — по преданию, эту пряжку оставил в церкви сам конунг. Говорят, это пряжка с уздечки его коня. Конунг обычно поил своего коня из кристально чистого источника, не пересыхавшего летом и не замерзавшего зимой, этот источник теперь также носит имя святого Олава. Источнику приписывают чудотворные свойства. Больные кидали в него серебряные монеты и украшения, надеясь тем самым вернуть себе здоровье, и великие несчастья обрушились бы на того, кто осмелился бы присвоить такие дары. Сравнительно недавно в народе бытовал обычай в первый день каждого праздника соревноваться, кто первым доберется до источника, и тот, кто первым напоил своего коня из источника святого Олава, по праву хвастался этим подвигом.

⁷⁶ Груда бревен и корней, заготовленных на дрова.

Святой Олав в Рингериге

Когда святой Олав странствовал от селения к селению, утверждая христианскую веру и возводя церкви на месте языческих капищ, ему часто препятствовали не только упрямые подданные-язычники, но и многочисленные тролли, йтулы и великанши, обитавшие в окрестных горах. Тролли не терпели святого Олава отчасти за то, что он крестным знаменем причинял им большой вред, а отчасти за то, что он основал так много церквей, колокола которых нарушали тишину. Однако, несмотря на все усилия, они ничего не могли поделать против святого конунга, который, напротив, обращал их всех в камень. По всей стране до сих пор можно увидеть окаменевших троллей. Так, когда святой Олав был однажды в дороге, из скалы выскочила свирепая великанша и громко выкрикнула:

Олав, конунг широкобородый!
Уж больно ты близко ко мне подошел!

Олав тут же ответил:

Стоять тебе вовеки скалой,
Покуда не наступит Судный день!

На том месте до сих пор видна окаменелая фигура великанши.

Когда святой Олав прибыл в Стеен, где жила тогда его мать, он решил построить там церковь. Этим решением осталась весьма недовольна великанша, обитавшая в горе (эта гора высотой две тысячи футов звалась по имени великанши Гирихауге), и, хотя ей наверняка было известно, что со святым Олавом шутки плохи, она решила все же попытать силу и вызвала его на спор. «Раньше, чем будет готова твоя церковь, — сказала она, — я перекину каменный мост через фьорд Стеена». Олав принял вызов, и мост не был еще готов и наполовину, когда сладостный звон колоколов разнесся с башни построенной Олавом церкви. Великанша в ярости стала метать камни, приготовленные для строительства моста, от Гирхауге прямо через фьорд к церкви, когда же ни один из них не попал в цель, она так рассвирепела, что оторвала собственную ногу и швырнула в церковную колокольню. Кто говорит, что нога снесла башню, а кто — что перелетела через нее. Как бы то ни было, нога утонула в болоте за церковью, откуда до сих пор исходит зловоние. Это болото в народе и сейчас называют Гиогапут, а камни, которые великанша швыряла в церковь, не так давно еще лежали на окрестных полях. Мост, начатый великаншей, был со временем достроен, а в Стеене находятся руины церкви святого Олава, разрушенной в семнадцатом столетии ударом молнии.

Сигне-кьярринг⁷⁷, или ведьма

Чтобы узнать, какая немочь одолевает больного ребенка, деревенские жители обращались — и, может быть, до сих пор обращаются к сигне-кьярринг, которая, откликаясь на просьбы, устраивала обряд гадания. Суть его была следующей. Расплавленный свинец, взятый из церковных окон после заката, выливают в воду из ручья, текущего с севера. Поверх сосуда с такой водой кладут ячменный хлеб, с отверстием, сделанным штопальной иглой, и через него медленно выливают в воду свинец. Обычно эту операцию производят, чтобы выяснить, каким из девяти видов рахита — а разновидностей его насчитывают именно столько — страдает ребенок. В зависимости от формы, которую принял застывший свинец,

⁷⁷ От *signe* — «изгонять демона», и *kjaerling* — «старуха». Вполне возможно, этот фольклорный персонаж — «наследница» мифологической вельвы.

определяют вид болезни. Например, если он напоминает человечка с двумя большими рогами, это «трольдсвек» (рахит тролля), если морскую деву — «вассвек» (водяной рахит).

Выливая свинец, колдунья бормочет следующий заговор:

Заговорю хитрость,
заговорю рахит,
заговорю сюда и
заговорю отсюда,
заговорю наружу и
заговорю внутрь,
заговорю на погоду,
заговорю на ветер.
Заговорю на юг,
заговорю на восток,
заговорю на север,
заговорю на запад,
заговорю в земле,
заговорю в воде,
заговорю в горах,
заговорю в песках,
заговорю в корень ольхи,
заговорю в ногу жеребца,
заговорю в адский огонь,
заговорю в текущий с севера ручей.
Пусть там ест и пропадает,
и младенцу не вредит.

Глава 2

ШВЕДСКАЯ ФОЛЬКЛОРНАЯ ТРАДИЦИЯ И СУЕВЕРИЯ ШВЕДОВ

Йоль, или Рождество. — Один и Тор в фольклоре. — Великаны и карлики. — Тролли. — Эльфы. — Горный народец. — Эльфийские сады. — Летящие эльфы. — Лесные духи. — Скоге. — Русалки и духи источников. — Неки и стромкарлы. — Чудесные животные. — Горные тролли. — Томте. — Вервольф. — Белый змей. — Киркегрим. — Тор и Дева Мария. — Иванов день. — Шведские народные приметы.

Традиционные занятия на Рождество, или Йоль

Многие рождественские обычаи и занятия восходят своими корнями к жертвоприношениям, которые во времена язычества устраивали, чтобы умиловить богов. Жертвы Одину, иногда и человеческие, сопровождалась играми и танцами. В Готланде, где сосредоточено большинство памятных мест, связанных с Одним, в некоторых местностях до сих пор существует игра, представляющая собой такой танец-жертвоприношение. Этот танец представляет собой множество хитроумных прыжков и пружинящих движений с постоянной сменой направления. Его исполняют обычно переодетые юноши с разукрашенными или покрытыми черной краской лицами. Один из них изображает жертву, вносят все необходимое для жертвоприношения, которое и происходит под звуки музыки или песню. Иногда человек, изображающий жертву, сидит на табурете, завернутый в кожу, и держит пучок соломы во рту. Соломинки, заостренные на концах, напоминают свиную щетину; считается, что человек, одетый таким образом, представляет собой кабанью жертву

Фрейе, приносившуюся богине в день Йоля. Во многих местах пекут особый хлеб или пирог, называемый *Julgalt* (дословно «йольский кабан»). Такой хлеб хранят до весны, и весной дают его той домашней скотине, с чьей помощью предстоит выполнять все весенние сельские работы. Все это делается в память о языческих жертвоприношениях, совершавшихся с надеждой на хороший урожайный год в день зимнего солнцестояния, называемый также Йолем. Даже само название Йоля (древненорвеж. *Jol*, дат., швед. *Jul*) восходит к движению солнца по кругу. Первые полгода до Йоля дни убывают, вторые полгода после Йоля дни прибывают, а время, когда обе эти половины встречаются, называется *Julamot*. В старину в этот день отмечался Новый год: он начинался с самой долгой ночи зимы, носившей название *Modernatt* (Матерь Ночь). Старинным новогодним пожеланием было «хорошего *Julamot*».

Жертва кабана (*sonargoltr*), приносимая, чтобы умиловить Фрейю, являлась серьезным и торжественным событием на Севере, а в Швеции и до нынешнего времени сохранилась традиция на каждое Рождество печь хлеб или пирог в форме кабана. Верелий (*Verelius*) в своих примечаниях к «Саге о Хервере» пишет, что шведские крестьяне высушивают испеченный *Yulehog* и сохраняют его до весны, а весной делят пополам. Одну половину они мелко крошат в емкость, из которой будут потом сеять зерно, и, смешав эти крошки с ячменем, дают их рабочим лошадям перед пахотой. Вторую часть съедают те батраки, которые идут за плугом. Все это делается в надежде на обильный урожай.

Один в фольклоре

В Готланде и особенно в Смоланде многие истории и обычаи, связанные с Одином Старым, до сих пор живы в устах людей. В Блекинге в свое время было принято оставлять на поле сноп для лошадей Одина. На ферме Крокторпс в Смоланде около ста лет назад был раскопан курган, в котором, по преданию, был похоронен Один и который с утверждением христианства получил название *Helvetesbacke* (Адская гора). В этом кургане был обнаружен склеп, из которого, когда его открыли, вырвалось невиданное пламя, похожее на вспышку молнии. В то же самое время там были обнаружены каменный гроб и лампа.

Об одном жреце по имени Петер Дагсон, жившем недалеко от Тройенборга, рассказывают, что когда рожь, посеянная им, взошла, Один каждый вечер с копьем в руке приезжал к нему верхом из-за холмов, и был он такого гигантского роста, что возвышался над всеми постройками на ферме. Остановившись перед входом, на протяжении всей ночи он не давал никому ни войти, ни выйти, и так продолжалось еженощно до тех пор, пока вся рожь не была сжата.

Эдуард Берн-Джонс. Один (ок. 1870 г.). *Верховный ас восседает на престоле Хлидскьяльв, на его плечах вороны Хугин и Мунин, а у ног — волки Гери и Фреки.*

Также в народе ходит история о золотом корабле, затонувшем, как говорят, в Рунемаде недалеко от Никельберга. Согласно преданию, на этом корабле Один вез погибших в битве при Бровалле в Вальхаллу. Название Четтильс-Ос, по слухам, происходит от имени некоего Четтиля Рунске, выкравшего у Одина его рунические клейма и пометившего ими своих собак и быка, а еще и русалку, пришедшую на помощь Одину. Множество таких рассказов до сих пор можно услышать в этой части Швеции. Разумеется, к ним не относятся как к неопровержимым фактам, однако сельскому жителю, проходящему мимо кургана, источника или груды камней, приятно вспоминать о том, какие в старину о них ходили предания и как эти курганы и источники дали имена деревням и поселкам.

Стоит также отметить, что одну из шведских перелетных птиц, черную цаплю (*Ardea nigra*), в древние времена называли ласточкой Одина.

Тор в фольклоре

Тор, равно как и Один, пришел на Север в эпоху великого переселения народов, когда племя асов из Азии обосновалось в Скандинавии. Здесь ему пришлось сражаться с коренными жителями этих мест, которых за могучее телосложение и свирепый нрав и за то, что они жили в горных пещерах и логовах, называли *Jattar* (великанами), *Trolls* (троллями) и *Bergsboar* (горными жителями). Отсюда берут начало все предания о великанах и им подобных существах. Гладкие клинообразные камни, которые время от времени находят на среди травы, называют *Thorwiggjar*, т. е. «клинья Тора»: говорят, Тор когда-то бросал этими камнями в одного тролля. Во многих местах, где луга граничат с горами, часто рассказывали истории о том, какой ужас испытывали тролли при звуках грома, и о том, как они, принимая различные формы, чаще всего в виде огромных шаров или клубков, кубарем скатывались с горы, ища себе убежища среди косарей, которые, будучи прекрасно осведомленными о причине их страха, сдерживали натиск троллей своими косами. В таких случаях часто бывало, что с очередным раскатом грома коса разбивалась вдребезги, и тогда тролль, издавая жалобные пронзительные звуки, снова удалялся в горы.

Ф. Лееке. Прощание Одина (ок. 1875 г.). Один перед схваткой обнимает свою супругу Фригг.

Аэролиты встречаются во многих местах, и они напрямую связаны с Тором. Несмотря на то, что далеко не все из них отличаются гигантскими размерами, они, однако, настолько тяжелы, что сейчас вряд ли кто-нибудь окажется в состоянии приподнять их в одиночку. Считается, что в свое время они служили Тору игрушками. Об аэролите в Линнериде, что в Смоланде, рассказывают, что когда-то Тор со своим спутником проходил мимо это камня и встретил великана. Бог поинтересовался, куда великан направляется. «В Вальхаллу, — отвечал тот, — сразиться с Тором, который своей молнией сжег мой хлеб». — «Не советовал бы я тебе меряться с ним силой, — молвил в ответ Тор, — не могу себе представить, что ты даже вон тот маленький камушек окажешься в состоянии поднять на вершину большого». При этих словах великан разгневался и ухватил камень со всей силы, но не смог даже оторвать его от земли, ибо чудесным образом заколдовал его Тор. Тогда к камню подошел спутник Тора (видимо, Тьяльви) — и поднял его столь же легко, как если бы он поднимал обычную перчатку. В ярости великан ударил Тора, и удар был так силен, что Тор упал на колени, но тут же выхватил свой молот и сразил им великана. Тело последнего до сих пор погребено под грудой камней недалеко от того места.

В Готланде Тора почитали выше других богов и поклонялись ему ревностнее прочих.

Артур Рэхем. Тор (ок. 1900 г.).

Его священным животным был *Thorbagge* (*scarabaeus stercorarius*, жук-скарабей). Относительно этого жука до сих пор существует поверье, передаваемое от отца к сыну, о том, что если кто-то увидит на дороге *Thorbagge*, лежащего беспомощно на спине, и перевернет его, поставив обратно на лапки, то искупит этим семь своих грехов. Данное поверье объясняется тем, что во времена язычества Тор считался посредником в общении с верховным божеством, или, как его еще называли, Всеотцом, то есть Одним. С распространением христианства священники всеми способами, нередко путем угроз, старались отучить людей от поклонения старым божествам, объявляли языческих богов злыми духами, принадлежащими аду. Бедного *Thorbagge* переименовали в *Thordjefvul* или

Thordyfel («Тор-дьявол»), и под этим именем он и до сих пор известен в Швеции. Теперь уже никто не думает о Торе, если случайно находит беспомощное создание, лежащее на спине; но редкий добрый сельчанин пройдет мимо, не поставив жука снова на лапки и не вспомнив при этом об искуплении грехов.

Б. Фогельберг. Тор (ок. 1890 г.).

Подтверждение тому, что память о Торе и благоговейное поклонение этому богу еще долго сохранялись в Норвегии и Швеции, можно найти во многих преданиях. Сохранилась история почти столетней давности о моряках, вышедших на китовый промысел к берегам Гренландии на голландском корабле из Амстердама. Они сбились с курса, но много ночей подряд им виделся свет от костра, то ли на каком-то островке, то ли на берегу. Несколько матросов в конце концов обуяло страстное желание выяснить, в чем же дело. Они спустили на воду шлюпку и стали грести на свет. Когда они высадились на берег и подошли к костру, то увидели старика, гревшегося у огня; старик справился, откуда они прибыли. «Из Голландии», — отвечал один моряк. — «Но откуда ты сам родом?» — с интересом осведомился старик. «Из Сэфве, что на Хисингене», — отозвался моряк. — «Ведомо ли тебе место под названием Торсби?» — «Еще бы!» — «А знаешь ли ты, где находится Ульвеберг?» — «Да, я часто проезжал мимо, ведь прямая дорога из Гетенборга в Марстранд через Хисинген проходит по Торсбю». — «А огромные камни и земляные курганы стоят до сих пор на своих местах?» — «Да, все, кроме одного камня, который того и гляди упадет». — «Скажи мне еще вот что, — молвил старый язычник, — ведомо ли тебе, где находится Глоссхедский алтарь и цел ли он до сих пор». Моряк ответил, что алтарь почти разрушен, и тогда старик произнес: «Прошу, потребуй у жителей Торсбю и Торесбрака не разрушать камни и курганы под Ульвебергом, а пуще всего пусть хранят они алтарь, что в Глоссхеде, и тогда будет тебе ветер попутным до того самого места, куда ты плывешь». Моряк пообещал выполнить просьбу, когда вернется домой. Он также спросил у старика, как того зовут и почему он с таким беспокойством спрашивает об этих алтарях. «Мое имя Торер Брак, и живу я здесь, но сейчас в изгнании. В большом кургане под Ульвебергом похоронен весь мой род, а на Глоссхедском алтаре мы возносили наши молитвы богам». Затем моряки простились со стариком и с попутным ветром вернулись домой.

О качающихся и поющих камнях

Качающиеся камни, такие же, как в Англии и многих других местах, а также поющие камни, то есть такие, которые издают глухой заунывный звук, когда кто-нибудь проходит мимо, — все эти камни широко используются в магии и колдовстве, так как считается, что они служат излюбленным пристанищем для эльфов и троллей.

Обычай при краже

Такой жестокий и варварский обычай до недавних пор практиковался в нашу просвещенную христианскую эпоху.

Если человека обокрали, он идет к так называемому колдуну, который совершает ритуал выкалывания глаза у вора. Это происходит следующим образом. Колдун вырезает человеческую фигурку из молодого дерева, бормочет страшные заклинания, чтобы заручиться помощью дьявола, а затем втыкает какой-нибудь острый инструмент в глаз фигуры. Также распространенной практикой было выпускать стрелу или пулю в ту или иную часть деревянной фигуры, следствием чего, как уверены многие люди, будет появление ран на соответствующих частях тела человека, против которого направлено колдовство.

Финский магический обряд

К вышесказанному можно отнести и финский магический обряд воспроизведения в сосуде с водой образа отсутствующего в этом месте человека, с последующим выстрелом в него. Таким образом можно ранить или даже убить заклятого врага, находящегося в момент совершения обряда за много сотен миль. Такой обряд практиковали иногда и на скоте соседа. Вот потому-то insult и другие внезапные болезни получили название «тролльих выстрелов» (Troll-shots).

Однажды молодой швед, путешествуя по Финляндии, посватался к симпатичной финской девушке, но едва он вернулся домой, как совершенно забыл о своей любви и об обещании вернуться к возлюбленной. Как-то к нему зашел лапландец, хорошо владеющий магией своей страны, и молодой швед решил выведать, не знает ли тот, как живется той девушке в Финляндии. «Ты сможешь узреть это сам», — молвил в ответ лапландец. Бормоча заклинания, он наполнил ведро водой и приказал шведу подойти и заглянуть в воду. Как говорится в предании, молодой человек увидел хорошо ему знакомую сельскую местность вокруг дома своей возлюбленной, и сердце его яростно заколотилось, когда он увидел, как она, бледная, вся в слезах выходит из дверей. За ней шел отец, держа в руках ружье, и лицо его было преисполнено гнева. Старый финн подошел к ведру с водой, посмотрел в том направлении, откуда они ждали молодого человека, покачал головой и взвел курок. Дочь в это время стояла рядом, заламывая руки. «Сейчас, — нарушил тишину лапландец, — он застрелит тебя, если только ты не помешаешь, застрелив его сам. Поторопись и прицелься». Старый финн подошел к ведру с водой и навел ружье. «Стреляй сейчас, — сказал лапландец, — или ты покойник». В ответ на эти слова молодой человек выстрелил, и старый финн бездыханным пал на землю. Некоторое время спустя совесть заставила молодого шведа снова посетить место своего вероломства, и там он узнал, что старик умер от insultа в тот самый день, когда лапландец показывал свое магическое искусство.

О великанах и карликах

Как свидетельствуют саги и другие письменные источники, в незапамятные времена в Швеции жил народ, называвшийся *Jotens (Jotnar)*. Это были люди огромного роста, дикие и жестокие. Местность, которую они населяли, — вокруг Финского залива и к северу от него — именовалась *Jotunaland*, или *Jattenhem*. Однако, когда более просвещенный народ из Азии, чьим главным божеством был Все-отец — Один, пришел в Швецию со стороны ее восточных границ, то между этим народом и йотенами вспыхнула война, продолжавшаяся не одно столетие. И, как Давид низверг самонадеянного и высокомерного великана Голиафа, так и новые азиатские переселенцы, благодаря своим умениям и высокому интеллекту, победили варваров-аборигенов, которые постепенно отступали все глубже и глубже в дремучие леса, пока наконец не обосновались в горных пещерах и норах. С этих времен и ведут свое начало все народные предания о троллях, великанах и горных жителях. Считается, что они обладают огромными запасами золота и других сокровищ. Их описывают как злых, но туповатых и легковерных существ, а их женщин — как уродливых и безобразных.

Особой разновидностью бергтроллей (или горных троллей) являются карлики. Они слыли хорошими ремесленниками и обладали многими тайными знаниями; рассказывают также, что их жены и дочери наделены неземной красотой. Можно предположить, что племя карликов ведет начало от народа, переселившегося на Север из восточных стран в более поздний период, нежели асы. На такую мысль наталкивает тот факт, что гномы были знакомы с рунами и использовали их в своих магических заклинаниях, сопровождая последние игрой на арфе, о чем можно прочесть в старинной балладе о рыцаре Тинне:

То Ульфва была, юная карлика дочь,
И служанке своей она молвила так:
«Принеси сюда мою золотую арфу,
И рыцарь Тинне полюбит меня,
Ибо рунами я в совершенстве владею.

Схожим искусством очаровывания и привораживания лапландцы обладают и по сей день, и можно с некоторой степенью вероятности предположить, что азиатский народ, который в сагах упоминается под именем карликов, был не кем иным, как предками восточных лапландцев. Ряд источников говорит о том, что финны произошли от великанов, и, таким образом, они являются древнейшей расой, населяющей Швецию в наши дни. У этих народов не было единодушия и взаимопонимания, как не было и общего правительства и законов, и поэтому они послужили легкой добычей для асов, пришедших на Север под предводительством своих *вождей-дроттов*.

Во времена, когда самооборона была первой необходимостью, а победа почиталась за великое счастье, и даже на небеса после смерти можно было попасть, лишь заслужив это право доблестью и добрым мечом, было вполне естественно, что хорошо закаленное, на славу сработанное оружие считалось одним из самых ценных приобретений. Про искусного оружейника говорили, что он обучался своему ремеслу у эльфов или карликов. Определение «это работа карлика» служило высшей похвалой для надежного гибкого клинка из хорошо закаленной стали. Другие драгоценные вещи, в частности, золотые наручи доспехов, инкрустированные драгоценными камнями или переливающиеся красками неземной красоты, иногда называли эль-фийскими украшениями, а иногда — украшениями карликов. Считалось, что великаны и горные жители постигли все тайны кузнечного ремесла. В горах иногда встречаются небольшие скалы, стоящие особняком; простые люди называют их наковальнями великанов — по преданиям, именно на этих скалах великаны ковали свои удивительные поделки.

Сон короля Эрика

В свое время люди свято верили, что король Эрик был величайшим магом и волшебником, исключительно сведущим в тайных науках, а также что знания о вещах, скрытых от простых смертных, он получал от самого Одина. После победы при Фюри ни один враг больше не смел оспаривать право Эрика безмятежно властвовать над своими законными владениями. Он наблюдал за тем, как христианство распространяется все дальше и дальше во всех направлениях, и вдруг осознал, что остался последним языческим королем на Севере. И тогда он принес жертву Одину, чтобы узнать от него, сколько еще королей после смерти самого Эрика будет царствовать на шведском престоле. Во сне ему пришел ответ: он должен взломать скалу Сверкера, в камне которой найдется табличка, долженствующая пролить свет на грядущую историю шведов. Эрик исполнил все, о чем говорилось во сне; кто такой был Сверкер и где находилась его скала, хроники умалчивают. Когда скала была расколота, в ней нашли каменную дощечку, украшенную по краям золотыми пластинками и драгоценными камнями. На одной ее стороне была изображена продолговатая четырехугольная табличка, окруженная коронами, под каждой из них было написано имя короля и было их трижды по девять. Табличка с другой стороны была треугольной, а корон было трижды по семь. Все эти короны различались также и цветом: синий цвет обозначал шведов, зеленый — норвежцев, красный — датчан, а желтый — германцев. Эта дощечка долгое время хранилась среди сокровищ Шведского королевства в государственной сокровищнице — до тех пор, пока архиепископ Густав Тролле не увез ее в Данию, где вынул из камня все самоцветы и оставил ее на хранение некоему священнику в

Роскилле. Этот священник взял дощечку с собой в Севде, что в Скании, и там занес ее в опись церковной утвари. Здесь дощечку и нашел Нильс Хвиде, епископ Лундский. Священник из Скании по имени Мастер Якоб сочинил памфлет в стихах, обвиняющий епископа в краже, но не смог доказать свое обвинение, вследствие чего был приговорен к смерти и казнен в Копенгагене. Говорят, что его последними словами на месте казни были:

Пусть нынче мастер Якоб расстанется с жизнью
Раньше, чем петух пропоет,
Но вором останется жить епископ,
Ибо камень украл все же он.

Эти же слова высечены и на надгробии мастера Якоба.

В книге, принадлежащей церкви Фрезунда в Рослагене, записан этот рассказ о сне короля Эрика, и там же приведено изображение таблички в скале Сверкера.

О Бьерне Шведе, Ульфе Ярле и Кнута Великом

Когда-то давным-давно жил в Швеции один богатый человек, и подрастала у него юная дочь неопишуемой красоты. Недалеко от городка, в котором они жили, находилось уютное местечко, утопавшее в зелени, в которое местная молодежь часто любила наведываться в поисках развлечений. И вот однажды случилось так, что, когда девушка играла там со своими друзьями, из леса вышел медведь, ворвался в толпу перепуганных юнцов и, схватив девушку передними лапами, помчался вместе с ней в свою берлогу. Медведь всячески выказывал девушке свою привязанность, каждый день добывал для нее дичь и фрукты и заботился, чтобы она ни в чем не нуждалась. Но так как он убивал слишком много скота для собственного пропитания, люди в конце концов объединились, все вместе вышли на охоту и застрелили медведя. Тогда-то девушку и нашли снова, и вскоре после этого она родила сына, которого назвала Бьерн (Медведь). Мальчик рос, становился сильнее других людей и гораздо сообразительнее. В этом, вероятно, он пошел в своих предков, согласно старинной поговорке о том, что медведь в двенадцать раз умнее человека и в шесть раз его сильнее. Внуком того самого Бьерна был Ульф Ярл из Скании, который, вопреки воле ее брата, женился на Эстрид, сестре Кнута Великого. Именно Ульф помог королю Кнуту, когда флот последнего чуть не попал в руки врага возле острова Helge. Однако, несмотря на помощь, Ульфу так и не удалось стать другом короля, который обошелся с ним крайне несправедливо.

На следующий день после битвы при Хельге король Кнут и Ульф Ярл сидели и играли в шахматы в Роскилле. Кнут сделал ход пешкой, но затем захотел вернуть ее обратно на место. Это так возмутило Ульфа, что он перевернул шахматную доску, скинув с нее все фигуры, и выбежал из покоев. Король в гневе окликнул его: «Ты убегаешь, трусливый Ульф?» Ульф откликнулся: «Когда б не я, ты бежал бы быстрее моего; и трусом ты меня не называл, когда шведские собаки рвали твою шкуру». Вассалу неблагоприятно слишком вольно говорить со своим сеньором, что и не замедлило подтвердиться. На следующее утро королю доложили, что ярл укрылся в церкви Святой Люсии. Король послал своего человека, который убил ярла прямо перед главным алтарем. После пресечения рода Кнута по мужской линии датский престол унаследовал Свенд, сын Ульфа Ярла и Эстрид; последней из потомков Свенда была знаменитая королева Маргарет.

Языческие и христианские обычаи, связанные с троллями и подобными им существами

Первый огонек христианства был слишком слаб, чтобы в одночасье рассеять всю тьму язычества. На проезжих дорогах и на полях сохранялись маленькие часовенки, возведенные над тем или иным языческим идолом, для удобства путешественников и крестьян, занятых

полевыми работами. Из таких часовенок, или *скурдов*, как их еще называли, христиане изымали изображения языческих богов и заменяли их ликами святых, и не было редкостью, что многие новообращенные могли в одном и том же месте в один день молиться Деве Марии, апостолу Петру и другим христианским святым, а на другой день — Тору и Фрейе. Христианам, таким образом, пришлось изо всех сил бороться, чтобы подавить в людях веру в языческих божеств. Языческие демоны, тролли и эльфы, заодно с духами тех, кто умер во времена идолопоклонства и нашел упокоение под курганами, были объявлены бесами. Встреча с кем-либо из «злых духов», особенно ночью, сулила множество неприятностей, а избавление от оных требовало значительных затрат. Люди щедро платили монахам, ведуньям и знахаркам за чудодейственные средства, часто представлявшие собой ритуальные священнодействия с благовониями и заклинаниями, проводившиеся на перекрестках, в церквях и у так называемых эльфийских камней. В этих местах звучали диковинные молитвы, в которых имена языческих божеств употреблялись вместе с именами Иисуса и христианских святых. Эти молитвы, большая часть которых сочинялась в монастырях, иногда слагались и в стихотворной форме.

Об эльфах

И в христианскую, а уж тем более и в языческую эпохи эльфы занимали и продолжают занимать самое видное место среди скандинавских сверхъестественных существ. Все, о чем мы уже говорили в отношении языческой веры в эльфов, передавалось преданиями из века в век и дошло и до наших дней, правда, с немалой примесью христианских легенд и сюжетов. До сих пор можно встретить эльфийские алтари (*elf-altars*), где устраивают жертвоприношения, если кто-то заболевает. Так называемые ведуньи — *Horgabrudar* — натирают алтарь свиным жиром, что характерно для языческого жертвоприношения, и читают молитвы, по их словам, таинственные и мистические; после чего на алтарь (*alf-qvarn* или, как его еще называют, *alf-gryta*) кладут какой-либо металлический предмет, который больной носил при себе или на своей одежде — достаточно маленькой монетки или даже булавки, — а затем кладут крест (залог того, что сила Спасителя здесь тоже мистическим образом присутствует). Эти колдуньи (*signerscor*), когда их зовут к больному, обычно начинают с того, что льют расплавленный свинец в воду и по тем формам, которые принимает жидкий металл, выносят вердикт, что болезнь была вызвана эльфами. Получив оговоренную плату, они затевают новый обряд, называемый «натирание для эльфов», на закате следующего за вызовом четверга. Некоторые сельские жители натирают жиром эльфийские алтари, не прибегая к помощи ведуний; они не читают над камнем никаких молитв, а только произносят со вздохом: «Господи, помоги мне!»

Одним из старейших преданий об эльфах может считаться то, текст которого выбит на руническом камне в Лагно в Седерманланде. Среди плавно изгибающихся линий рун сидит, вытянув ноги, высеченный из камня эльф, в руках у него головы двух змей. Руны сообщают нам, что «Гислог приказал начертать эти знаки в память о Торде, а Слоди велел запечатлеть истинное свидетельство об эльфах и других троллях, которых он видел возле скалы».

Среди людей ходят различные предания об эльфах, согласно которым их можно разделить на три группы, принадлежащие, соответственно, стихиям земли, воздуха и воды.

О Горном народе

Среди эльфов, принадлежащих стихии земли, или, точнее говоря, среди подземных эльфов, Горный народец (*Berg-folk*) занимает самое выдающееся место. Кажется вполне возможным, что христианское сострадание к тем, кто умер во времена язычества, не получив всех благ, обещанных в Писании и будучи захоронен по языческому обряду в неосвященной земле, послужило основанием безрадостному убеждению в том, что эти бедные люди, в

страхе ожидающие в своих покрытых зеленью курганах великого дня всеобщего искупления грехов, мучимы чувственными желаниями, как и прежде, при жизни; что они хотят любви христиан и общения с ними, однако, как только вступают в контакт со смертными, наносят им урон, за которым, если вовремя не подоспеет помощь, нередко следует и смерть.

По своему телосложению эльфы почти не отличаются от людей, они только более стройные и хрупкие. Юных эльфийских дев описывают как изумительно красивых, изящных, как лилии, белых, как снег, и обладающих чарующими голосами. Их время для игр и танцев — от захода солнца до первых петухов, но как только пропоет петух, эльфы не могут более оставаться на поверхности. Обо всех существах потустороннего мира говорится, что если они не удалятся на покой к моменту, когда петух прокричит трижды, то окаменеют на том самом месте, где их застиг третий крик петуха. По-шведски такая «окаменелость» носит название «*dagstand*»; считается недоброй приметой случайно наткнуться на такой невидимый «*dagstand*» на своем пути. Многие верят, что подхватили свою боль или болезнь как раз на таком месте. Если путник летним вечером приляжет отдохнуть у подножия эльфийского холма, вскоре он услышит звуки арфы и сладкоголосое пение. Если он пообещает эльфам избавление от страданий и искупление грехов, то услышит самые радостные мелодии, повторяемые на все лады многочисленными струнными инструментами; но если он скажет «Не будет вам спасения», тогда с криком, плачем и громкими рыданиями эльфы разобьют свои арфы в щепки, после чего в холме настанет тишина. В зеленых лесах и долинах, на лугах и на холмах каждую ночь эльфы устраивают свой *stimm*, то есть игры и танцы, отчего трава в этих местах буйно растет, образуя темно-зеленые круги, называемые «ведьминскими кольцами», в которые смертным ни в коем случае нельзя вступать.

Практически во всех наиболее известных и прославленных семействах Швеции в качестве семейных реликвий хранятся драгоценности или украшения, связанные с преданиями о троллях и эльфах. Так, о жене государственного советника Харальда Стейка рассказывают, что однажды летним вечером к ней пришла эльфийка и попросила свадебное платье, чтобы покрасоваться в нем на эльфийской свадьбе. После некоторых раздумий добрая женщина решила исполнить просьбу. Через несколько дней платье вернулось, каждый шов его был расшит золотом и жемчугами, а на ворота висел золотой перстень, украшенный драгоценными камнями; впоследствии этот перстень передавался в семье Стейков по наследству как фамильная драгоценность.

Среди деревенских жителей бытует страх перед завистью эльфов. Верным средством против последней считается следующий способ: невеста в день свадьбы должна зашить в свой наряд сильно пахнущие травы, такие, как побеги чеснока или валериану. Наиболее опасными для свадеб считаются перекрестки и различные ворота. Если спросить жениха, для чего он принимает многочисленные меры предосторожности, он непременно ответит: «От зависти эльфов». И нет жениха более несчастного, чем тот, чья невеста в день свадьбы усомнится в зависти окружающих — если уж не людей, то хотя бы эльфов.

Здесь следует упомянуть о наиболее распространенном в скандинавском фольклоре «свадебном» сюжете.

Невеста сидит в светлице, одетая и причесанная, окруженная своими подружками. Жених седлает серого жеребца и, облаченный в рыцарский доспех, с соколом на перчатке, выезжает из материнского чертога, чтобы привезти невесту к себе домой. Но в лесу, где он обыкновенно охотится со своим соколом и собакой, его ожидает эльфийская дева, уже давно приметившая миловидного юношу; ей не терпится заключить его в объятия или хотя бы пройтись с ним в танце, рука об руку, под завораживающие звуки эльфийских скрипок. Когда юноша приближается к эльфийскому холму или собирается проехать в ворота замка, до его ушей доносится самая дивная музыка, какую он когда-либо слышал. Он видит, как ослепительной красоты девушки, взявшись за руки, танцуют удивительнейший танец, и из их круга выходит дочь короля эльфов, ликом прекраснее всех прочих, вместе взятых, и, как говорится в старинной балладе:

Протянула девица снежно-белую руку:
«Вступай в наш хоровод, будем танцевать».

Если рыцарь позволит себя околдовать и дотронется до очаровательной руки, то его увлекут в эльфийскую страну, где чертоги неопишимо красивы, а сады таковы, что их прелести не передаст никакое описание. Рука об руку он будет бродить со своей эльфийской возлюбленной среди лилий и роз, а если и вспомнит ненароком о своей скорбящей суженой и если эльфы, которые никогда предумышленно не желают зла смертным, согласятся отвести его обратно в мир людей, то он снова может увидеть родной дом, однако не замедлит выясниться, что юноша отсутствовал целых сорок и даже больше лет. Никто не будет узнавать его, он просто чужак, на которого все смотрят с удивлением. Старики с трудом вспомнят, что был когда-то молодой рыцарь, который пропал сорок лет назад, когда поехал за своей невестой. А что же невеста? Она умерла от горя.

Согласно другому повороту сюжета, рыцарь отвечает на приглашение эльфийской девы потанцевать с ней следующим образом:

Не могу я в твой танец вступить,
Меня ждет невеста в светлице своей.

Эльфы вынуждены отпустить его, и он, смертельно бледный, возвращается к матери, которая с тревогой спрашивает:

«Скажи мне, милый мой сын,
Щеки алые твои почему так бледны?» —
«Да, щеки мои смертельно бледны,
Ибо видел я эльфов». —
«А что мне ответить невесте твоей,
Когда она спросит, что стало с тобой?» —
«Скажи, на оленя охочусь в лесу,
С собакой и соколом, среди листвы».
Но все ж он вернется,
Пока листья в лесу зеленеют.
Молодая невеста ждала долгих два дня,
Поскакала затем в дом жениха.
Но все ж он вернется, и т. д.
И лили там мед, и лили вино.
«Но где же жених мой, твой юный сын?» —
Но все ж он вернется, и т. д.
«Жених твой оленя гонит в лесу,
Собаку и сокола взял он с собой».
Но все ж он вернется, и т. д.

У невесты, однако, возникает предчувствие, что жених не вернется уже никогда. Она идет в его спальню и видит бездыханное тело. Сердце девушки разрывается от горя; утром из свадебного чертога выносят три тела, так как мать юноши также умирает, не пережив потери.

В старинной датской балладе «Elveskud» эльфийская дева на отказ Улофа танцевать с ней молвит:

«Если в танец со мной ты не вступишь,
То болезнь и смерть тебя преследовать будут».

Затем она сильно бьет его между лопаток, сажает на коня и отправляет домой к суженой, и т. д.

У шведов есть схожая баллада, а бретонскую балладу «Сеньор Нанн и фея» отличает поразительное сходство со скандинавской.

Эльфийские сады

В большинстве сельских местностей существуют предания о волшебных садах. Крестьяне могут показать, где именно находится то самое волшебное место, и всегда готовы назвать имя человека, сумевшего там побывать, бродившего под деревьями, зеленее которых никто никогда не встречал, пробовавшего фрукты, не растущие больше ни в одной стране, любовавшегося цветами неопишуемой красоты, но впоследствии, когда он пытался вернуться в эльфийский сад, не обнаружившего и следа от прежнего великолепия: все стало либо дремучим лесом, либо открытым всем ветрам полем.

О похищенных эльфами и уведенных в холмы

В старинных летописях есть немало упоминаний о людях, похищенных эльфами и уведенных ими в свои холмы. Разбирательства подобных случаев в присутствии мировых судей и духовенства имели место и в XVIII–XIX столетиях; предметом разбирательств обычно служили заявления крестьян, вообразивших себе, что их похитили, и искренне веривших в эльфов и лесных демонов.

Эльфийские чертоги и палаты представляют собой гроты, пещеры или подземные дома внутри горы или холма; в них иногда может забрести случайный странник в поисках места для отдыха; но если он намеренно решит отыскать такое место, то никогда его не найдет. В Эсторпе, на Моссеберге, когда-то жил один сведущий человек, который рассказывал, что однажды летом, возвращаясь домой из Фалькепинга, он сбился с дороги и среди скал совершенно неожиданно наткнулся на один из эльфийских чертогов, куда и вошел и где отлично отдохнул на поросшей мхом скамье, наслаждаясь восхитительной прохладой. Покидая это место, он тщательнейшим образом запомнил все приметы в надежде когда-нибудь вернуться в сей удивительный уголок, но впоследствии ему так и не удалось этого сделать.

Три сестры погожим летним днем вышли прогуляться на луг возле усадьбы Боды в Богуслоне. Недалеко от луга была гора, возле которой они часто играли и потому прекрасно знали это место. К их величайшему изумлению, они внезапно обнаружили, что стоят перед входом в исключительно живописный грот. Это был эльфийский чертог, по форме он напоминал треугольник, вдоль стен тянулись поросшие мхом скамьи. Посередине, на полу, находилась маленькая елочка, служившая украшением. Сестры тщательно осмотрели и запомнили это место, но их усилия пропали втуне — вернуться туда они уже не смогли.

Летающие эльфы

Упоминания о летающих эльфах встречаются довольно редко. Этих маленьких летунов описывают как очаровательных существ с крохотными крылышками на белоснежных плечах, но люди так до сих пор и не пришли к единому мнению, являются ли крылья эльфов заимствованным оперением или «исконно» принадлежат телу этих хрупких созданий. В пользу первой гипотезы говорят некоторые саги, из которых мы узнаем, что иногда смертные брали эльфийских крылатых дев себе в жены. Люди часто видели, как эльфы, превратившись в лебедей, летали по воздуху и спускались наземь, чтобы искупаться в источнике; едва они касались воды, как обретали прекраснейшие и соблазнительнейшие человеческие формы.

Молодой охотник однажды увидел трех лебедей, опустившихся на берег моря. С

изумлением он наблюдал за тем, как они скинули свое оперение и положили на песок — словно обыкновенное белье. Еще больше поразило его, что вместо лебедей в воде теперь плавали три прекрасных девы с кожей ослепительной белизны. Вскоре он увидел, что девы вышли из воды, накинули свои льняные одежды, тут же превратившиеся в лебединое оперение, и улетели прочь. Одна из них, самая юная и прекрасная, настолько пленила сердце юноши, что он лишился отдыха и днем и ночью думал только о ее красоте. Приемная мать юноши вскоре стала догадываться, что ни охота, ни другие занятия, доставлявшие ему еще совсем недавно удовольствие, больше не приносят ее пасынку удовлетворения, и решила разузнать причину его печали. Молодой человек поведал, какому удивительному зрелищу он оказался свидетелем, и прибавил, что должен добиться прекрасной девы, иначе никогда больше не испытает счастья. Мать утешила его: «Я подскажу тебе средство от твоего недуга. В следующий четверг на закате отправляйся на место, где последний раз видел ту девушку. Три лебедя не замедлят прилететь. Заметь, куда твоя избранница сложит свою одежду, возьми ее и спрячься. Скоро ты увидишь, как две лебедушки улетят, а третья в поисках своего оперения подойдет к тебе; она будет молить тебя на коленях, не отдавай ее одежду, если хочешь, чтобы она оставалась в твоей власти». Молодой человек не замедлил последовать этому совету. Долго для него тянулись дни, пока не наступил четверг, но еще дольше казались часы до заката. В конце концов солнце село, и не успел он оглянуться, как в воздухе послышался шелест крыльев и на берег опустились три лебедя. Они мгновенно превратились в трех девушек, которые, сложив свою одежду на траве, поспешили к белоснежным пескам и вскоре скрылись в волнах. Из своего укрытия молодой охотник внимательно наблюдал за девами и заметил, где его возлюбленная оставила свое оперение. Юноша выбрался из укрытия, схватил оперение и спрятал среди листвы. Вскоре после этого две лебедушки улетели, а третья, как и предсказывала приемная мать, принялась молить неведомого похитителя крыльев о пощаде. Юноша оставался глух к ее мольбам; наконец, когда девушка совсем изнемогла от мольбы, он взял ее на руки, закутал хрупкое создание в свой плащ, посадил в седло и повез к себе домой. Сыграли свадьбу, и молодые счастливо зажили вместе. Об их детях говорили, что никогда еще не видали таких милых ребятшек. Так миновало семь лет, и однажды вечером в четверг, когда супруги собирались ложиться спать, охотник рассказал своей жене, как смог добиться ее расположения, и, по ее просьбе, показал, где лежит похищенное оперение. Едва жена взяла оперение в руки, как тут же превратилась в лебедя и вылетела через открытое окно. Как рассказывают, покинутый муж недолго прожил после того злополучного дня.

Считается, что трава, буйно зеленеющая в «ведьминских кольцах», которые встречаются то тут, то там среди полей, так расцветает от танцев эльфов и поэтому называется *alflexing*. Лихорадка, сопровождающаяся просовидной сыпью, по словам сельских жителей, начинается от встречи с эльфами, и для избавления от нее следует найти лишайник под названием *alfnafver* (*lichen arphosus* или *lichen caninus*). В старинных топографических трудах не было недостатка в упоминании семей, которые, как предполагалось, по материнской линии вели свой род от эльфов. В Смоланде такое происхождение приписывают одной весьма известной семье, чья прародительница, юная и прекрасная эльфийская девушка, просочилась с солнечным лучом в дырку от сучка в стене и была взята в жены наследником семейства. Родив своему мужу семерых сыновей, она исчезла тем же путем, что и пришла.

Лесные духи

Кажется, что *Lofferskor*, упоминаемые в старинных шведских преданиях, — то же самое, что лесные девы (*Lund-jungfrur*), разновидность эльфов, которых еще называют Лесным народом (*Lund-folk*). Во времена язычества люди верили, что священные рощи, к

которым, согласно неписаным законам, запрещено было даже приближаться без должного почтения, охранялись невидимыми божествами. Если дерево выглядело более крепким и раскидистым по сравнению с другими, его называли обитаемым деревом (*botrad*); считалось, что в нем обитает эльф (*Ra, Ra-dande*), который, сам оставаясь невидимым, живет в тени дерева, награждает здоровьем и достатком человека, заботящегося о дереве, и наказывает тех, кто причиняет дереву вред. ореол святости вокруг языческих рощ и деревьев берет начало от древней традиции совершать жертвоприношения на деревьях.

В наши дни люди во многих местах могут указать на рощи и деревья, к которым никто не может приблизиться с топором. Эти деревья часто стоят особняком и выделяются своим необычным внешним видом. Кое-где ходят истории о том, как некоторые люди поплатились собственной жизнью за то, что срубили ветвь с «обитаемого дерева». В Швеции известна сосна *Klinta tall* в Вестманландии. Древняя, почти насквозь прогнившая, она стояла на голой скале. Говорили, будто русалка, обитавшая в бухте озера Меларен, жила также в горе под сосной и была «ро» этого дерева. Местные жители часто видели, как она выгоняет свой белоснежный скот из озера на луг на берегу. Ствол и ветви дерева до сих пор лежат на скале, никем не тронутые. В старинной летописи есть рассказ о человеке, который собирался срубить куст можжевельника в лесу, когда услышал голос из-под земли: «Друг, не руби меня!» Но он все-таки ударил топором, и тогда из корней хлынула кровь. Перепугавшись, человек поспешил домой, где ему стало плохо.

В балладах и преданиях часто встречаются истории о молодых девушках, превращенных колдовством в деревья и кусты, но о *Lofferskor* упоминаний очень мало; так же трудно проследить и этимологию самого этого имени. Но с *Horgabrudar* (ведуньями) в рощах языческих богов люди часто советовались в трудные минуты. Отсюда, возможно, в более поздние времена мог взять начало обычай, требовавший, когда человек заболел или попадал в беду, искать помощи у «ро» деревьев. Мать бога Локи звали *Lofja (Lanfey)*; вполне возможно, присутствует определенная этимологическая связь между ее именем и прозвищами женских духов (*Lof-maids*). Язычники во всех странах справляли свои идолопоклоннические обряды в рощах и под деревьями. О святом Мартине рассказывали, что он на глазах у язычников, желавших принять христианство, разрушил их святилище и не встретил при этом никакого сопротивления; но едва он вознамерился срубить ель, росшую неподалеку, люди окружили его со всех сторон и помешали уничтожить дерево.

Скоге

Относящиеся к той же расе, что и описанные выше эльфы, скоге, несомненно принадлежат языческим временам. Считалось, что встреча со скоге для охотников чревата большими неприятностями. Согласно старинным охотничьим легендам, появление скоге предвещает порывистый ветерок, так раскачивающий ветви деревьев, что кажется, будто они готовы разлететься в разные стороны. Если охотник сплюнет или высечет огонь, то он будет в безопасности. Скоге, как утверждает народная молва, бывают только женского пола; отсюда происходит известное суеверие, что охотнику не будет удачи, если первым, кого он встретит, выходя из дома, будет женщина. В этом случае следует сплюнуть и назвать женщину *karingmote* («старая карга»).

В сагах лесные жительницы представлены как злодейки, распутницы и предвестницы несчастий; охотники, однако, рассказывают совсем другие истории — о дружелюбии этих существ. Благодаря скоге, охотникам удавалось настрелять большое количество дичи. Когда охотники отдыхают в лесу в полночный час, скоге любят подходить и греться возле костров, прилагая все усилия к тому, чтобы не повернуться к людям спиной. Нередко можно услышать такие истории: «Когда она подошла к костру, я выхватил головешку и кинул в нее — дескать, убирайся в свой лес, мерзкий тролль! Она взвыла и попяtilась, поднялся сильный ветер, казалось, деревья и камни разорвутся на части. Когда она повернулась ко мне спиной, то оказалось, что изнутри она совершенно полая, будто дерево с огромным дуплом».

Если человек вступал в связь со ское, от их союза рождалось исключительно вредное существо, на горе и несчастье окружающим.

Русалки

Ученые, обращающие свое внимание на чудеса творения, исследовали воду, встречающуюся в определенных озерах и известную под именем «призрачная вода» (*spokvatten*). Она обладает свойством, будучи нагретой солнечными лучами, образовывать густой белоснежный туман, напоминающий то фигуру человека, то животного, меняющий облик и направление движения в зависимости от того, куда дует ветер. Люди, живущие возле таких озер и замороженные этими явлениями, рассказывают, что видели бесчисленное число раз русалку, сидевшую на берегу озера и расчесывавшую свои длинные локоны золотым гребнем. Русалки считаются существами неискренними и коварными. Всем рыбакам есть что сказать о русалках, их появление предвещает плохой улов, шторм и бурю. Увидевшему русалку советуют не рассказывать об этом даже своим товарищам, а также взять кремень и огниво и высечь огонь, чтобы отвести беду. С того самого времени, как Тор метал свой молот в троллей и поражал их молнией, у сверхъестественных существ возник страх перед огнем. Отсюда до нашего времени в деревнях сохранился обычай в каждом доме, где есть новорожденный, зажигать огонь и не гасить его до тех пор, пока ребенок не будет крещен. В противном случае можно опасаться, что тролли похитят ребенка, оставив вместо него кого-либо из своих детей. О русалках рассказывают, что они живут на дне океана или моря, у них есть замки и усадьбы, а также домашние животные и скот, который называется *brandcattle*, то есть «пятнистый».

В северном Готланде, в области Бьярке, есть озеро Антен, берега которого покрыты живописнейшими лесами. На острове среди этого озера стоял древний замок, руины которого до сих пор сохранились по сей день. Назывался замок Локхольм и принадлежал рыцарю Гуннару, предку знаменитого рода Левенгауптов. Однажды русалка помогла ему, однако потребовала в награду новой встречи с рыцарем. Получилось так, что Гуннар забыл о назначенной встрече.

Тогда русалка сделала так, что вода озера поглотила Локхольм, а Гуннару пришлось укрыться в самой высокой башне. Когда же вода поднялась еще выше, рыцарь сел в лодку и поплыл прочь, но его лодка затонула возле огромного камня, который до сих пор называют камнем Гуннара. С того самого времени рыцарь Гуннар живет на дне со своей русалкой. Когда рыбаки проплывают на лодке мимо этого камня, они обычно приподнимают свои шляпы, как бы приветствуя Гуннара, ибо верят, что если этого не сделать, то удача от них отвернется.

Духи источников

Выше уже упоминались жрицы языческих богов, или *Horgabrudar*, которые следили за священными источниками. Они же получали от обращавшихся к ним людей дары за свои советы. После того, как страна приняла христианство, монахи и священники взяли источники под свою опеку, разместили возле них лики святых или кресты и заставили людей приносить пожертвования и просить здоровья у того святого, под чьей защитой, как предполагалось, находится тот или иной источник. Так христианский обычай заступил на место языческого и в таком виде существует и по сей день. Но люди не забыли языческих *Horgabrudar*. Крестьяне верят в то, что эти девы стали эльфами и в ожидании спасения будут обитать на дне своих источников. В песнях и сказках воспеваются красота дев-хранительниц источников. К человеку, вычистившему источник или посадившему рядом с ним дерево, дева будет добра и благосклонна; того же, кто осквернит или испачкает целительные струи, будут преследовать болезни и несчастья.

Нек и стромкарл

Нек иногда появляется в образе взрослого мужчины и в этом обличье представляет особую опасность для надменных и дерзких девиц. Иногда он принимает образ красивого молодого человека с лошадиными копытами; может он выглядеть и стариком с длинной бородой, а время от времени его встречают в облике симпатичного юноши с золотистыми локонами, спадающими на плечи, и в красной шапочке. Летним вечером он сидит на поверхности воды и держит в руках золотую арфу. Если кто-то хочет поучиться у него музыке, то в качестве самого желанного для него вознаграждения рекомендуют пожертвовать черного барашка. Особенно он останется доволен, если одновременно с жертвой высказать надежду на его спасение, которого он втайне страстно желает. Потому-то, когда однажды двое мальчишек проходили мимо и сказали неку: «Чего хорошего ты добьешься, сидя здесь? Тебе все равно никогда не испытать вечного блаженства», — он начал горько плакать.

Если кого-то из крестьян одолевала болезнь, происхождение которой никак не могли объяснить, то считалось, что хворь вызвана духом того места, где болезнь и была подхвачена. Отсюда и выражение, которое часто можно слышать: «Он встретился с чем-то нехорошим в воздухе, в воде, в поле». В таких случаях надо было умиловить нека, что делали следующим образом: в чашку наливали некий напиток и смешивали его со стружкой от обручального кольца, от серебра, латуни или любого другого металла, переданного по наследству, но так, чтобы общее количество стружек было нечетным, лучше всего три. С этой смесью направлялись к месту, где, как предполагалось, была подхвачена болезнь, и выливали содержимое чашки через левое плечо. Идти следовало молча, не проронив ни звука, и ни в коем случае нельзя было оборачиваться. Если точное место заболевания не поддавалось определению, смесь выливали либо на дверной косяк, либо на муравейник.

По преданию из Бохууса, Западный Готланд, нек превратился в лошадь и отправился на берег погостить, но местный колдун накинул на него столь искусно придуманную уздечку, что он не смог освободиться. Колдун держал нека у себя всю весну и мучил его нещадно, заставляя пахать, словно лошадь. В конце концов уздечка случайно соскользнула, и нек молнией прыгнул в воду, утянув за собой и борону.

Нека, обиталище которого находится под мостом или в ручье, обычно называют стромкарл. Он всегда играет на скрипке; и если какой-нибудь музыкант играет с необычайной силой, а техника его игры отточена до мелочей, то говорят, что он играет не без помощи стромкарла. Возле Хорнборгабро, в Западном Готланде, однажды слышали, как стромкарл поет песню, трижды повторяя припев: «Я знаю — я знаю — я знаю, что жив мой Спаситель». Моряки видели нека в образе старика, сидящего на скале и выжимающего воду из своей огромной зеленой бороды. Говорят, что появление таких существ предвещает шторм и бурю. Иногда Нека можно увидеть на берегу в обличье прекрасной лошади, только копыта его вывернуты наоборот.

Однажды вечером некий священник ехал верхом через мост и вдруг услышал чарующие звуки скрипки. Он огляделся и увидел молодого человека, обнаженного по пояс, сидевшего на воде. Священник понял, что это нек, и обратился к нему с такими словами: «Зачем столь радостно ты щиплешь свои струны? Скорее вот эта сухая палка, что я держу в руке, зазеленеет и расцветет, чем ты удостоишься искупления». Музыкант отбросил свою скрипку и горько заплакал. Священник же развернул лошадь и продолжил свой путь. Но прежде, чем он успел далеко отъехать, он вдруг увидел, что из его посоха стали пробиваться молодые зеленые побеги, перемежающиеся изумительной красоты цветами. Этот знак с небес заставил его поспешить обратно к скорбящему неку, показать тому цветущий посох и воскликнуть: «Смотри! Мой старый посох зазеленел и расцвел, как молодой побег в саду из роз, и точно так же должна расцвести надежда в сердцах всех живых существ, ибо жив их Избавитель!» Утешившись этими словами, нек снова взял свою скрипку, и веселые мелодии звучали на берегу всю ночь напролет.

У мелодии стромкарла (*Stromkarlslag*) одиннадцать вариаций, но танцевать можно лишь под десять из них, ибо одиннадцатая принадлежит духу ночи и его воинству. Если же сыграть одиннадцатую, то столы и скамейки, кастрюли и чашки, старики и старушки слепы и хромы, даже младенцы в колыбели — все начнут танцевать.

Такой же волшебной силой обладает мелодия эльфийского короля, которую не рискнет сыграть ни один музыкант, ибо, раз начав ее играть, он не сможет остановиться, если, конечно, не сумеет сыграть ее задом наперед или если кто-то, стоя позади него, не перережет струны на скрипке.

Из грунта, который собирается среди пены в тихих бухточках, а также из речных вод образуется рыхлый белый пористый камень, напоминающий сухарики из хлебного мякиша: его называют *Necke-brod* («хлеб Нека»), а слипшиеся комки этого материала носят название *marlekor*, так как *mare* (стоячая вода) спаивает их вместе. Красивые белые или желтые цветы, растущие на берегах озер и рек и называемые *Neck-roses*, служат общеизвестным напоминанием о неке. А ядовитое водное растение болиголов (*cicuta virosa*) прежде носил имя *Necke-root* («неков корень»).

В «Беовульфе» часто упоминается *Nicor*. С этим именем связано одно из имен Одина, *Hnikarr* — морской бог.

Следующий отрывок может служить комментарием ко всему, что рассказывают как о шведском, так и о датском неке. «Местечко Хасбю очень удобно расположено, а его церковь считается одной из самых старинных в Швеции. Здесь же находится источник святого Зигфрида, в воде которого праведник Зигфрид, по преданию, крестил короля Улофа Шетконунга. Источник этот до сих пор знаменит, и говорят, что местные жители каждую ночь пользуются им по тому или иному поводу. В середине XIX столетия у источников проводили множество обрядов и церемоний. Практически в каждой провинции был свой источник, к которому приходили в определенные дни и в который бросали монетку, кусочек железа или любой металлический предмет в качестве подношения. Однако истинный смысл этого действия сейчас практически забыт. И все-таки хотелось бы узнать, какая сила и почему приписывается металлу и как он может противостоять воздействию колдовства и злых духов? На самом деле, не для чего иного, как для того, чтобы умиловить нека в источнике, кидают люди в воду металлические предметы. В тесной связи с вышесказанным находится народная примета, что, купаясь в море, человек должен кинуть в воду рядом с собой огниво, нож или что-то в том же духе, чтобы никакой монстр не мог причинить ему вреда. Давным-давно огниво или ножницы клали в колыбель младенца, пока тот оставался некрещеным. Обычай лить расплавленное серебро или другой металл на место, где, как считается, человек пострадал от воздействия злых сил, сохранился и до наших дней. С выливанием металла выливается и причиненный вред».

Умиловив таким образом нека, точнее, нейтрализовав его вредные наклонности, нередко во время купания к неку насмешливо обращались со следующими словами: «Нек, нек, ворующий иголки, ты на суше, а я в воде». Выйдя из воды, человек вынимал и огниво, приговаривая при этом: «Нек, нек, ворующий иголки, я на суше, а ты в воде».

Дикая Охота

В Скании звуки, похожие на голоса людей или птиц и слышащиеся в воздухе в ноябре и декабре, люди называют «охотой Одина»⁷⁸. Якоб Гримм также связывает Дикую Охоту (*Wutendes Heer*) с Одином; легенда об этой охоте известна по всей Германии. После принятия христианства языческое божество «превратилось» в демонического Дикого Охотника, о котором практически в каждой местности имеется свое предание.

⁷⁸ Нильсон в «Скандинавской фауне» приписывает эти звуки определенному виду водоплавающих птиц, которые кричат особенным образом на своем пути на Юг. Примечание Б. Торпа. — *Примеч. ред.*

Чудесные животные

Согласно шведским народным приметам, существуют определенные животные, которых ни в коем случае нельзя называть их настоящими именами, но всегда только эвфемизмами, или же следует говорить о них исключительно намеками. Если кто-нибудь презрительно разговаривает с кошкой или бьет это животное, нельзя произносить ее имя, так как кошка принадлежит к адской компании и состоит в близких отношениях с горным троллем, во владения которого она часто навещается. Говоря о кукушке, сове и сороке, следует соблюдать огромную осторожность, чтобы не попасть в ловушку, так как эти птицы «используются» в магии и колдовстве. Таких птиц, а также змей, нельзя убивать без причины, так как за них могут отомстить. Особенно грешно затаптывать жаб, ибо они часто оказываются заколдованными принцессами. Немало людей охромело не в результате падения, а в наказание за подобные злые шалости. Говоря о троллях и ведьмах, следует помянуть огонь и воду, а также название церкви, к которой принадлежишь, и тогда не будет никакого вреда. Ласку нельзя называть ее именем, а надо — *advine*, лису — «синелапая», или «та, что ходит в лес», медведя — «старина» (*Gubbe, Gammeln*), «дедушка» (*Storfår*), *Naskus*. Крысы — «длиннотелые», мыши — «серые малышки», морской котик — «братец Ларс», волк — «золотопалый», или «серопалый», но никак не *varg*, так как еще в те времена, когда животные умели разговаривать, волк заявил:

Назовешь меня варгом — испытаешь мой гнев.
Назовешь золотым — буду другом тебе.

Даже неодушевленные вещи не всегда можно называть их обычными именами: например, про огонь в некоторых случаях нельзя говорить *eld* или *ell*, а надо *hetta*; воду, используемую в пивоварении, называют не *vatn*, а *lag* или *lou*, иначе пиво не будет таким вкусным.

Сорока — как и другие птицы семейства вороньих — тоже относится к чудесным тварям, это исключительно необходимая ведьмам птица, принадлежащая дьяволу и другим тайным силам тьмы. Когда ведьмы на Вальпургиеву ночь собираются на Блокулле (шведский вариант ведьминской горы), они превращаются в сорок. Когда сороки летом линяют и вокруг шеи у них образуется залысинка, деревенские жители говорят, что это они летали на Блокуллу и помогали дьяволу сгрести сено и что ярмо вытерло им все перья.

Вышеописанное суеверие, касающееся волка, очень древнее и широко распространенное. Очевидные следы его присутствуют в англосаксонском и древненорвежском: «*gyrge sceal for greggum*» («нужно бояться Серого»).

Горный тролль

Невероятные истории о горных троллях и о похищениях ими людей распространены по всей Скандинавии. Немало также сохранилось преданий, повествующих о враждебности троллей и прочих сверхъестественных существ христианской вере. В каждой сельской местности есть камни особой формы, которыми, как считается, великаны бросались с горы, метя в церковь внизу. «Великаны, — гласят предания, — не могли вынести звона колоколов с освященной колокольни и потому швыряли скалы в надежде сбить церковь; но были они слишком сильны и потому зашвырнули камни дальше, чем требовалось». Или же: «Камень был слишком тяжел, а церковь находилась слишком далеко, так что он не долетел до церкви». На некоторых камнях, например, на том, что недалеко от Энкепинга, можно увидеть отметины, будто бы оставленные пятью пальцами гигантской ладони. Возле церкви в Варнхеме стоит гора Химмельсберг, в которой, как известно, жил великан; колокол ближнего монастыря, собиравший верующих на молитву, заставил великана покинуть эти

места. Рассказывают, что, покидая гору, он спросил парнишку, работавшего по соседству, в каком направлении находится Оллеберг, ибо именно туда он и направлялся. Как только парнишка указал ему направление, великан исчез, как вихрь, и только тогда парнишка обнаружил, что указательный палец, которым он показал великану, в какую сторону идти, исчез вместе с великаном. В «Описании Уппланда» можно встретить историю о горе неподалеку от церкви Лагга и о том, как великан со всем своим семейством покинул гору, спасаясь от колокольного звона. «Когда ты вернешься?» — спросил его человек, наблюдавший их уход, на что горный житель ответил: «Когда фьорд Лагга станет полем, а озеро Ост-туна — лугом». К нашему времени фьорд и озеро практически стали полем и лугом, но люди уже не верят в возвращение тролля.

Стен из Фогелькэрра

Старинное «Описание Богуслона» рассказывает о следующем событии.

Стен из Фогелькэрра был исключительно метким стрелком. Однажды на охоте он подошел к горе и увидел прекрасную девушку, сидевшую на камне. У него в голове тут же созрел план, как завладеть ею, и для этой цели он кинул свое огниво, попав им как раз между девушкой и горой. И тогда он услышал громкий смех, шедший откуда-то изнутри горы. Это был отец девушки, который в тот самый миг выбрался наружу и спросил: «Берешь ли ты мою дочь?» Стен ответил: «Да» — и, так как девушка была абсолютно обнажена, завернул ее в свой плащ и привез к себе домой. Вскоре ее окрестили. Однако перед тем, как стрелок покинул гору, отец девушки ему строго-настрого приказал: «Как будешь играть свадьбу с моей дочерью, пришли в гору, где я живу, двенадцать бочек пива, а к ним хлеб и мясо четырех быков, а когда наступит время дарить свадебные подарки, за мной дело не станет». Горный житель сдержал свое обещание: когда все сидели за свадебным столом и гости, согласно древней традиции, одаряли молодых подарками, крыша неожиданно поднялась и внутрь влетел огромный кошель с деньгами, послышался голос старика: «Это мой свадебный подарок, а когда захотите забрать свое приданое, приезжайте к горе на четырех лошадях и забирайте свою долю». Стен так и сделал и получил множество медных чайников различной вместимости, помимо так называемого *brand-cattle*, потомство от которого еще долго встречалось в этих краях. Стен превратился в богатого и влиятельного человека и нажил со своей женой много детей. Сразу несколько семейств утверждают, будто ведут свою родословную от Стена из Фогель-кэрра и девушки из горы.

Крестьянин в деревне под названием Фиринга схожим образом женился на дочери великана и получил вместе с ней существенное богатство. Однако он жил со своей женой несчастливо, бил и унижал ее, несмотря на то, что она была кроткого и уступчивого нрава. Когда великан узнал об этом, он порвал со своим зятем, и крестьянин снова стал бедняком. Однажды ему понадобилось подковать лошадь и, за неимением других помощников, он приказал жене подержать лошади копыта. Каково же было его изумление, когда он увидел, что жена не только без труда выполнила приказ, но и, когда подкова оказалась великоватой, согнула ее так, будто та была не из железа, а из воска. Не без страха муж спросил дочь великана: «Если в тебе столько силы, почему же ты разрешала мне бить тебя?» «Я помню о том, — ответила жена, — что говорил человек в черном, который соединил нас, и буду держать слово, хотя ты уже много раз нарушал свое». С того самого дня этот крестьянин изменился и до конца жизни обращался с женой с величайшей любовью. Великан, узнав об этой перемене, снова наделил зятя всевозможными богатствами.

В районе Нэс в Вэрмланде есть огромный камень, полый внутри, в котором любят сидеть и играть крестьянские дети. Некоторые называют его камнем Стигга, другие — комнатой Хальвара. Внутри этого камня, как гласит предание, в языческие времена жил великан, друживший с фермером с ближайшей мызы. Однажды, когда фермер и еще один

человек вышли из леса, они увидели, что великан сидит у своего камня. «Можете со мной поменяться? — спросил великан. — Я дам вам шесть коз и козла за одну корову». Фермер согласился. На следующее утро, когда жена фермера зашла в хлев, она увидела, что корова исчезла, а вместо нее стоят семь коз. Сделка оказалась удачной, с козами им повезло. Однажды, когда фермер с женой разравнивали граблями землю на поле, они увидели огромную беременную лягушку. Жена фермера из жалости перевязала ее шерстяным шарфом. Вечером того же дня великан пришел на ферму и попросил жену фермера прийти и развязать то, что она завязала. Выяснилось, что лягушка была на самом деле женой великана. Узел ослабили, жена великана благополучно родила. В награду великан насыпал женщине столько серебряных монет, сколько она смогла унести. Накануне Пасхи тот же фермер проходил мимо камня, и великан окликнул его: «Не зайдешь ли ко мне? Угощу молочной кашей». — «Нет, — отвечал фермер — Если у тебя еды больше, чем ты можешь съесть сегодня, оставь ее на завтра». — «Спасибо, — сказал великан. — Знай я это раньше, был бы богачом». И больше этого великана в тех местах не видели.

Когда христиане стали вытеснять троллей и великанов, последние начали искать убежище в море, на необитаемых скалах и на пустынных берегах, где, согласно общеизвестным преданиям, в более позднее время их и видели моряки. Нескольких моряков родом из Богуслона однажды штормом выбросило на пустынный берег, где они увидели великана, сидевшего на камне у костра. Он был стар и слеп и очень обрадовался, услышав северную речь, поскольку сам был родом из той же страны. Он попросил их приблизиться и подать ему руку. «Тогда я узнаю, — сказал он, — есть ли еще сила в руках северян». Так как старик был слеп, он не увидел, что моряки взяли огромный якорь, нагрели его в костре и протянули ему. Он сжал якорь, как если бы тот был сделан из воска, покачал головой и сказал: «Пожалуй, в руках у северян гораздо меньше силы, чем было когда-то».

Тролли отмечают Рождество

О том, как тролли празднуют Рождество, повествуют предания всех северных краев. В это время христианину не следует выходить из дома. На болотистых пустошах можно встретить ведьм и маленьких троллей, одни верхом на волке, другие — на метле или совке. Они спешат на свои сборища, где танцуют под камнями. Затем эти камни поднимают на колонны, и под ними тролли также танцуют и поют. Из гор тогда доносятся звуки веселья и музыки. В рождественское утро, между первым криком петуха и рассветом, для смертного исключительно опасно находиться вне дома.

Однажды в ночь на Рождество 1490 года, в то время, как фру Сиссела Ульфсанд сидела в своей усадьбе в Юнгбю в Скании, послышался сильный шум со стороны камня Мейгл, и тогда один из самых храбрых слуг фру Ульфсанд поскакал туда посмотреть, в чем дело. Он увидел, что камень поднят, и тролли пляшут вокруг. Прекрасная женщина вышла вперед и вручила гостю рог, полный вина, и дудочку. Она попросила его выпить за здоровье короля троллей и дунуть в дудочку. Он принял рог и дудочку, но в то же мгновение прищпорил свою лошадь и галопом помчался обратно. Тролли преследовали его, вдогонку неслись угрозы, но слуга сумел оторваться от погони и привез рог и дудочку своей хозяйке. Тролли обещали богатство роду фру Сиссели, если она вернет дудочку и рог, но она оставила эти вещи у себя, и они до сих пор хранятся в Юнгбю как память об удивительном событии. Говорят, что рог сделан из неизвестного сплава металлов, а дудочка вырезана из лошадиной кости. Слуга, который украл эти вещи у троллей, умер три дня спустя, а его лошадь пала на второй день. Усадьба Юнгбю дважды подвергалась пожарам, а семейство Ульфсанд никогда больше не знало достатка.

Также рассказывают о нескольких священниках, которые в рождественское утро, до восхода солнца, проезжали мимо горы, где тролли предавались своим забавам. К ним вышла горная жительница и предложила отведать напиток в металлических сосудах. Священники ухитрились незаметно вылить напиток, но несколько капель упало на лошадей и сожгло им

шкур.

Верили, что напиток, который тролли имели обыкновение предлагать столь щедро, обладал свойством стирать из памяти прошлое, и человек, отведавший его, как правило, оставался весьма доволен пребыванием в горе.

Происхождение благородной фамилии Тролле

На стене церкви Воксторп в Смоланде есть картина, изображающая рыцаря по имени Херв Ульф. Однажды утром в Рождество он одной рукой принял рог с напитком от троллихи, а другой рукой, в которой был меч, снес ей голову; затем оставил у себя рог и поскакал в церковь. В память об этом героическом поступке король повелел ему назваться Тролле и сделать тролля без головы своей геральдической фигурой. Таково происхождение благородной фамилии Тролле. Этот удивительный рог был раскрашен в три сотни цветов и сперва хранился в соборе в Векшо, а в 1570 году датчане сожгли Векшо и увезли рог в Данию.

Считается, что тролли очень плодовиты, но их потомство по большей части погибает, когда гремит гром. Отсюда и поговорка: «Если бы не гром, тролли бы уничтожили мир».

Тропа великана

В горе Биллинген в Западном Готланде есть большая расщелина, называемая *Jattestig* («тропа великана»), и рассказывают, что раньше она была частью пути, ведущего в самое сердце горы. Однажды туда проник некий крестьянин, он обнаружил внутри человека, спящего на огромном камне. Как он туда попал, никто не может сказать, но каждый раз, когда колокола сзывают прихожан на молитву в церковь Иглунда, этот человек переворачивается и вздыхает. И так будет продолжаться до Судного Дня.

Томте, или шведские ниссе

Два земледельца жили в одной деревне; у них были одинаковые пахотные угодья, луга, лес и пастбище, но один из них становился все богаче, а другой беднел год от года. Один покрасил свой дом в красный цвет, и дом этот был хорошо просмолен и обшит досками, а надежная крыша крыта дерном. Обиталище другого поросло мхом и являло собой жалкий вид — стены голые, крыша протекает. Знающие люди догадывались, что у первого земледельца в доме жил томте. Эти доброжелательные маленькие создания ростом с годовалого ребенка, лица у них старческие, морщинистые. Носят они серые шерстяные жакеты, короткие бриджи и туфли вроде тех, в каких ходят крестьянские дети. Томте появляются в полночь, в руках у них обычно соломинка или початок кукурузы, которые они медленно тащат за собой, пыхтя и задыхаясь на каждой ступеньке, словно обремененные тяжелейшей ношей. Некий крестьянин однажды посмеялся над томте и сказал: «Какая мне разница, принесешь ты это в мой дом или не принесешь». Томте рассердился и перебрался в жилище другого крестьянина, который в то время был беден и только начинал обустраиваться. И с того самого дня процветание отвернулось от человека, выказавшего презрение крохотному существу. Зато другой крестьянин, уваживший трудолюбивого томте, стал богачом, и в его жилище правили чистота, порядок и достаток.

Если конюх заботится о своих лошадях, разговаривает с ними по-доброму, кормит их в десять вечера, а следующий раз в четыре утра, то у него нет никаких причин бояться томте. Но тот, кто беспечен, плохо обращается со скотиной, сыплет проклятиями и ругательствами, когда заходит на конюшню, забывает дать вечерний корм и спит допоздна, должен о себе побеспокоиться, — как только он зайдет на конюшню, сразу может получить хороший удар по уху от невидимого, но очень твердого кулачка томте.

Верили, что томте — души тех, кто в языческие времена был рабом, и что они

обречены заниматься своими бывшими земными обязанностями до самого Судного Дня. Многие до сих пор верят в томте и ежегодно устраивают им подношения, или, как сейчас это называют, «дают награду». Это происходит в тот день, когда по всему миру провозглашается радостная весть о рождении Спасителя. «Награда», или «подношение», включает в себя маленькие кусочки грубой серой шерстяной ткани, немного табака и сопочек с землей.

Томте частенько называют иначе — ниссе. «Доброму ниссе», — говорят местные жители в Блекинге и других местах, бросая наземь первину еды.

У крестьянина из Скании была привычка каждый день класть еду для ниссе. Об этом узнал местный священник и пришел в дом, дабы убедить его обитателей, что никаких ниссе не существует. «Куда же тогда исчезает каждую ночь еда?» — спросил крестьянин. — «Я скажу вам, — ответил священник. — Сатана забирает ее в котел в аду, и в этом котле он собирается вечно варить ваши души!» С этого времени еды для ниссе больше не оставляли.

Там, где идут строительные и плотницкие работы, можно увидеть, как томте, пока рабочие отдыхают, работают своими крошечными топориками. Когда рубят дерево в лесу, то говорят: «Дровосек держит топор, но томте валит дерево». Если лошади в конюшне хорошо ухожены, то говорят: «Конюх кладет корм в кормушку, но томте делает лошадь упитанной».

Одна хозяйка, просеивая муку, долгое время подряд замечала, что чан с мукой как-то по-особенному много весит и, несмотря на то, что она постоянно берет из него довольно много муки, остаток превосходит все ожидания. Она не знала, в чем дело, но вот однажды, идя в кладовую, ей удалось заглянуть в замочную скважину, и она увидела маленького томте, который сидел возле чана и просеивал муку; на нем был драный серый балахон. Женщина потихоньку ушла, сшила новый красивый камзол и повесила его на край чана, а сама устроилась так, чтобы ей было все видно. Томте сразу же надел новый наряд и принялся просеивать муку, но, когда увидел мучную пыль на своем новом камзоле, он воскликнул:

Красив молодой щеголь,
Но он запачкает себя:
Никогда больше не будет он просеивать муку!

Вороны. — Пюслинги и мюлинги. — Шкраты

Вороны кричат по ночам на лесных болотах и диких пустошах. Считается, что эти птицы — призраки невинно убитых, не получившие христианского погребения.

Говорят, в лесах бродят души убитых маленьких детей, и будет это продолжаться столько, сколько лет им было бы отпущено жить на Земле. Ужасный для бессердечных матерей, уничтожающих свое потомство, крик звучит как: «Мама! Мама!» Когда путники проезжают мимо таких мест, призраки виснут на стремянах, и лошади начинают волочить ноги, словно к ним привязаны тяжелейшие жернова. Умные крестьяне догадываются, что к повозке прицепился призрак, или *пюслинг*. Если подойти к лошадям спереди, приподнять узду и посмотреть сквозь нее на повозку, можно увидеть крохотное существо, правда, при этом рискуешь получить удар по уху или заболеть «болезнью призраков» (*gastkramad*).

Мюлинги, так же, как томте и скоге, приходится часто убегать от волков. Как-то раз охотников, ночевавших в лесу, разбудил волчий вой. Они увидели, как скоге спасается бегством от стаи волков. Добежав до охотников, скоге спряталась за их спины и начала насмехаться над волками. Один из охотников дал ей хорошего пинка, так, что она перелетела через костер и угодила в гущу волков. Похожие истории ходят и о мюлингах, и о томте.

О мюлингах также рассказывают, что они могут принимать обличье живых людей и

тех, кто уже умер, тем самым приводя в замешательство ночного путника; еще они могут имитировать людские речь, смех и пение.

Шкраты — разновидность мюлингов, они обожают подшучивать над запоздалыми путниками. Крестьянин из Вестманланда, копая землю, нашел кольцо, сиявшее, словно золото, и непременно оставил бы его себе, когда бы шкрат не «высмеял» кольцо. Нечто подобное, говорят, часто случается с искателями сокровищ. Шкрат появляется в полночь, в основном зимой. Он выходит из леса на большую проезжую дорогу и повисает на задней части саней. Внезапно сани становятся такими тяжелыми, что лошади, какими бы сильными и свежими они ни были, тут же останавливаются. Тогда шкрат убегает со злобным смехом.

Вервольф

В одной деревушке в лесу жили-были крестьянин по имени Лассе и его жена. Однажды Лассе пошел в лес, чтобы срубить дерево, но при этом забыл перекреститься и прочитать «Отче наш», и злая троллиха, или ведьма (*Vargamor*⁷⁹), получила над ним власть и превратила в волка. Жена оплакивала Лассе несколько лет, но однажды накануне Рождества к ней пришла нищенка. Хозяйка радушно ее приняла, как и полагается христианам в это радостное время года. Уходя, нищенка сказала, что женщина совсем скоро сможет снова увидеть своего мужа, ибо он не умер, но бродит по лесу в обличье волка. Ближе к вечеру женщина пошла в свою кладовую, чтобы положить кусочек мяса, и, когда уже выходила, наткнулась на волка, пытавшегося передними лапами приподнять полки кладовой. Женщина воскликнула: «Если бы я точно знала, что ты мой Лассе, я бы дала тебе кость с мясом». И тотчас же волчья шкура спала, и ее муж оказался рядом с ней, в той самой одежде, в какой он ушел из дома тем несчастным утром.

Даже и в наши дни многие верят в языческий колдовской обряд превращения человека в волка. К финнам, лапландцам и русским в связи с этим особое отношение. Когда в последний год войны с Россией Кальмар оказался буквально переполнен волками, простые люди говаривали, что это русские превратили шведских пленных в волков и отпустили домой, чтобы наводнить ими страну.

Бродячий огонек

Согласно старинной народной примете, человек, при жизни признавший себя виновным в передвигании межевых знаков, обречен скитаться после смерти с фонариком в руках от знака к знаку. Передвигая эти знаки, он будет приговаривать грубым хриплым голосом: «Все правильно, все правильно, все правильно». Но угрызения совести и душевные страдания снова примутся терзать его, и тогда он станет восклицать: «Неправильно! Неправильно! Неправильно!»

Баран в Гетаберге

Возле города Ингельштат, в Скании, стоит гора под названием Гетаберг, на которой перед несчастьями и стихийными бедствиями проявляется изображение барана страшной наружности. Местные крестьяне могут перечислить, в каких годах и в какие дни и какие именно бедствия были предсказаны таким образом. Как-то вечером мимо горы проходил мальчик, напевая песенку про барана, популярную в тех местах, и своим несвоевременным весельем он разбудил барана из горы, который тут же поддел мальчишку рогом и, возможно, мог бы его убить, если бы на помощь не подоспела очаровательная юная девушка, которая

⁷⁹ Старухи, жившие в лесах и нередко выдававшие себя за колдуний, получили имя *Vargamor* (волчья ведьма); считается, что волки в лесу находятся под их защитой и покровительством. Примечание Б. Торпа. — *Ред.*

спасла мальчика, ибо когда к этому барану подходят молодые девушки, он становится ручным, как ягненок.

Дракон, или Белый змей

В языческих сагах нет упоминаний о цвете дракона, но в более поздних источниках мы обычно встречаем его под именем Белого змея. Его не следует путать с Белым томт-змеем (*Tomtorn*), которого в южных частях Швеции считают одним из добрых домашних духов и которого все домашние с удовольствием кормят; он снисходит до того, чтобы устраивать свое обиталище под полом в доме. По слухам, Белого змея видят исключительно редко, возможно, раз в сто лет, и то в безлюдных местах. Колдуньи, бывало, специально искали его и варили его кожу вместе с другими магическими компонентами, чтобы достичь полного понимания секретов природы, так как, обитая в самых сокровенных уголках земли, у корней скал и гор, деревьев и растений, он впитывает в себя их оккультные силы и делится ими с тем человеком, которому разрешает себя найти. При встрече с Белым змеем следует сразу же схватить его посередине туловища, пока он будет выползать из своей старой кожи. Эта кожа, даже если ее просто лизнуть, во много раз увеличивает силы человека и наделяет его мудростью — например, такой человек познает свойства трав и камней, будет знать, как залечивать раны и исцелять все болезни.

Маленький мальчик, сбившись с пути, вышел к небольшой хижине в лесу, в которой жила одна из так называемых ведуний. Когда мальчик вошел, ее не было дома, но на огне висел большой котел, в котором варился Белый змей. Мальчик был очень голоден, поэтому, увидев на столе хлеб, а в котле толстый слой жирной пены, которая, как он думал, поднимается от мяса, он обмакнул кусочек хлеба в котел, а потом положил себе в рот. Старая ведьма, которая как раз возвратилась, сразу поняла, что случилось, но, будучи уверенной в том, что ее сама мальчишка мудростью никогда не превзойдет, решила отпустить его и на прощание объяснила юному мудрецу, как ему обходиться с неожиданным даром.

О Свене из Брагнума, что в Западном Готланде, который был настолько знаменит, что к нему приезжал сам Линней, ходит легенда, что он нашел Белого змея и лизнул его шкуру, вследствие чего стал Сведущим (*Klok*) и постиг свойства всех ползучих тварей, а также растений, которые прилежно собирал вокруг горы Моссеберг. Интересно, что он предвидел, что потеряет все свои знания, как только женится, и действительно, со дня его свадьбы к нему уже не приходил ни один вопрошатель.

Шведы приписывают силу отдельных целебных источников Белым змеям. Так, в 1809 году тысячи людей прибывали из Халланда и Западного Готланда к чудотворному Хельшо (маленькому озерцу недалеко от Рампейерды). Рассказывали, что дети, пасшие коров на его берегах, в том году часто видели прекрасную девушку, сидевшую на берегу и державшую в руке Белого змея. Водная нимфа со змеем появляется лишь раз в сто лет. Согласно немецкой легенде, человек, съевший Белого змея, начинает понимать язык всех животных.

Незванные гости на свадьбе

Фермер в Бахуусе праздновал свадьбу своей дочери, но едва лишь накрыли стол и внесли кушанья, как тут же — даже до того, как гости успели занять свои места — все было съедено. Хозяин воскликнул: «Здесь точно побывал Хью!» Затем он приказал внести другие кушанья, на которые гости сразу же набросились, но все равно было заметно, что еда продолжает исчезать со столов. У дверей стоял старый солдат-кавалерист, который знал больше других и который, услышав, о чем говорят за столом, вскочил на свою лошадь и поскакал к ближайшему холму, в который и постучал. Когда дверь отворилась, солдат сказал обитателю горы: «Одолжи мне свою шляпу, а я тебе дам свою на время» Такая шляпа назвалась *uddehat* и делала человека, надевшего ее, невидимым. Старик из горы отозвался: «Ты получишь ее, но пообещай вернуться до заката». Старый солдат поспешил обратно на

свадебный пир, надел шляпу и увидел, что возле каждого гостя сидит по два тролля. Ухватив плетку, солдат так отхлестал по пальцам любителей поживиться за чужой счет, что они потеряли всякое желание набивать брюхо и кубарем выкатились из покоев. Затем солдат снял шляпу и сказал: «До этого мгновения злые духи пировали вместе с вами, но сейчас вы можете поставить на стол больше еды, и я составлю вам компанию». Так и сделали и пировали спокойно. Когда настал вечер, старик снова вскочил на лошадь и поскакал к горе, где скинул взятую взаймы шляпу и поспешил обратно так быстро, как только мог. За ним по пятам понеслась взявшаяся неизвестно откуда орава троллей. Им даже удалось дотянуться до хвоста его лошади, но лошадь была молодая и сильная и сумела ускакать, а тролли вернулись туда, откуда пришли.

О Лундском соборе⁸⁰

Собор в Лунде считался чудом готической архитектуры, и это относилось как к его огромным размерам, так и к украшениям, большинство которых сохранилось до сих пор. Говорят, что его построил великан Финн, и портрет великана по сей день можно увидеть в крипте.

Святой Ларс (Лаврентий), гуляя по горам и лесам, раздумывал, как бы возвести просторный храм, достойный самого Господа, и встретил огромного великана, который пообещал осуществить его мечту, но в награду потребовал солнце и луну, а также оба глаза святого Ларса. Сговорились, что работы будут выполнены за столь короткое время, что торговаться было бы глупо; святой Ларс не сомневался, что великан не справится. Однако скоро он убедился в обратном. Строительство шло стремительно, близился день, когда великан должен был прийти за своей наградой. В расстроенных чувствах святой Ларс снова отправился бродить по лесам и горам и вот однажды он услышал детский плач, доносившийся из горы, и голос матери, которая пела песню:

Успокойся, мой малыш,
Отец твой, Финн, завтра придет,
И будешь ты играть с солнцем и луной
И с двумя глазами святого Ларса.

Святой узнал, как зовут великана и, стало быть, обрел над ним власть. Когда тролль узнал об этом, они с женой пришли в церковь и каждый взял по колонне с намерением разрушить всю постройку, но святой Ларс перекрестил их и воскликнул: «Стойте же вы в камне до Судного Дня!» Они сразу же окаменели и стоят так по сей день: великан обнимает одну колонну, а его жена с ребенком под мышкой — другую.

Киркегрим и церковный ягненок

Языческие суеверия не замедлили проявить себя при сооружении христианских церквей. Закладывая фундамент, люди приносили в жертву своим старым божествам, которых не могли забыть, какое-нибудь животное, которое хоронили заживо либо под фундаментом, либо рядом. Считалось, что дух этого животного бродит по церковному двору по ночам; он зовется киркегрим, или церковный грим.

По традиции под алтарем в первых христианских церквях обыкновенно хоронили ягненка, что придавало сооружению безопасность и долговечность. Он символизировал настоящего агнца, Спасителя всего мира, краеугольный камень Церкви. Если кто-нибудь

⁸⁰ Лунд — город в Скании, в котором находится величественный старинный собор. Его называют северным Кентербери, и до передачи этой провинции Швеции в 1658 году он являлся митрополичьим престолом Датского королевства. Он расположен почти напротив Копенгагена. Примечание Б. Торпа. — *Ред.*

зайдет в церковь, когда не будет службы, возможно, он сумеет разглядеть, как маленький ягненок пробежит по хорам и исчезнет. Это и есть церковный ягненок. Если он покажется кому-нибудь в церковном дворе, особенно — могильщикам, это считается предвестием смерти ребенка.

Священный источник Тора

Еще со времен язычества в Смоланде, в приходе Скате-фель, существует источник, печально известный из-за одного случая. На том месте, где сейчас находится источник, когда-то молодая девушка встречалась со своим возлюбленным и, заподозрив в неверности, убила его. Бог Тор сделал так, что из его крови начал бить источник. В связи с тем, что языческая религия претерпела сильные изменения в людском сознании, имя бога Тора было изменено на *Helige Thor* («святой Тор»), праздник Вознесения Господня стал называться *Helig Thor's-dag* (Чистый четверг), а *Skatelofts kalla* был переименован в *Helige Thor's Kalla* (источник Святого Тора). Из старинных документов следует, что раньше существовала особая песня, которую пели у этого источника, когда местные жители накануне каждого Чистого четверга собирались там для игр и подношений.

О Деве Марии

Как *Thorbagge* во времена язычества считался священным животным Тора, так и божья коровка (*coccinella septempunctata*) была посвящена Деве Марии и до сих пор называется Богородицной ключницей (*nuckelpiga*). Считается хорошей приметой, если молодая девушка увидит это крошечное создание по весне; нужно дать вскарабкаться по руке и сказать: «Сними мерку для моих свадебных перчаток». А когда насекомое расправляет крылья и улетает, девушка внимательно замечает, в каком направлении оно летит, так как оттуда однажды может прийти ее суженый. Люди верят, что эта миниатюрная посланница Девы Марии способна предсказывать фермерам, будет год урожайным или наоборот: если пятнышек на ее спинке больше семи, то зерно будет стоить дорого, а если меньше — будет обильный урожай и низкие цены.

Рождественская (йольская) солома

Во многих местах было традицией относить на поле йольскую солому, так как верили, что это поможет получить обильный урожай, — радением Младенца, через которого передалась Благодать.

Еще о йольской соломе (равно как и о йольском хлебе) бытует поверье, что часть ее надо сберечь и весной дать лошадям и другому домашнему скоту, чтобы предохранить его от болезней и несчастных случаев, а также для того, чтобы животные держались вместе и не разбегались.

В некоторых местах существует традиция устраивать так называемую братскую кровать на полу, на которой дети и все домашние спят вместе на подстилке из йольской соломы. Всю обувь следует составить в одно место, чтобы все в семье жили в гармонии на протяжении наступающего года. Сила рождественской соломы поистине огромна. Если выстелить ею гнезда домашней птицы, к ним не посмеет подобраться куница и их не коснется чужое колдовство. Расстеленная на земле, она способствует росту плодов и злаков. Если дать ее коровам перед выгоном на летнее пастбище, они будут давать отличное молоко и не потеряются.

Иванов день

На Иванов день собирают и связывают вместе все виды цветов и растений, чтобы

получился *Midsommarsq-vastar* (цветочный венок середины лета). Такие венки висят в каждом доме, особенно в конюшнях и хлевах, — при наличии такого венка скот нельзя заколдовать. Среди цветов обязательно должен быть зверобой как обладающий особенной силой. В канун Иванова дня многое может случиться, и многие важные события из жизни человека можно предвидеть и предсказать. Некоторые люди заворачиваются в белые простыни и забираются на крыши своих домов. Что бы они ни услышали, чье бы лицо ни увидели — все имеет значение, все должно быть истолковано. Другие, не боясь встретиться с ведьмами и духами ночи, более смело заглядывают в будущее — например, приходят на развилку трех дорог и ждут некоего знамения. Впрочем, можно поступить и проще — сплести венок из девяти различных цветов и положить под подушку. Считается, что сон на такой подушке будет необычайно крепким, а сновидение — пророческим.

В это время довольно легко обнаружить ведьм. Так называемое «масло ведьм» встречается как на кукурузе, так и на цветах; это либо сок растений, либо роса. Если сложить девять пород дерева вместе, поджечь и кинуть в костер немного «масла ведьм», те, кого справедливо подозревают в колдовстве, придут и непременно выдадут себя.

Шведские народные приметы

Входя в дом, будьте внимательны, чтобы не наткнуться в дверях на выметаемый мусор, если хотите обзавестись семьей в текущем году.

Если девушка и юноша вместе съедят одну и ту же свеклу, они влюбятся друг в друга.

Если в ночь на Иванов день положить под голову девять различных цветов, то приснится суженая (суженый).

Юноша не должен давать девушке нож или булавки, так как они разрушают любовь.

Девушка не должна смотреться в зеркало после захода солнца, а также при свете свечи, чтобы не потерять расположение противоположного пола.

Невеста должна приложить все усилия, чтобы увидеть своего жениха раньше, чем он увидит ее; тогда она будет главной в доме.

Для того же во время свадебной церемонии она должна поставить свою ногу впереди его ноги.

Для той же цели она должна постараться первой сесть в венчальное кресло.

Для той же цели она должна будто бы случайно дать туфельке соскользнуть с ноги или же уронить носовой платок или любую другую мелочь, которую жених из вежливости наклонится поднять. С этих пор подчинение станет его уделом на всем протяжении брака.

Во время свадебной церемонии невеста должна стоять к жениху очень близко, чтобы никто другой не смог даже протиснуться между ними.

В церкви им следует держать между собой ленту или салфетку для того, чтобы они жили исключительно друг для друга.

Сидя на венчальном кресле, невеста должна столькими пальцами коснуться своего тела под одеждой, сколько она хочет иметь детей.

Чтобы впоследствии у девушки было много молока, по возвращении из церкви мать должна встретить ее со стаканом молока в руках и дать ей его выпить.

Пирог и кусок сыра, лежавшие рядом с невестой на брачном ложе, она хранит и съедает во время первых родов.

Новорожденным следует класть под голову книгу с тем, чтобы чтение давалось им легко.

Когда ребенка купают в первый раз, в воду нужно положить монеты, чтобы ребенок стал богатым. Небольшой кошелек с монетами также следует зашить и надеть на шею ребенку.

Какой-либо частью отцовской одежды следует укрыть новорожденную девочку, а материнской нижней юбкой — мальчика, с тем, чтобы в будущем они смогли снискать расположение противоположного пола.

Мать должна провожать ребенка до двери, когда его уносят из дома, чтобы окрестить; а когда его заносят обратно, следует встречать ребенка в дверях с буханкой хлеба, чтобы он никогда не нуждался в хлебе.

До тех пор, пока ребенку не дано имя, огонь в камине нельзя тушить ни на минуту.

Никто не должен проходить между горящим камином и грудным ребенком.

В дом, где есть грудной ребенок, поздно вечером нельзя вносить воду, не бросив в нее горящий уголек.

Никто из входящих в дом не должен брать ребенка на руки, не проведя перед этим руками над огнем.

Если у ребенка рано режутся зубы, то, возможно, скоро в этой семье появятся новые дети.

Нельзя качать пустую колыбель, иначе ребенок станет постоянно шуметь и плакать.

Если первенец, родившийся с зубами, укусит панариций, то он быстро пройдет.

Ребенок не должен одновременно читать и есть, иначе у него будет плохая память.

Первым ребенок должен дотронуться до собаки, но ни в коем случае не до кошки.

Если ребенок играет с огнем, он с трудом будет удерживать в себе воду.

Ребенок не должен пролезать в окно, также никто не должен перешагивать через ребенка или обходить вокруг него, когда он сидит на полу или в коляске, так как считается, что в этом случае ребенок никогда не вырастет выше, чем он есть к этому моменту.

Если больному человеку дать необычную пищу, то он выздоровеет.

Если за снадобье (лекарство) благодарят, оно теряет свою силу.

Если человек с открытой раной пройдет по могилам, то его рана либо будет заживать очень медленно, либо вообще никогда не заживет.

Если кто-нибудь видел привидение, нельзя никому говорить об этом до утра, иначе человек почувствует стеснение в груди и начнет харкать кровью.

Нельзя ходить за водой после захода солнца, из опасения, что может образоваться панариций.

По этой же причине, а также чтобы не ощутить стеснения в груди, необходимо трижды сплюнуть, если приходится ступать в воду после захода солнца.

Если кто-то серьезно заболел, то следует заказать молебны за его здоровье в трех церквях, одна из которых должна быть жертвующей церковью, если таковая имеется поблизости. После этого очень скоро станет понятно, поправится человек или умрет.

Если поймали большую рыбу, ее зубы следует сжечь, чтобы стать удачливым в рыбной ловле.

Никому нельзя говорить, когда именно собираешься на рыбалку; также нельзя рассказывать, много поймал рыбы или мало.

Никто посторонний не должен увидеть, сколько поймано рыбы.

Если отправляются на рыбалку на лодке и отгребают от берега, нельзя разворачивать лодку против солнца.

Лучше всего рыба ловится на крючки, сделанные из найденных в церкви булавок.

Если женщина перешагнет через удочку, то клева не будет.

Украденные рыболовные снасти приносят удачу, а тот, у кого их украли, свою удачу теряет.

Под столом нельзя зажигать свет, иначе все гости перессорятся.

Если уходишь из дома по какому-нибудь делу, то нельзя оборачиваться, иначе дело не выгорит.

Не следует благодарить за булавки.

Если незнакомец войдет в дом в тот момент, когда там варится пудинг (или колбаса), то готовящееся блюдо развалится на части.

Если повернуть домашние тапочки или туфли носками к кровати, то ночью придет мара.

Накануне Пасхи необходимо сделать крест и повесить его над воротами хлева с тем, чтобы оградить скот от посягательств ведьм.

При первой ночевке в незнакомом доме перед сном следует сосчитать в доме все балки, и тогда то, что приснится, непременно сбудется.

Если, собираясь в путешествие, человек что-нибудь забывает, можно надеяться на его благополучное возвращение домой; однако оглядываться не к добру.

Если кошки умываются или сороки трещат рядом с домом, они предвещают гостей. Если нерадивая хозяйка или пренебрегающий своими обязанностями слуга еще не подмели пол, это тотчас же необходимо сделать.

Тот, кто на Рождество первым придет из церкви домой, первым в этой семье умрет.

Если, после того как посадили капусту, обойти трижды вокруг грядки, то в капусте не заведутся червячки.

Пустой мешок никогда нельзя нести развязанным. Если следом идет беременная женщина, ее ребенок никогда не удовлетворит свой аппетит.

В Страстную субботу следует дунуть в длинный рог (*лур*) из окна хлева: на какое расстояние разнесется звук, ближе в этом году не подойдут ко двору хищные звери.

Если человек, который ищет свою пропавшую скотину в лесу, увидит синицу по правую от себя руку, то искомая скотина будет найдена.

Если свиней выпускают в день Святой Люсии, у них заводятся паразиты.

Если накануне Михайлова дня скот с пастбища загоняют обратно без шума, то в хлеву будет тихо весь следующий год.

Любое дело по его завершении должно быть осенено крестом.

Если во время уборки в первый день нового года под столом обнаружится зерно кукурузы, то будет обильный урожай.

Если женщина, похожая на колдунью, заходит во двор, то, чтобы противодействовать колдовству, надо либо ударить ее так, чтобы пошла кровь, либо кинуть в нее головешкой.

Когда невеста после свадьбы возвращается из церкви, она должна собственноручно распрячь или расседлать лошадь, чтобы потом у нее были легкие роды.

Если невеста танцует, положив себе в туфли монеты, то ничье колдовство не сможет нанести ей вреда.

В Швеции, равно как в Норвегии и Финляндии, имеется одинаковое поверье, что если волки появляются в какой-либо местности в необыкновенно больших количествах, это к войне. Такое же суеверие имеется и по поводу белок.

Глава 3

ДАТСКАЯ ФОЛЬКЛОРНАЯ ТРАДИЦИЯ И СУЕВЕРИЯ ДАТЧАН

Тролли и эльфы. — Курганы троллей. — Клинты и король клинтов. — Подземный народ. — Повитухи и волшебная мазь. — Гора невесты. — Бондеветте. — Свенд Фэллинг. — Алтарные чаши. — Тролли и гром. — Бегство

эльфов. — Ниссе. — Вервольфы и мары. — Морской народ. — Подменьши. — Предания о дьяволе. — Книга Киприана. — О ведьмах. — Легенды о призраках. — Дикая Охота. — О драконах. — Водяные духи. — Лошадь Хель. — Предания об озерах и источниках. — Исторические предания. — Епископ Вильям. — Даннеброг. — Святой Нильс. — Король Вальдемар и его дочь. — Семейные предания. — Предания о городах. — Церкви и монастыри. — Легенды о домах. — Предания о священниках и знахарях. — Клады и охотники за кладами. — Легенды о разбойниках. — Народные поверья и суеверия.

Происхождение троллей

Ютландцы рассказывают, что когда Господь сбросил с небес падших ангелов, то некоторые упали на холмы и стали родоначальниками народа курганов, или, как их еще называют, «народа холмов», или «горного народа». Другие упали на эльфийские пустоши и стали предками народа эльфов. Те же, кто попал в жилища людей, превратились в домашних духов, или ниссе.

По другой версии предания, однажды Ева мыла у ручья своих детей. Перед ней неожиданно появился Господь, и Ева, испугавшись, спрятала тех детишек, которых еще не успела вымыть. Господь спросил, все ли ее дети здесь, и она ответила: «Да», чтобы он не сердился, увидев немытых детей. Тогда Господь сказал, что те, кого она скрыла от него, будут отныне скрыты от всего человеческого рода; и в тот же миг грязные дети исчезли. Они спрятались в холмах, и от них-то пошел весь подземный народец.

В иудейском предании говорится, что Адам, сорвав яблоко с Древа Познания, был проклят на сто тридцать лет. Все эти годы, как сообщает рабби Иеремия бен Елиазар, он зачинал только «шедим», т. е. демонов и подобных им созданий.

Эльфы

Эльфы живут на эльфийских пустошах. Мужчины имеют вид стариков в широкополых шляпах. Эльфы женского пола молоды и соблазнительны на вид, однако спины у них полые. Особенно опасны они для молодых парней, которым трудно устоять перед очарованием эльфийских дев. К тому же эти девы никогда не расстаются со струнным инструментом, на звук которого, стоит коснуться струны, отзываются все сердца. Эльфов-мужчин часто видят поблизости от болот, когда они греются на солнышке. Если подойти к ним слишком близко, эльф разинет рот и дунет на любопытного, а его дыхание навевает заразные болезни⁸¹. Женщин чаще видят при лунном свете. Они водят хороводы в высокой траве с такой легкостью и грацией, что мало кто из молодых людей сумеет отказаться от предложенной эльфийской девушкой руки.

Нужно хорошенько следить, чтобы скотина не паслась там, где побывали эльфы, потому что если животное окажется там, куда они плюнули, или, того хуже, оно станет чахнуть, и излечить его можно только пригоршней «масла святого Иоанна» (народное название настойки зверобоя), собранным в полночь накануне Иванова дня. Может случиться, кроме того, что скотина пострадает, если смешается со стадом эльфов — их скот очень крупный и голубой масти. Скотину эльфов иногда видят на лугах. Их скот живет тем, что слизывает росу с травинок. Крестьянин все же может спастись от упомянутых выше зол, если прежде, чем выпустить скотину, пойдет на курган эльфов и скажет: «Эй, маленький

⁸¹ В Шотландии дыхание эльфов также считается вредоносным.

тролль! Можно мне пасти скотину на твоей горе?» Не услышав отказа, он может ни о чем не беспокоиться.

Между Терслозе и Зобиргом расположена Зобирбанке — богатейший курган во всей Зеландии. По легендам, под ним скрыто великое множество драгоценностей. В этом холме живет жена тролля, которая принесла все это с собой в приданое с поля Стинлиль, когда тролль из Гальтебирга взял ее в жены.

В хорошую погоду прохожие часто видят на кургане красивую кухонную утварь из меди и тончайшее белье, выложенное проветриться: подойдя чуть ближе, можно увидеть, как маленькие детишки-эльфы проворно затаскивают все добро внутрь.

На поле Иллеруп близ Каллундборга есть гора Фибиргбакке. В ней живет множество троллей, хранящих огромные запасы золота. В горе имеется дыра, сквозь которую тролли затаскивают внутрь тех, кого схватили. На Рождество они выносят на солнце свое серебро и золото, и в это время на гору подниматься опасно. Зато в ночь на святого Иоанна вся гора приподнимается на красных колоннах, и под ней видны танцы и веселье. В это время каждый может подойти поближе и увидеть, между прочим, как тролли таскают туда-сюда огромные сундуки с монетами.

В Лаанехой на Эро часто слышат, как тролли хлопают крышками своих сундуков. Жнецы, когда прилягут отдохнуть, прижав ухо к земле, могут услышать, как под землей мелют зерно.

Сомневаться в том, что горный народец жил прежде в Галлехой на Эро, не приходится. Там слышны не только удары крышек сундуков. Один кузнец из Лиллерайзе, у которого во время войны был там пост, каждое утро слышал, как в горе звонят стенные часы.

Близ Остреля, между Аалборгом и Тистедом, есть гора, в которой живут кузнецы-эльфы. По ночам явственно слышно, как они куют, а в склоне есть отверстие, под которым по утрам находят шлак и окалину.

В окрестностях Зандбю, на острове Морс, в одной горе живет тролль-кузнец. Ночью можно услышать, как он работает. Напротив той горы у него еще одна мастерская под песчаной дюной. Там слышны удары огромного молота. По ночам он часто перелетает по воздуху от одной кузницы к другой на безголовой лошади. В руках у него молот, а за ним следуют все его ученики и подмастерья.

В приходе Буур есть три высокие горы. В одной из них живет тролль-кузнец. Ночью часто видно, как над вершиной горы поднимается струя пламени и, как ни удивительно, уходит обратно через склон. Таким образом тролль поддерживает жар в своем горне. Если кто пожелает получить железное изделие, тому надо только положить на горе серебряный *скилинг* и кусок железа и сказать вслух, что нужно из него сделать. Наутро скилинг исчезнет, а железо будет искусно отковано в нужную форму⁸².

Однажды буурские крестьяне вздумали откопать сокровища тролля. Для этого они собрались среди ночи с лопатами и мотыгами. Всех предупредили, что нельзя проронить ни слова, как бы велико ни было искушение, после чего принялись за работу. Но едва лопаты коснулись земли, как из горы стали появляться страшные видения. Крестьяне молча продолжали копать, не глядя на эти ужасы, и наконец наткнулись на просторные каменные палаты. Здесь лежали сокровища, а именно большой медный котел, полный золота, рядом с которым спала огромная черная собака. Один из людей снял с себя плащ, и они тихонько переложили на него пса, чтобы отнести подальше. В тот же миг из горы появился огромный воз с сеном. Везли его два петуха. Они трижды обвезли свой груз вокруг горы, однако все продолжали молчать, пока один из петухов не лягнул ногой воз с такой силой, что переломил толстую оглоблю. Тут кто-то воскликнул: «Ну и лягается же этот петух!» Не успел он вымолвить этих слов, как всю компанию вышвырнуло из горы, которая тут же

⁸² Тут можно вспомнить известную английскую легенду о чудесном кузнеце Виланде, которую сэр Вальтер Скотт пересказал в своем романе «Кенилворт». — *Примеч. ред.*

закрылась за ними. Они сделали вторую попытку, но тогда им представилось, что весь Остербуур охвачен пламенем. Побросав лопаты, все бросились к своим домам, однако, добежав до места, обнаружили, что в селении все спокойно.

В этих рассказах о волшебных кузнецах легко прослеживаются влияния эддической мифологии.

В Гамтофе, недалеко от Ассенса, в поле стоит курган, в котором, как говорят, скрывается тролль. Об этом тролле рассказывают, что он никогда не отказывал никому в одолжении. Стоило только подойти к кургану, постучать в его северный склон и назвать, что требовалось, как появлялась нужная вещь, будь то горшки, сковородки или иная домашняя утварь. Однако тот, кто не вернул вещи в назначенный срок, мог считать себя покойником.

На острове Моен есть гора под названием Остед-Хот. Некая Маргарет Скалвигс однажды проходила мимо нее по пути к замку Эльмелунда. Тут ей встретилась старушка, спросившая: «Куда ты идешь, дитя мое?» Маргарет отвечала, что идет в замок Эльмелунд, одолжить у жены Петера Мунка платье для венчания. Тогда старушка сказала ей: «Если придешь сюда в субботу, одолжу тебе свадебное платье». В следующую субботу Маргарет пришла к Остер-Хот, и старушка вынесла ей чудесное платье с золотой вышивкой. Она велела принести наряд обратно через неделю, если же никто не появится — забрать его и считать платье своим. На своей свадьбе Маргарет Скалвигс появилась в золотом наряде, когда же через неделю принесла платье назад, за ним никто не вышел, так что она по праву оставила платье себе.

В Тихольме есть несколько высоких гор, где прежде обитал горный народец. Однажды мимо них проходил крестьянин, направлявшийся на рынок в Вестервиг. Случилось ему пожаловаться вслух на свою жалкую клячу. Возвращаясь обратно, на том самом месте, где произнес свои укоризны, он нашел четыре подковы, забрал их домой и подковал свою лошадку. С той поры ни один конь в округе не мог равняться с ней в резвости.

В другой раз крестьяне, проходившие мимо этих гор, шутки ради попросили горный народец послать доброго пива. В тот же миг из горы появился маленький тролль с большим серебряным кувшином, который и протянул проезжим. Один из крестьян не замедлил схватить кувшин и пришпорил свою лошадку в намерении оставить кувшинчик себе. Но малютка из горного народца оказался проворнее, быстро догнал конного и заставил вернуть краденое.

В конце концов горному народцу прискучило житье в Тиланде, и в один прекрасный день они все погрузились на паром, чтобы переправиться через фьорд. Расплачиваясь с паромщиком, они бросили ему в шляпу нечто, прожегшее в ней дыру и ушедшее глубоко в пол. Не иначе это было золото, потому что с тех пор в доме паромщика не переводился достаток.

К одному жителю Дюнкира пришла однажды маленькая девочка из племени эльфов. Она просила починить лопатку для хлеба, у которой сломалась ручка, но мужчина отказался ей помочь. Тогда за дело взялся стоявший рядом мальчишка. В награду за помощь он, когда пришло время обедать, обнаружил у себя на тарелке кусок сдобной булки с маслом. Мужчина сразу понял, откуда взялся подарок, и посоветовал не есть его, говоря, что угощение может причинить смерть. Однако парнишка бесстрашно съел свой кусок и встал наутро бодрый и веселый. Мужчину же нашли в постели мертвее мертвого.

В окрестностях Линга, близ Соро, есть гора Бодедис. Под этой горой жил некогда старый крестьянин с единственным сыном. Сын часто уезжал. Как-то отец долго не получал от него вестей и уже оплакивал сына, считая пропавшим. Случилось ему в это время проезжать с нагруженным возом мимо горы. Тут появился маленький тролль и пригласил старика в гору. Крестьянину стало не по себе, но, зная, что не к добру отказывать троллям, он повернул лошадей и проехал внутрь горы. Тут тролль принялся с ним торговаться и заплатил добрую цену за все его товары. Когда крестьянин с пустым возом собрался уезжать, тролль сказал: «Если не станешь болтать о том, что здесь побывал, я о тебе позабочусь, а завтра, если снова придешь, найдешь здесь своего сына». Крестьянин сперва не знал, что

ответить, но поверил, что тролль сумеет сдержать слово, обрадовался и в назначенное время вернулся к Бодедис. Ждать ему пришлось долго, и он уснул. Когда же проснулся, то увидел лежащего рядом сына, и ни тот ни другой не могли понять, как это случилось. Сын рассказал, что попал в тюрьму и ему пришлось очень туго, но однажды ночью ему приснилось, что кто-то спрашивает: «Ты еще любишь своего отца?» Не успел он ответить: «Да», как цепи и стены распались на куски. Во время рассказа юноша ненароком коснулся рукой шеи и обнаружил на ней кусок цепи. Тут оба онемели от удивления и поспешили в Линг, где оставили обрывок цепи в церкви на память об этом событии.

Бог Тюр. Иллюстрация XIX в. к «Старшей Эдде».

Недалеко от Соро есть селение Педерсборг, а чуть дальше другое, под названием Линг. Между этими селами стоит гора Брондхой, в которой, говорят, обитают тролли. Среди этого народца был один старый ревнивый тролль по имени Кнурремурре: так его прозвали за то, что он часто затевал в горе раздоры. Как-то до ушей Кнурремурре дошло, что его молодая жена слишком уж близка с одним молодым троллем. Старый ревнивец так разозлился, что угрожал жизни молодого соперника, и тот счел за лучшее сбежать из горы и скрыться, приняв вид рыжего кота, в селении Линг. Его приютил там бедный крестьянин по имени Платт. Тролль прожил у него порядочно времени, каждый день получая молоко и овсянку и полеживая с утра до вечера в старом кресле у очага.

Бог Улль. Иллюстрация XIX в. к «Старшей Эдде».

Однажды вечером Платт пришел домой. Котик, как обычно, лакал в это время молоко и облизывал миску. «Ну, матушка, — сказал крестьянин. — Расскажу тебе, что приключилось со мной нынче. Проходил я себе мимо Брондхой, и тут выходит тролль и кричит мне: "Эй, Платт! Скажи своему коту, что Кнурремурре помер!". При этих словах кот опрокинул миску, вскочил на задние лапы и крикнул, выскакивая за дверь: «Кнурремурре умер? Тогда мне пора домой!»

Король клингов с острова Моен

Всеми «клинтами» (утесами) Моена, Стевна и Рюгена правит король. Он ездит в удивительной колеснице, запряженной четверкой черных коней, и переносится с клинта на клинт через море, которое при этом начинает волноваться. Тогда на островах слышно ржание его коней.

На клинте Моен близ Трона королевы высоко в скале есть пещеры, в которых в прежние времена обитал упсальский Йон, или Йод⁸³. Говорят, как-то один глупец решил заглянуть к нему в гости. Его спустили к пещере на веревке, но обратно он не вернулся.

Порой означенного Йона Упсальского видят разъезжающим над морем на черных конях. В последнюю войну он со своими зелеными охотниками перебрался через скалы, чтобы защитить страну, как обещал встарь. Теперь он, говорят, перебрался на Стевн.

Недалеко от Трона королевы в скалах есть провал, который называют Садовой расщелиной. Там у Йода был красивый сад. Этому Йоду, или великану из Упсалы, крестьяне Моена до последних лет приносили в жатву последний сноп.

⁸³ Йод — иудей, еврей, несомненно, представляет собой искаженное «Йотун» — великан.

Говорят, на клинте Моен есть две пещеры. В одной живет сам «Йон Опсал», а в другой — его пес и белый конь.

Уже дважды он выезжал с «Королевским кортежем», чтобы спасти страну от опасности, и скоро наступит третий раз. Тогда он превратит все прибрежные утесы во всадников и с ними одолеет врагов своей земли. Иногда он скачет на клинт Стевн в гости к королю. Не так давно он проезжал через Буссерап и остановился перед домом одной старушки, попросил напиться и напоить своего коня. Старушка призналась, что ей не в чем подать воду, потому что в доме — одно решето. «Не беда, налей в него воды», — сказал Йон. И вода не вытекла из решета, так что Йон и его конь смогли утолить жажду.

Подземный народ Борнхольма

На Борнхольме, особенно в туманные дни, можно увидеть иногда, как подземный народ проводит военные учения на склонах вересковых холмов. Их капитана зовут Эллестингер, и он, как и прочие начальники в этой армии, ездит на трехногом коне. Войско, сколь можно разглядеть, одето в голубые или серо-зеленые камзолы и красные шапочки, а иногда — в шляпы-треуголки. Часто бывает слышен бой их барабанов, а круглые камешки, которые находят на земле, считаются их пулями. Если Борнхольму угрожают враги, подземные жители неизменно появляются наверху, готовые защитить свою землю; и враг при виде их грозного войска нередко отступает со всей возможной скоростью.

Так случилось и шестого февраля 1645 года, когда к острову приблизились два шведских корабля, намереваясь произвести высадку десанта. Увидев, что склоны горы покрыты войсками, стекающимися со всех сторон, они, хотя на острове находилось всего две роты, сочли его слишком хорошо защищенным и, отказавшись от штурма, уплыли прочь.

В приходе Ульвсборг есть высокая гора, под которой живет тролль. Многие видели его, когда он в лунные ночи выносил наверх блестящую медную посуду. Однажды этот тролль явился к женщине и попросил одолжить ему хлеба, обещая вернуть через два дня. Женщина, однако, отдала ему буханку в подарок. Тогда тролль сказал: «Ты не пожалеешь, что отдала мне свой хлеб, потому что с этого дня все у тебя пойдет хорошо, и так будет со всеми твоими потомками до четвертого колена». Так оно и случилось.

Горный народ просит пива в долг

В Хольмбю близ Ааруса стояла раз в дверях дома одна женщина. Перед ней появился маленький тролль с острым горбиком на спине и сказал: «Сегодня Стор-бирг женится на Лили-бирг. Не будет ли матушка так добра одолжить бочонок пива? Она получит его назад таким же добрым и крепким». Тогда женщина провела тролля в пивоварню и позволила ему выбрать пиво по вкусу. Только все бочки были помечены крестом, и тролль не мог к ним прикоснуться. Тогда он указал на один бочонок и сказал: «Без креста!» Тут женщина догадалась, что она должна прежде стереть крест, и когда она сделала это, малютка тролль взвалил на свой горб самый большой бочонок и унес его. На третий день он появился снова и принес с собой бочонок пива не хуже, чем получил. С того дня в доме не переводился достаток.

Эльфы под очагом

На острове Эро в Лилли-райз эльфы жили в одном доме под печкой. К хозяйке однажды обратилась девочка из этого народа и попросила одолжить ей ножницы — кроить свадебное платье. Услышав, что готовится свадьба, женщина захотела на ней побывать и обещала дать ножницы, если ей позволят посмотреть на свадьбу. Девочка посоветовала хозяйке подсматривать в щелку, но предупредила, чтобы та не смеялась, потому что стоит ей рассмеяться, как зрелище исчезнет с ее глаз. В день свадьбы женщина нашла щелку в печи,

заглянула туда и увидела празднество: эльфы сидели за столом в лучших нарядах и вволю ели, запивая кушанья пивом. Тут между гостями случилась ссора и дошло до того, что два гостя вскочили на стол и вцепились друг другу в волосы. Когда же оба героя свалились в большую супницу, вся компания расхохоталась, и женщина тоже не могла удержаться от смеха. В тот же миг все исчезло.

Те же эльфы однажды рассердились за что-то на двух девушек-служанок и ночью перенесли их в дальнюю комнату, где их, после долгих поисков, нашли спящими, хотя уже миновал полдень.

Фру Метта

На острове Морс в Ютланде был особняк Овергаард (верхний город), и в нем жила некогда женщина по имени фру Метта. К этой даме явился малютка тролль и попросил: «Фру Метта из Овергаарда, не одолжишь ли свое шелковое платье на свадьбу фру Метты из Нидергаарда (нижнего города)?» Одолжив платье, дама долго и напрасно ожидала, что его вернут, и наконец пошла к горе и крикнула: «Отдай мое платье!» Тут же появился тролль и вынес ей платье, все закапанное воском, со словами: «Бери, раз просила, но если бы ты подождала еще несколько дней, на месте каждой капли воска был бы бриллиант».

Подземный народ зовет повитуху

Раз под Рождество одна женщина готовила угощение для своей семьи, и тут появился эльф. Он умолял женщину пойти с ним помочь его жене, у которой начались роды. Когда женщина согласилась, эльф посадил ее к себе на спину и унес в гору сквозь водопад. Здесь женщина узнала, что жена эльфа не могла разродиться без помощи христианки, потому что сама была христианкой, похищенной эльфом. Когда ребенок появился на свет, эльф взял его на руки и унес, чтобы, как объяснила повитухе мать, постараться найти новобрачных, которые легли в супружескую постель, не прочитав «Отче наш». Тогда, если положить между ними младенца, счастье, предназначенное молодой чете, перейдет к нему. Тем временем она научила женщину, что делать, когда ее муж вернется. «Прежде всего, — сказала она — ничего не ешь, если он предложит. Я вот поела, и мне теперь не вернуться. Дальше, если он предложит тебе выбрать подарок, бери не то, что кажется серебром, а что похоже на глиняные черепки. Когда же он понесет тебя обратно, постарайся ухватиться за терновый куст и скажи: "Теперь, во имя Божие, я сама себе хозяйка"».

В это время возвратился эльф с ребенком, очень сердитый, потому что не нашел того, чего искал. Он предложил гостье подкрепиться, но та отказалась от всех лакомств, и он проворчал: «Хорошо же тебя кто-то научил!» Потом он предложил ей выбрать подарок, и она выбрала закопченные черепки, когда же он понес ее назад, сделала, как ее наставляли. С полным фартуком черепков она добрела пешком до дома, но, войдя в дверь, тут же выбросила их в яму для золы и отказалась рассказывать мужу, где побывала. Когда же в комнату вбежала служанка, крича, что в яме с золой что-то сверкает, и когда она увидела, что черепки обернулись чистым серебром, женщина все рассказала мужу, и они по-доброму встретили Рождество.

Однажды ночью к повитухе из Бингсбирга явился тролль и позвал ее с собой в курган, чтобы она помогла его жене. Женщина последовала за ним под землю без вреда для себя, но впоследствии, принявшись рассказывать, что увидела в кургане, потеряла зрение.

Однажды жена эльфа рожала и послала за повитухой. Когда та приняла новорожденного, эльфы дали ей мазь, которую надо было втереть в глаза младенцу. При этом немного мази осталось у нее на пальцах, так что женщина невольно смазала и собственные глаза. По пути домой она заметила, что зрение ее изменилось: проходя мимо ржаного поля, она заметила на нем множество крошечных эльфов, срезавших колоски. «Что это вы тут делаете?» — окликнула их женщина, увидев, что они крадут колосья, и услышала

в ответ: «Коль ты нас видишь, быть тебе слепой!» И, окружив женщину, они вынули у нее глаза.

Тролли в Углерупе

В Углерупе жил когда-то состоятельный человек по имени Нильс Хансен. Говорили, что свое богатство он получил от троллей. Однажды они с женой вместе чистили граблями луг, и тут между зубьями грабель жены попала большая толстая жаба. Женщина осторожно высвободила ее, приговаривая: «Бедняжка, попала ты в беду. Я тебе помогу!» Немного времени спустя к ней ночью явился тролль и позвал ее с собой в свою гору. Последовав за ним, женщина нашла жену тролля в постели, и в тот же миг заметила над своей головой ужасную змею. Тут жена тролля сказала ей: «Как ты теперь испугалась змеи, висящей у тебя над головой, так и я испугалась, попавшись в твои грабли. Но ты была ко мне добра, и я дам тебе добрый совет. Когда ты станешь уходить, муж мой предложит тебе много золота, но если ты, выходя, не бросишь позади себя нож, то дома оно все превратится в угольки. Когда же он посадит тебя на коня и повезет обратно, не забудь соскользнуть наземь, как только переберетесь через болото, не то никогда домой не вернешься». Пока жена Нильса Хансена гостила в горе, ей случилось заглянуть в кухню, и там она увидела собственную служанку и работника, которые мололи солод. Они ее не признали, но женщина подошла и отрезала у каждого по куску ткани с рубашки. Наконец тролль щедро наделил ее золотом, и она все сделала, как наставляла ее жена тролля. На обратном пути женщина ускользнула, как ее учили, и к полуночи добралась со своим сокровищем до дому.

На следующее утро работник и служанка пожаловались, что у них болят руки, будто бы после тяжелой работы. Тогда она посоветовала им молиться и креститься, прежде чем лечь в постель, потому что оба они, сами того не зная, проводили ночи в горе у тролля и мололи для него солод. Они было засмеялись, решив, что хозяйка шутит, но пришлось им поверить, когда она показала куски от их рубах, которые точь-в-точь подходили к дыркам. Тут она и рассказала им о своем ночном приключении.

Повитуха из Фуура

Много лет тому назад на острове Фуур жила повитуха, которую однажды ночью разбудил громкий стук в дверь. Открыв, она увидела крошечное создание, умолявшее пойти с ним, чтобы помочь его жене. Женщина поддалась на уговоры и с тех пор пропала. Много времени спустя ее муж проезжал как-то мимо эльфийской горы и увидел, что в ней горят огни и идет большое веселье. Присмотревшись получше, он увидел в самой веселой компании собственную жену. Он поманил ее к себе, и они поговорили, причем жена просила мужа не называть ее по имени. Однако тот не послушался, и женщине пришлось уйти с ним; только с того времени ему от жены не было никакого проку — она все сидела в кухне за столом и молчала, как немая.

Скотте

В Гудмандструе есть гора Хиулехой. В окрестных деревнях хорошо знают обитающих там троллей, и если кто забудет нарисовать крест на бочонке с пивом, тролли из Хиулехой обязательно утащат бочонок. Однажды вечером некий крестьянин проходил мимо той горы и увидел, что она стоит на красных колоннах, а под ней идет веселый праздник с музыкой и танцами. Он остановился полюбоваться на чужое веселье, но тут музыка вдруг смолкла, танцующие остановились, и он услышал горестные крики: «Скотте упал в огонь. Бегите, помогите ему выбраться!» Тут же гора опустилась, и веселью пришел конец. Между тем жена крестьянина была дома одна, прядла лен и не заметила, как в окно соседней комнаты пробрался тролль и принялся цедить пиво из бочонка в медный котелок. И тут в дом вошел

крестьянин, ошеломленный тем, что привелось ему увидеть. «Ну, матушка, — начал он. — Расскажу тебе, что со мной случилось». Тролль наострил уши. «Проходил я мимо Хиулехой и видел там большой праздник, но в самый разгар веселья кто-то вдруг крикнул, что Скотте упал в огонь». Услыхав эти слова, тролль, что стоял за бочонком, был так поражен, что пролил пиво, выронил котелок и мигом выскочил в окно. Люди слышали шум и быстро обнаружили, что случилось с бочонком. Нашли и котелок и оставили себе в уплату за пролитое пиво.

Тролль из Махреда

В Махреде, близ Прасто, кузнец однажды ковал в своей кузнице и вдруг услышал снаружи стоны и плач. Выглянув за дверь, он увидел тролля, который гнал перед собой женщину на сносках и покрикивал: «Дальше! Еще немножко!» Увидев такое, кузнец выскочил на дорогу и протянул позади женщины раскаленный докрасна железный прут, так что троллю пришлось бросить свою жертву и бежать. Кузнец же взял женщину под свою защиту, и вскоре она родила двух сыновей. Тогда кузнец отправился к ее мужу, ожидая застать его в безутешном горе, но, войдя в дом, увидел лежащую в постели женщину, как две капли воды похожую на жену того человека. Кузнец сразу понял, в чем тут дело, схватил топор и, не мешкая, отрубил голову лежащей ведьме. Пока муж оплакивал смерть подменной жены, кузнец привел ему настоящую с двумя новорожденными сыновьями.

Человек с Оксенбирги

В Рольфстеде есть гора Оксенбирга, мимо которой протекает ручей, но между горой и ручьем видна протоптанная в хлебах тропа. По свидетельству троих крестьян, ночевавших однажды на этой горе, тропа проложена «человеком с Оксенбирги», который каждую ночь выезжает поить свою серую в яблоках лошадь у ручья.

Такая же тропа с горы к ручью есть в саду в Бэкстрапе. Она проходит сквозь пролом в изгороди, и сколько бы этот пролом ни закладывали, на следующее утро он появлялся снова. Хозяйка дома, у которого протекал этот ручей, вечно хворала, пока ее муж, получив добрый совет, не засыпал источник и не выкопал колодец в другом месте. С тех пор его жена поправилась, а пролом в изгороди удалось заделать.

Незванные гости

В доме в окрестностях Остреля, между Аальборгом и Тистедом, хозяин с хозяйкой заметили, что еда за обедом, сколько бы ее ни приготовили, исчезает слишком уж быстро. Они посоветовались со своим работником, человеком сведущим, который, будучи осведомлен, что округа кишит мелкими троллями, догадался, что кое-кто из них мог принимать участие в трапезе, и решил быть настороже. Едва ли не на следующий день, в то время, когда в доме готовили обед, он отправился к горе и, прижав ухо к земле, услышал внутри шумную суматоху и голоса: «Дай мою шляпу, обед почти готов!» Услышав это, работник тоже выкрикнул: «Дай мою шляпу!» и получил ответ: «Осталась только старая дедушкина». «Сойдет», — отвечал работник, и в тот же миг из горы ему выкинули шляпу. Надев ее на голову, он увидел, что из горы выбегают стаи троллей и спешат к хозяйскому дому. Он поторопился вдогонку и, войдя в комнату, увидел, что те уже расселись за столом и навалились на оладьи, только что поданные хозяйкой. Работник тоже сел и начал есть, но оладьи исчезли в несколько секунд. Рассердившись, что еды не хватило, один из маленьких троллей вскочил на стол и нагадил в пустое блюдо. Увидев это, работник достал свой нож и хлестнул им маленького бесстыдника. Тот громко завопил, и все разбежались. Тут работник снял свою шляпу, позвал хозяйку и домочадцев и спросил, что они видели. Все отвечали, что слышали, как хлопнула дверь и кто-то завопил, но видеть — ничего не видели.

Вечером, ложась спать, работник услышал вдруг, как опускают и поднимают ведро в колодце. Тогда он надел шляпу, вышел во двор и увидел, что тролли поят своих крошечных лошадок. Он спросил их, не хотят ли они еще того, чего попробовали за обедом? Но тролли принялись упрашивать позволить им поить лошадей у колодца, говоря, что в горе совсем нет воды. Работник разрешил, при условии, что они никогда больше не будут воровать еду. На следующее утро он нашел у колодца две золотые монеты, а у доброй хозяйки незваные гости больше не съедали обед.

Эльфвильде, или сведенный с ума эльфами

Недалеко от Эбельтофта пас стадо мальчик, и к нему явилась красивая девица и спросила, не хочет ли он поесть или освежиться питьем. Мальчик, однако, заметил, что девица старается не поворачиваться к нему спиной, и догадался, что она из эльфов, ведь известно, что эльфы сзади полые. Так что он не захотел с ней разговаривать и думал только, как бы убежать. Заметив это, девица предложила ему свою грудь, пососать молоко, и искушение было так велико, что мальчик не удержался. После этого он уже не был себе хозяином, и она без труда увела его с собой. Мальчика не было три дня. Родители между тем оплакивали его, думая, что его заманили и похитили. Однако на четвертый день отец увидел его издали и стал торопить жену — мол, пора ставить на огонь сковороду со свиной. Тут вошел сын и молча сел на скамью. Отец тоже молчал, словно ни в чем не бывало. Мать поставила перед сыном мясо, и отец предложил ему поесть, но тот не притронулся к еде, говоря, что знает, где кормят получше. Тут старик рассердился и, взяв тяжелую палку, снова приказал сыну есть. Тогда парню пришлось взяться за еду, и, едва попробовав свинину, он набросился на нее с такой жадностью, словно голодал целый месяц. Доев мясо, он крепко уснул и спал, пока не рассеялись чары, но с того времени навсегда остался слегка не в себе.

Брюдехой, или Гора невесты

Близ Борбиргской церкви, в провинции Рибе, есть гора под названием Брюдехой, или Невестина Гора. Вот как она получила это название.

Когда король Кнут Великий начал строить в Борбирге церковь, под вышеупомянутой горой жил вредный тролль, который каждую ночь разрушал то, что было выстроено за день, так что работа не продвигалась. Тогда король заключил с троллем договор, пообещав ему первую девушку, которая войдет в церковь как невеста. Теперь строительству ничто не мешало, и оно скоро было закончено. Тролль сидел на горе, поджидая первую невесту с подружками. При первом случае он схватил невесту и уволок ее в гору. С тех пор это место внушает такой страх, что жених и невеста готовы сделать крюк длиной в милю, лишь бы не приближаться к нему.

Райзерсен, описывая церковь святого Бента в Рингстеде, говорит: «В этой церкви двое дверей, а именно большие ворота в северном приделе, через которые все и входят, и маленькая дверь на той же стороне с края, сквозь которую вносят некрещеных детей и покойников. Также и сочетающиеся браком в этой церкви ни в коем случае не должны проходить через главный вход, хотя никто не знает, отчего так повелось». В Скании тоже есть Гора невесты, в которую утащил невесту тролль Гиллеберт, и ни одна невеста не приблизится к этой горе.

Старая невеста

На свадьбе в Норре-бробю невеста во время танцев вышла из дому и, не помня себя, направилась к горе на соседнем поле, где в то самое время веселились и плясали эльфы. Подойдя к горе, девушка увидела, что она приподнята на красных колоннах. Из-под горы вышел эльф и предложил ей вина. Выпив вина, девушка позволила увести себя к

танцующим. Когда танец кончился, она вспомнила о муже и поспешила домой. Ей показалось, что все вокруг переменялось, так что она не узнавала домов в деревне и не слышала шума свадебного веселья. Наконец она нашла дом мужа, но, войдя, не увидела ни одного знакомого лица, и ее тоже никто не узнавал. Только одна старуха, услышав ее жалобные причитания, воскликнула: «Так это ты исчезла сто лет назад со свадьбы с братом моего деда?» При этих словах старая невеста упала наземь и тут же испустила дух.

Бондеветте

В Борнхольме жил некогда крестьянин по имени Бон-деветте, который, как говорили, родился от морской девы. Рассказывали, что его отец вышел однажды на берег моря и, увидев там морскую деву, сошелся с ней. При расставании она сказала ему: «Через год вернись сюда, найдешь здесь сына, который прогонит прочь горных духов и троллей». Случилось, как она сказала; тот человек, ровно через год, нашел на берегу младенца-мальчика, взял его к себе, вырастил и назвал Бондеветте, потому что отец его был бонд, а мать — ветте⁸⁴. Мальчик вырос большим и сильным, и к тому же был *синск*, то есть мог видеть то, чего не видят другие. Когда отец умер, Бондеветте унаследовал его ферму и женился.

Неподалеку от его дома была гора Корсхой. Как-то, проходя мимо горы, он услышал разговор троллей, которые вырезали что-то из дерева и говорили: «Режь, Снеф. Уже почти как жена Бондеветте». А его жена как раз была в тягости и лежала в постели, и тролли вырезали из дерева ее изображение, чтобы положить на ее место, когда украдут настоящую. Так они и сделали, хотя кругом сидели другие женщины. Тролли внесли в комнату деревяшку, вытащили женщину из постели и подложили на ее место деревянную. Дальше они хотели передать женщину поджидавшим под окном троллям, однако Бондеветте, который следил за ними, сам встал под окно, подхватил жену и спрятал в доме. А другие женщины так ничего и не заметили. Тогда Бондеветте велел растопить пожарче печь, вынул из постели деревянную женщину и бросил в огонь, где она сразу вспыхнула и сгорела с треском. Собравшиеся кумушки в ужасе рыдали, думая, что он сжег свою жену, но Бондеветте быстро успокоил их, показав, где лежит настоящая жена.

В другой раз он проходил мимо Корсхой и услышал, как тролли говорят: «Завтра жена Бондеветте варит пиво. Пойдем, украдем его». Придя домой, он велел наполнить пивной котел водой и согреть ее, чтобы вода закипела. Потом он собрал своих работников и приказал им: «Куда я плесну водой, туда вы бейте своими дубинками». Так что когда тролли явились за пивом с железным ведром и крепкой железной палкой, Бондеветте плеснул на них кипятком и ошпарил, а работники принялись колотить дубинками, хоть и не видели, что попадают по троллям. Тут тролли бросились бежать во всю прыть, оставив позади ведро и железную палку. Бондеветте потом подарил то и другое церкви, и на этой палке до сих пор держится церковная дверь.

Однажды, проходя мимо горы ночью, он услышал, как вокруг пляшут тролли. Увидев его, тролли предложили и ему выпить с ними, но Бондеветте выплеснул напиток через плечо. Несколько капель попали на его коня и прожгли ему шкуру. Бондеветте ускакал прочь, оставив себе чашу, которую потом подарил церкви. Из нее сделали потир и дискос. Рассказывают, он и дальше так обходился с троллями, пока они не убрались из-под горы Корсхой.

Свенд Фэллинг

Свенд Фэллинг был могучим героем. Родился он в Фэл-линге в Ютланде. Он долго

⁸⁴ Женский благотельный дух. — *Примеч. ред.*

служил на ферме Аакиер в Аархусе и, так как на дорогах было небезопасно из-за троллей и прочих подземных созданий, враждебных христианскому народу, взял на себя службу письмоносца. Однажды в дороге встретился ему тролль из Йельсхой и попросил помощи в битве против тролля из Борум-Есхой. Свенд Фэллинг с готовностью согласился, подумав, что силы и смелости у него хватит. Тролль, однако, чтобы испытать его силу, подал ему толстую железную балку, которую Свенд, как ни силен он был, и поднять-то не смог. Тогда тролль подал ему рог вина. Едва Свенд отпил немного, как сумел поднять балку. Выпил еще — балка показалась легче. Когда же осушил рог, то смог легко орудовать железным брусом, и узнал от тролля, что теперь у него сила двенадцати человек. Теперь он готов был выступить против тролля из Борум-Есхой, и ему было сказано, что, встретив по пути черного и рыжего быка, он должен наброситься на черного и гнать его что есть мочи от рыжего. Так он и сделал, а впоследствии узнал, что черный бык был тролль из Борум-Есхой, а рыжий — тролль из Йельсхой, от которого в благодарность он получил навсегда силу двенадцати человек, однако с условием, что если он проболтается кому-либо о том, как приобрел такую силу, то и есть ему придется за дюжину едоков.

С той поры слух о силе Свенда Фэллинга разошелся по земле, поскольку он то и дело проявлял ее всевозможным образом. О нем рассказывают, что, рассердившись как-то на молочницу, он так швырнул ее, что она опомнилась на крыше. Когда о том доложили хозяину Аакиера, тот призвал к себе Свенда и потребовал рассказать, как он приобрел такую телесную мощь. Но Свенд, памятуя предупреждение тролля, не признавался, пока не услышал от хозяина обещание, что всегда будет получать еды, сколько захочет. С того дня он ел и пил за двенадцатерых. В Ааки-ре еще показывают мясной котел, который он опустошал каждый день и который называют «мясной котел Свенда Фэллинга». Там же, говорят, хранится огромный двуручный меч в три локтя длиной, принадлежавший когда-то Свенду, а в стволе старой липы есть большое кольцо, к которому он привязывал коня.

По другому рассказу, Свенд Фэллинг мальчиком работал на ферме Силлевсков, и раз случилось, что ехал он с каким-то поручением в Риструп, и свечерело прежде, чем он добрался до дома. Проезжая гору Борум-Есхой, он увидел, что его коня, танцую, обступили девы эльфов. Одна из них, приблизившись, протянула ему богато украшенный рог для питья и предложила выпить. Свенд взял рог, но, не желая испытывать, что в него налито, выплеснул напиток через плечо. Брызги, попав на коня, обожгли ему шерсть. Не выпуская рога, Свенд пришпорил коня и во весь дух поскакал прочь. Эльфы гнались за ним до мельницы Тригербранд, где он перескочил поток, а эльфы не могли перебраться через проточную воду. Тогда одна из дев стала жалобно упрашивать Свенда вернуть ей рог, обещая взамен силу двенадцати человек. Поверив, Свенд вернул ей рог и получил обещанное. Однако он оказался в затруднении, обнаружив, что заодно приобрел и аппетит двенадцати человек. Когда он вернулся домой, на ферме как раз пили рождественское пиво и, желая подшутить над парнишкой, послали его за пивом, говоря: «Свенд, пойдешь, принеси пива, чтобы нам не пить больше на это Рождество». Свенд молча ушел и вернулся, неся в каждой руке по бочонку и еще по бочонку под мышками.

Близ деревни Стинструп есть гора Хавбирг, на которой обычно сидел могучий Свенд Фэллинг, умывая руки и ноги в реке Сондерстранд, до которой оттуда восемь миль. В Хольмструпе крестьяне варили для него мясо, которое подносили Свенду в огромных пивных котлах. Когда он умер, похоронили его в Далхой, между Ломсом и Хольмструпом.

В старинной шведской балладе «Svend Faelling's kamp med Risen» описывается, как Свенд отправился в паломничество в Рим и по пути прибыл в город под названием Хевдингсо, где принцесса рассказала ему, что ее земли опустошает великан, поедающий женщин и дев. Свенд решил вступить с чудовищем в поединок, и ему вывели множество коней, чтобы он выбрал одного, достойного нести его в битве. Все кони оказывались слишком слабы или пугливы, и он пожелал получить ютландского коня. По дороге как раз проходил мельник, который сказал, что у него есть конь из Ютланда, способный снести пятнадцать *скиптундов*. Этот конь оказался таким могучим и непокорным, что рвал всякую упряжь,

пока пятнадцать дев не сплели для него поводья из золота и шелка, семь локтей длиной, четверть локтя толщиной и в пять ладоней шириной, которые оказались впору этому коню. Тогда Свенд убил великана.

В церкви Борберг, в провинции Риббе, находится замечательный золоченый алтарь с алебастровыми фигурами, представляющими историю Свенда Фэллинга, столь прославленного в датских хрониках, вместе с фигурой великана, питавшегося женщинами, и датского коня, способного снести пятнадцать скиппундов зерна, подаренного мельником Свенду для битвы, головой великана, отрубленной Свендом, пятнадцатью девами, сплетающими упряжь, и священником, который перед поединком отпустил Свенду Фэллинго грехи.

Алтарные чаши

В местечке Холбек в Зеландии, между Марупом и Аагерупом, стоял некогда большой замок, руины которого еще видны на побережье. Здесь, как говорит предание, скрываются огромные сокровища, и под землей дракон сторожит выкуп трех королей. Здесь часто можно увидеть подземных жителей, особенно по торжественным случаям, когда они выходят на берег для танцев и веселья.

В канун Рождества один человек в Аагерупе отпросился у хозяина поехать посмотреть, как веселятся тролли. Тот разрешил ему взять в конюшне лучшую лошадь. Доехав до места, он сидел в седле, дивясь на танцы горного народца, когда к нему подошел маленький тролль и пригласил повеселиться с ними. Тут подбежали и другие, взяли коня под уздцы и держали, между тем как человек сошел с коня и танцевал ночь напролет. Уже под утро он снова сел в седло и поблагодарил троллей за гостеприимство, они же приглашали его приезжать и на следующий год, когда у них снова будет праздник. Затем красавица поднесла ему золотую чашу и предложила выпить на прощание, однако гость что-то заподозрил и, притворившись, что подносит чашу к губам, выплеснул напиток через плечо, на круп коня, и опалил тому шерсть. Человек вонзил шпоры в бока коня и с чашей в руках поскакал через вспаханное поле. Все тролли бросились за ним, но им было нелегко перебираться через борозды, и они без умолку вопили: «Скачи где гладко, а не по грядкам!» Только перед самой деревней ему пришлось выбраться на ровную дорогу, и тролли стали его нагонять. Видя себя в такой опасности, человек взмолился Богу и обещал, если спасется, отдать чашу церкви. Доскакав до церковной ограды, он перебросил чашу в церковный двор, чтобы тролли в любом случае до нее не добрались. Затем он поскакал быстрее, въехал в деревню и перед самым носом у троллей захлопнул за собой ворота своего дома. Теперь он был в безопасности, но тролли так разбушевались, что приволокли огромный камень и с такой силой швырнули его в ворота, что выбили четыре доски. От дома теперь ничего не осталось, но тот камень все еще лежит в деревне Аагеруп. Чаша осталась в церкви, а тот человек получил в награду лучшую ферму в Эриксхольме.

Стоит заметить, что Вильям Норбриджский, живший в двенадцатом веке, рассказывает историю жителя Йоркшира, который, возвращаясь ночью домой, увидел открытый курган; в том кургане шел большой пир. Кто-то из пирующих поднес ему чашу вина, которое он выплеснул и ускакал с чашей. Эта чаша была подарена Генриху Первому, от которого перешла к Дэвиду, королю Шотландии, и наконец Вильям отдал ее Королю-Льву Генриху Второму. Население области Дэйри, где разворачивается действие этой истории, как следует помнить, происходит в основном от норманнов.

В Шотландии все еще распространено поверье, что тот, кто осмелится пробраться на пир фейри и похитить там чашу или рог для питья, обнаружит, что она принесла ему счастье, если удастся перебраться с ней через поток. В Эденхолле, в графстве Камберленд, до сих пор бережно хранят кубок, украденный с обеда эльфов кем-то из древнего рода Масгрэйвов, или, по другой версии, кем-то из домашних лорда Масгрэйва.

Между Северным и Южным Кингерслевом есть две горы, одна из которых называется

Орнехой, а другая Киэрлингхой, и под каждой обитают племена троллей, враждующие друг с другом.

Однажды, в канун Рождества, некий фермер из Южного Кингерслева сидел за столом, беседуя со своим работником. «Кристиан, — сказал он, — что это затевают тролли из Киэрлингсхой?» «Что они затевают? — удивился работник. — Да какое нам до того дело?» Фермер сказал, что неплохо бы посмотреть, как гора поднимается на четырех колоннах и какое под ней идет веселье. На это работник отвечал, что если ему позволят взять в конюшне лошадь без пятен, то он готов съездить и привезти новости, а заодно и знак, что побывал там. Фермер позволил ему взять лошадь, и, добравшись до места, работник увидел, что гора стоит на четырех колоннах, а под ней идет пир и веселье. Он посмотрел немного и, уже собираясь уезжать, закричал во все горло: «Хо-вилт! Хо-вилт!», как кричат обычно люди, когда заблудятся. Как только горный народец заметил его, мальчонка в красной шапочке подбежал к гостю и предложил выпить из золотой чаши. Работник взял чашу, напиток выплеснул и во весь дух поскакал назад. Все тролли гнались за ним и, наверное, догнали бы, но в это время он как раз проезжал мимо Орнебирга, и тамошние тролли, увидев, что происходит, закричали: «Скачи быстрее, скачи через пашню, и тебя не догонят!» Работник отлично понял их и свернул с твердой дороги на вспаханное поле. Так ему удалось спастись, потому что малютки-тролли застряли в бороздах. Добравшись до фермы, работник начертил крест на воротах, крест на коне, крест на двери и крест на чаше, которую так и не выпустил из рук.

Теперь ему пришлось рассказать хозяину обо всем, что он видел и слышал: что всех троллей в Киэрлингхой зовут либо Видрик, либо Дидрик, так что во время пира только и слышно: «Твое здоровье, Видрик!» — «Спасибо, Дидрик» — «Твое здоровье, женушка Дидрика!» — «Спасибо, милочка Видрика!» и тому подобное. Еще, рассказал он, тролли не могут сказать: «Веселого праздника!». В доказательство правдивости своего рассказа, работник показал дорогую чашу, которую с тех пор хранили в доме как сокровище и доставали только по особым случаям.

Через год в канун Рождества к дому подошел маленький человечек в лохмотьях и попросил хозяйку пустить его переночевать. «Ну, конечно, — сказала та, — войди в комнату и подкрепись». Она отрезала ему отличный ломоть свежего хлеба с маслом и другими вкусными вещами, но нищий даже не прикоснулся к угощению. Вечером, когда подали ужин, хозяйка пригласила его угощаться вместе с домашними, но тот ни к чему не притронулся. «А что, если поднести ему доброго пива в нашей прекрасной чаше?» — подумала про себя женщина и сделала, как задумала. Однако стоило нищему коснуться чаши, как он вместе с чашей пропал, хотя дверь осталась закрыта.

Тролли в Красном Камне

Один человек ехал верхом мимо Красного Камня — большого утеса на острове Фуур в Лиимфьорде. Рядом бежала его собака. В лунном свете он увидел, как тролли выносят на вершину утеса золото и серебро, чтобы проветрить их. Случилось так, что у него было при себе ружье, а он слышал, что если выстрелить три раза поверх голов, все тролли скроются в горе, оставив свои сокровища. Так он и сделал, но не утерпел до света, когда мог бы спокойно увезти добычу, а побросал все в мешок и поскакал прочь. Проезжая расщелиной, он услышал за спиной громкое пыхтение и, оглянувшись, увидел маленького длиннобородого человечка на лошадке ростом не больше кошки и без головы. Рядом бежала крошечная черная собачонка. Он сразу догадался, что это тролль из Красного Камня. «Давай твой конь подерется с моим!» — крикнул тролль. — «Нет, боже сохрани!» — отвечал человек. — «А твой пес с моим?» — «Нет, боже сохрани!» — «А сам не хочешь ли побороться со мной, ведь я такой маленький?» — «Нет, боже сохрани!» Тем временем тот человек все подхлестывал свою лошадку и скакал во весь дух. Когда он добрался до дому и запер за собой дверь, вокруг послышалось шипение и вой ветра, а дом, казалось, загорелся. Поняв, что этому колдовству не будет конца, человек взял мешок и выбросил его наружу.

Колдовство тут же прекратилось, и голос за стеной крикнул: «Тебе еще довольно осталось!»

На следующее утро он нашел тяжелую серебряную чашу, закатившуюся за комод.

Перчатка тролля

Близ Хивдовра в Зеландии есть большая гора. Тролль, живший в ней, каждую ночь ходил из горы через ферму к ручью за водой. Его следы хорошо видны были в траве. Однажды утром фермер шел на свой торфяник и нашел на траве перчатку, такую огромную, что в большой палец поместился бы целый баррель зерна. Когда он принес ее домой, все дивились и единодушно решили, что это перчатка тролля. В полночь, когда тот человек уже спал, в окно громко постучали, и он услышал слова:

Перчатку, друг!
Отдай перчатку мне.
Не то из твоих коней лучший
и самый большой
мертвыми лягут к утру.

Тогда фермер взял перчатку, вышел из дому и повесил ее на конец балки над окном, а потом перекрестил дверь и снова ушел в дом. Наутро перчатка пропала, а балка оказалась обломана вровень со стеной. С того дня о тролле и слуха не было, тропа его заросла, и на ней больше никто не оставлял следов.

Представление о гигантской перчатке, по-видимому, навеяно упоминанием перчатки Скрюмира в сказании о Торе и Утгарда-Локи.

Рагинал

Один фермер впал в бедность оттого, что не мог держать в стойле коров — у каждой наутро оказывалась сломана шея. Поэтому он оставил свой дом, продав его другому. Новый владелец зашел в коровник под вечер и, увидев, что там все в порядке, промолвил: «Добрый вечер, Рагинал!» Тут чей-то голос ответил: «Как? Разве ты меня знаешь?» — «Да, я тебя давно знаю». И тролль, живший внизу, сказал: «Если ты перенесешь коровник в другое место, станешь зажиточным человеком. Я живу прямо под коровами, и навоз каждый день падает мне на стол, вот мне и приходится ломать коровам шеи». Тот человек передвинул коровник и с тех пор преуспевал.

Сходное поверье существует в Шотландии. Шотландские фейри также иногда селятся под землей вблизи человеческого жилья, или, как выражаются местные жители, «под порогом». В таких случаях они иногда вступают в сношения с людьми, занимая и одалживая нужные в хозяйстве вещи или обмениваясь услугами. В этом качестве они именуется «добрыми соседями», потому что втайне помогают своим друзьям-людям и заботятся о них, пока те не проболтаются об их благосклонности. Любопытный пример подобных рассказов представляет история сэра Годфри Маккалоха.

Когда этот джентльмен из Галловидина прогуливался верхом возле собственного дома, к нему вдруг присоединился маленький старичок в зеленой одежде, верхом на белой кобыле. После обмена приветствиями старичок дал сэру Годфри понять, что живет под его домом и ему весьма досаждают сточная канава, проведенная так, что помои стекают прямо в его столовую. Сэр Годфри был немало поражен такой странной жалобой, однако, догадавшись, с каким существом имеет дело, заверил его с большой любезностью, что прикажет отвести канаву в другую сторону. Свое обещание он исполнил. Много лет спустя сэр Годфри имел несчастье убить в поединке соседа-джентльмена. Его судили и приговорили к смерти. На крепостном холме в Эдинбурге уже выстроили плаху, на которой должны были отрубить ему голову, но когда осужденного подвели к плахе, сквозь толпу вдруг протолкался старичок на

белой кобыле. Сэр Годфри, по его команде, вскочил к нему за спину, «добрый сосед» пришпорил лошадку, пронесся как молния по склону крутого холма, и с той поры ни его, ни преступника никто не видал.

Одна женщина засиделась допоздна, сплетничая с соседкой. На пути домой ей встретился маленький мальчик, который сказал: «Как помоешь посуду, выплескивай воду подальше от двери, а то нам заливает очаг».

Гилликоп

Каким-то ютландцам попался в руки малютка-тролль, и они не придумали ничего лучше, как сделать его христианином, для чего погрузили в тележку, чтобы отвезти в церковь и окрестить. Он сидел там, выглядывая на дорогу, когда вдруг послышался громкий голос: «Куда собрался, Гилликоп?», на что маленький тролль ответил из тележки: «В долгий путь, Слагенроп. Собираюсь искупаться и стать хорошим человеком».

Тролли, которые желали обрести спасение

Однажды ночью священник ехал из Хирлунда в Рольс-килд, мимо горы, под которой играла музыка, танцевали и веселились. Тут из-под горы выскочили гномы, остановили возок священника и спросили его: «Куда едешь?» «В Ландемонд», — отвечал священник. Тогда они спросили его, могут ли надеяться на спасение, однако он не знал ответа. Тогда они попросили его прийти с ответом на то же место через год. Между тем случилась беда с возчиком, который, проезжая снова мимо той горы, перевернулся и убится насмерть. Когда священник снова пришел на то же место через год, ему снова задали тот же вопрос, на что он ответил: «Нет, вы все прокляты!» Едва он выговорил эти слова, как всю гору охватило пламя.

Похожую легенду рассказывают в Ноке. В ирландской легенде «Ужин священника» рассказывается о рыбаке, который, по поручению фейри, спросил священника, жившего в его доме, могут ли они спастись в Судный День. Священник ответил, что они должны прийти и спросить сами, но на это фейри не решились и вопрос остался без ответа.

Тролли боятся креста

Близ Аархуса жил некогда кузнец, который однажды по дороге в церковь увидел на обочине тролля. Тот, сидя на куче угля, возился с двумя соломинками, которые лежали наверху кучи крест-накрест. Однако, как он ни старался, ему не удавалось переложить соломинки по-другому. Тогда тролль обратился к кузнецу с просьбой убрать солому, но тот, хорошо поняв, в чем дело, взял всю кучу вместе с крестом из соломинок, не обращая внимания на жалобные крики тролля. Когда же он добрался до дому, оказалось, что это был не уголь, а сокровища, над которыми тролль больше не имел власти.

Тролли боятся грома

Горный народец ужасно боится грома и потому спешит скрыться в горе, заметив приближение грозы. Из-за этого страха они не выносят также барабанного боя, который считают разновидностью грома. Поэтому, чтобы избавиться от троллей, достаточно каждый день бить в барабан поблизости от места их обитания; тогда они в конце концов соберут вещички и переберутся в более спокойное место.

Один крестьянин жил в добром соседстве с троллем, обитавшим под горой на его поле. Однажды, когда его жена ждала ребенка, он оказался в затруднении, потому что должен был пригласить тролля на праздник в честь новорожденного, что создало бы ему дурную репутацию в глазах священника и односельчан. Не зная, как поступить, он обратился за советом к своему свинопасу, который был толковым парнем и часто помогал ему прежде. Свинопас обещал уладить это дело с троллем, так что тот и не обидится, и на праздник не придет, да еще пришлет хороший подарок. Обдумав свой замысел, свинопас прихватил большой мешок, пошел к горе, постучался, и его впустили. Тут он от имени своего хозяина пригласил тролля оказать им честь, посетив пир в честь новорожденного. Тролль поблагодарил и добавил: «Тогда я должен передать с тобой подарок». Открыв свой сундук и велел свинопасу держать мешок, он насыпал туда денег. «Хватит ли?» — «Многие дадут больше, мало кто даст меньше», — отвечал свинопас. Тут тролль насыпал еще денег и снова спросил: «Хватит ли?» Свинопас приподнял мешок, чтобы проверить, сможет ли унести, и ответил: «Столько дадут многие». Тут тролль высыпал в мешок все, что осталось в сундуке, и спросил: «Теперь хватит ли?» — «Мало кто даст столько, многие дадут меньше», — ответил свинопас, поняв, что больше ему не унести. «Что ж, — сказал тролль, — теперь расскажи-ка, кто еще будет на пиру?» «А, — ответил парень, — У нас будут знатные гости: во-первых, три священника и епископ...» — «Хм, — проворчал тролль. — Впрочем, такие важные гости знай едят да пьют, а меня и не заметят. Ну, кто еще?» — «Еще будет дева Мария». — «Хм, хм. Ну, найдется и для меня местечко за печкой. Кто же еще?» — «Еще будет сам Господь!» — «Хм, хм, хм. Впрочем, столь высокие гости приходят поздно, да уходят рано. А какая будет музыка?» — «Барабаны», — ответил свинопас. «Как барабаны? — повторил пораженный тролль. — Нет, спасибо, я останусь дома. Передай своему хозяину мои поздравления и поблагодари за приглашение, но я не приду. Как-то раз вышел я прогуляться, и тут люди начали бить в барабаны, а когда я заспешил прочь и был уже у своих дверей, еще и кинули мне вслед барабанную палочку и сломали бедро. С тех пор я хромаю и стараюсь держаться подальше от подобной музыки!» С этими словами он помог парню взвалить на плечи мешок и еще раз велел передать хозяину поздравления.

Страх, которые испытывают тролли перед громом, идет из языческих времен. Тор, бог грома, был смертельным врагом всего их рода.

Тролли ненавидят колокольный звон

В Эгенсмарк как-то явилось множество гномов. Все были одеты в серые курточки и красные колпачки и все были горбаты и длинноносы. За чем бы ни пришли, а только они устроили настоящее опустошение в кладовках, и люди не знали, как от них избавиться, пока один богобоязненный и знающий человек не посоветовал звонить в колокол на башне Эбельтофтской церкви. После этого люди больше не видели ни единого тролля.

Корриганы в Бретани испытывают такую же ненависть к колоколам.

В Дисхой жил много лет без забот один тролль. Жил он спокойно, потому что в те времена в округе не было ни одной церкви. Когда же наконец церковь построили и в первый раз прозвонили в колокола, тролль, верхом на подкованной золотом лошадке, явился к соседу-крестьянину и передал ему ключи от своей сокровищницы, потому что самому ему пришлось покинуть эти места. На другой день крестьянин отправился к горе за сокровищами, нашел дверь, однако от радости воскликнул: «О, нашел!» В тот же миг и дверь, и ключ исчезли.

Один крестьянин заметил тролля, горющего на обочине дороги. Приняв его сперва за доброго христианина, он спросил, куда тот направляется. «Ухожу из этой страны, — отвечал тролль. — От этого звона и молитв все теперь бегут!»

Тролли покидают Вендиссел

Однажды вечером к паромщикам из Сандбю явился незнакомец и договорился с ними, что всю ночь они будут перевозить неизвестный груз. Грузиться они должны были в полумиле к востоку от Сандбю. В назначенное время незнакомец был на месте, а паромщики, не видя никакого груза, заметили, что судно все глубже погружается в воду, словно под большой тяжестью. И вот всю ночь паромы плавали от берега к берегу, и каждый раз принимали новый груз, а незнакомец каждый раз оказывался на борту и следил, чтоб все было, как договорились. Под утро паромщики получили положенную плату, но ответа на вопрос, что за груз возили, так и не добились. Однако среди них был толковый парень, который знал о таких делах больше других. Он выскочил на берег, взял земли у себя из-под правой ноги и насыпал в шапку, а шапку надел на голову. Тут-то он и увидел, что все дюны к востоку от Аальборга покрыты толпами маленьких троллей в красных остроконечных колпачках. С того времени в Вендиссельде ни разу не видали подобных гномов.

Эльфы покидают Эро

Один мельник из Дюнкира постоянно тревожил подземный народ из Эллесхой и дошел до того, что перепахал их гору, чего они уже не могли вынести, так что собрались покинуть страну и перебраться в Норвегию.

Однажды к бедному шкиперу, сидевшему без работы, явился маленький старичок и спросил, не примет ли он команду на судне. Тот с радостью согласился, однако когда старик привел его на берег и показал старую посудину, шкипер заспорил, говоря, что эта лоханка не удержится на воде. Старик ответил, чтобы на этот счет он не беспокоился, нанимал матроса, а он будет ждать его через три дня на судне, готовом выйти в море. Шкиперу оказалось нелегко нанять матроса, потому что все смеялись и поворачивались к нему спиной, едва услышат, что он собрался плыть на старой развалине из Гравендаля. Наконец он нашел какого-то бедняка, который, умирая от голода, согласился наняться к нему матросом.

На третий день шкипер со своим помощником были в Гравендале, где увидели на якоре барку с лохмотьями вместо парусов. Ветер был попутным, и они быстро отчалили. В море шкипер, желая узнать, что за груз он везет, заглянул в трюм и увидел, что там полным-полно крыс и мышей. Тут старичок снял с себя шляпу, надел на голову шкиперу, и у того зрение прояснилось. Тогда он увидел множество маленьких эльфов в дорожной одежде и немало золота и серебра, которое они увозили с собой.

Прибыв в Норвегию, старичок сказал: «Ты сойди на берег, а я разгрузу судно». Шкипер так и сделал, а когда вернулся, барка была пуста. На обратном пути старик велел им через три дня ожидать нового груза. Шкипер перевез и его, и тогда старик позвал его с собой, велел прихватить два мешка. «Теперь ты получишь плату за работу», — сказал он, наполняя один мешок стружкой, а другой — углями. «Поделись со своим паренком», — добавил он и тут же исчез. Шкипер не слишком обрадовался такой плате. «Да уж, — пробормотал он, — вот разбогатели так разбогатели!». Они вышли в море, и через часок шкипер сказал: «Пойди, парень, сделай нам чаю». — «Есть, капитан, — ответил матрос, — только чем топить?» «Возьми горсть стружек из мешка». «Капитан, они светятся!» — воскликнул парень. — «Возьми из другого мешка». — «Капитан, они светятся!» — снова крикнул паренек. Шкипер сам заглянул в мешки и обнаружил, что один полон золотых монет, а другой — серебра. На берегу они разделили сокровище и стали богачами.

Северогерманские предания об уходе «маленького народца» в основном напоминают вышеприведенные, за исключением того, что эльфы уплывают в Айдер, Везер или в Аллер вместо упомянутых здесь мест.

Тролли бросаются камнями в церкви

Пока тролли еще не покинули страну, изгнанные постоянным звоном церковных

колоколов, возведение новых церквей причиняло им нестерпимую досаду. Отсюда многочисленные предания о том, как они за ночь уничтожали построенное днем, особенно если церковь строили поблизости от их жилья. Не менее многочисленны предания о троллях, швырявших огромные валуны в стены уже построенных церквей, тем самым объясняющие, каким образом разбросанные по округе камни попали в такие места, куда никак не могли поместить их человеческие руки.

Ниссе, или нисс

В одном ютландском доме жил ниссе, который привык, когда все слуги улягутся спать, находить на кухне овсянку, поставленную для него в деревянной мисочке. Но однажды вечером, выйдя за своей овсянкой, он увидел, что девушка забыла положить в нее масло. Разгневавшись на такую небрежность, он отправился в стойло и свернул шею лучшей корове. Затем, ощутив голод, он решил вернуться в кухню и подкрепиться отвергнутой им прежде овсянкой, однако, съев немного, обнаружил, что масло-то в нее положили, просто оно стекло на дно. Тогда, огорчившись, что напрасно обидел добрых людей, он вернулся в коровник и поставил рядом с мертвой коровой полный сундук денег.

Подобная же история распространена и в Хольштейне, с тем только отличием, что вместо сундука денег ниссе приводит корову, точь-в-точь подобную убитой.

В одном доме в Зеландии жил ниссе, который старательно и весело исполнял всякую работу, не требуя за то никакой награды, кроме овсянки с маслом. Однажды утром, когда работники собрались на пахоту, он подошел к хозяину и попросил разрешения вести плуг. Фермер решил, что тот слишком мал, чтобы править лошадьми, но ниссе ответил: «Я сяду в ухо одному коню и смогу править всей четверкой — я так уже делал». Тогда хозяин разрешил ему делать по-своему и должен был признать, что никогда не видел такого отличного погонщика. К тому же было очень забавно, не видя погонщика, который сидел в конском ухе, слышать, как он покрикивает: «Живей, поживей! Шевелитесь, старые клячи, не то вам шкуры выдубят, уж поверьте!»

Когда тот фермер умер, ниссе не остался в его доме, а перебрался в поместье, где некоторое время таился. Спустя несколько дней хозяин нанял нового работника молотить зимние снопы. В первый день тот работник пришел в амбар и только смотрел на снопы; на второй день он сделал не больше, чем в первый, и тогда ниссе сказал: «Эй, помогу-ка я тебе!» На это работнику нечего было возразить, так что было решено, что каждый вечер ниссе будет получать свою овсянку с маслом. На следующее утро, придя в амбар, работник увидел, что ниссе уже намолотил целую гору зерна в двадцать пять *лоудов*. «Ты теперь можешь к полудню порубить солому», — сказал ниссе и помог ему, так что и с этим управились. Тут работник сказал: «Но как же отделить ячмень от мякины?» — «Скоро увидишь, — ответил ниссе. — Залезь-ка на крышу амбара и сделай в крыше большую дыру, тогда мы легко отделим мякину». Когда работник выполнил, что было велено, ниссе открыл все двери в амбаре, а сам лег на крышу, просунул голову в дыру и заорал так, что мякина разлетелась по всему двору. На шум вышел хозяин и, увидев, что происходит, очень рассердился. «Ты, должно быть, с ума сошел, парень, — сказал он, — что разбрасываешь по двору мякину. Чем же мы станем зимой кормить скот?» — «Только и всего, хозяин? — сказал работник. — Если тебе нужна мякина, ты ее получишь». Теперь ниссе помог работнику сгрести мякину и занести ее в амбар. Все было сделано за полчаса.

«Иди теперь к хозяину, — сказал ниссе, — да скажи ему, что зерно обмолочено, а мякина свалена в кучу, и он может прийти с меркой, если хочет узнать, сколько у него бушелей. Да скажи ему заодно, что за бушель мякины он должен заплатить тебе столько же, сколько за бушель зерна, а если он не согласится, мы развалим весь амбар».

Выслушав работника, хозяин рассмеялся:

«Что ж, разваливай, если сумеешь, но я не так глуп, чтоб платить за мякину, как за ячмень». Ниссе, услышав его ответ, сказал только: «Ну что ж, не хочет платить, так давай

перевернем амбар». Они вдвоем навалились спинами на боковую стенку, и она сразу затрещала. Увидев это, хозяин выскочил во двор и обещал заплатить. Так что работник получил хорошую плату и не забыл вознаградить ниссе.

Избавиться от ниссе непросто. Один человек жил в доме, где ниссе так расшалился, что хозяин решил бросить дом и оставить шутника одного. Он уже отправлял последний воз с пожитками и готов был сказать последнее «прости» дому и, как он думал, ниссе, когда, случайно обойдя воз сзади, приметил, к своему безграничному удивлению и разочарованию, ниссе, который сидел в пустом тазу. Человек немало огорчился, увидев, что потратил столько усилий напрасно, зато ниссе громко расхохотался и, высунув голову из таза, сказал: «Так, наконец-то переезжаем!»

Весьма напоминает ниссе йоркширский боггарт, который своими проказами едва не выжил доброго фермера из дома. Когда фермерские пожитки были уже погружены на воз, из подойника послышался голос: «Эгей, Джорджи, смотри-ка, мы переезжаем!»

Таков же и ирландский клурикан. Чтобы избавиться от него, хозяин решился покинуть дом, и последний воз, нагруженный пустыми бочками и т. п., уже отъезжал, когда Дикий Боб крикнул сквозь втулку бочонка: «Эй, хозяин, едем вместе!» — «Как, — изумился хозяин, — и ты едешь?» — «Ну, конечно, хозяин, мы все едем вместе!»

В приходе Альструп у одного человека была красивая белая кобыла, которая много лет переходила от отца к сыну и была причиной того, что ниссе, а с ним и удача не покидали ферму. Этот ниссе так любил кобылу, что не мог видеть, как ее используют на работе, и каждую ночь кормил ее лучшим зерном, а поскольку добавку зерна, как обмолоченного, так и не обмолоченного, он добывал в соседском амбаре, то и другая скотина получала свою долю. Но однажды на ферме появился новый хозяин, который, не поверив рассказам о кобыле, продал ее бедняку-соседу. Не прошло и пяти дней, как бедный крестьянин, купивший кобылу, заметил, что все у него идет на лад, между тем как дела у прежнего владельца шли все хуже и наконец он едва мог заработать себе на жизнь. Если бы только человек, купивший кобылу, знал, какую пользу она принесла, его внуки и правнуки могли бы процветать по сей день. Однако он, заметив, что каждую ночь в его амбаре прибавляется зерно, захотел увидеть и самого ниссе и спрятался с вечера в конюшне. В полночь он увидел ниссе, возвращавшегося из соседского амбара с полным мешком зерна; но и ниссе увидел, что за ним подсматривают, и так рассердился, что накормил в последний раз кобылу, приласкал ее на прощание и, повернувшись к тому месту, где прятался крестьянин, распрощался и с ним. С тех пор дела у двух соседей шли одинаково, потому что каждый пожинал плоды собственных трудов.

Когда-то в Ютланде буквально проходу не было от ниссе. В Восборге они нашли такой хороший прием, что весьма усердно заботились о благосостоянии своих хозяев. Получая каждый вечер миску сладкой овсянки с большим куском масла, они без устали доказывали свою благодарность. Однажды в очень суровую зиму дальний коровник, где держали шесть телок, так засыпало снегом, что две недели ни один человек не мог к нему добраться. Когда снег сошел, все, конечно, думали, что телки подошли с голоду, но ничуть не бывало — их нашли сытыми и здоровыми, стойло было подметено, а ясли полны отборного зерна. Нетрудно догадаться, кто обо всем позаботился.

В то же время ниссе очень мстительны и никогда не прощают нанесенной им обиды. Однажды, когда ниссе бежал в коровник по чердаку, под ним сломалась доска, и нога застряла. Мальчишка фермера, который как раз случился внизу, увидел болтающуюся над ним ногу, схватил вилы и что есть силы ударил ими по ноге. За обедом, когда все работники сели за стол, мальчишка все посмеивался про себя, а когда старшие спросили, в чем дело, ответил: «Я сегодня повстречался с ниссе и дал ему как следует разочек, когда он просунул свою лапу сквозь пол чердака». «Нет, — крикнул тут из-за окна ниссе, — не разочек, а три разочка, потому что у вил три зубца, но ты за это поплатишься!» На следующую ночь, когда его обидчик уснул, ниссе схватил его и перебросил через дом, а сам мгновенно оказался на другой стороне, поймал мальчишку и бросил назад. Эта игра продолжалась, пока мальчишка

восемь раз не перелетел через крышу, а на девятый раз шлепнулся в большую лужу. Тут ниссе заржал, как конь, и разбудил весь дом.

В крестьянском доме в Ютланде жил ниссе, каждый вечер получавший свою овсянку с маслом и за то помогавший работнику и служанке и всеми средствами заботившийся о хозяйской выгоде. Но однажды в доме появился шkodливый мальчишка, который не упускал случая досадить ниссе. Как-то вечером, когда все улеглись спать, ниссе взял свою деревянную мисочку и собирался с удовольствием поужинать, но вдруг увидел, что мальчишка закопал масло на самое дно с тем, чтобы оно обнаружилось, когда вся каша будет уже съедена. Тогда ниссе решил расплатиться с мальчишкой той же монетой. Он отправился на чердак, где мальчик спал в одной постели со взрослым работником, стянул одеяло и, увидев низкорослого мальчишку, лежавшего рядом с долговязым парнем, сказал: «Короткий не вровень с длинным!» Сказав так, он потащил мальчишку за ноги, так чтобы они пришлись вровень с ногами парня. Потом перешел к изголовью и подтянул мальчишку обратно с теми же словами. Так оно и шло, поскольку от этого мальчишка не становился длиннее, до самого рассвета. Потом усталый ниссе забрался на карниз и уселся там. При виде его все дворовые псы — а собаки терпеть не могут ниссе — подняли лай, а ниссе, зная, что им до него не добраться, посмеивался и свешивал вниз то одну, то другую лапку, приговаривая: «Смотрите, одна ножка! Смотрите, другая ножка!» Между тем мальчишка проснулся, подкрался сзади к ниссе, который все тянул свое: «Смотрите, одна, другая ножка», и столкнул его вниз к собакам, крикнув: «А теперь смотрите, вот он весь!».

Скандинавский ниссе идентичен британскому брауни, которого описывают как «несколько гротескную фигуру карликового роста, однако наделенного большой силой, по обычаю хозяйка дома оставляла для него на ночь работу... Предложить ему плату или хотя бы подарок означало вызвать его гнев, так что он мог даже вовсе покинуть дом». Добрый крестьянин из Лендевана, оставивший однажды для брауни кое-какую старую одежду, услышал, как тот ночью покидает дом, обиженно приговаривая:

Вздумал ты брауни плащ и рубаху дать,
Больше тебе брауни не видать.

Можно привести много других подобных примеров.

Английский Робин Добрый Малый не менее чувствителен на этот счет.

Весьма напоминают брауни и финнодири с острова Мэн.

Киркегрим (церковный уродец)

В церквях тоже обитают ниссе. Один из таких, по имени Киркегрим, жил либо в башне, либо таился по углам. Он наводил в церкви порядок и наказывал скандалистов.

В церкви в Соро на крыше есть большая круглая дыра, в которой жил ниссе этой церкви. Еще об этой дыре рассказывают, что через нее в старые времена выскакивал нечистый, когда священник при крещении говорил: «Изыди, нечистый дух!»

Киркегрим и странд-варсель

Было время, «когда морской берег был еще не освящен». Тогда опасно было ходить ночью по дорогам вдоль берега, потому что там было полным-полно странд-варселей. Это были призраки выброшенных на берег утопленников, которые остались непогребенными. Как-то ночью один крестьянин шел берегом в Таарбек, и вдруг на спину ему вскочил странд-варсель, крепко вцепился и крикнул: «Неси меня в церковь!» Тому ничего не оставалось, как кратчайшей дорогой поспешить в Гинтофте. Он добрался до деревни и подошел к церковной ограде. Тут варсель ловко перепрыгнул через стену, и в тот же миг появился киркегрим. Между этой парочкой завязалась упорная битва. Утомившись, они

присели отдохнуть, и тут варсель спросил крестьянина: «Хорошо я держался?» Крестьянин ответил: «Нет». Драка возобновилась, когда же они снова сели отдыхать, варсель опять спросил: «Хорошо я держался?», и крестьянин второй раз ответил: «Нет». Сражение продолжалось, и варсель в третий раз спросил: «Ну? Хорошо я держался?» Теперь крестьянин ответил: «Да». — «Благо тебе, — сказал варсель, — что ты так ответил, не то бы я, верно, свернул тебе шею».

В Нивероде одна женщина отправилась доить коров и увидела выброшенный волнами на песок труп. Вокруг тела был обвязан большой мешок с деньгами, а рядом никого не было, и она поддалась искушению забрать себе бесхозные деньги. Однако на следующую ночь в деревне появился стран-варсель и устроил большой шум у нее под окном, требуя, чтобы она пошла с ним. Женщина, не зная, как отвязаться, попрощалась с детьми и последовала за варселем. Когда они вышли из деревни, варсель сказал: «Возьми меня за ноги и тащи к церкви». Однако до ближайшей церкви было три четверти мили. Когда наконец показалась церковь, варсель сказал: «Теперь отпусти меня и иди к домику у церковных ворот. Скажи, пусть там не спят, пока ты снова не придешь. Потом подсади меня за церковную ограду, а сама беги скорее прочь, чтобы киркегрим тебя не схватил». Она сделала, как было сказано, и едва труп перевалился через стену, показался киркегрим. Он схватил женщину за подол, но старая юбка порвалась, и ей удалось добежать до домика. С того дня эта женщина не знала горя, живя с детьми на те деньги, что получила у стран-варселя.

Хильдемоер-бузина

В старой бузине живет дух, который называют Хильдемоер (матушка-бузина) или Хильдеквинде (женушка-бузина). Она мстит за все обиды, нанесенные дереву. О бузине, которая растет в одном дворе в копенгагенском квартале Нибодер, рассказывают, что в сумерках она часто разгуливает по двору и иногда подглядывает в окна за детьми, оставшимися без присмотра. Не рекомендуется заводить мебель из бузины. Если ребенка положить в люльку из бузины, Хильдемоер станет таскать его за ноги и не оставит в покое, пока его не вынут из люльки. Один крестьянин услышал раз ночью, как плачут его дети. Он спросил, что случилось, и они ответили, что здесь кто-то был и сосал их. Груды у всех оказались припухшими. А причина беды, как говорят, была в том, что в комнату поставили бузинную мебель.

Это удивительное лекарственное дерево, вероятно, получило свое название от богини-целительницы по имени Хильди, которая вместе со своими духами или подчиненными божествами обитала в его корнях. Датчане издревле любили и почитали бузину и сажали ее у изгородей и под окнами.

Бузину нельзя рубить, не спросив у нее позволения, желательно в таких словах: «Хильдемоер, Хильдемоер, позволь мне срезать твои ветви». Крестьянин, собираясь срубить бузину, сплюнет три раза, чтобы отогнать *веттов* и других злых духов.

Вервольф

Человек, с детства бывший вервольфом, возвращаясь ночью с женой из гостей, почувствовал, что приближается час, когда зло овладевает им. Отдав жене поводья, он сошел с повозки, сказав ей: «Кто бы к тебе ни приблизился, ударь его своим передником». Потом он скрылся, и тут же на женщину бросился вервольф. Она сделала, как велел ей муж, хлестнула его передником, и тот, вырвав из передника кусок, убежал. Через некоторое время вернулся муж, держа в зубах клочок жениного передника. При виде этого женщина в ужасе воскликнула: «Спаси господи, муженек! Так ты оборотень!» — «Благодаря тебе, матушка, — ответил тот, — я теперь свободен!», и с того раза зло никогда больше не подступалось к нему.

Если женщина в полночь растянет на четырех колышках пленку, в которой появляется на свет жеребенок, и нагая проползет сквозь нее, она родит без боли четырех детей; но все мальчики станут вервольфами, а девочки — марами. Днем вервольф имеет облик человека, хотя его можно узнать по сходящимся над переносицей бровям. Ночью же в определенный час он превращается в трехногого пса. Только если другой человек скажет ему, что он вервольф, или упрекнет его за это, человек избавится от этого зла.

Не только поверье, но и само название «вервольф» пришло из Нормандии, где он называется *вару*, или *варву*.

Мара

Один крестьянин любил девушку, которая, сама того не зная, была марой и каждую ночь являлась к тому человеку, так что он скоро понял, как обстоит дело. Поэтому он стал сторожить и, узнав, что она проникает к нему через щелку в дверной притолоке, выстрогал клинышек-затычку для этой щели. Когда мара пришла к нему на следующую ночь, он заткнул щель, и ей пришлось остаться до утра. На рассвете она вернулась в человеческий облик, и он взял ее в жены. У них было много детей, и они много лет прожили спокойно, но однажды вечером мужу попала на глаза затычка, все еще торчавшая в щели. Он в шутку спросил жену, знает ли она, как попала в дом? Она призналась, что не помнит, и тогда он рассказал ей всю историю, с веселыми шутками, и даже вынул клинышек, чтобы показать, в какую щелку она проникала. Жена выглянула в щелку и вдруг стала совсем крошечной, шмыгнула в щель, и больше ее не видели.

В Ютланде была некогда королева, которая очень любила лошадей. Особенно привязана она была к одному коню, о котором думала во сне и наяву. Часто случалось, что конюх утром заставал этого коня замученным и догадывался, что на нем каталась мара. Однажды он запасся ведром холодной воды и, плеснув его через коня, увидел сидящую у него на спине королеву.

Морской народ

В окрестностях Аассенса, в Фиене, когда-то на побережье было невероятное множество морского народа. Старые рыбаки рассказывают, что чуть ли не каждый день видели на камнях женщин, которые кормили детей грудью, а испуганные появлением человека, забрасывали груди за спины и ныряли в море. Еще рассказывают, что в тех местах морские коровы и быки часто паслись в поле вместе с обычным скотом.

В 1619 году король Христиан Четвертый послал двух советников, Розенспара Старого и Христиана Холка, в Норвегию на общий тинг. На обратном пути они захватили в плен мужчину из морского народа. Видом тот был подобен обычному человеку. Он долго катался по палубе взад-вперед, но наконец затих и лежал как мертвый. Один из тех, кто стоял рядом, сказал ему: «Чуден Господь, что и воду заселил человеческими созданиями», и тот ответил: «Да, если бы ты знал это так же хорошо, как я, ты мог бы сказать это! Но если вы немедленно не вернете меня в море, ни ваш корабль, ни вы сами не увидите берега». Больше он не сказал ни слова, а когда его посадили в лодку, выпрыгнул из нее в воду.

На Северном побережье жила некогда морская дева, которая выгнала однажды свой скот пасться день на Тибиркемарк. Это вовсе не понравилось окрестным крестьянам, которые издавна известны своей скупостью. Поэтому они заманили деву вместе со скотом в загон у деревни и не хотели отпустить, пока она не заплатит выкуп за то, что пасла скот на их земле. Когда она поклялась, что при ней нет денег, крестьяне потребовали ее пояс, который казался очень дорогим и сверкал драгоценными камнями. Деве ничего не

оставалось, как выкупить себя и свое стадо, отдав пояс. Однако, подогнав стадо к берегу, она сказала самому большому быку: «Теперь бодай!» Тут бык принялся рыть землю рогами и разбрасывать песок по берегу; задул северо-западный ветер, песок полетел к деревне Тибирке и едва не засыпал доверху церковь. И с дорогого пояса крестьянам тоже было немного выгоды, потому что, вернувшись домой и разглядев его, они увидели, что пояс сплетен из простого тростника.

В провинции Аарус жила когда-то чета бедных крестьян, у которых была единственная дочь по имени Маргарет, или Герта. Однажды ее послали на берег принести песка. Когда она принялась сгребать песок в свой передник, из воды появился мужчина морского народа. Борода у него была зеленее соленого моря, он был хорош собой и дружески заговорил с девушкой, сказав ей: «Идем со мной, Герта, и я дам тебе серебра, сколько тебе захочется».

«Это было бы неплохо, — ответила девушка, — потому что дома у нас немного такого добра». И она позволила ему соблазнить себя, взять за руку и увести на дно океана, где стала матерью пятерых детей.

Прошло много времени, и она почти забыла христианскую веру, но однажды в воскресный день она сидела, качая на коленях младшего сына, и услышала, как наверху звонят церковные колокола. Тут ее охватила глубокая тоска и желание побывать в церкви, так что слезы покатались по щекам. Морской муж, видя ее горе, стал расспрашивать о причине. Тут она принялась жалобно заверять его в своей любви и молить, чтобы он позволил ей разок побывать в церкви. Муж не мог устоять перед ее мольбами, но, провозжая на берег, настойчиво упрашивал поскорее вернуться к детям. Посреди службы он вышел на берег и, подойдя к церкви, позвал: «Грета, Грета!» Жена прекрасно слышала его, но про себя решила остаться до конца службы. Когда служба кончилась, муж снова подошел к церкви и крикнул: «Грета, Грета! Скоро ли ты придешь?» Но она не вышла к нему. Он пришел в третий раз, крича: «Грета, Грета! Скоро ли ты придешь? Твои дети плачут без тебя!» Увидев, что жена не выходит, он горько заплакал и ушел обратно на дно моря. Но с того времени Грета жила со своими родителями и оставила морского мужа самого заботиться о бедных малютках. Его плач и жалобы часто слышались из глубины.

Вышеприведенное составляет содержание старинной датской баллады «Agnette og Navmanden» и двух прекрасных поэм Баггесена и Оленшлегера.

На Фарерских островах бытует поверье, что тюлень каждую ночь сбрасывает шкуру, принимает человеческий облик и танцует и веселится по-человечьи, пока опять не наденет шкуру, чтобы снова обернуться тюленем. Некогда случилось, что один человек, проходя берегом, нашел сброшенную шкуру и взял себе, после чего тюлень, оказавшийся красивой девушкой, принужден был остаться в человеческом облике. Человек взял эту девушку в жены, прижил с ней детей, однако по прошествии нескольких лет жена нашла свою шкуру, не удержалась и завернулась в нее, снова став тюленем.

По старинной датской балладе, морская дева предсказала смерть жены Вальдемара Второго, прозванного Провидцем или Победоносным. И в хронике Фредерика Второго Датского мы читаем следующий рассказ: «В 1476 году, поздней осенью, старик-крестьянин из Самсо пришел ко двору, который тогда находился в Каллундборге. Он поведал, что, работая в своем поле близ морского берега, многократно видел прекрасную женщину, которая ниже пояса походила на рыбу, и та строго приказала ему идти и объявить королю, что, поскольку Господь благословил чрево его жены сыном (впоследствии Христианом Четвертым), который будет первым среди величайших князей Севера, при том что в его королевстве нашли себе место всяческие грехи, он должен серьезно и сурово искоренить таковые грехи, дабы Господь в гневе не покарал его».

Наиболее полные легенды о морских девах рассказывают на Шетландских островах. Там говорят, что «они живут среди рыб, в глубинах океана, и дома их выстроены из коралла и жемчуга; что они напоминают обликом людей, но превосходят их красотой. Желая посетить верхний мир, они надевают *хам*, или одежду рыбы, но горе тем, кто потеряет свой хам, ибо для них уже нет надежды на возвращение, и приходится им оставаться наверху».

Вескерис (Священные утесы) — излюбленное место этих прекрасных детей моря, которые вдали от людей снимают здесь свои рыбы одеяния и вдыхают воздух земли, купаясь в лунном свете. Зеленоволосые океанские красавицы смертны и часто во время своих путешествий подвергаются опасности. Нередки случаи, когда их захватывали и убивали суеверные рыбаки. Случалось также, что земные люди женились на морских девах, завладев их хамами, и таким образом получали власть над ними».

Этот сюжет несколько напоминает рассказ о Велунде и детях конунга Нидуда и о трех валькириях.

Подменыши

Некий человек и его жена узнали немало горя с подменышем, оставленным у них подземным народцем вместо похищенного младенца, которого не успели вовремя окрестить. Подменыш вел себя самым странным образом. Оставшись один, он буйствовал, бегал вдоль стен, забирался на куриный насест, вопил и кричал. Если же кто-нибудь находился с ним рядом в комнате, он сонно сидел у стола. Ел он за четверых, не разбирая, что перед ним поставили, и всегда был голоден. Долго не знали, как от него избавиться, но наконец жена, женщина сметливая, надумала, как выжить его из дома. Однажды, пока он был в поле, она убила свинью, сделала из нее «пуддинг» (колбасу) вместе со шкурой и щетиной и, когда подменыш вернулся, поставила перед ним. Он, как обычно, набросился на еду, однако постепенно начал задумываться и наконец замер с ножом в руках, разглядывая пуддинг. Потом он воскликнул: «Пуддинг со шкурой и со щетиной! Пуддинг с костями и пуддинг с глазами! Я видел три весны в лесу у озера Тиис, но такого пуддинга не видал. Больше злой дух здесь не останется!» С этими словами он убежал прочь и больше не возвращался.

Жили в Христиансо муж с женой, которые не позаботились в должный срок окрестить своего ребенка, так что женщина из подземного народа подменила его своим младенцем — жалким созданием, которое не могло даже есть и пить и, верно, погибло бы, если бы мать по ночам не приходила кормить его грудью. Не зная, что делать с подменышем, женщина после долгих раздумий изобрела способ от него избавиться. Научив свою служанку, что делать и говорить, она жарко натопила печь, между тем как служанка громко, чтобы слышали тролли, спрашивала: «Зачем ты так жарко топишь печь, хозяйка?» Женщина отвечала ей: «Хочу сжечь своего сына». Когда служанка трижды повторила вопрос и трижды получила ответ, женщина взяла ребенка и положила на хлебную лопату, словно хотела бросить в печь. Тут в дом ворвалась подземная женщина, схватила с лопаты ребенка и отдала женщине родного сына со словами: «Вот твое дитя. Я обходилась с ним лучше, чем ты с моим!» И в самом деле, ребенок оказался здоровым и бодрым.

Как отличить подменыша

Когда родится ребенок, нельзя гасить свет в комнате роженицы, не то подземный народец может подменить младенца. Где-то в Северном Ютланде много лет назад случилось, что роженица не могла уснуть при свете. Тогда муж решил взять ребенка на руки и не спускать с него глаз, пока в комнате будет темно. К несчастью, он задремал, не запомнив, на какой руке держит ребенка, проснувшись же, увидел стоящую у кровати высокую женщину, а на каждой руке у него было по младенцу. Женщина тут же исчезла, а он остался лежать, не зная, который из детей его родной сын. Он пришел за советом к священнику, который велел ему поймать необъезженного жеребца, чтобы тот различил младенцев. Итак, они нашли жеребца, настолько дикого, что его с трудом могли удержать трое мужчин, положили перед ним обоих младенцев в пеленках и дали коню обнюхать их. Странно было видеть, как жеребец, обнюхав одного младенца, стих и попытался лизнуть его, между тем как, понюхав второго, начал беситься и все порывался лягнуть ребенка. Так они с уверенностью распознали подменыша. Тут подбежала к ним высокая женщина, выхватила подменыша и

скрылась с ним.

Почти одинаковые способы избавиться от подменыша, с небольшими вариациями, удивительно широко распространены по всей Европе. В ирландском предании мальчик, увидев яичную скорлупку, восклицает: «Пятнадцать сотен лет живу на свете, а такого не видал!» Вальтер Скотт рассказывает о женщине, которая, чтобы удостовериться, подмениш ли ее сын, разбила дюжину яиц и поставила перед ребенком двадцать четыре половинки скорлупок, а сама стала подслушивать за дверью, не заговорит ли он. Она услышала, как ребенок сказал: «Семь лет мне было, когда я попал к кормилице, и четыре года я прожил с тех пор, но никогда не видел столько кастрюлек для молока». Другие рассказы можно найти у Уолдрона в «Преданиях острова Мэн» и в «Германской мифологии» Гримма. Сходные истории о подменьях рассказывают горцы Шотландии и французы.

Для возвращения похищенного таким образом ребенка в Шотландии применяется ужасное колдовство. Самым действенным способом считается поджаривать подменыша на горячих углях. Предполагается, что он должен исчезнуть, а настоящий ребенок появится на том месте, откуда был похищен.

Предания о дьяволе

Брат Руус

Говорят, что дьявол, увидев, как благочестивы и добродетельны монахи монастыря в Эстроме, принял человеческий образ и постучался у ворот обители, говоря, что его зовут брат Руус. Он выдал себя за поваренка и был принят аббатом помогать на кухне. Оставшись вскоре наедине с поваром, брат Руус стал ему перечить, за что и получил трепку. Не стерпев такого обращения, он схватил повара за шиворот и сунул головой в стоявший рядом котел с кипятком; а потом выбежал, оплакивая несчастье, случившееся с его начальником. Ему удалось провести всю братию, так что брата Рууса назначили главным поваром, а ему только того и надо было, чтобы развратить всех монахов. Он принялся готовить такие изысканные и лакомые блюда, что монахи забыли о посте и молитве и погрязли в роскоши. Говорят, он даже приводил в монастырь женщин и тем заслужил большую приязнь аббата, который принял его в братство, чтобы всегда иметь под рукой такого повара. С того часа искушение и грех проникли в монастырь, и не миновать бы всем гибели, если бы монахи вовремя не покались. Однажды брат Руус, бродя по лесу, увидел прекрасную тучную корову. Он зарезал ее и отнес четверть в монастырь, а остальную тушу подвесил на дерево. Когда хозяин хватился коровы и нашел на дереве три четверти ее туши, он решил спрятаться на соседнем дереве и подстеречь вора, когда тот придет забрать остальное. Таким образом он увидел чертей, которые веселились в лесу, и подслушал их разговоры о том, что брат Руус приглашает аббата и всех монахов на обед в ад. Крестьянин, понятно, пришел в ужас и на другой день явился к аббату с рассказом обо всем, что видел и слышал. Выслушав его, аббат собрал всех монахов в церкви, и они начали читать Библию и петь молитвы, так что Руус, который не мог этого вытерпеть, попытался сбежать, но аббат схватил его за сутану и превратил в рыжего коня, предав во власть ада. В том монастыре еще много лет показывали железный котел и решетку для жарки «брата Рууса».

Пока монастырскую церковь не превратили в обычное жилье, там можно было видеть резное изображение брата Рууса и его эпитафию, наполовину по-латыни, наполовину на датском. Вот эта эпитафия:

Hic jacet John praest
Qui dedit sum graa Hest
Nec non de silinge tue Laest
Requiscit in pulvere sud west.

К вышеизложенному Мольбек добавляет, что «аббат впоследствии посылал брата Рууса в Англию, откуда он моментально вернулся, принеся с собой по воздуху 320 000

фунтов свинца на монастырскую кровлю».

По другой версии предания, за свое поварское искусство и за тайные услуги, оказываемые аббату и монахам Эстрома, Руус общим голосованием был избран в члены братства и пребывал в этом качестве семь лет. Досуга у него было в избытке, и он часто сидел у ворот монастыря, забавляясь вырезанием дубовых дубинок. Если его спрашивали, зачем эти дубинки, он отвечал, что если ночью появятся воры, хорошо быть наготове. Вскоре после этого между монахами случился спор о женщине, причем одну партию возглавлял аббат, а другую — приор. Обе партии просили у Рууса дубинки, и обе их получили. Во время заутрени в церкви случилась драка, а брат Руус между тем погасил все огни и, дождавшись, пока побоище разгорится, поставил между дерущимися тяжелую скамью. Многие поломали себе ноги или покалечились, и тогда довольный брат Руус появился с огнем и стал укорять монахов за недостойное поведение и призывать к миру и согласию.

После этого случая он вышел однажды из монастыря прогуляться и забыл приготовить ужин. Заспешив домой, он увидел на лугу пасущуюся корову, зарезал ее и прихватил с собой заднюю четверть туши. Хозяин коровы притаился в засаде, поджидая вора, и из дупла дерева подсмотрел встречу Люцифера с компанией меньших бесов. Те докладывали князю о своих подвигах, и Руус в том числе обещал доставить ему все братство, дождавшись, пока монахи поубивают друг друга. Когда бесы разлетелись, крестьянин отправился в монастырь и поведал аббату обо всем, что слышал из дупла. Святой человек был немало напуган его рассказом и, собрав братию, рассказал им все, что слышал от крестьянина. И вот они стали молиться и зазвонили к мессе, аббат же, поставив рядом с собой Рууса, приказал тому не трогаться с места до конца службы. Когда вынесли святые дары, Руус сказал, что не может более оставаться, и тогда аббат превратил его в лошадь. Взяв с него клятву не делать больше зла, он освободил беса и послал его в Англию. В Англии Руус вселился в прекрасную дочь короля, и отец ее созвал мудрецов и ученых врачей из Парижа и других стран, однако никому не удавалось изгнать злого духа из тела принцессы. Наконец демон сам воскликнул: «Я — брат Руус, и никто не сумеет изгнать меня из этого прекрасного сосуда, кроме аббата Эстрома, коему я поклялся в повиновении!» Между тем почтенное братство вернулось к прежней святости. Послали за аббатом, который изгнал нечистого, повелев ему явиться перед ним в образе коня. На глазах пораженного короля и прочих присутствующих аббат сковал демона толстой цепью.

Заметив лежавшую рядом кипу свинцовых листов, аббат просил как единственную награду подарить ему на монастырскую кровлю столько свинца, сколько Руус сумеет увезти на спине. Руус же увез чудовищный груз в триста тысяч фунтов. Тут король и аббат сели за трапезу, но не успели они окончить обед, как снова появился Руус и, сказав, что доставил свинец, потребовал новых приказаний. Он предложил перенести сам дворец и поставить его рядом с монастырем, но аббат приказал ему оставить дворец в покое и только его самого перенести в Эстром. Распрощавшись с королем и благословив его, святой отец дал руку дьяволу, и тот благополучно перенес его к самым воротам монастыря. Тут нечистый спросил, где ему теперь поселиться, и аббат отправил его в стоявший рядом холм, где Руусу и предстоит оставаться до Судного Дня.

Дьявол играет в карты

Однажды в Лемвиге в канун Рождества компания безбожных игроков вела игру на большие деньги и, разгорячившись, становилась все несдержаннее в проклятиях и богохульствах. Уже поздно ночью в дверь постучали, и хорошо одетый господин вошел и попросил разрешения вступить в игру. Усевшись, он взял карты и начал с того, что проиграл большую сумму. За игрой один из картежников уронил карты на пол и, нагнувшись поднять их, увидел, что из сапог незнакомца торчат когти. Тут стало ясно, что это не кто иной, как нечистый дух, ведь известно, что тот, кем бы ни обернулся, не в силах скрыть свои когти. Узнав пришельца, они тут же послали за священником, который пришел и застал игрока еще за столом. Тот как раз пересчитывал свои деньги. Священник был наделен вторым зрением,

сразу узнал врага и приказал ему удалиться, но дьявол отвечал, что картежники за игрой сами призывали его и что он не уйдет, не попробовав теплой крови. Тогда священник взял собачонку, бегавшую по комнате, и бросил ему. Дьявол мгновенно разорвал ее на куски и проглотил, оставив только три шерстинки. Удовлетворив его таким образом, священник пробуравил в свинцовом ставне отверстие и приказал нечистому уменьшиться и пролезть в эту дыру, потому что если бы тот вышел в дверь, то быстро вернулся бы тем же путем. Это нелегко далось священнику, но добрый пастырь так прижал дьявола молитвой и экзорцизмом, что нечистому наконец пришлось покориться, хотя был он так, что слышно было по всему городку.

Школяр обещает себя дьяволу

Один школяр из школы Херлуфсхольм был соблазнен дьяволом и своей кровью написал контракт на листке бумаги и спрятал его в дыру в стене церкви. Но во спасение грешной души, которая иначе досталась бы врагу, случилось, что другой школяр той же школы нашел бумагу и отнес ее ректору. Теперь ничего не оставалось, как прибегнуть ко многим молитвам, кои свели коварство дьявола в ничто; однако долго еще не удавалось заткнуть ту дыру в стене церкви так, чтобы она немедленно не открывалась вновь.

Следы дьявола

В поле близ Соннерода есть ряд камней, на одном из которых виден отпечаток ступни. По этому поводу рассказывают, что дьявол некогда поставил ногу на этот камень, унося невесту от жениха. Ему пришлось долго странствовать по свету в поисках человека, который бы за полную шляпу денег согласился снять венки с головы невесты; ведь пока этот венок был на ней, дьявол не имел над ней власти, так как подружки возложили его невесте на голову во имя Иисуса.

Йенс Пловгаард

В Сондре-Ниссум близ Рингкиобинга жил человек по имени Йенс Пловгаард, который заключил союз с дьяволом и потому мог подымать из могил мертвых и совершать другие подвиги того же рода, что приносило ему немало денег. Зато через сколько-то лет он должен был достаться злему духу. Однажды, когда его не было дома, пришел к нему один рыбак из Ти, разузнать, куда подевалась его свинья. Йенса Пловгаарда он не застал и, поскольку было уже поздно, пробрался в амбар, чтобы переночевать ночь, а утром закончить свое дело. Среди ночи Йенс вернулся домой и, услышав, что приходил человек из Ти, желавший найти свою свинью, решил незамедлительно посоветоваться с «Эриком»⁸⁵ и отправился в амбар, чтобы вызвать его. Рыбак, который еще не спал, ясно слышал, как дьявол принужден был явиться на зов. Йенс спросил его, где искать свинью, однако Эрик молчал, так как заметил, что они не одни; Йенс же, напротив, приписал его молчанию упрямству и потому, взяв железный хлыст, обрабатывал им злого духа, пока тот не сказал, что свинья лежит под оползнем, и не описал в точности места. Услышав это, рыбак не стал больше беспокоить Йенса Пловгаарда, а на обратном пути нашел оползень и откопал свинью.

Наконец пришло время, когда нечистый по контракту должен был получить Йенса Пловгаарда, однако тот велел посадить себя в большую бочку вместе с запасом еды и питья, а бочку закопать в поле, которое после перепахали вдоль и поперек и засеяли. Теперь дьявол, явившись, не мог добраться до своей жертвы, а только бегал каждую ночь по полю целых три недели, а когда они истекли, взвыл так, что слышно было на другой стороне фиорда, в церкви в Ульфборге. Когда три недели миновали, Йенс Пловгаард получил свободу, и его откопали. С того времени во всем приходе не было человека благочестивее него, но свое великое искусство он потерял.

⁸⁵ Народное наименование дьявола, вроде английского «Старик Гарри» или «Старый Ник». — *Примеч. ред.*

Как дьявол дал себя провести

Был в Ютланде один священник. Как-то вечером позвали его в поместье, прося не медлить, потому что без его помощи не обойтись. Дело в том, что владелец поместья за свое богатство продал душу дьяволу, и тот уже явился за ним, потому что срок истекал. Священник пришел в дом, когда нечистый уже готов был унести хозяина, и стал уговаривать его дать отсрочку, сперва на год, потом на месяц, на неделю, на день — но нечистый не соглашался ждать и часа. На столе стоял догоравший огарок свечи, и священник, указав на него, сказал: «Подожди хоть, пока не растает этот огарок». На это нечистый согласился, а священник в тот же миг задул свечу и спрятал огарок в карман, так что пришлось дьяволу оставить хозяина дома в покое, а тот с этого дня стал вести такую праведную жизнь, что дьявол до него не добрался.

Такой же трюк с огарком упоминается в «Пряди о Норна-Гесте», которой уже не одна сотня лет.

Хозяйка Кольбигаарда

По дороге из Аальборга в Тистед, на левой стороне долины, есть замок под названием Кольбигаард, хозяйкой которого была некогда очень богатая дама, столь же злая, как и богатая, да к тому же занимавшаяся колдовством. Не было для нее большей радости, чем услышать, что в трактире в воскресный день шла игра и пьянка.

Одному из слуг, своему любимцу, она часто показывала полный сундук серебра и говорила, что он может брать себе из этого сундука, сколько вздумает. Однако слуге, как он ни старался, не удавалось поднять ни единой денежки. Когда же он говорил, как бы хотелось ему иметь столько денег, чтобы жизнь была приятной и радостной, дама всегда отвечала со вздохом: «Да! Если бы только не ужасная смерть!».

Однажды ночью один из ее арендаторов пришел в замок заплатить свою ренту, но дом был темен, потому что семья уже спала. Он ходил по дому, пока не добрался до маленькой комнатки, где заметил свет. Посреди комнаты он увидел меру для зерна на бушель, и тут появился свирепого вида пес, подошел к мерке и залаял в нее. Каждый раз, как он гавкал, в мерку из его пасти выкатывалось несколько серебряных монет, и пес ушел, лишь когда мерка наполнилась. Тут крестьянином овладело желание прихватить хоть несколько монеток, и он пересыпал к себе в кошелек тридцать новеньких денежек. Утром он разыскал хозяйку, чтобы расплатиться с ней, но, увидев новенькие монеты, та заявила, что они украдены у нее. Тогда крестьянин рассказал ей, что видел ночью, отчего она так перепугалась, что подарила ему ферму, которую он арендовал, лишь бы он до конца жизни молчал об увиденном.

Много лет эта дама вела несправедную жизнь, и вот однажды вечером приказала своему кучеру заложить лошадей, поскольку ей вздумалось прокатиться. Тот возразил, что в такой тьме не найдет дороги, но дама сказала, что лошади сами знают дорогу. Больше двух часов они ехали по камням и ухабам, пока кони не встали перед освещенным домом, которого кучер прежде никогда не видел. Они въехали во двор, дама прошла в освещенную гостиную, кучер же остался ждать с лошадьми. Прождав немало времени, он подкрался к окну и заглянул внутрь. Он увидел свою хозяйку голой посреди комнаты, а рядом с ней горел погребальный костер и какой-то человек расчесывал ей волосы. Сразу после этого кучер получил приказ ехать домой, но хозяйку с того часа никто больше не видел; он был убежден, что она в ту ночь отправилась в ад. Правда, родственники ее утверждали, что дама вернулась домой и сразу после того заболела и умерла, но многие говорили, что на пышных похоронах в гробу лежала только связка соломы.

Пир у дьявола

Жил в Остреле один человек, который подозревал, что жена его — ведьма, и раз в канун Иванова дня решил проверить, отправится ли она на обед к дьяволу. Так что ночью он подсматривал за ней и увидел, как она достала из ящика склянку с какой-то мазью, натерла ею хлебную лопату, села на нее верхом и со словами: «Пошла, во имя дьявола!» — вылетела в каминную трубу. Тогда муж сделал то же, что его жена, и вылетел следом на другой лопате, которая, спустя время, подлетела к замку, ярко освещенному и полному народа. Войдя, он увидел, как дьявол обходит гостей, а ведьмы сидят за столом, и во главе стола — его жена. Тут дьявол подошел к нему и спросил, зачем явился, на что тот ответил, что пришел за своей женой. Тогда «Старый Эрик» подал ему книгу, чтобы вписать туда свое имя, что тот и сделал, добавив, однако: «Во имя Господа». Нечистый, взглянув на эту запись, завыл, и в тот же миг весь замок рухнул. На следующее утро тот человек увидел, что сидит в яме посреди поля на груде человеческих костей, а жены своей он больше не видал.

Одна девушка случайно подсмотрела, как ее хозяйка достала из шкафа горшок с какой-то мазью, смазала им метлу и, вскочив на нее верхом, вылетела в трубу. Девушка, исполнившись удивления перед увиденным, достала из шкафа горшок, чтобы посмотреть, что в нем. Она втерла немного мази в пивную кадучку и в тот же миг заметила, что летит в кадучке сквозь трубу, прямо на Блоксберг, где уже собралось множество старух с виолами и скрипками. Сам дьявол, которого они называли «Старый Эрик», протанцевав полонез и расплатившись с музыкантами, подошел к девушке с книгой, в которую попросил вписать свое имя. Однако она вместо имени написала слова, которые обычно пишут, пробуя перо: «*Den, som mig foder*» и т. д., так что дьявол больше не мог притронуться к книге и в ту ночь больше не танцевал, хотя до того не присел ни на минуту. На рассвете, а наступал Иванов день, все старые дамы разлетелись на своих метлах, а девушка летела в кадучке. Однако, когда впереди показался ручей, через который старухи ловко перепрыгивали, она задумалась, получится ли такой прыжок на пивной кадучке. Решив в конце концов: «Делать нечего, надо попытаться», она пришпорила кадучку каблуком, и та перепрыгнула ручей не хуже метел. Тут девушка, рассмеявшись, воскликнула: «Дьявольски прыгает эта кадучка!» Но едва она вымолвила имя дьявола, как кадучка встала, книга исчезла, и доброй девице пришлось пешком добираться до Тистеда.

Книга Киприана

Киприан был ученым. В душе он был человек добрый и порядочный, но обучался он в Школе чернокнижия в Норвегии и потому должен был обратить свои знания и необычайные способности на службу дьяволу. К старости это стало его печалить, и тогда он написал книгу, в которой сперва показывал, каким образом творится зло, а затем — как его можно исправить. Книга начинается с объяснения, что такое колдовство, и с предостережения не прибегать к нему. Она разделена на три части: «Киприан», «Доктор Фаустус» и «Якоб Рамель». Последние две части написаны то ли персидскими, то ли арабскими знаками, а также и обычными буквами. Эта книга учит изгонять, покорять и вызывать злых духов и всему прочему, о чем упоминается в Пятой книге Моисеевой. Неизвестно, печаталась ли когда-нибудь эта книга, но рукописные копии хранятся там и здесь у простых людей, которые почитают ее как святыню. Те, кто владеет книгой Киприана, не знают никогда нужды в деньгах, и никто, даже сам дьявол, не в силах причинить им вред. Но владелец книги не может избавиться от нее, потому что, даже сожженная, проданная или закопанная в землю, она всегда возвращается; если же человек не избавится от нее до смерти, душе его придется плохо. Единственный способ — кровью записать в книге свое имя и положить ее в тайном месте в церкви, вместе с платой священнику.

Германская легенда о Киприане гласит следующее.

В прежние времена на датских островах жил человек по имени Киприан, который был хуже дьявола, так что, когда он умер и отправился в ад, дьявол изгнал его и вернул на

остров. Там он написал девять книг, все на стародатском языке, о колдовстве и волшебных заклинаниях. Каждый, кто прочитывал все эти девять книг, попадал во власть дьявола. Говорят, какой-то монах сделал с них три (или девять) копий, а многочисленные списки с этих копий разошлись по всему свету. Некий граф из замка в Плоене, говорят, владел безупречной копией, которую повелел приковать цепями в подземелье замка, потому что, прочитав остальные восемь книг, пришел в такой ужас, что решил скрыть эту, девятую, от глаз людских. Одна такая книга все еще хранится в Фленсборге. Старики помнят несколько заклинаний из этих девяти книг. Тот, кто хочет воспользоваться ими, должен сперва отречься от христианской веры.

В двух милях от Хорсенса жил мельник, знаток черного искусства, у которого была книга Киприана. Один крестьянин однажды украл у него топор и принужден был принести его обратно в полночь. К тому же вора вознесло так высоко в воздух, что ноги его болтались над верхушками деревьев Бирского леса. Этот мельник совершил столько чудес, что поразил всех соседей. Однажды любопытный подмастерье пробрался в комнату хозяина, где нашел старый фолиант необычного вида. Парень начал читать его вслух, и вдруг перед ним появился ужасный бес и потребовал его приказаний. Тот, не зная, что нужно дать нечистому какое-нибудь трудное задание, упал ниц, лишившись дара речи, и тут бы ему и конец пришел, если бы в это время не вернулся хозяин. Схватив книгу, мельник принялся читать из другого места, чтобы, если удастся, изгнать сатану, однако дело зашло уже слишком далеко, и ничего не оставалось, как придумать тому какое-нибудь дело. Так что мельник взял сито и послал его натаскать воды из запруды. Бес же, не справившись с заданием, скрылся, оставив после себя мерзкую вонь.

Книга Киприана известна и в Нормандии, где сходную историю рассказывают под названием «Le Grimjire du Cure». Кальдерон сделал Киприана героем одной из своих драм, в которой тот оказывается уроженцем Антиохии.

О ведьмах

В канун Иванова дня ведьмы, как всем известно, собираются у «Старого Эрика».

В Гиординге близ Риббе один работник в ночь накануне Иванова дня, чтобы стать невидимым для ведьм, положил себе на голову кусок зеленого дерна, а сам пробрался на кладбище. Он стоял и спокойно смотрел, как ведьмы пляшут вокруг «Старого Эрика», как вдруг одна приблизилась к нему, и, отступая в сторону, он уронил с головы дерн. В тот же миг все ведьмы увидели его и бросились в погоню. Не миновать бы ему их когтей, если бы парень не стоял совсем рядом с воротами.

В одном доме все шло кувырком, и обитатели его обратились за советом к известной знахарке. Та явилась и обошла дом изнутри и снаружи. Наконец она остановилась перед большим камнем, который лежал у стены. «Это, — сказала она, — надо откатить в сторону». Но как ни бились, с рычагами и другими приспособлениями, камень с места не сдвинулся. Наконец знахарка сама проковывляла к камню, и едва она коснулась его, как валун стронулся с места. Под ним нашли шелковый кошелек, набитый орлиными и петушиными когтями и обрезками человеческих волос и ногтей. «Бросьте его в огонь вместе с вязанкой сухого гороха, чтоб быстрее занялось», — сказала знахарка, и это тут же исполнили. Едва огонь стал разгораться, послышался такой свист и шип, что дом, казалось, рухнет, а те, кто стоял в поле, ясно видели, как из дымохода вылетела ведьма на помеле. В то же время умерла старуха, которая, должно быть, и заколдовала дом. С той поры всем злым чарам пришел конец.

В окрестностях Остреля служил на ферме один человек, не знавший, что тамошняя хозяйка была ведьмой. Хотя она отлично кормила его, он худел день ото дня. Обеспокоившись, пошел он к знахарю и рассказал о своей беде. От знахаря он и узнал, что хозяйка его — ведьма и каждую ночь ездит на нем в Норвегию к Тромской церкви, так что неудивительно, если он теряет силы. Знахарь дал работнику мазь натереть голову на ночь,

так что во сне он должен был почувствовать сильный зуд и проснуться перед церковью в Троне. Человек сделал, как ему было сказано, и проснулся на следующую ночь перед церковью, держа в руках уздечку, которую сдернул с головы, когда чесался. Вокруг было множество коней, связанных между собой хвостами. Пока он так стоял, из церкви вышла его хозяйка и дружелюбно на него взглянула. Работник же кивком позвал ее поближе, а сам накинул ей на голову уздечку, и она тут же обернулась красивой кобылой. Верхом на этой кобыле работник и отправился домой, а по пути заехал к кузнецу и велел ему подковать лошадку на все четыре ноги. Добравшись до дому, он сказал хозяину, что купил отличную кобылу в пару той, что уже была на ферме. Хозяин выложил за лошадку кругленькую сумму, когда же снял с нее уздечку, кобыла исчезла, а на ее месте оказалась хозяйка с новыми подковами на руках и ногах. Тогда работник рассказал обо всем, жену прогнали из дома, а от подков она так никогда и не избавилась.

В Северной Германии бытует предание, очень близко напоминающее вышеизложенное.

В Остреле было когда-то множество ведьм. Один охотник, который часто проходил мимо фермы Баллера, всегда замечал где-нибудь рядом либо зайца, либо дикую утку. Однако сколько он ни стрелял (а он был метким стрелком), утка сидела спокойно, будто не замечая выстрелов. Поняв, что пуля ее не берет, охотник срезал со своей куртки серебряную пуговицу, трижды сказал над ней «Аве» и вложил в ружье. Теперь он подбил утку, которая, однако же, полетела над водой к ферме и скрылась в домике для птицы. Охотник пошел следом и рассказал хозяевам, сидевшим за ужином, как было дело. Хозяин послал его на кухню попросить служанку, чтобы та отдала ему утку. Войдя в кухню, охотник увидел там уродливую старую каргу, которая сидела у очага в одном башмаке, а по колену у нее текла кровь. Она сказала, что упала и порезалась, но охотник-то сразу понял, что это была подстреленная им ведьма, и поскорей сбежал оттуда.

В Бронстедмарке, в провинции Рибе, показывают на опушке леса место, где в прежние времена стоял замок. Дама, что жила в этом замке, была ведьмой, и однажды, когда все мужчины отправились на охоту, она обернулась зайцем и до тех пор (говорят) дразнила и мучила их, пока один крестьянин, который знал больше других, не зарядил ружье серебряной пуговицей и не ранил зайца в ногу. На следующий день прошел слух, что хозяйка замка больна. Больше ее не видели.

Два жителя Свендstrup, что близ Аальборга, вышли как-то ночью пострелять зайцев. Они встали под церковной колокольней, поджидая, пока появится дичь, но никого не увидели. Только в полночь вдруг из всех могил вырвалась стая зайцев, и хотя крестьяне сперва решились стрелять в них, ни один не упал. Зверей становилось все больше, так что в конце концов весь двор скрылся под их бесчисленными полчищами. Тут охотников охватил ужас, и они едва унесли ноги.

На Борнхольме рассказывают, что ведьмы умеют делать подобия зайцев из старых чулок, используя вместо лап три шипа от бороны. Этих зайцев, которых они называют «*смербаррер*», ведьмы посылают доить чужих коров. В Швеции ведьмы тоже используют зайцев, чтобы доить коров.

В приходе Виссенберг в Фиене жила когда-то женщина, которую все считали ведьмой. Когда пришел ее смертный час, она никак не могла испустить дух, но другая знающая женщина, бывшая при этом, посоветовала положить под кресло, в котором сидела умирающая, солому; потому что от этого, если она была ведьмой, она должна была сразу умереть. Это средство никогда не отказывало. Ее совету последовали, и женщина вскоре умерла.

Шкипер из Аархуса и Финлап

Один шкипер из Аархуса как-то стоял в Дронтхейме и свел там знакомство с неким Финлапом, который часто поднимался к нему на борт поболтать. Этот Финлап, умевший проделывать много колдовских штук, предложил, между прочим, научить шкипера вызывать

ветер. Это, решил шкипер, было бы весьма полезно. На другой день Финлап принес с собой мешок, сказав, что стоит только взять его с собой, чтобы вызвать любой ветер. Но шкипер, поразмыслив, решил не путаться с этим делом, заподозрив руку дьявола. Тогда Финлап спросил, не хочет ли шкипер узнать, как поживают его жена и дети. На это шкипер согласился, и Финлап тут же упал на палубу, словно мертвый. Через некоторое время он поднялся и сказал: «Я побывал в Аархусе. Твоя жена пила кофе, остальные тоже все здоровы, кроме одного ребенка, который приболел. Можешь мне верить. Узнаешь?» И тут он показал серебряную ложечку. «Это, — сказал шкипер, — ты унес из моего дома в Аархусе». С этими словами он взял ложечку себе.

После того как они несколько дней простояли в Дронтхейме, Финлап сказал однажды утром: «Завтра мы выйдем в море, и у обоих будет попутный ветер, хотя ты идешь на юг, а я на север. И скажу тебе еще, что ты не пойдешь за грузом во фьорд Христиании, как собираешься, а получишь фрахт много лучше, чем надеешься». На следующий день оба вышли в море, и ветер менялся так, что двенадцать часов был попутным для ютландца, а двенадцать — для финна. Когда же прошли острова Остер-Риисе, ветер для ютландца стал встречным, и, хотя он день и ночь лавировал, пришлось ему все-таки пристать на островах Остер-Риисе. Здесь купцы наперебой предлагали ему фрахты, но он от всего отказывался, пока один купец не предложил ему фрахт на Иссефьорд за цену, чуть ли не равную стоимости всего груза. Тут шкипер не устоял и написал владельцам груза, что по веским причинам не выполнил их заказа, так что в Аархусе заподозрили, что он сошел с ума. Когда шкипер вернулся домой, не успел он ступить на берег, как его начали допрашивать насчет груза, он же ответил: «Он у меня в кармане», и все остались довольны. Вернувшись к жене, он спросил: «Как вы тут?» — «Хорошо», — был ответ. — «Никто не болел?» — «Только младшенький». — «А ты ничего не потеряла?» — «Нет, да, нет.». — «Подумай хорошенько!» — «Да, серебряную ложечку». — «Вот она», — сказал шкипер, выкладывая ложку на стол.

О «фрит скуд»

Чтобы приобрести «фрит скуд», то есть искусство бить в цель без промаха, некоторые кладут под могильный камень листок с определенными молитвами или тайными словами. Другие добиваются того же результата, пропуская ветер во вторник утром в бочку. Такие меткие стрелки в союзе либо со злым духом, либо с Диким Охотником, так что куда бы они ни стреляли, всегда подобьют хоть какую-нибудь дичь.

В поместье Тиле в Ютланде был старый егерь, который часто, забавляясь, особенно в подпитии, переворачивал ружье и палил не глядя, однако ни разу он не вернулся домой без добычи.

Легенды о призраках

Летучий охотник

По всей Дании известен ужасный призрак, о котором каждый, кто видел или слышал его, говорит с содроганием. Порой в воздухе слышны шум и гул, голоса и крики, стук и гром, словно над полями и лесами проносится, гудя в рога, Дикая Охота со сворой собак. Это Летучий Охотник, говорят крестьяне, падая ниц или прячась за деревом, пока не промчится свора.

Грен-йетте

На западном краю Моена есть лес, называемый Гренвальд, в котором каждую ночь охотится в лесу Грен-йетте (зеленый великан⁸⁶), держа под мышкой свою голову, а в другой

⁸⁶ По мнению Якоба Гримма (высказанному в «Германской мифологии»), первая часть этого имени

руке — копьё. Вокруг него большая свора собак. Во время жатвы крестьяне оставляют сноп овса для его коня, чтобы тот по ночам не вытапывал посевы. По его имени назван Гренсунд, а Фансфьорд назван по имени Фаны, его возлюбленной. Близ Френдерупа можно видеть большой камень, который, по слухам, служит Грен-йетте постелью; а в приходе Ааструп на Фальстере есть несколько курганов, в которых похоронены люди, сраженные копьем Грен-йетте. Сам Грен-йетте и Фана похоронены на Харболлемарк, в приходе Стеге, где показывают гигантскую могилу в сто семьдесят локтей длиной.

Однажды ночью Грен-йетте охотился в Борресков и остановил коня перед домом Хенрика Финбой. Он постучал в дверь и приказал хозяину придержать его собак, а сам уехал. Хенрик Финбой долгих два часа стоял у двери, держа собак. Наконец Грен-йетте вернулся, везя перед собой на лошади подстреленную им морскую деву. Он сказал крестьянину: «Семь лет я охотился за ней и наконец настиг у Фальстера». Потом попросил напиток и расплатился с Хенриком золотой монетой, которая прожгла насквозь ладонь крестьянина и ушла в землю. Тут охотник со смехом сказал: «Теперь можешь хвастаться, что Грен-йетте протянул тебе руку. Однако, чтобы не говорили, будто я угощался на дармовщину, возьми себе ремень, на котором держал собак». И он уехал, оставив Хенрику поводок, который тот хранил под замком и с той поры начал богатеть, но в конце концов, когда совсем того не ждал, разорился и умер в нищете.

Прежде на Моене был обычай оставлять в поле последний сжатый сноп стоймя, однако в позднейшее время его оставляли лежать, говоря: «Это для Йона Упсальского: пусть накормит своего коня под Рождество». Крестьяне верили, что, если этим пренебречь, скотина перемерет. В Норвегии больше распространен обычай оставлять сноп на шесте перед домом для птиц.

Палн-Йегер, или Палн-Охотник

Как в Зеландии по ночам охотится король Вальдемар, так в Фиене — Палн-Охотник⁸⁷. Говорят, больше ста лет назад с ним повстречался один человек, живший под Оденсе. Как-то ночью шел этот человек вязать снопы ячменя со своими работниками, как вдруг к ним подошла высокая и прекрасная женщина и спросила: «Не видали ли вы Пална-Охотника?» Получив ответ, что никто его не видел, она поспешно ушла в лес. Однако не прошло и часа, как перед теми же крестьянами появился сам Палн-Йегер, в шлеме с колышущимся султаном, с луком на левом плече и с колчаном на правом, а на ногах у него были сандалии. Он спросил: «Не видали ли вы Лангпатту?» — и, выслушав их рассказ, поспешил вслед за ней в лес. Однако в ту ночь ему не удалось ее поймать, и на следующую ночь со жнецами повторилась та же история.

В новогоднюю ночь Палн-Йегер всегда уносит из какой-нибудь фиенской кузницы три подковы, так что кузнецы не забывают положить их для него на наковальню, а он всегда оставляет взамен три подковы из золота. Если же, придя в кузницу, он не найдет там подков, то может унести наковальню, как случилось однажды с кузнецом из Коруупа, у которого Палн-Йегер перенес тяжелую наковальню на башню Седенской церкви, и кузнецу пришлось немало попотеть, спуская ее обратно.

Хорнс Йегер

В окрестностях Ааруса охотится по ночам Хорнс Йегер, уничтожающий эльфийских женщин. Однажды ранним утром один человек из Лингена вышел в поле за своими лошадьми и вдруг услышал в воздухе громкий шум и увидел скачущего к нему всадника. Это был Хорнс-Охотник, и на шелковом поводке он вел трех гончих. «Подержи моих собак!»

происходит от древне-норвежского *Gron* (борода), так что все имя равносильно древне-норвежскому «границейтун» (бородатый великан) и не имеет отношения к цвету его одежды. Примечание Б. Торпа. — *Ред.*

⁸⁷ Палнатоки, основатель Йомсборга. Примечание Б. Торпа. — *Ред.*

— крикнул он перепуганному крестьянину, а сам ускакал, но вскоре вернулся с переброшенными через седло эльфийскими девами, которые были связаны вместе своими длинными волосами. «Теперь отдавай собак, — крикнул он крестьянину. — И протяни руку, получишь на выпивку». Крестьянин послушался, но охотник коснулся его ладони концами пальцев и, оставив крестьянина с обожженной рукой, ускакал, увозя с собой двух рыдающих дев.

Йонс Йегер

В окрестностях Аальборга часто ездит по воздуху Йонс Йегер, а за ним по земле бежит свора гончих. Тот, кому он повстречается, должен лечь ниц, чтобы не заболеть после этой встречи. Иногда слышно, как вопит этот охотник, подзывая своих собак. Если случится ему проезжать над домом, в котором две двери стоят открытыми друг против друга, то собаки его пробегают насквозь, и тогда, если в доме в это время квасят тесто или пиво, все будет испорчено.

Охота короля Абеля

В Шлезвиге в Дании предводитель Дикой Охоты — король Абель, братоубийца, который во время похода против фрисландцев (1252 г.) застрял в трясине, переправляясь через Эйдер, и был поражен насмерть, не в силах защищаться под своей тяжелой броней. Тело его было похоронено в соборе, но дух не обрел покоя. Каноники выкопали его труп и зарыли в трясине под Готторпом, «однако там, где он похоронен, и в окрестностях того места, уже на нашей памяти, слышали ужасный шум и крики, которые до смерти пугали ночных путников. Многие достойные доверия лица подтверждали, что слышали звук, напоминающий охотничий рог, словно кто-то охотится, и ночная стража в Готторпе часто слышит эти звуки. И в самом деле, много ходит слухов, что Абель уже в наше время являлся людям, черный лицом, верхом на маленьком коне и в сопровождении трех псов, которые, казалось, горели огнем».

Карл Энгель. Скачка валькирий (ок. 1860 г.).

Король Абель был похоронен в церкви святого Петра в Шлезвиге, но за совершенное им жестокое братоубийство он не знал покоя в могиле. Ночами он бродил по церкви, тревожа молящихся монахов, так что наконец пришлось извлечь его тело и утопить в трясине. Чтобы он не поднимался из могилы, его проткнули острым колом. Это место и теперь носит название «Могила короля». Тем не менее он каждую ночь выезжает на черном коне со сворой псов. Тогда люди слышат, как хлопают ворота, и доносятся ужасные крики и лай, так что тех, кто слышит это, поражает ужас.

Какие-то веревочники из Сондерборга решились однажды остановить его, протянув веревки поперек улицы, однако при его появлении веревки порвались.

В Швеции, услышав ночью шум повозок и ржание коней, люди говорят: «Один проезжает».

Охота короля Вальдемара

Над Зеландией разъезжает король Вальдемар⁸⁸, рассказ о котором напоминает легенду, относящуюся к временам Карла Великого. Король Вальдемар любил даму из Рюгена по

⁸⁸ Вальдемар Четвертый Датский, прозванный Аттердагом, правил с 1334 по 1375 год и был последним потомком мужского пола короля Швеции Свенда Эстритсена, племянника Кнута Великого от его сестры Эстри, вышедшей за муж за Ульфа Яна. Примечание Б. Торпа. — *Ред.*

имени Товелилле⁸⁹ и так опечалился ее смертью, что не мог расстаться с ее телом и возил его всюду за собой. Приближенные сочли это неприличным, и один из придворных выбрал удобный момент, чтобы выяснить, что же так привязывает короля к мертвому телу. Он нашел на пальце покойницы волшебное кольцо, которое надела ей мать, чтобы и после смерти она сохраняла любовь Вальдемара. Придворный снял кольцо, и любовь короля тут же обратилась с мертвого тела на него самого, так как он оставил кольцо у себя. Теперь все дела поручались ему или шли через него. Наконец это ему наскучило, и, зная, что любовью короля он обязан волшебному кольцу, придворный, проезжая однажды через лес Гурре, забросил кольцо в болото. С того часа король предпочитал лес Гурре всем прочим местам. Он приказал выстроить там замок Гурре и день и ночь охотился в лесу; в то же время у него появилась привычка повторять слова, которые впоследствии оказались его проклятием: что Господь может оставить себе царствие небесное, лишь бы он мог охотиться в Гурре.

Теперь он каждую ночь скачет из Бурре в Гурре и известен в своей стране как Летучий Охотник. Кое-где его называют «летучий Маркольф». При его приближении в воздухе слышится шум, крики и щелканье кнутов; и люди уступают ему дорогу, прячась за деревьями. Первыми появляются его черные, как уголь, гончие, которые бегают по лесу, уткнув носы в землю и вывесив красные, как огонь, языки. Следом едет «Волмар» на своем белом коне, иногда он держит собственную голову под мышкой левой руки. Если ему кто-либо попадется на пути, особенно старик или старуха, он приказывает им подержать пару собак, оставляя человека или держать их час за часом, или потерять после выстрела, слышав который собаки обрывают любые ремни и цепи. Когда он выезжает на охоту, слышно, как захлопываются за ним ворота, если же на пути его стоит ферма, он проезжает в одни ворота и выезжает в другие, причем любые замки и засовы отпираются при его приближении. Иногда он проезжает над крышей дома, и, говорят, в окрестностях Херлуфсхольма есть дом с провисающей посередине крыши. Это оттого, что над ней часто проезжает Вальдемар.

Неизвестный художник. Скачка валькирий.

На севере Зеландии, в другом Гурре, еще видны руины, которые называют замком Вальдемара. По обычаю, старые женщины в Иванов день выходят ночью на дорогу открывать ему ворота. В двух милях от замка стоит гора Вальдемара, окруженная водами. Здесь, как говорит предание, каждую полночь появляются шестеро священников в черном и ходят по островку, бормоча что-то.

Между Золлеродом и Наерумом он охотится по ночам с черными конями и псами на дороге, называемой «Волмаров путь».

Разъезжая по всей стране, он много где останавливается на отдых. В особенности, говорят, он любит замок Валло, в котором у него есть своя опочивальня, а в ней всегда стоят две застеленные постели. Там он проводит ночь в облике черного пса. В той же комнате стоят два больших сундука. Говорят, когда один из них однажды открыли, он оказался полон маленьких кожаных кружков, «потому что во времена короля Вальдемара других денег не знали».

Рассказывают, что замок Валле соединен подземным ходом с Толоссегаард в области Хольберк. Там тоже, говорят, есть такая спальня, а прежде держали и служанку, которая должна была прислуживать призраку.

Иногда он останавливается в Фордингборге, в «Башне Вальдемара», среди руин

⁸⁹ «Товелилле» означает «маленькая голубка». Сходным образом возлюбленную Христиана Второго звали Дивеке, что означает то же самое на нижнегерманском. Родом она была из Голландии. Примечание Б. Торпа. — *Ред.*

«Вальдемарова Замка», где часто видят, как юные девы и придворные из его времени приходят стелить ему постель. Крестьянин, не желавший верить, что король Вальдемар ночами бывает в башне, пробрался туда однажды ночью; однако в полночь перед ним появился король Вальдемар, дружески приветствовал крестьянина и сказал: «Спасибо тебе, что заботишься о моей башне». Тут он протянул крестьянину золотую монету, которая прожгла дыру в ладони и углем упала на пол. По этому ужасному золотому можно судить, как велики, должно быть, его страдания. Но иногда случается, что он бросает старику или старухе, которые часами честно держали его собак, тлеющий уголек, который потом оказывается золотой монетой.

Наказание за передвижку межевых знаков

До окончательного раздела земли каждому крестьянину перед севом выделялась соответствующая справедливая доля, и между его и соседскими участками ставили межевые столбы. Тот, кто передвигал такие столбы, даже если ему удавалось избежать людской кары, не находил покоя в могиле и должен был каждую ночь пахать землю в том месте, где лежал скрытый им грех. О таких пахарях рассказывают, что если кто-то приближался к ним, они заставляли этого человека погонять лошадей, и тому, кто попал к ним на службу, не было другого способа спастись, как только заметить место, где началась вспашка, и после первого же поворота бросить поводья. После этого человек мог спокойно продолжать свой путь.

Близ Скиве расположено поместье Краббесхольм, хозяйка которого некогда задумала присвоить соседнее с ее домом поле и велела своему управляющему насыпать земли из сада в деревянные башмаки, чтобы он мог, выйдя на спорное поле, присягнуть, что стоит на земле Краббесхольма. Поле присудили той даме, но впоследствии управитель не мог умереть, пока она не отдала поле назад; и все же он с тех пор каждую ночь обходит поле с землей в своих деревянных башмаках.

Трое жителей Спандета, что в Северном Шлезвиге, ложной клятвой оттягали прекрасный луг Элькьяэр у деревни Фьерстед, взамен которого крестьяне той деревни получили Сепкьяэр, который был гораздо хуже. Эти люди тоже насыпали себе в башмаки землю. После их смерти еще долго видели, как они скитаются по лугам, заламывая руки и крича:

Med Ret og Skjel,
Det ved vi vel,
Elkjaer ligger til Fjersted By,
Sepkjaer ligger til Spandet.
По закону и по праву,
Как мы прекрасно знаем,
Элькьяэр принадлежит Фьерстеду,
Сепкьяэр принадлежит Спандету.

Близ Эбельтофта жил один крестьянин, у которого скота и земли было в излишке. Он платил налоги церкви и государству, вовремя вносил десятину, подавал бедным и каждое воскресенье бывал в церкви; и все же не было в округе человека, который бы ему доверял. Он умер и был похоронен, но когда пришло время жатвы, люди услышали, как он жалобно кричит в поле: «Межа здесь! Межа здесь!» Тут-то все узнали, каким путем он нажил богатство.

Воскресное дитя

Жила в Фиене женщина, которая родилась в воскресенье и, как все воскресные дети, обладала способностью видеть то, что скрыто от других. Но из-за этой способности она не могла пройти ночью мимо церкви, не увидев похоронных дрог или привидений, и дар этот был ей в тягость. Пошла она за советом к человеку, умудренному в таких делах, и тот посоветовал ей, когда она увидит духа, сказать: «Ступай на небо», а когда увидит катафалк:

«Жди меня». Случилось ей вскоре встретить похоронные дроги, но она, запомняв наставление, крикнула: «Ступай на небо!» В тот же миг дроги поднялись в воздух и пропали. Потом она встретила привидение и сказала ему: «Жди меня!» Призрак тут же вскочил ей на плечи и увлек за собой под землю. Три дня слышались из-под земли ее крики, пока призрак не положил конец ее несчастной жизни.

Привидения в церкви Святого Кнуда в Оденсе

Одному жителю Оденсе вздумалось узнать, что творится в церкви ночью, и с вечера он пробрался в церковь Святого Кнуда и остался там. В полночь он увидел выходящего из одной могилы призрака с длинной восковой свечой в руках. От этой свечи призрак зажег все свечи в церкви. Затем из всех могил стали выходить духи, среди которых человек, притаившийся между скамьями, узнал многих своих друзей. Наконец появился призрак в облачении священника, встал за кафедру и вел службу на неведомом языке, пока не занялся день.

Ханс Нэб

В деревне Кварндруп на Фиене появлялся ужасный призрак, наводивший страх на весь приход; все, видевшие его, вскоре умирали. Этот призрак появлялся в обличье человека по имени Ханс Нэб и, встретив кого-либо, всегда кричал: «Взгляни на Ханса Нэба!» Так поумирали все мужчины в деревне, а за ними и женщины, и настал черед детей. Перед лицом такой опасности один парнишка взялся встретиться с призраком и изгнать его. Для этого он вышел в полночь на тропинку к церкви, на которой имел обыкновение появляться призрак, захватив с собой разные стальные предметы. Когда появился призрак, мальчик бесстрашно бросил сталь ему под ноги, так что тот вынужден был вернуться и никогда больше не появлялся в том приходе. Но поскольку парень был уверен, что видел настоящего Ханса Нэба, решили открыть гроб и посмотреть, все ли там как следует. Тогда увидели, что покойник лежит в гробу лицом вниз, и стало ясно, что криком: «Взгляни на Ханса Нэба!» он хотел всего лишь добиться, чтобы его перевернули на спину. Ведь известно, что в ином положении тело не может спокойно лежать в могиле.

Мудрая женщина

Близ Лилле Варлозе в Зеландии жил некогда один фермер, который водился с ворами и разбойниками, никогда не ходил в церковь и имел дурную славу безбожника. Когда он умер, его похоронили и пошли в дом покойника выпить «могильного пива». Тут и увидели, что покойник сидит на крыше и смотрит на всех, кто осмеливается взглянуть на него. Конечно, едва ли кто остался на поминки. Наконец явился священник, который молитвой изгнал мертвеца в Калсмозе у озера Фарум, а чтобы он не поднимался до конца света, в землю в головах могилы вбили острый кол. Была там мудрая женщина, которая понимала в таких делах побольше самого священника. Когда все было сделано, она достала штопальную иглу без ушка и воткнула в кол. Тогда призрак крикнул из-под земли: «Что ты наделала, старая ведьма! Если бы не ты, я был бы уже дома!» Но теперь ему пришлось остаться в земле, и только по ночам он летает вороном, пока его не прогонит петушиный крик.

Мастер Мадс и господин Андерс

Мастер Мадс, священник из Лумбю, был человеком проницательным и хитрым. Однажды он сказал, что мертвецы, должно быть, испытывают жажду, и велел приносить на похороны в церковь бочонок пива. Когда же спустя некоторое время в бочонок заглядывали, пиво оказывалось выпито. О священнике ходили разные разговоры, но одно верно: после смерти мастер Мадс стал появляться снова. Господин Андерс, его преемник, был не менее умен и взялся изгнать его дух, где бы тот ни был. И вот однажды ночью он отправился в поле, которое теперь называется Пилеликке, захватив с собой три толстые книги. Здесь он, понятно, встретился с мастером Мадсом, вступил с ним в спор, но не смог ответить на все

вопросы, которые задавал ему ученый дух. Тогда он стал читать по одной из книг, но мастер Мадс выбил книгу у него из рук. Господин Андерс поспешно достал вторую книгу и снова стал читать, но дух и ее выбил из рук, сказав: «Ты мальчишкой украл пшеничный хлеб в Эльсиноре». Однако господин Андерс тут же бросил духу два скиллинга, сказав, что теперь за это уплачено. Тут он вынул третью книгу и стал читать по ней так сурово, что мастеру Мадсу пришлось уползти под землю, и в то место, чтобы он больше не появлялся, вбили крепкий дубовый кол. Старики говорят, что еще видели тот кол, и прибавляют, что он раскачивался из стороны в сторону и голос из-под земли кричал: «Выньте его! Выньте его!»

О драконах

Примерно в четверти мили от Соро стоит церковь Альстед, в которой еще можно увидеть картину, изображающую бой быка с драконом. Люди говорят, что на этой картине увековечено событие, случившееся на церковном дворе. Согласно преданию, дракон устроил свое логово под церковными воротами и причинял большой вред людям, которые не могли войти в церковь. Тогда один мудрый человек посоветовал вскормить теленка сладким молоком и, когда тот вырастет, заставить сразиться со змеем. Уже через год молодой бычок стал так силен, что, по общему мнению, мог победить в сражении, однако при виде дракона он перепугался, и решено было кормить его еще год. Теперь он стал не так робок, но все же отказывался вступать в бой до конца третьего года. За это время он стал таким могучим и храбрым, что сразу вступил в бой и убил дракона. Но и бык пострадал от яда, поэтому сочли за лучшее его тоже прикончить и похоронить вместе с драконом.

Похожее предание рассказывают о драконе в Лингбю, деревне под Копенгагеном.

В двух милях от Аальберга есть две горы, называемые Остерберг Баккер, и там много лет назад было логово дракона, который причинял изрядно бед всей округе. Наконец появился человек, который был искусен в делах со змеями. Он взялся уничтожить дракона. Он приказал сложить большой костер и, когда загорелся огонь, сел на отважного коня и поскакал к чудовищу, которое бросилось за ним в погоню. Таким образом он в конце концов подвел дракона к костру. Конь перескочил через огонь, а дракон пополз за ним через самый жар. Тогда человек второй раз перескочил через костер, и так семь раз. Дракон же, седьмой раз переползая сквозь огонь, совсем сгорел.

Озерная лошадь

Однажды крестьянские дети из Хиршхольма играли около Агерсо, и вдруг из воды выскочила большая белая кобыла и поскакала по полю. Мальчики подбежали посмотреть на нее, а один умудрился вскочить ей на спину. В тот же миг кобыла понеслась в озеро и уже готова была броситься в воду, когда мальчик, на счастье, воскликнул:

Крест Господа Иисуса!
Никогда я не видал такой кобылы!

И лошадь мгновенно пропала.

К северу от Тистеда есть деревня Брунд. Однажды три пьяных крестьянина из этой деревни шли через поле, называемое Кроненсмарк, и один из них выразил желание посмотреть на лошадь, которая могла бы отвезти их всех к дому.

В тот же миг перед ними появилась невероятно огромная черная лошадь, на спине у которой все они уместились бы без труда. Но когда двое уже забрались на нее, третий в удивлении воскликнул:

Крестом господи Иисуса клянусь,
Никогда я не видал такой лошади!

В тот же миг лошадь исчезла, и все трое растянулись на земле.

Во Франции озерная лошадь известна под именем лю- тена, а на Шетландских островах ее называют шупилти. И там, и там она, как рассказывают, появляется в образе маленькой лошадки, которая, как только на нее кто-нибудь сядет, бросается с седоком в воду.

Лошадь Хель

В старину, прежде чем начать хоронить на новом кладбище покойников, там закапывали живую лошадь. Эта лошадь появляется в виде призрака и известна под названием «Лошадь Хель». Ходит она на трех ногах и предвещает смерть тому, кто ее увидит. Отсюда происходит поговорка о том, кому удалось выздороветь после опасной болезни: «Он дал смерти овса» (чтобы задобрить или подкупить ее).

В соборе в Аарусе иногда появляется лошадь Хель. Один человек, окна которого выходили на кладбище при соборе, увидел ее однажды из своего окна. «Что это там за конь?» — «Это, должно быть, лошадь Хель», — ответил сидевший рядом с ним. «Ну, так я на нее посмотрю!», — сказал тот человек. Глядя в окно, он стал бледен, как труп, но никому не рассказывал, что увидел. Вскоре после того он заболел и умер.

Хель олицетворяет Смерть и во время моровых поветрий разъезжает на трехногой лошади и душит людей, отчего во время мора говорят: «Хель разгулялась», а когда по ночам лают и воют собаки: «Собаки чуют Хель». Когда начинаются болезни, говорят: «Хель пришла», а когда зараза отступает: «Хель изгнали». Хель можно выгнать из одного места в другое. Известны случаи и упоминаются лица, изгнавшие Хель из того или иного города или села. Если кто-либо слег со смертельной болезнью, говорят: «У него *хельсот* (смертельная болезнь)», если же человек поправляется, говорят: «Он сговорился с Хель». Когда человек слишком долго исполняет какое-либо поручение, люди до сей поры говорят: «Тебя за Хель посылать».

Церковный ягненок

Часто человек, заходя в одиночестве в церковь, когда там не идет служба, видит ягненка, потому что церковь, чтобы та не рухнула, возводили над ягненком. Прежде, начиная строительство церкви, под алтарем закапывали живого ягненка, чтобы здание стояло нерушимо. Призрак такого ягненка называют «церковным ягненком». Если маленькому ребенку предстоит умереть, на пороге его дома видят пляшущего церковного ягненка.

Во всей Фиене только в одной церкви появляется церковный ягненок, а во всех других — церковные свиньи. Обычай хоронить живое существо под зданием или церковью, чтобы они стояли твердо, распространяется не только на ягнят, и часто для этого использовали свиней или домашнюю птицу⁹⁰.

Могильная свинья

На улицах Эроскиобинга часто видят могильную свинью, или, как ее еще называют, Серую свинью. Говорят, это призрак похороненной когда-то заживо свиньи и ее появление предвещает смерть или несчастье.

Ночной ворон

Изгнанный дух, по преданию, становится ночным вороном. В то место, откуда изгнали

⁹⁰ При строительстве моста в Халле, завершившемся в 1843 году, народ предлагал захоронить под основанием живого ребенка! Примечание Б. Торпа. — *Ред.*

духа, вгоняют в землю заостренный кол, который пробивает левое крыло ворона, отчего в нем остается дыра. Выйти на поверхность он может лишь через самые ужасные болота или трясины. Сперва из-под земли доносится крик «Рок! Рок!», потом «Рок Оп! Рок Оп!», когда же ворон вылетает, он кричит «Хей! Хей! Хе-ей!». Пролетая в небе, он видом напоминает крест, а сперва скачет по земле, как сорока, и кричит «Бав! Бав! Бав!». Потом он летит на восток, стараясь добраться до Гроба Господня, потому что, стоит ему добраться туда, как он обретет покой. Когда ворон пролетает в небе, не следует смотреть вверх, потому что тот, кто увидит дыру в его левом крыле, сам станет ночным вороном, а прежний получит свободу.

Блуждающий огонек

Блуждающий огонек — призрак несправедного человека⁹¹, который пытается сбить путника с дороги обманчивым огоньком и завести его в болото. Лучшая защита от них — увидев такой огонек, вывернуть свою шапку наизнанку. Тому, кто увидит блуждающий огонек, должно помнить, что на него нельзя указывать, потому что, если указать, огонек приходит, словно на зов. Говорят также, что если его позвать, он приходит и светит позвавшему, но тому следует остерегаться его шуток.

В окрестностях Скоуби на острове Фальстер водится множество блуждающих огоньков. Крестьяне говорят, что это души землемеров, которые при жизни неправильно проводили межи и теперь бродят по ночам, размечая Скоуби Бакке раскаленными докрасна мерными вешками и крича: «Вот правильная межа! От сих до сих!»

Василиск

Когда семилетний петух отложит яйцо, из него проклеывается василиск, уродливое чудовище, убивающее людей взглядом. Говорят, единственный способ уничтожить чудовище — это поставить перед ним зеркало. Он так ужасен, что не может перенести собственного вида.

Иерусалимский сапожник, или Вечный Жид в Ютланде

Много лет уже прошло с тех пор, как в Ютланде последний раз видели одетого в лохмотья человека мерзкого вида верхом на маленькой белой лошадке с деревянными стремянами. Если его спрашивали, откуда он явился и куда направляется, он отвечал: «Из Вендсисселя через Химмельсиссель на юг». Он пророчествовал о майском камне. Через расщелину в этом камне должен был прорасти терновник, и в этом терновнике сорока должна свить гнездо, вывести птенцов и улететь с ними. И все случилось, как он предсказывал. Еще он пророчил, что когда сорока улетит, в Вендсисселе случится большая битва и почти все жители погибнут, и тогда женщины станут духом подобны мужам и поразят врагов. Когда же его спрашивали, что будет дальше, он отвечал: «Что будет, то будет».

В Аальборге он предсказал кое-что городскому судье, и тот остался сильно недоволен предсказанием, так что приказал высечь пророка. Тогда тот предсказал еще, что как кровь теперь течет по его спине, так потечет кровь судьи по улицам Аальборга, и случилось, как он сказал: в городе начался бунт, и горожане убили судью на улице.

О реке Хасериисаа, которая в те времена не протекала через Аальборг, он предсказал, что придет время, когда она будет течь по городу; и это предсказание тоже исполнилось. Однажды он пришел в Болstrup и, по своему обыкновению, поселился в печи для обжига, а на следующий день отправился на тинг, где судья провинции спросил его: «Что со мной

⁹¹ В бельгийских преданиях блуждающие огоньки — души некрещеных детей. — *Примеч. ред.*

будет?» — и получил ответ: «Ты умрешь в печи». Так и вышло, потому что, впад в нищету, бывший судья не мог найти для себя другого пристанища. Однажды мальчишки стали дразнить провидца, и один из мальчиков швырнул в него клепкой от бочонка. Тогда он предсказал мальчику, что клепка станет его гибелью. Так и случилось: спустя немного времени тот мальчик упал с дерева и напоролся на клепку. Милостыню провидец принимал только на самое необходимое и так странствовал от селения к селению.

История Иерусалимского сапожника общеизвестна. Когда Иисус проходил мимо его дома, согнувшись под тяжестью Креста, то хотел отдохнуть минуту на пороге его дома, но злодей вышел из дому и безжалостно прогнал Спасителя прочь, чтобы угодить его гонителям. Тем самым сапожник, которого звали Агасфер, навлек на себя проклятие: вечно странствовать, не зная покоя до Судного Дня.

Предания об озерах

Озеро Тиис

Под Кундбю в провинции Хольбек на горе, где стоит церковь, жил тролль. Однако поскольку жители там были благочестивы и постоянно посещали церковь, тролля жестоко мучил непрерывный звон колокола на церковной колокольне. Наконец он решился перебраться в другое место: ведь ничто так не способствовало переселению троллей, как благочестие народа и постоянный звон колоколов. Перебрался он на Фиен, где и жил некоторое время.

Случилось как-то, что человек, недавно поселившийся в Кундбю, приехал в Фиен и встретил на дороге того тролля. «Где ты живешь?» — спросил тролль. С виду тролля не отличишь от обычного человека, поэтому приезжий правдиво ответил ему: «Я из Кундбю». — «Из Кундбю? — повторил тролль. — Я тебя не знаю, а ведь думал, что всех в Кундбю знаю. Не отнесешь ли от меня в Кундбю письмо?» Человек с готовностью согласился, и тролль вложил письмо ему в карман, велел не доставать, пока он не доберется до церкви в Кундбю, а там просто перебросить письмо через церковную ограду, и тот, кому оно адресовано, сам его получит.

Тут они расстались, и человек не вспоминал больше про письмо, пока не вернулся в Зеландию. Там он присел отдохнуть на лугу, где теперь лежит озеро Тиис, и тут ему пришло на ум это письмо. Достав письмо из кармана, он сидел, держа его в руках, и вдруг сквозь печать хлынула вода, письмо взорвалось, и тот человек едва унес ноги: тролль запечатал в свое письмо целое озеро, чтобы так отомстить за себя церкви в Кундбю. Но Господь того не допустил, и озеро стекло в низину, да там и осталось.

Утонувший замок

Поблизости от Линденборга, под Аархусом, есть озеро, измерить глубину которого еще никому не удавалось. Об этом озере местные жители рассказывают следующую историю.

Много лет назад стоял на месте этого озера гордый, красивый замок. От него теперь только и осталось, что дорога, которая вела к воротам, а сами ворота и все остальное скрыто водами озера. Однажды в канун святого дня, когда хозяев не было дома, слуги устроили большой кутеж и дошли до того, что, напившись, завернули свинью в простыни, напялили ей на голову шапку, да и уложили в хозяйскую постель, а потом послали за священником, чтобы он поторопился причастить их хозяина, который-де на краю смерти. Священник немедленно пришел и, не заметив обмана, помолился над свиньей и сделал все, что полагается по обряду. Когда же он собирался уже причастить свинью, все собравшиеся слуги расхохотались, а свинья выхватила облатку у него из рук. Священник в ужасе бежал оттуда, забыв свою Библию. Он как раз выходил из ворот, когда часы в замке пробили двенадцать раз и со всех углов здания раздался грохот и гул. Обернувшись, священник увидел, что замок

уходит под землю, а из бездны выступает и заливаает его озеро. Он стоял и смотрел, от ужаса и потрясения не в силах двинуться с места, и тут к его ногам подплыла по волнам скамеечка, а на ней лежала забытая им Библия.

Предания об источниках

Источник Элен

В Тисвильдмарке в Зеландии, у самого побережья, есть ключ, прославленный среди прочих своей целебной водой. В день святого Иоанна к нему собираются больные и увечные со всего острова, и многие исцеляются и по сей день здоровы. Ключ этот называется источником Элен, и о нем рассказывают различные легенды.

Жила в Швеции святая женщина по имени Элен. Жила она в лесу, вдали от людского шума, и вела жизнь чистую и богоугодную. Злые люди напали на одинокую женщину, убили ее и бросили труп в море. Там большой камень принял ее безжизненное тело и с ним поплыл в Зеландию. Нашли его под высоким берегом в приходе Тибирке. Но так как втащить его на крутой берег не удавалось, со святыми останками случилось чудо: обрыв раскололся надвое, и через расщелину тело вынесли на равнину. Эта расщелину можно увидеть и теперь. На месте, где Элен сперва похоронили, забил ключ, тот самый чудесный источник, что и сейчас носит ее имя. Потом тело положили в гроб, чтобы перенести в Тисвильдскую церковь. По дороге носильщики стали сквернословить, и носилки сделались так тяжелы, что они не могли сдвинуть их с места. Гроб ушел в землю, и то место до сих пор зовется Могилой Элен. Камень, на котором она приплыла в Зеландию, еще лежит на берегу, и на нем ясно виден отпечаток ее тела.

Другая легенда гласит, что Элен была сканианской принцессой и славилась своей красотой. Король полюбил ее, но, не сумев добиться ответной любви, решился на насилие. В отчаянии бежала от него Элен, а король преследовал ее по пятам. На берегу моря он уже готов был схватить девушку, но она бросилась в пучину. Она не погибла. Огромный камень всплыл со дна моря, и на нем принцесса доплыла до Зеландии. В том месте, где она впервые ступила на берег, забил ключ, который теперь носит ее имя, а сама она долго жила в тех местах, и ее почитали как святую.

Третья легенда повествует, что три благочестивые сестры вместе отправились в морское путешествие, но все они погибли, и волны разлучили их тела. Одну из них звали Элен. Ее тело попало в Тисвильд, и ключ бьет из ее могилы. Имя второй было Карен. Ее тело выбросило на берег в Одде, и там еще показывают ключ святой Карен. Третью тоже выбросило на берег, и из ее могилы тоже забил ключ.

На утесе в провинции Одд есть ключ, названный Источник Торы, вполне возможно, по третьей сестре.

Источник Святого Кнуда

Близ Хаарстеда в Зеландии есть место, где герцог Кнуд Лавард был предательски убит сыном короля Магнуса (1229 г.). Там бьет ключ, к которому ходят люди, страдающие различными телесными немочами. Он носит имя святого Кнуда, и трава вокруг него зеленеет летом и зимой.

Сногскильде (Змеиный источник)

Тот, кому посчастливится поймать змею с короной на голове, или, как ее еще называют, королевскую змею, и съесть кусочек ее мяса, станет *«фремсинет»* (то есть способным видеть сокровенное), научится понимать язык животных и сможет прочесть любую книгу.

От подобного события ведет свое происхождение и название Сногскильде в Фиене. Один человек, проходя через холмы в приходе Гульдбирг, увидел королевскую змею, которая высунула голову из норы. Он быстро схватил ее и побежал прочь, а за ним по пятам

гналось множество змей, желавших спасти своего короля. Однако тот человек, сбросив с ног деревянные башмаки, успел добежать до своей хижины, съел кусок змеиного мяса и тем приобрел способность проникать взором в тайны мира. Из норы, в которую выползала змея, забил источник, который много лет оберегали и ходили к нему на поклон, потому что его вода исцеляла все болезни. Теперь он пришел в небрежение.

На острове Морс, говорят, водятся белые гадюки, хотя встречаются они чрезвычайно редко. Тот, кто съест такую змею, обретает необычайный дар понимания и способность видеть невидимое другими.

Дюны Нестведа

В Фладсо жил тролль, и был он в ссоре со всеми жителями Нестведа. Вот однажды взял он кожаный мешок, пошел на берег моря и набил его песком. Он собирался крупно навредить людям Нестведа, засыпав их дома песком, но, пока он шел к городу, песок высыпался из прорехи в мешке, и так образовалась гряда дюн, что тянется от Фладсо к Нестведу. Только у замка Хусвольд тролль обнаружил, что почти весь песок высыпался. С досады он выбросил остаток в сторону Нестведа, и там до сих пор виден одинокий песчаный холм.

О деревьях

В Ругаардском лесу есть дерево без листвы, о котором рассказывают, хотя на вид оно обычное дерево, но на самом деле — эльф, который по ночам ходит по лесу. Опасно причинять вред этому дереву, так как оно непременно отомстит за обиду.

Одинокий терновник

В полях часто можно увидеть одинокий куст терновника, который совсем не растет в высоту. Эти терновники заколдованы, и следует остерегаться подходить к ним в ночное время, потому что из куста выкатывается огненное колесо, которое, если не убежать со всех ног, сожжет неосторожного.

Об эпидемиях в Ютланде

На восточном краю кладбища в Фууре никого не хоронят, потому что когда в стране свирепствовала Черная смерть, там, чтобы отогнать заразу, заживо похоронили ребенка.

Известны и другие примеры этого способа борьбы с эпидемией.

О крысолове

На Альхеде народ очень страдал от множества крыс, мышей и других вредителей. Появился там странствующий крысолов, который взялся изгнать всех грызунов. Но прежде он спросил, не видали ли в округе дракона, и, получив отрицательный ответ, велел развести большой огонь посреди очага, а сам сел в кресло рядом. Пока горел огонь, он достал книгу и стал читать по ней, а тем временем крысы, мыши, змеи и прочие ящерицы бросались в огонь. Но последним появился дракон, при виде которого крысолов вскричал, что его обманули и теперь он погиб. Между тем ящер обвил хвостом человека вместе с креслом и бросился в огонь, где они оба сгорели.

Исторические предания

Хабор и Сигнелил

Близ Рингстеда лежит Сигерстед, названный так по королю Сигару, который жил в этом городе. Его дочь, Сигнелил, полюбила благородного воителя по имени Хабор, и около Альстеда до сих пор показывают место, где они встречались. Оно еще носит название Дорожка Синелил.

Однажды на охоте Сигнелил гнала зайца, но лошадь ее упала, переходя ручей Врангструп, и девушке грозила большая опасность. В это время появился Хабор, прыгнул в ручей и освободил ее.

Их любовь стала наконец столь пылкой, что Хабор, переодевшись служанкой, пробирался к Сигнелил на свидания. Однако Гунвар, нянька Сигнелил, выдала их королю Сигару, дело открылось, и Хабора схватили люди короля. Любовники решились умереть вместе. Хабора должны были повесить на Стангхой, но он, желая убедиться в верности Сигнелил, просил сперва вздернуть на виселицу его плащ, чтобы представить якобы, как он будет висеть. Сигнелил между тем сбросила все свои драгоценности в глубокую яму, которая зовется с тех пор «колодец Сигнелил». Оттого и пошла поговорка, что в Сигерстеде золота и серебра больше, чем кажется. Сама же девушка заперлась в своей горнице и не спускала глаз с приготовленной для Хабора виселицы. Увидев на ней плащ, она, решив, что Хабор уже мертв, подожгла свою горницу и сгорела в ней. Хабор же, убедившись в ее любви, предался своей судьбе и был похоронен на Хагехой. Проклятая нянька недолго радовалась своему предательству. Ее сбросили в колодец, который теперь называется Нянькин колодец.

Это одно из самых древних и известных скандинавских преданий. Оно замечательно и подробно изложено у Саксона Грамматика. В книге «Alddanische Heldenlieder» Вильгельма Гримма названы несколько мест в Дании, Швеции и Норвегии, претендующие считаться местом действия этой легенды.

Феггеклит

Жил когда-то в старые дни на Морсе король, которого звали Фегге или Фенго. Замок его стоял на холме, называвшемся по имени короля, Феггеклит, и оттуда он мог посылать свои корабли в море. Они с братом, Хорвендилем, правили поочередно землей и морем, так что на три года один уходил в дальний поход, а другой оставался распоряжаться домом. Но Фегге, позавидовав удаче и возрастающей мощи брата, убил Хорвендила и женился на его вдове. Впоследствии сын Хорвендила отомстил за это убийство, сразив Фегге, могила которого еще видна на Феггеклите.

Курганы Йеллинге

Примерно в двух милях к северо-западу от Вейле, у деревни Йеллинге, лежат в курганах у кладбища король Горм Старый и его королева Тюра. На кургане Тюры, говорят, был раньше прекрасный ключ, который, как утверждают некоторые, провели под землей по медным трубам от холма у деревни Ругбалле; другие же говорят, что его отвели от источника на поле Финнет; а третьи уверяют, будто Тюру некогда заподозрили в неверности мужу, но через три дня после ее погребения из земли пробился ключ, и то был знак, что она невиновна. Один крестьянин вымыл в воде из источника лошадь, чтобы излечить животное от коросты, и оттого оскверненный источник иссяк.

Невдалеке от этих курганов, у самых дверей церкви, стоят два замечательных памятника древности, а именно два больших камня с руническими надписями, в которых говорится о короле Горме и его королеве Тюре. Однако эти надписи теперь никто не может прочесть, кроме ученика Школы чернокнижия, да и ему пришлось бы встать для этого на голову. Умудренный священник прочел однажды эти надписи и узнал из них о сокровище, скрытом под большим камнем среди поля, однако отыскалось ли это сокровище, никто не знает.

Хольгер Датчанин под Кронборгом

Под замком Кронборг часто слышен звон оружия, хотя никто не видит тому причины, и

во всей стране не найдешь человека, который согласился бы спуститься в подземелья замка. Некому рабу, приговоренному к смерти, обещали однажды жизнь и свободу, если он дойдет до конца подземного хода и расскажет, что там увидел. Пройдя немалое расстояние, он подошел к железной двери, постучал, и она отворилась. Раб оказался в глубокой пещере. С потолка посреди зала свисала почти догоревшая лампа, а под ней стоял огромный каменный стол, вокруг которого, склонившись и опустив головы на скрещенные руки, сидели воины в стальных доспехах. Тут сидевший во главе стола поднялся: это был Хольгер Датчанин, и когда он поднял голову, стол раскололся, потому что борода воина вросла в камень. «Протяни мне руку», — сказал он рабу, но тот, не смея дать руку, протянул вместо нее железный стержень, на котором от могучего пожатия Хольгера остались видимые вмятины. Наконец разжав пальцы, Хольгер воскликнул: «Радует меня, что в Дании еще остались мужи!»

След епископа Вильяма

У дверей на южной стороне Роскильского собора на пороге еще видно место, куда поставил ногу разгневанный епископ Вильям, преградивший вход в церковь королю Свенду Эстритсену и отлучивший его за осквернение святой церкви несправедливым кровопролитием.

Смерть и погребение епископа Вильяма

Когда к епископу Вильяму в Роскилле пришла весть, что его король и повелитель Свенд, прозванный Эстритсенем, достигнув преклонных лет, умер в Ютланде, он приготовился отправиться на встречу королевского тела. Перед тем он посетил церковь Святой Троицы, вызвал к себе могильщиков и велел им выкопать две могилы: прежде для короля, а затем и для него самого, поскольку он был уверен, что немедля последует за своим возлюбленным господином. Затем он сел в карету и поехал встречать царственного покойника. Достигнув леса Топсхеге, он заметил два дерева, отличавшихся высотой, и велел своим слугам срубить их на гроб. Полагая, что епископ заботится о гробе для короля, они исполнили приказ и положили гроб на повозку, следовавшую за каретой. Но, выехав из леса, епископ увидел впереди погребальный кортеж и приказал остановиться, затем вышел из кареты, расстелил на земле свой плащ и помолился Господу о покое и счастливом расставании. Слуги, стоявшие рядом, удивились, что епископ так долго молится, подняли ему голову и увидели, что его нет более среди живых. Тогда положили его тело в гроб и повезли назад в Роскиль. И тело его внесли вслед за телом короля и похоронили в клиросе, в месте, избранном им самим.

Позднее, когда епископ Свенд Норбагг⁹² перестраивал церковь в тесаном камне и все, кроме клироса, было готово, сочли, что могила епископа Вильяма занимает слишком много места, и Свенд велел перенести ее. Ночью спящему регенту явился человек в священническом облачении и повелел приветствовать епископа Свенда и сказать ему, что тому следует удовлетвориться честью перестроить церковь и не разлучать его с телом короля, и прибавил, что если бы епископ Свенд вел менее богоугодную жизнь, месть пала бы на него, теперь же она падет лишь на построенное им здание. С этими словами он ударил посохом по стене, отчего колонна раскололась на куски. Регент, проснувшись, увидел

⁹² Об этом прелате, норвежце по рождению, Саксон Грамматик рассказывает историю, которую стоит повторить. Поднявшись до епископского сана, Свенд, хорошо знавший литературу своего народа, был прискорбно невежествен в латыни. Многие завидовали благосклонности к нему короля и, желая выставить его смешным, во время праздничной обедни подложили ему Библию, в которой две первые буквы слова «*famulum*» в молитве за короля были выскоблены; получилось, что Свенд в своем невежестве молил бога зачекотать его величество. Король, рассмотрев Библию, сразу обнаружил подвох и заставил епископа (которого любил за его добродетели) заняться изучением латыни, в которой тот впоследствии достиг совершенства. Примечание Б. Торпа. — *Ред.*

разбитую колонну, сам же он лежал среди осколков камня невредимый. Епископ Свенд, когда ему сообщили об этом происшествии, заметил, что неудивительно, если епископ Вильям так вспыльчив и упрям после смерти, ведь он и при жизни был таков.

Долгое время могила оставалась неприкосновенной, однако после смерти епископа Аскера было решено, что он достоин лежать на почетном месте рядом с епископом Вильямом. Такого мнения придерживались регент церкви Херман, ректор Арнфаст и настоятель Исаак. Они втроем вскрыли могилу и обнаружили в ней останки епископа Вильяма, от которых распространился столь сладостный и приятный дух, что они заключили, что епископ благословен в небесах. В то же время запах был так силен, что всякий, коснувшийся останков, три дня не мог смыть его с пальцев. Они все же выбросили кости без всякого почтения к покойному и за то не избежали наказания. У регента Хермана на носу появился «Антониев огонь» (гангрена), и он в три дня умер. Ректор, который, борясь с расслаблением членов, начал пить, страдал так, что едва не выbleвал свои внутренности, и признался епископу Абсалону, посетившему его, что страдает за этот грех. Он ушел в монахи и через три месяца умер. Настоятель Исаак, видя, как наказаны двое других, продал все, что имел, и основал монастырь Св. Марии в Роскилле, и все же умер от изнурительной болезни.

Наказание за бесчеловечность

Когда король Кнут Святой, преследуемый врагами, молился перед высоким алтарем в церкви Святого Альбана в Оденсе о прощении своих грехов и готовился к смерти, его охватила жестокая жажда. Тогда он просил некоего ютландца, заглядывавшего в окно, из милости принести ему воды. Тот человек побежал к ручью и набрал в кувшин воды, но когда он протянул ее королю, другой ютландец, стоявший рядом, пронзил кувшин копьем, так что вся вода пролилась на пол церкви. Тогда сказал король разбившему кувшин: «Тебе жаль для меня и глотка воды?» И сказав так, он был убит брошенным камнем (1086 г.). Но безжалостный ютландец получил заслуженную награду. Он сошел с ума и мучался жестокой жаждой. Однажды, нагнувшись к источнику зачерпнуть воды, он поскользнулся, упал в колодец и повис, зацепившись ногами, так что голова его была над самой водой, но дотянуться до нее он не мог и так умер.

Сундук с войсковой казной Свенда Грате

В Ютланде, у деревни Крагелунд, есть большое болото, называемое Граамос. Прежде оно называлось Гратемос, потому что здесь Свенд Грате был сражен королем Вальдемаром. С этим местом связана следующая легенда. Когда Свенд Грате увидел, что битва проиграна, он велел бросить сундук с войсковой казной в трясину (в то время болото было топким), отчего в том месте, как всегда над кладами, по ночам загораются огоньки. До сих пор поиски клада были безуспешны, а школьный учитель, отметивший место, где ночью видел огни, вешками, утром обнаружил, что все они выдернуты.

Две колокольни

Герр (господин) Ассер Риг решил построить в Фиенс-левлилле церковь, однако, не закончив строительства, должен был отправиться на войну со своими родичами. Прощаясь, он просил жену, которая в то время была в тягости, чтобы она, если родит сына, поставила на церкви колокольню, если же дочь, обошлась без этого украшения. Возвращается он спустя время домой и видит над церковью две колокольни! Жена принесла ему двух сыновей, и это были Абсалом и Эсберн Снаре.

Саксон Грамматик находил эту легенду сомнительной. Абсалом был прославленным епископом Лунда и еще более известен как советник и воин Вальдемара Первого, прозванного Великим. Его брат Эсберн (Асбьорн) также был выдающимся государственным деятелем и воином.

Смерть архиепископа Абсалона

Абсалон несправедливо обошелся с одним крестьянином, и тот, умирая, призвал его на суд небесный, и, едва крестьянин умер, Абсалон также был призван к ответу. В тот же час в монастыре Соро братия, получившая весть о смерти архиепископа, услышала горестный глас от алтаря, восклицавший: «Sora! Sora! Pro me supplex ora!» («Сора! Сора! За меня молитесь ныне!»).

Даннеброг

Когда король Вальдемар Победоносный сражался с язычниками Ливонии, чтобы обратить их в христианскую веру, архиепископ Андерс Лундский стоял, как некогда Моисей, на высоком холме, вознося Господу молитвы за победу датского оружия. И говорят, пока он мог держать руки воздетыми к небу, датчане одолевали, но едва он, по старческой слабости, уронил их, язычники воспрянули духом. Тогда другие священники, бывшие рядом, пришли ему на помощь и поддерживали его руки, пока шла битва. Во время той битвы случилось чудо: когда знамя датчан было потеряно в жаркой схватке, с неба упало новое знамя с белым крестом на красном поле, и ему датчане обязаны своей победой. Это драгоценное знамя долго еще хранилось как сокровище, и все верили, что под этим знаменем их ждет верная победа. Назвали его Даннеброг. На месте этого сражения впоследствии выстроили город, названный Волмар по королю Вальдемару.

Корабли Даннеброга

На Гиннермарке, примерно в миле от Апенраде, еще видны остатки древнего памятника, называемого «Корабли Даннеброга». Говорят, прежде он представлял собой двадцать больших и малых камней, обтесанных в форме кораблей и расставленных вплотную в виде овала, так что один камень отделен был от другого только стоящими между ними камнями.

Об этих камнях рассказывают, что когда король Вальдемар Второй завоевал с помощью Даннеброга языческую Ливонию, он, возвращаясь на родину, повелел установить эти камни у залива Балтийского моря на востоке от деревни Гиннер, как вечную память о победе, отчего они и названы были «Корабли Даннеброга».

С течением времени часть камней крестьяне разбили и использовали на изгороди, однако кое-что еще осталось, и старики, видевшие их, заявляют, что они имели форму корабля.

Святой Нильс (Николас), покровитель Аархуса

Когда король Кнут Шестой переезжал из северной в южную Ютландию и остановился на ночлег в Хадерслеве, к нему явился провидец, читавший по звездам. Этот человек объявил, будто прочел в небесах, что на следующую ночь будет зачат младенец, который прославит себя и приобретет любовь народа и Бога. Услышав это, король воспылил страстным желанием стать отцом счастливого младенца и повелел тайно провести к нему на следующую ночь молодую даму благородного рода, чтобы разделить с ней ложе. Его воля была исполнена, и означенная молодая дама по прошествии девяти месяцев родила на свет мальчика, который стоил матери жизни. Этот принц, получивший при крещении имя Нильс, был передан сестре короля, которая растила его, пока не пришло ему время явиться ко двору, чтобы обучаться военному искусству и рыцарскому обхождению. Пробыв некоторое время при дворе, принц Нильс узнал, что стоил жизни своей матери, и это так поразило его, что с той поры он полностью переменил свою жизнь. Говорят, что с того дня он совсем перестал смеяться. Придворные развлечения стали ему отвратительны, и он искал уединения, посвятил себя молитвам и посту, по пятницам ел лишь хлеб с водой, одевался во власяницу и проводил ночи в страстных молитвах, стоя голыми коленями на полу. Наконец он решился полностью покинуть соблазны мира и удалился в Аархус, чтобы провести там остаток дней. В этом городе он основал монастырь с церковью, которая впоследствии получила его имя. В

этот монастырь он удалился и выбрал одного монаха по имени Хуго, чтобы жить с ним, а с другими не имел никаких сношений.

Незадолго до его смерти, случившейся в 1180 году, было ему откровение. Упомянутый Хуго, спавший в той же келье, увидел во сне процессию молодых священников, которые вошли в келью в багряных ризах, с горящими свечами в руках. Проснувшись от яркого сияния свечей, Хуго упал на колени перед своим господином и пересказал ему видение, прося объяснить, что оно означает. Принц ответил, что это было послание небес, предвещающее, что он умрет на следующую ночь. Наутро он призвал к себе друзей из города и монахов монастыря, дал им добрые наставления и простился с ними. Затем раздал щедрую милостыню бедным и скончался, как и предсказывал, на следующую ночь, распорядившись перед тем похоронить себя в церкви Святого Олава у моря. Церковь эту он при жизни обогатил королевскими дарами. После его смерти епископу Аархуса Свенду показалось, что место, избранное принцем, недостойно столь высокопоставленного лица, и он хотел приказать перенести тело покойного в монастырскую церковь Святого Нильса. Однако случилось, что с неба упала звезда на восток от церкви Святого Олава, и это чудо истолковали как повторение воли покойного, так что епископу пришлось повиноваться. После его погребения в этой церкви начали происходить чудеса. У могилы поставили деревянный крест, когда же он сгнил от времени, люди слышали, как трижды прозвучали такие слова: «Сделайте новый крест из дуба леса Скибю и поставьте над могилой Святого Нильса». Это было исполнено: из леса доставили ствол, такой большой и тяжелый, что пять быков едва дотащили его до Аархуса.

У самой могилы росла большая яблоня. Воришку, который взобрался на нее за яблоками, сковало по рукам и ногам, так что он не мог ни спуститься, ни шевельнуться, пока не взмолился святому о прощении и не поклялся, что никогда больше не посмеет воровать у него яблоки.

На могиле стоял открытый ящик, в который день и ночь опускали богоугодные приношения те, кто покровительством святого избавился от слепоты, глухоты и прочих телесных немочей. Однажды вор осмелился стащить из этого ящика пару тонко вырезанных серебряных глаз, которые положил туда человек, обретший зрение на могиле святого Нильса. Вор этот явился из Хорсенса и, схватив добычу, бросился туда и бежал всю ночь по направлению, как он думал, к Хорсенсу, но на рассвете встретил идущего в церковь священника, от которого и узнал, что все еще находится у церкви Святого Олава. Тут он признался в своем тяжком прегрешении и, вернув серебряные глаза, без труда нашел дорогу к Хорсенсу.

У одной бедной женщины умерла корова. Святой Нильс вернул ее к жизни. То же он совершил с целым стадом овец в Рандлеве, а сокол, умерший на руке короля Вальдемара, вернулся к жизни, когда король воззвал к святому Нильсу.

Однажды он стоял возле работников, рубивших лес для церкви, которую собирались построить в лесу Вибю. Услышав, что они жалуется на жажду, он заставил забить из земли источник, который носит теперь его имя и посещается болящими.

Святой Нильс совершил так много чудес, и его гробница была скрыта богатыми дарами, во времена короля Эрика Менведа стали опасаться, что сладостный дух, исходивший из его могилы, приманит Марска Стига и его разбойничью шайку с острова Хильм, что недалеко от Аархуса. Поэтому тело святого Нильса и его гробницу перенесли в церковь Святого Клементя в Аархусе, однако с того времени он уже не совершал чудес, и сладостный дух от его останков совершенно иссяк и больше не появлялся — даже после того, как папа римский признал Нильса святым.

Могила Маленькой Кристен

Сразу за северной дверью вестервигской церкви есть удивительно длинное надгробие, на котором вырезан крест и полустертая надпись. Под ним лежит Маленькая Кристен, сестра короля Вальдемара Первого. Пока король был в отлучке, она вступила в незаконную связь с

Бурисом, принцем вендов, братом королевы, и забеременела от него. Когда король, вернувшись, заметил это, он, как рассказывают, позвал Маленькую Кристен танцевать и затанцевал ее до смерти. Принца же Буриса он приказал ослепить и бросить в тюрьму. По прошествии времени, когда гнев короля немного остыл, он позволил несчастному принцу выбрать себе другую тюрьму, и тот избрал монастырь в Вестервиге, где и был заключен в башню, стоявшую там, где теперь кладбище. В ней он и умер. Говорят, цепь, которой он был прикован за пояс, была так длинна, что он мог выходить из башни к могиле Кристен, и навещал ее каждый день. Между тем королева, его сестра, которая всегда ненавидела Маленькую Кристен, каждый день проезжала мимо и в знак презрения заставляла коня топтать копытом могилу. Камень оказался мягче ее сердца, и на нем сохранились отпечатки копыт.

Марск Стиг

После смерти Марска Стига⁹³ его сторонники ночью перенесли тело в церковь Хинтцехольма и там тайно похоронили. Они хотели скрыть его могилу, чтобы никто не оскорбил останки. Но когда они вносили тело в церковь, девочка-служанка случайно заметила огни и людей, несущих гроб. Она рассказала об этом священнику, и он отыскал могилу, однако, не зная, кто там похоронен, не стал об этом рассказывать, а только взял бархат, которым был укрыт гроб, и часть его отдал девочке. Прошло немало времени, и та девочка стала женой одного из сторонников Марска Стига, который однажды, заметив у нее бархатную подушечку, спросил, откуда взялся материал. Тогда она обо всем рассказала ему, он же, боясь, что место упокоения его господина откроется, убил жену, хотя очень ее любил.

Король Вальдемар и королева Хелвиг

Однажды король Вальдемар сел на коня и вдруг застыл в глубокой задумчивости, одной ногой в стремени. Наконец один из приближенных осмелился спросить, что с ним. Король ответил, что сам хотел бы знать и что если слуга не сумеет прознать о королевских думах, то пусть он никогда не показывается ему на глаза. Слуга удалился в печали и бродил по лесу, не зная, куда податься. Наконец он заметил в лесу сидевшую у костра женщину, которая, когда он приблизился, спросила, что его печалит, а услышав рассказ, рассмеялась и сказала: «Поклонись своему господину и скажи ему, что Швеция легко покорится Дании, если он с почетом примет к себе королеву Хелвиг». Королева Хелвиг была тогда в бесчестье, отвергнута королем, который, услышав слова слуги, в гневе отвечал, что этому не бывать.

Однако случилось, будто бы чудом, что король однажды охотился в лесу у замка Соборг, где в то время пребывала королева Хелвиг. Там он увидел девицу, красота которой так поразила его, что он велел слугам привести ее в полночь к себе. Когда же слуги явились к юной особе с намерением применить силу, объявляя ей в то же время волю короля, королева Хелвиг, которая услышала обо всем, решила нарядиться в платье той девицы, и слуги провели ее к королю, ее супругу. Она понесла от него и родила девочку, известную впоследствии как принцесса Маргарет, объединившая Швецию с Данией и Норвегией.

Эта и три последующие легенды относятся к королю Вальдемару Четвертому, прозванному Аттердагом (от *atter* «другой» и *dag* «день»), видимо, вследствие его привычки повторять поговорку: «Morgen er atter en dag» («Завтра тоже будет день»). Его королеву, Хелвиг, обрекли на пожизненное заключение в замке Соборг за любовную связь с Фолькером Ловмандсенем.

Однажды, садясь на коня, король Волмар застыл с левой ногой в стремени, казалось, глубоко задумавшись. В это время мимо вели человека, приговоренного к смерти, и он, упав

⁹³ Стиг Андерсен был *марском* (т. е. маршалом) королевства. Он был среди убийц короля Эрика Глиппинга, который, говорят, обесчестил его жену. В правление Эрика Менведа, сына убитого Глиппинга, Марск был объявлен вне закона и укрепился на острове Хильм у побережья Ютланда, в проливе Каттегат. Примечание Б. Торпа. — *Ред.*

на колени, молил короля о пощаде. Король ответил: «Если скажешь, о чем я думал сейчас и сбудется ли это, будешь свободен». Тогда этот человек попросил разрешения объехать страну, разыскивая посвященных в тайную мудрость, но никто не мог ему помочь. Однажды вечером он пришел на Борбирг, отвесный утес, стоящий над морем. Здесь он трижды ударил оземь белым посохом, и из-под скалы вышел гном. Однако и он не знал ответа. «Но у меня, — сказал он, — в Дагбирг-Даг есть прапрадедушка. Он стар и очень мудр: попытай счастья у него». Человек взял в руки посох и отправился в Дагбирг, но и старый гном не знал ответа. «В Родстене (красном камне) на Фууре живет мой прапрапрадед, — сказал он. — Если и он не знает, то уж никто тебе не поможет». Тогда бедняга потащился на остров Фуур, и случилось так, что ровно в полночь он вышел на утес и три раза ударил посохом. Тут к нему, семеня, подошел крошечный старичок. «Конечно, я могу тебе помочь, и помогу, если ты трижды скажешь мне правду!» Человек на минуту задумался, а потом сказал: «Много я странствовал, и далеко побывал⁹⁴, но никогда не видел дома прочнее твоего». — «Это верно, ведь пещера моя из цельного камня. Говори еще!» — «Много я странствовал и далеко побывал, но никогда не видел столько золота и серебра в одном месте». — «И это возможно, говори еще!» — «Много я странствовал и далеко побывал, но нигде не видал такого малютку с такой длинной бородой». — А борода у гнома была такой длинной, что он то и дело наступал на нее. — «Да, — сказал карлик, — а теперь я скажу тебе, о чем думал король. Он думал, сумеет ли сплотить вместе Данию, Норвегию и Швецию, но это свершится только при его дочери». Тут осужденный с радостью отправился к королю и получил обещанную свободу.

Королева Хелвиг и Фальк Ломан

Когда король Вальдемар Аттердаг узнал, что королева изменила ему с Фальком Ломаном (он же Фолькер Ловмандсен), он велел повесить того у ворот Странда в Ниборге, а королеву заставил смотреть на казнь со стены. Тюрьма, в которую Фальк был заключен, находилась в замке, и там до последних лет показывали камеру Фалька Ломана. А королева, оплакивающая его, все еще выходит ночами на крепостную стену и, как рассказывают, иногда заговаривает с часовыми. Одному солдату, завоевавшему ее благосклонность, она обещала, что каждое утро он будет находить под указанным ею камнем талер. Какое-то время солдат постоянно находил свой талер, но однажды заболел и послал за деньгами товарища. Тот ничего не нашел под камнем, и с тех пор монета перестала появляться.

Королева Маргарет в детстве

Королева Хелвиг потеряла благосклонность своего супруга-короля и несколько лет провела в заключении в замке Гурре за то, что велела убить в ванне любовницу короля, Товелилле. Случилось однажды, что король, проезжая через «Медный мост», приметил красивую девочку в крестьянском платье, стоявшую у ворот замка. Дитя понравилось ему, и король посадил ее перед собой в седло. «Теперь, — сказала малышка, — едем ко двору!» — «Что тебе там делать?» — «Молить о прощении за свою мать, королеву Хелвиг», — отвечала девочка. Это смягчило гнев короля, и он возвратил королеве свою любовь. Девочку звали Маргарет. Она выросла и стала королевой трех северных стран.

Пророчество о вступлении на трон короля Фредерика Первого

В 1515 году, когда король Христиан Второй праздновал свою свадьбу в копенгагенском

⁹⁴ Ср. слова Одина из эддической песни «Речи Вафтруднира»:

Все видел,
все слышал,
всех богов переспорил...

дворце и собравшаяся знать пиновала и веселилась, в зал вошел герцог Фредерик, дядя короля по отцу. Среди гостей был Дитлеф Ревентлов, о котором говорили, что он постиг астрономию и черное искусство. Увидев входящего герцога, он поспешно поднялся и крикнул на весь зал: «Встаньте и вы, датские вельможи, и приветствуйте своего будущего короля!» По прошествии восьми лет его пророчество исполнилось, и Дитлеф Ревентлов после коронации Фредерика Первого стал его канцлером и тайным советником.

Дукаты с очками

В царствование короля Христиана Четвертого в Норвегии нашли золотые копи, и король велел отчеканить из этого золота монеты в полдуката. Но некоторые иноземные купцы не хотели верить, что это норвежское золото, поскольку раньше про золото в Норвегии не слыхивали. Король оскорбился и, когда там нашли еще золото, велел отчеканить полу- и четвертьдукаты с изображением пары очков, намекая, что тем, кто все еще сомневается, стоит надеть очки и присмотреться получше.

Семейные предания

О гербе рода Билле

В гербе благородного рода Билле есть гном, или маленький дикарь, о чем существует следующее предание.

Много столетий назад случилась в стране такая сушь, что все водяные мельницы встали и не на чем было смолоть зерно. Во время этого бедствия землевладелец из вышеупомянутого рода прогуливался по двору своего замка в грустной задумчивости, и тут перед ним появился маленький гном, весь мохнатый, державший в руках вырванное с корнем дерево. Гном спросил у помещика, отчего он так печален, на что тот ответил: «Что толку говорить, если ты не можешь мне помочь?» Гном сказал на это: «Ты горюешь, что не можешь смолоть зерно, между тем как твоим людям и их детям нужен хлеб. Но я покажу тебе место на твоей земле, где ты сможешь построить семь мельниц, и им всегда будет довольно воды». И на указанном месте господин Билле построил семь мельниц. Они все еще стоят на плотине Эллебру, и зимой и летом им хватает воды.

Рассказывают еще, что гном подарил ему маленький белый рог, который, пока хранится в семье, приносит ей процветание. Говорят, что этот рог долго хранился в Сохольме в Зеландии.

Господин Эске Брок

Господин Эске Брок, живший в Веммельтофте, бродил однажды по полям, ради забавы поражая воздух своей тростью, и вдруг к его ногам упала шляпа. Он приказал слуге подобрать ее и надел себе на голову, и едва он это сделал, как стал невидимым. Тогда он примерил ее на слугу — с тем же успехом: на кого бы ни надевали шляпу, тот человек становился невидим для других. Обрадованный находкой, он отнес шляпу домой. Вскоре к его воротам подошел парнишка с непокрытой головой и просил позволения поговорить с господином Эске Броком. Когда тот вышел к нему, мальчик попросил вернуть его шляпу, которую тот сшиб палкой у него с головы, и предложил за нее сто дукатов. Но все просьбы мальчика были тщетны: очень уж понравилась господину Эске та шляпа. Наконец мальчик пообещал ему достаток, при котором он ни в чем не будет знать нужды, и тогда только «юнкер», решивший, что дело того стоит, вернул ему шляпу. Мальчик же, выходя за дверь, сказал: «Не будет у тебя сыновей, а только дочери!» И вышло так, что жена господина Эске родила семь сыновей мертворожденными, и после его смерти род не продолжился.

Полупустая бутылка

Когда шведы вторглись в Хольстейн, случилось, что после битвы, в которой датчане одержали победу, один солдат с огромным трудом раздобыл бутылку пива, чтобы утолить

жажду. Он уже собирался выпить ее, как вдруг услышал, как швед, потерявший обе ноги, слабым голосом просит о глотке воды. Тогда солдат подошел к нему и, сжалившись над его страданиями, протянул ему бутылку; но в тот же миг коварный враг выхватил пистолет и выстрелил в солдата, надеясь отомстить перед смертью. Однако пуля ушла в сторону — Господь простер свою руку над добрым солдатом. Поднявшись, тот выпил полбутылки и протянул остаток предателю со словами: «Негодяй! Теперь получишь только половину!»

Когда рассказ об этом дошел до короля, тот призвал к себе солдата и даровал ему герб, в котором была полупустая бутылка. Этим гербом владеют и его потомки, по сей день живущие в Фленсборге.

Господин Эрланд Лимбек

Род Лимбеков некогда был славен в Дании, но теперь он угас, и вот, говорят, по какой причине.

Когда господин Эрланд Лимбек проживал в Гравенгаарде, что в Ютланде, и гулял однажды по полям, явился к нему гном и стал жаловаться, что у него вражда с другими гномами и он опасается не устоять против них, если только господин Эрланд не придет к нему на помощь. При этом он обещал рыцарю, что если тот поможет ему, род его будет в силе и процветании, пока стоит мир. Господин Эрланд обещал помочь гному и уговорился с ним о времени и месте. Однако как-то ночью ему не спалось, он ворочался с боку на бок, и жена спросила, что его тревожит. Тогда он рассказал о своем обещании, и жена воскликнула: «Упаси Господи тебя, муженек, якшаться с такими демонами!» — и уговорила его нарушить слово. Прошло сколько-то времени, и в канун Рождества, когда господин Эрланд веселился за столом с семьей и друзьями, вдруг отворилась дверь и вошел маленький гном в одежде с золотым шитьем. Он сказал: «Сдержи ты свое слово, и я бы сдержал свое, теперь же твой род будет угасать день ото дня и наконец прервется, а последний в твоём роду будет безумцем!» Тут господин Эрланд разгневался и сказал: «Ты смеешь мне угрожать?», а затем попытался ударить гнома, но тот отступил к двери. Тогда рыцарь приказал слугам схватить его, но гном поспешно ускользнул. Выскакивая в щелку двери, он потерял один башмачок, оказавшийся сделанным из чистого золота. С того времени рыцарь получил прозвище Эрланд Гулдско (Золотой башмак).

Семья Монтрад

Говорят, семья Монтрад ведет свой род от венгерского мельника, который во время войны с турками собрал отряд и уничтожил множество турок, выручив тем самым войско императора. В награду за эту услугу император произвел его в генералы и даровал дворянство, вручив щит и меч и повелев изобразить на щите полумесяц в память победы над турками и ветряную мельницу в память о прежнем занятии. Потому-то он и его потомки получили имя Монтрад⁹⁵.

Имя и герб Розенкрандсов

Первым в роду Розенкрандсов был господин Эрик. Вместе со Сти Хвиде он совершил путешествие в Рим, где папа вручил ему венок (*крандс*) из роз. В память об этом он велел изобразить венок на своем шлеме, отчего и пошло имя его рода. Этот господин Розенкрандс похоронен в Херрингхольмсмарке.

В 663 году молодой господин Стиге, сын короля Дании, отправился к королю Эквину в Англию, чтобы помочь тому в войне. Там он своей доблестью заслужил всеобщую любовь, особенно у дам, но больше всех любила его дочь Редувала, принца королевской крови, и он также любил ее. Поэтому он всю зиму провел при дворе, а когда пришло лето, принцесса оказалась беременна. После отъезда Стиге из Англии она родила сына, положила в золотой

⁹⁵ От немецких слов *Mond* — «месяц» и *Rad* — «колесо». — *Примеч. ред.*

короб с освященными свечами и солью, так как младенец не был окрещен, и отнесла на берег моря.

Однажды отец ее, принц Редувал, случайно проезжал мимо, нашел младенца и, заключив по золотому коробу, что тот благородного происхождения, вырастил его и дал ему имя Карл. После смерти короля принц крови Редувал взошел на трон Англии, став первым королем-христианином. Карл между тем вырос и выказал такую отвагу, что король не нашел ничего лучшего, как женить его на своей дочери. Перед самым венчанием принцесса открыла жениху, что он ее родной сын от принца Стиге Датского. Король был так поражен этим открытием, что решил было сжечь ее на костре, но молодой Карл вступился за мать и устроил ее брак с принцем Стиге, с которым она была разлучена девятнадцать лет.

В память об этих событиях принц Карл разделил свой герб на четыре части белым крестом, в знак того, что он христианин; затем раскрасил противоположные квадраты в красный и синий цвет, показывая, что он и датский, и английский принц. В первом квадрате он поместил белого коронованного льва, что обозначало Данию, в четвертом квадрате — другого льва, обозначавшего Англию. Во втором и третьем квадратах он изобразил черно-белые шахматные доски, обозначив тем разлуку, в которой столь долго пребывали его отец и мать. И таков герб Розенкрандсов.

Герб семьи Тролле

Тролле были некогда, особенно в пятнадцатом и шестнадцатом веках, одним из славнейших датских родов. Обозначая свое имя, они ввели в свой герб тролля или демона, и его можно видеть на всех памятниках этого рода. Даже в Роскильском соборе он изображен на железной плите, закрывающей вход в семейную погребальную часовню. Он представлен там с длинным хвостом и когтями, словно готовый взлететь, так что на неподготовленного зрителя изображение производит сильное впечатление. Теперь род Тролле угас. Одним из самых примечательных членов этого рода был адмирал Херлуф Тролле, основавший в семнадцатом веке школу в Херлуфсхольме — этот Итон или Уинчестер Дании.

Генерал-майор Сванведель

Около двухсот лет назад жил в Норревосборге в Ютланде дворянин по имени Сванведель. Он был генерал-майором во время войн со шведами и к тому же познал черное искусство. Однажды во время войны в Скании он с маленьким отрядом был окружен врагами. Однако он сумел спастись, превратив ночью заросли тростника в солдат, которые атаковали и разбили врага. На следующее утро это войско снова превратилось в заросшее тростником поле.

Когда он умер в Восборге, тело его, по обычаю, оставили до отпевания в церкви в замковой часовне. Вечером в часовню вошла его дочь, и тут он поднялся из гроба и повелел послать за магистром Нильсом, священником Хуусбю. Хотя этот магистр Нильс при его жизни все время ссорился с ним, но тут явился без промедления, прихватив с собой острый топор. Потом он заперся в часовне вместе с трупом, и что происходило между ними, никому не известно, но только слышался такой шум, что весь замок сотрясаясь. Наконец все снова стихло, и магистр Нильс, бледный как смерть, вышел наружу с топором в руках. После этого генерал оставался в своем гробу и был с большой помпой похоронен в ульвборгской церкви.

Легенды о городах и других местах

Крепостная стена Копенгагена

Много лет назад, когда вокруг Копенгагена возводили стену, земля под ней все время проседала, так что невозможно было укрепить город. Тогда взяли невинную маленькую девочку, посадили за стол с игрушками и сладостями, и пока она забавлялась, двенадцать каменщиков возвели над ней свод и под звуки труб и барабанов засыпали его землей. После этого, говорят, стены стояли нерушимо.

Повсеместно распространен обычай закладывать под любое строение, для придания ему прочности, живое существо. Обычно в жертву приносится ягненок, свинья или домашняя птица. Генрих Гейне говорит по этому поводу: «В средние века преобладало мнение, что при закладке какого-либо здания необходимо убить живое существо и на его крови возводить фундамент. Таким образом строению придавалась прочность и нерушимость. В балладах и преданиях еще сохранилось воспоминание о том, как убивали ребенка или домашнее животное, чтобы укрепить большое строение их кровью».

Статуя святого Олава

В часовне Святого Олава в Таасинге стояла его деревянная статуя. У местных крестьян бытовал обычай после сева носить статую по полям ради доброй жатвы. Случилось раз, что крестьянин, который носил статую и должен был вернуть ее в часовню, решил отложить это дело на завтра, а тем временем не нашел ничего лучшего, как положить образ святого в печь. На следующее утро служанка, собираясь печь хлеб и не зная, что в печи лежит святой Олав, развела огонь. Статуя сгорела, и с того дня, как говорят, деревне не бывало удачи.

Тайные ходы под Аальборгом

Под городом Аальборг есть множество тайных ходов, оставшихся от монахов. Самый большой, говорят, ведет от старинного монастыря, превращенного ныне в госпиталь и школу, и, по слухам, доходит под фьордом до самого Сандбю, где встарь располагался женский монастырь. Попасть в этот проход было непросто, поскольку раньше его закрывала бронзовая дверь, украшенная прекрасной резьбой, а далее шли одна за другой четыре железных двери. Ответвление от главного хода вело в церковь Святой Марии, где умер король Ханс. Другой боковой ход выводил в церковь Святого Будольфа, а оттуда — к мосту Муэрдепорт, а третий вел в противоположную сторону от церкви Святой Марии и от монастыря, к старому замку Аальборгхус.

Один ученый решил когда-то обследовать эти ходы, для чего обвязался вокруг пояса веревкой и вошел внутрь. У входа он поставил людей, которые должны были держать конец веревки и по сигналу вытащить его обратно. Однако, прождав два часа и не дождавшись условленного сигнала, они вытащили веревку и увидели, что конец ее обгорел. Того ученого больше никто не видел.

О церквях и монастырях

О церквях

Когда король Кнут, прозванный Святым, строил первую в стране церковь, он пожелал, чтобы она стояла, пока стоит мир. И, помолившись Богу, он просил указать, как придать зданию прочность и величие. Затем он отправился на берег моря, где было много пены (*скуп*), и приказал собрать эту пену и строить из нее. И по его святости пена обрела прочность камня, и церковь, выстроенная из нее, не разрушится, пока стоит мир.

Примеры так называемых «пенных стен» часто встречаются среди старинных церквей Дании. Они построены из пористой массы, которую крестьяне называют «*фрот*» (пена) и происхождение которой мастера-каменщики объявляют неразрешимой загадкой. Несмотря на пористое строение, масса эта отличается прочностью. По описанию можно предположить, что это нечто вроде известкового туфа или пиперина, который использовали древние строители и который часто применяется в южных странах. Пока он залегаёт в естественных условиях, он настолько мягок, что его можно резать лопатой, однако под влиянием воздуха постепенно твердеет.

Башня Святой Марии в Копенгагене

В 1514 году, когда стали устанавливать шпиль на башне собора Святой Марии в Копенгагене, подмастерье плотника поссорился с мастером и сгоряча похвастал, что знает

ремесло не хуже наставника. Чтобы разрешить спор, мастер положил на вершине башни балку, прошел по ней и воткнул в ее конец топор. Благополучно вернувшись обратно, он велел ученику вытащить топор. Тот добрался до конца балки, но тут ему показалось, что он видит два топора, и он крикнул: «Мастер! Который из двух?» Мастер сразу понял, в чем дело, и ответил только: «Господь да смилуется над твоей бедной душой!» В тот же миг подмастерье свалился с бревна.

Похожую историю рассказывают о башне церкви Святого Кнута в Оденсе, однако в этой истории подмастерье, дойдя до конца балки, смотрит вниз и в испуге кричит: «Мастер, Бульбру приближается!» Бульбру — деревушка под Оденсе.

Колокола на башне Святого Николаса

Во время большого пожара в Копенгагене, когда церковь Святого Николаса была охвачена пламенем, башня долго стояла, раскачиваясь из стороны в сторону, и люди слышали, как колокола на ней вызванивали псалом: «Бог видит, близок мой конец».

Морской тролль в Иссенфьорде

В прежние дни жил в Иссенфьорде тролль, который имел обыкновение останавливать все суда, входившие в фьорд, и требовать с каждого по человеку. Долго длилось это несчастье, пока не проведали, что троллю придет конец, если показать ему голову папы Луция, который был обезглавлен в Риме много столетий назад. И вот нескольких монахов послали в Рим за его головой. Когда их корабль вернулся и готов был войти во фьорд, показался тролль, однако едва он увидел голову папы, как, издав ужасный вой, превратился в скалу. Многие изображения, которые можно увидеть в соборе Роскилле, объясняются этим преданием.

Собор в Роскилле

В 1084 году Роскильский собор был посвящен папе Луцию, который в 253 году претерпел мученическую смерть. Вот как он стал святым покровителем собора.

Еще до того, как церковь была построена, епископ Свенд отрядил в Рим двух каноников, чтобы они привезли реликвии какого-либо святого, которому и посвятят церковь. В Риме они нашли столько разнообразных реликвий, что пришли в замешательство и обратились к молитве в надежде, что Бог поможет им сделать выбор. Во время молитвы один из каноников задремал, и перед ним появился папа Луций, предложил свое покровительство и дал настолько точное описание своего черепа, что они без труда отличили его от других. Выбранный таким образом череп доставили в Данию, где он, оправленный в золото, долго хранился как драгоценное достояние Роскильского собора.

Церковь Вейбю

В церкви Вейбю в Зеландии прежде хранилась высушенная человеческая рука. О ней рассказывают, что это была рука человека, сожженного за отцеубийство. Пламя отказалось пожирать такого грешника.

Церковь в Каллундборге

Когда Эсберн Снаре строил церковь в Каллундборге, работа сперва не продвигалась. Тогда к нему явился тролль и предложил свои услуги. Эсберн Снаре заключил с ним договор, что, когда церковь будет достроена, он должен угадать, как зовут тролля, или тот заберет у него глаза и сердце. Теперь строительство шло быстро и здание возводилось на каменных опорах. Но когда оно было почти закончено и оставалось достроить всего полколонны, Эсберн Снаре забеспокоился, так как по-прежнему понятия не имел, как зовут тролля. С горя он отправился бродить по полям и, притомившись, лег отдохнуть на горе Ульсхой. Тут он услышал из-под земли голос жены тролля: «Не плачь, детка, завтра придет твой отец Фин и принесет тебе поиграть глаза и сердце Эсберна Снаре». Услышав эти слова,

Эсберн успокоился и вернулся к церкви. Тут как раз подошел тролль, неся на спине недостающую половину колонны, и Эсберн приветствовал его, назвав по имени. Услышав свое имя, тролль так разозлился, что улетел по воздуху вместе с куском колонны, и потому церковь стоит на трех с половиной опорах.

В Каллундборгской церкви пять шпилей, построенных Эсберном Снаре. Самый высокий тот, что в середине, в честь его матери, а остальные четыре в честь четырех дочерей, одна из которых была хромой, и потому ее шпиль меньше других.

Церковь в Рахлеве

К северо-востоку от Каллундборга лежит деревня Рахлев, но церковь стоит довольно далеко от деревни, в открытом поле. Тому есть свое объяснение. Когда в деревне стали строить церковь, оказалось, что сделанное за день полностью разрушается ночью. Один знахарь посоветовал привязать на том месте двух рыжих быков, чтобы отогнать злого духа. Так и сделали. Однако на следующее утро один бык лежал мертвым у самой деревни, другого же нашли далеко в поле, раненого и измученного. Тогда люди поняли, что в этом месте злой дух не имеет силы, и решили там и возводить церковь.

Алтарь в церкви Соро

На алтаре в Соро изображена Тайная Вечеря. Сперва хотели писать двенадцать апостолов с двенадцати профессоров академии Соро, но те никак не могли договориться, кому быть Иудой, и потому собрали из деревни Хаверуп двенадцать крестьян и с них писали апостолов. Один из них, сапожник Андерс, сам предложил себя в Иуды, но впоследствии на него обрушилось множество несчастий.

Кровавое пятно на полу церкви в Карисе

Один охотник в Стевенхерреде пожелал приобрести дар бить без промаха. Поэтому при причастии он держал хлеб во рту, пока не вышел из церкви. Затем он зарядил этим хлебом свое ружье и выстрелил им в церковную стену. Там, где хлеб ударился в стену, осталась дыра, которая и по сей день сочится кровью.

О другом охотнике рассказывают, что он прилепил облатку к стене церкви и выстрелил в нее.

Церковь в Фальстере

Жила некогда на острове Фальстер благородная дама. Она была чрезвычайно богата, но не было у нее ни сына, ни дочери, которые бы унаследовали богатство. Поэтому она решила отдать его на богоугодное дело и велела построить большую красивую церковь. Когда церковь была построена, она велела зажечь свечи на алтаре и, бросившись перед алтарем на колени, молила Бога добавить ей столько лет жизни, сколько простоят эта церковь. И вот ее слуги и родственники умирали, она же, вознесшая столь необдуманное моление, продолжала жить. Наконец все ее родичи и слуги умерли, и ей стало не с кем поговорить. Она видела, как дети взрослеют и старятся, и они умирали, и новые дети старились в свой черед, а сама она так одряхла, что потеряла и слух и зрение и не могла ни двигаться, ни говорить. Только в полночь перед Рождеством к ней ненадолго возвращался голос. В одну из таких ночей она попросила сделать дубовый гроб, положить ее туда и отнести в церковь, чтобы там она могла умереть; но каждый год в ночь на Рождество к ней должен был приходиться священник, чтобы выслушать ее повеления. С того времени гроб стоит в церкви, но смерть все еще не была дарована ей. В рождественские ночи к ней приходил священник, поднимал крышку гроба, и женщина поднималась вслед за крышкой. Сев в гробу, она спрашивала: «Моя церковь еще стоит?» Когда же священник отвечал: «Да», она со вздохом произносила:

«Ak! Give Gud at mine Kirke var braendt;
Thi da er forst al mill Jammer Fuldent!»
«Ах! Дай бог, чтоб моя церковь сгорела;

Ибо только тогда придет конец моим мукам».

Потом она снова леглась в гроб, священник опускал крышку и больше не возвращался до следующего Рождества.

Церковь в Марибо

В церкви Марибо на одной из колонн видно изображение монаха, указывающего на другую колонну, под которой, как говорит предание, спрятан клад, зарытый монахами, когда им пришлось покинуть селение⁹⁶.

Собор в Аархусе

Аархусский собор в католические времена был посвящен святому Клементу, поскольку этот святой после мученической смерти был выброшен на берег в Аархусе привязанным к якорю. Перед тем его одиннадцать столетий носило по волнам океана. Там он был похоронен, и в память о нем на алтаре вырезано изображение этого святого с якорем.

До Реформации в том же соборе был обычай во время торжественной службы на страстную пятницу ужасным голосом возглашать сквозь отверстие в своде: «Будь проклят Иуда!» Для этого использовался большой охотничий рог, который до сих пор хранится в церкви. Одновременно с проклятием с верхней галереи слышался слабый дрожащий голос, повторяющий слова Иуды: «Согрешил я, предав невинного!»

Собор в Рибе

В соборе Рибе есть дверь, называемая «Дверь кошачьей головы» (*Kathoveddor*) в память о старинном предании.

Некий бедный шкипер из Рибе прибыл на остров, обитатели которого страдали от полчищ мышей. К счастью, у него на борту была кошка, которую он взял с собой на берег, и та переловила и разогнала множество грызунов. Он продал эту кошку островитянам за большие деньги, отплыл домой и вернулся с полным трюмом кошек. Распродав их, он обеспечил себя на всю жизнь. Когда приблизился его смертный час, он решил употребить свое богатство на строительство церкви в Рибе, в которой, как рассказывают, в память о его даре находится изображение кошки и четырех мышей.

Вышеупомянутый шкипер может считаться датским Диком Уиттингтоном. Существует и итальянский Уиттингтон, о котором Лоренцо Магалотти в письме к Оттавио Фальконери рассказывает следующее. Некий Ансальдо дельи Орманни прибыл на один из Канарских островов и был приглашен королем к обеду. Во время трапезы он заметил вокруг слуг с толстыми палками, которые должны были отгонять крыс, непрерывно пытавшихся утащить кушанья. Увидев это, он поспешил на корабль и вернулся с двумя котами, которые быстро расправились со множеством вредителей. Он подарил этих котов королю, и тот в ответ богато одарил его. Вернувшись на родину, он рассказал о происхождении своего богатства, после чего некий Джокондо де Физанти решил также попытать счастья. Продав свой дом, он закупил много жемчуга и других драгоценностей, полагая, что король, конечно, оценит такие дары выше, чем двух котов. Прибыв на остров, он вручил свои дары королю, которому они очень понравились, однако, считая двух котов самым ценным своим сокровищем, он послал одного из них Джокондо, который от этой сделки впал в нищету.

Церковь в Эрритсо

Много лет назад жил в Эрритсо один бедняк. Однажды он сказал: «Будь у меня много денег, я построил бы приходскую церковь». Той же ночью приснилось ему, что если он

⁹⁶ Знаток древности Арндт заявлял, что в Ватиканской библиотеке им обнаружен меморандум, утверждающий, что под колонной в церкви Марибо укрыты драгоценные рукописи и документы. Примечание Б. Торпа. — *Ред.*

отправится на южный мост в Вейле, то найдет там свое счастье. Он последовал этому указанию и допоздна расхаживал взад-вперед по мосту, но не увидел ничего похожего на счастье. Бедняк готов был уже вернуться, когда к нему подошел полицейский и спросил, зачем он целый день торчит на мосту. Крестьянин рассказал ему свой сон, и полицейский припомнил, что ему ночью снилось, будто в амбаре у какого-то жителя Эрритсо — и он назвал имя — зарыт клад. Бедняк, услышав собственное имя, промолчал из осторожности, а сам поспешил домой и откопал у себя в амбаре клад. Он сдержал свое слово и выстроил церковь.

История, почти в точности повторяющая приведенную выше, рассказывает о кладе в Танслете на острове Алин. Схожее предание бытует и о замке Дундональд в Эйршире.

Дональд Дин, или Дин Дональд, был прежде бедняком, но он обладал способностью видеть счастливые сны. Однажды ему трижды в ночь приснилось, что если он пойдет на Лондонский мост, то разбогатеет. Он пошел туда и увидел склонившегося на перила моста человека. Дин любезно приветствовал его, они разговорились, и Дин открыл собеседнику, зачем пришел на мост. Незнакомец ответил, что это пустая трата времени, что он и сам однажды видел подобный сон, направивший его в некое местечко в Эйршире в Шотландии, где он должен был найти огромный клад, однако он и не подумал терять время на поиски. Дин, расспросив его, понял, что клад должен был находиться в его собственном огороде, и немедленно вернулся домой, намереваясь перекопать всю землю вокруг. Он не был разочарован: погубив немало крепких и здоровых кочанов и совершенно упав в глазах жены, которая сочла его сумасшедшим, он обнаружил большой горшок золота, после чего выстроил замок и стал основателем славного рода.

Алтарь в шлезвигском соборе

Мастер Ханс Брюггеман, родом из Хусума, был человеком одаренным и искусным художником. Это он построил прекрасный алтарь для монахов Бордесхольма, который в 1666 году перенесли в собор в Шлезвиге. Говорят, он со своими учениками работал над ним семь лет, и каждую фигуру, вырезав, погружали в масло, чтобы ее не источили черви. Когда работа была закончена, король Христиан Второй и королева Элизабет явились взглянуть на нее. Брюггеман воспользовался случаем и вырезал из дерева их статуи, которые поставил у двух колонн по сторонам алтаря.

Когда любекцы увидели его произведение, они пригласили Ханса Брюггмана вырезать для них такой же прекрасный алтарь. Он же взялся сделать алтарь еще прекраснее первого. Тогда монахи из Бордесхольма из зависти подсунили ему отраву, которая погубила его зрение, и он не мог больше работать. Он умер в городе Эйдерштадт, близ Бордесхольма.

Об алтаре церкви Норреброди также рассказывают, что когда художник закончил работу, его спросили, может ли он сделать такой же или еще красивее, и когда он заверил их, что может, «выкололи ему глаза».

Сказания о домах

Херлуфсхольм

Когда умерла фру Бригитте Гио и государственный совет обсуждал судьбу школы в Херлуфсхольме, до ушей кого-то из родственников дошло, что дарственная потеряна. Они рассчитывали обернуть это обстоятельство в свою пользу, так что ректор школы и священники были вызваны в Копенгаген и оказались в замешательстве, не зная, где искать документ. Однако, когда один из священников, полный тревоги, в ночь перед отъездом из Копенгагена наконец уснул, ему явилась сама фру Бригитте Гио, не желавшая, чтобы после ее смерти алчность семьи погубила школу. Священник видел, как покойница подошла к старинному столу и постучала по одной из его ножек. Он был немало удивлен, однако на следующее утро осмотрел стол и нашел в потайном ящике пропавший документ, который вместе с ректором представил в Копенгаген и так спас школу Херлуфсхольма.

Вааргард

Много лет назад жила в Вааргарде дама по имени фру Ингеборд, вдова из рода Шиль, муж которой при жизни жестоко притеснял крестьянство и оттягал у него луг под названием Агерстеденге. Но как ни жесток был к своим крестьянам муж, вдова оказалась еще хуже. В годовщину смерти мужа она, направляясь в церковь, сказала кучеру: «Хотела бы я знать, как дела у моего бедного мужа!» На это кучер, которого звали Клаус и который был большой плут, ответил: «Ах, милостивая госпожа! Трудно сказать наверняка, но думается, он не мерзнет. Там, где он теперь, должно быть довольно жарко». Тут дама разгневалась и пригрозила казнить его, если на третье воскресенье от сего дня он не принесет ей вестей от мужа. Клаус, хорошо знавший, что его госпожа всегда держит слово, если пообещала что-нибудь дурное, решил при первом случае посоветоваться со священником из Альбека, который знал Писание не хуже епископа и умел как вызвать духа из могилы, так и заставить его улечься обратно. Но этот священник, узнав о его беде, сказал, что задача ему не по силам. На счастье Клауса, у него брат был священником в Норвегии, а ведь известно, что в таких делах никто не разбирается лучше норвежских священников. Тогда кучер отправился в Норвегию, разыскал брата, и тот приветствовал его словами: «Добро пожаловать, Клаус! Должно быть, туго тебе пришлось, что ты так далеко забрался!» Кучер из этих слов сразу понял, что брату уже все известно. На следующий день Клаус попросил у него совета и помощи. Тот, поразмыслив, ответил: «Я могу, и правда, заставить вернуться к нам твоего прежнего господина, но это окажется опасным делом, если ты еще боишься его, потому что ты сам должен передать ему послание». Они решили, что в полночь отправятся на перекресток в большом лесу и там вызовут дух умершего. В назначенном месте в назначенный час священник стал читать заклинания, и волосы у кучера встали дыбом. Тут послышался угрожающий гул и появилась красная колесница. Впряженные в нее кони разбрызгивали вокруг себя огненные искры. Колесница пронеслась через лес и встала перед ними. Клаус сразу узнал своего господина, хотя тот был красен, как огонь. «Кто хотел говорить со мной?» — проревел тот с колесницы. Клаус снял шляпу и отвечал: «Я должен передать привет милостивому господину от милостивой госпожи и узнать, как ему живется на том свете?». «Скажи ей, — ответил господин, — что я в аду, где и для нее уже приготовлено место, и ей до него остался лишь один шаг, если только она не вернет Агерстеденге! А в доказательство, что ты говорил со мной, возьми мое обручальное кольцо и покажи ей». Тут священник шепнул брату, чтобы тот подставил свою шляпу, и едва кольцо упало в нее, как прожгло в ней дыру и упало на землю. Тогда Клаус его и поднял. В тот же миг кони с колесницей пропали.

На третье воскресенье Клаус стоял перед церковью Ваара, поджидая фру Ингеборг. Увидев его, милостивая дама спросила, какие вести он принес, и кучер поведал ей обо всем, что видел и слышал, а затем показал кольцо, которое она узнала с первого взгляда. «Ну что ж, — сказала она, — свою жизнь ты спас. Пусть же я после смерти окажусь там же, где мой муж, но Агерстеденге ни за что не отдам!»

Вскоре после того в церкви Ваара было устроено пышное представление. Хоронили милостивую госпожу. Однако она скоро явилась снова и устроила такой разгром на дворе замка, что мельник с работниками бросился в Альбек за священником. Тот помолился над ней и изгнал из замка, похоронив в ближнем пруду, называвшемся Пульсен. Помимо этого, у него не было над ней власти, и покойница каждый год появлялась на петушиный шаг все ближе к Вааргарду. Когда же она доберется до места, откуда была изгнана священником, Вааргард обратится в руины. На том месте, где ее бросили в Пульсен, не растет ни травинки, а по засохшим побегам на полях можно видеть, на сколько петушиных шагов она уже продвинулась.

Предания о священниках и знахарях

Святой Андерс из Слагельсе

В 1205 году был в церкви святого Петра священник, которого называли святой Андерс. Об этом святом человеке рассказывают, что он с одиннадцатью спутниками отплыл в Святую Землю; однако накануне возвращения, когда ветер был попутным, отказался начать плавание, пока не прослушает мессу в Йоппе. Когда месса закончилась, его спутники уже отплыли, и он стоял на берегу, с грустью глядя вслед удаляющемуся судну. Тут к нему подъехал всадник и предложил сесть на коня впереди него. Андерс послушался и уснул в дороге на плече у всадника, когда же проснулся, то с изумлением увидел себя стоящим на кургане перед самыми воротами Слагельсе, побывав, между тем, в монастырях Святого Иакова Компостельского в Испании и Святого Олава в Дронтхейме, и во многих других святых местах. Немало еще прошло времени, пока вернулись в Данию его спутники, покинувшие его в Йоппе, и люди премного тому дивились.

Его святость была такова, что когда он молился под открытым небом, то вешал шапку и перчатки на солнечный луч⁹⁷, и тем прославился так, что стал впоследствии святым покровителем Слагельсе. Однажды, когда он так повесил свои перчатки на солнечный луч, случилось, что они упали на землю, что весьма поразило святого, и он спросил Господа, в чем согрешил. Тогда ему было открыто, что один из братии монастыря украл прут из изгороди и тем осквернил святое братство. Холм, на котором тогда пробудился святой Андерс, получил по этому случаю название Хвилехой (Холм Покоя), каковое и сохранил по сей день.

Святой Андерс, заботясь о благе народа Слагельсе, отправился к королю Вальдемару с прошением, в ответ на которое король обещал прибавить к землям Слагельсе столько, сколько святой Андерс сумеет объехать на однодневном жеребенке за то время, что король пробудет в ванне. Святой поймал короля на слове и ехал так быстро, что придворным пришлось посылать к купавшемуся королю гонцов с вестью, что если он не поторопится, то святой Андерс объедет всю страну. Оттого-то у города Слагельсе столько земельных угодий.

На Хвилехой поставлен крест с надписью: «In memoriam divi Andreae, quiescentis Joppae et heic loci expergefati». Когда этот крест однажды упал, сгнив от времени, на скотину напал великий мор, который, однако, кончился, едва был воздвигнут новый крест.

Мастер Лауридс

В Хадшерде в Ютандии был некогда священник по имени мастер Лауридс. Он умел успокаивать духов и вызывать их из могил, так что нечего и говорить, что ему не раз приходилось состязаться с дьяволом, и всегда в этих состязаниях его адское величество оказывался побежденным.

Случилось как-то, что мастер Лауридс возвращался из какой-то поездки, и, когда он проезжал мимо скандрупской церкви, его кони встали, словно не в силах были сдвинуть с места возок. Тут мастер Лауридс, который отлично понял, в чем дело, покачав головой, приказал вознице снять правое заднее колесо и положить в корзину позади повозки. Он ведь понял, что это дьявол пристроился сзади, отчего повозка и потяжелела. Дьяволу это совсем не понравилось, потому что теперь ему пришлось сойти и поддерживать ось вместо колеса. Так мастер Лауридс прогонял его всю ночь, когда же отпустил наконец, то злой дух с такой силой скинул с плеча ось, что сломал ее. Тут мастер Лауридс с усмешкой сказал: «Смотри-ка! Еще кое-что может!»

Поверье, что дьяволу в подобных случаях приходится заменять собой четвертое колесо, распространено не только в Дании, но и в других странах. Католическая легенда приписывает такое же чудо святому Бенедикту, что послужило темой знаменитой картины живописца Дитлефа Линдо, находящейся в Риме.

⁹⁷ Монахи Адверта тоже вешали свои рясы и шапки на солнечный луч. Примечание Б. Торпа. — *Ред.*

Священник из Норре-Вильструпа

В конце восемнадцатого века жил в деревне Норре-Вильструп под Вейле один священник, который знал побольше, чем только «Отче наш». Свои необычайные способности, приобретенные в Школе чернокнижия, он употреблял на благо своих прихожан и тем заслужил их любовь и уважение. Говорят, ради сохранения своей силы он поклялся всегда носить только одну подвязку, и все знали, что второй он никогда не надевал.

К тому пасторату принадлежала маленькая роща чуть поодаль от деревни, но воры часто похищали принадлежавшие священнику дрова и хворост. Однажды он попросил своего слугу принести оттуда дров, на что тот ответил, что в роще ничего не осталось. «Все равно, — сказал священник, — возьми телегу и поезжай». Послушавшись его, слуга обнаружил в роще целую гору хвороста, заготовленного вором, который собирался вывезти его. Однако слуга священника сам нагрузил хворост на свою телегу и отвез домой.

Провост (настоятель) Петрус Эгиди был волшебником. Один парень, собираясь поехать в Рибе, хотел увести с луга коня провоста, но тот не двигался с места, а парень не мог слезть с него, хотя его пытались стянуть двое работников с мельницы. Пришлось ему обращаться к священнику. «Явился? — встретил его вопросом этот добрый человек. — Отведи-ка коня назад на луг, да не выкидывай больше таких шуток!»

Святой Кильд из Виборга ⁹⁸

Он был очень святым человеком, совершил много чудес и потому стал епископом Виборга, а после смерти был канонизирован папой.

Когда его святость не была еще признана, он был однажды изгнан монахами из монастыря. Тогда, встретив монастырского служку, которого послали за водой, он попросил позволения напиться из бадьи. Тот позволил, и тогда Кильд обратил воду в вино и велел служке отнести в монастырь с приветом братии и просьбой выпить за его здоровье. Тут его быстро призвали назад и приняли с великой радостью.

Однажды ранним утром он служил мессу у алтаря, как вдруг свечи погасли и сделалось совсем темно; тем не менее он продолжал читать мессу.

После смерти Кильда слух о его святости дошел до папы, который приказал внести его имя в список святых. Его тело положили в драгоценный гроб и подвесили на золотых цепях под сводом часовни. Золоченый гроб, названный Ковчегом Святого Кильда, почитался до Реформации, когда его опустили вниз и поместили за алтарем собора. Он сгорел в большом пожаре.

Клады и охотники за кладами

Клад в Хвирвель Бакке

Говорят, что в Хвирвель Бакке полно золота, отчего в рождественскую ночь он весь светится огнями. Если бы кто-нибудь решился выстрелить через бакке⁹⁹, он бы, конечно, заполучил все сокровища, но до сих пор таких смельчаков не находилось.

Сокровища Дагбирг-даус

В Дагструпе, недалеко от Виборга, есть курган, называемый Дагбирг-даус. О нем рассказывают, что курган всегда окутан синим туманом и что под ним скрыт большой котел, полный золота. Однажды ночью двое крестьян отправились выкопать клад, и уже раскопали две ручки котла, как начались всякие чудеса, долженствующие отвлечь их от их затеи. То

⁹⁸ Старейший и наиболее примечательный город в Ютландии. С давних пор датские монархи, вступая на престол, совершали паломничество в Виборг. Здесь же происходила ассамблея Штатов. Его величественный собор уничтожен пожаром 1726 года. В его склепе служили обедни по убиенному королю Эрику Глиппингу (1287 г.), что продолжалось еще долгое время после Реформации. Примечание Б. Торпа. — *Ред.*

⁹⁹ Бакке — небольшой холм или возвышенность. — *Примеч. ред.*

они видели черного пса с красным языком, то петуха, впряженного в воз с сеном, то колесницу, запряженную четверкой черных коней, — но, несмотря ни на что, крестьяне молчали, не проронив ни слова, и продолжали копать. Наконец появился какой-то шут и, встав перед ними, проговорил: «Смотри-ка! Даугбирг горит!» Они взглянули в ту сторону и точно, увидели всю деревню в огне¹⁰⁰. Тут один из крестьян забыл о зароке молчания, и едва он вскрикнул, клад ушел в землю. С тех пор они не раз пытались раскопать его, но тролль всегда мешал их колдовству.

Когда охотишься за кладом, необходимо строго хранить молчание; потому Оленшлегер в своей поэме «Skattergraveren» («Охотник за кладом») говорит:

Men hvis et Ord du taler,
Forsvinder den igien.
Коль вымолвишь слово,
исчезнет он снова.

Клад на Фууре

Островок Фуур в Лимфьорде стоит на огромной скале, в которой живет тролль. Пастухи, ночуя в поле, часто слышат, как он под землей открывает и закрывает свои сундуки с деньгами; а один крестьянин, приходивший сюда трижды в полночь рождественских ночей, увидел на третью ночь, как тролль раскладывал свои сокровища на вершине холма. Если кто-нибудь пустит пулю над таким холмом, сокровища легко дадутся ему в руки. Крестьянин так и сделал, однако когда он уже шел к дому, ему показалось, что в доме пожар. Тут он побросал все, что успел захватить. Добежав до дома, он увидел, что там все спокойно, а вот сокровища исчезли.

На северной стороне острова есть выход голой скалы, хорошо заметный среди высоких, поросших вереском холмов. Камень там весь исписан именами людей, побывавших на этом месте. На уровне земли имеется отверстие, сквозь которое можно проникнуть внутрь скалы, но далеко ли оно уходит, неизвестно, потому что никто не рискнул зайти глубже чем на пять шагов.

Клад в Лодале

В Саллингхереде есть долина под названием Лодал. Там прежде каждую ночь видели огни. Случилось, что туда явился некий Хольштайнер, который просил показать дорогу в Лоден, так как ему в сновидении открылось, что он должен копать землю под огнями и выкопать сокровище. Он так и сделал и нашел котел с золотом, а на котле лежал большой черный пудель с кольцом на шее. Он осторожно снял пса и положил на расстеленный плащ. Так он завладел сокровищем, роздал часть помогавшим ему крестьянам и уехал. С того времени огней больше не видели, а собака иногда бегает по долине Лодал.

Легенды о разбойниках

Тире Болуксе и ее сыновья

Близ одного из рукавов Иссенфьорда, там, где дорога проходит через большой лес, еще

¹⁰⁰ Такое же поверье распространено в Шотландии. Рассказывали, что лэрд Крофордланда со своими слугами едва не вытащил со дна пруда горшок с золотом, как вдруг он услышал сверху шум. На вершине холма возникла ужасная фигура, которая, дико размахивая руками, кричала:

«Горе вам!
В Крофордланде пожар!»

Тут лэрд, полагая, что злодей поджег деревню, бросил все и вместе со слугами побежал спасать добро. Разумеется, никакого пожара не было. Примечание Б. Торпа.

видна так называемая «пещера Тире».

Эта Тире, прозванная Болоксе, со своими двенадцатью сыновьями, была знаменитой разбойницей, но в конце концов их всех схватили и казнили в Роскилле в 1716 году. Среди окрестных крестьян о ней рассказывают следующую легенду.

Часто случается, что когда кто-нибудь ночью проезжает мимо пещеры, кони вдруг покрываются пеной и едва волочат повозку. Крестьянин, который при такой оказии сойдет с повозки и взглянет сквозь хомут с левой стороны, увидит, что позади сидит Тире Болоксе со своими двенадцатью сыновьями. Единственное средство в таких случаях — снять заднее колесо и положить на телегу. Тогда призракам придется бежать под телегой, поддерживая на себе ось.

Старк Ольгер

В роше Угильткрат между Хиорингом и Фладстрандом, в те времена, когда там еще было много лесов, жил разбойник, называвший себя Старк («сильный») Ольгер или Оле. Он грабил и убивал всякого, кто ему попадался, но особенно известен был убийством беременных женщин. Когда наконец люди, вооружившись, окружили весь лес и изловили его, он признался: «Повезло вам теперь схватить меня, ведь еще немного, и ни один бонд не мог бы наложить на меня руку. Я уже съел сердца шести нерожденных младенцев. Если бы мне успеть съесть седьмое!»

День Волдборга

В день Волдборга, то есть накануне Троицы, по всей стране прежде устраивали праздники, или, как их называли, «встречу лета». Парни и девушки, готовясь к празднику, наряжались во все лучшее. Конную процессию молодых парней возглавляли двое старшин, которые возвещали о приближении поезда. Следом шли два старца, державшие в руках шесты, разукрашенные гирляндами, лентами, шелковыми платками и всем, что могло сойти за украшение. За ними следовал Майский граф (*Майгрев*) с двумя служителями, и наконец весь народ, парами, в голубых и красных кафтанах, с белыми платками через плечо. У Майского графа были две гирлянды, по одной на каждое плечо, а у остальных только по одной. Посреди шествия ехали музыканты, игравшие на дудках, скрипках и бывшие в барабаны. Приблизившись к селению, гирлянды складывали у ворот, а встретив в деревне или у замка молодую женщину, бросали ей гирлянду, что было приглашением на пир. Войдя в город или деревню, старшины подходили к дому и молили впустить их, а получив приглашение, трижды объезжали двор и, проезжая мимо окон, приветствовали хозяев. Потом сходили с коней, и запевала начинал песню, а остальные в конце каждого куплета подхватывали «*мед гладэ*» (с радостью). Дойдя до определенного куплета, двое шли к церкви и преклоняли колени на пороге, между тем как остальные допевали песню до конца. Потом все танцевали, и их угощали пивом или бренди, а иногда и оделяли деньгами. Тогда все снова садились на коней, объезжали двор и двигались дальше тем же порядком.

Девушки, «встречая лето», собирались на месте праздника, одетые в зеленое, с белыми платками и гирляндами на головах и на шее. Оттуда они выходили в поле и становились в круг, а старшина примерял на каждую венок, пока не находил ту, кому он приходился впору. Она становилась Майской графиней (*Майгривинде*). Процессия после этого возвращалась, и встречавшие ее поднимали шест, украшенный цветами и гирляндами. По другим описаниям, Майский граф, возвращаясь, бросал венок той девушке, которую избирал Майской графиней.

Датские народные поверья

Девушка, чтобы узнать, какой у нее будет муж, должна вылить в ночь на Новый год расплавленный свинец в стакан с водой, а наутро посмотреть, в какой форме он застыл. Если он напоминает ножницы, быть ей замужем за портным, если молот — за кузнецом и т. д. Другой, не менее действенный способ — вылить в воду яйцо и судить по форме, которую

примет его содержимое.

Если девушка хочет увидеть будущего мужа, пусть она в крещенскую ночь, прежде чем лечь спать, произнесет следующий стих:

Молю вас, три святых царя,
Пошлите сон мне в эту ночь,
Кому мне постель стелить,
Кому мне рубахи мыть,
Чье имя мне носить,
Чьей невестой быть?

Другая формула, которую, вероятно, следует повторять накануне дня Святой Люсии (13 декабря), такова:

Добрая Люсия, дай мне знать,
Кому постель стелить,
Кому одежду шить,
Чье дитя носить,
Чьей любимой быть,
В чьих объятьях спать?

У девушек есть обычай в Иванов день собирать «траву Святого Иоанна» (зверобой) и сажать ее между балками крыши, чтобы узнать будущее. Обычно сажают один цветок за себя, а другой — за милого друга: если цветы клонятся друг к другу, это предвещает свадьбу. Иногда сажают цветы между балками, чтобы узнать, кому из родственников предстоит долгая жизнь, а кому короткая. Если цветок растет вверх, это добрый знак, если же клонится вниз, это предвещает болезни и смерть¹⁰¹.

Если парни и девушки хотят узнать, кому уходить из дому, а кому оставаться, они через голову бросают к двери башмак. Если тот упадет к двери каблуком, гадающий останется, если же мыском — уйдет.

Если человек заметит первую по весне кукушку, когда еще не кончился пост, он говорит: «Кукушка нас дурачит». Если это мужчина, он не найдет, чего искал, будь то скотина или что-либо другое. Если девушка, ей следует остерегаться, как бы ее не одурачил ее парень. Старикам такая встреча дает повод опасаться болезней.

Если слуга первый раз в году заметит летящего аиста, он в течение года оставит свое место. Если заметит стоящего аиста — останется на своем месте еще на год.

Чтобы обнаружить вора, особенно среди слуг, прежде был обычай «качать решето». Хозяин устанавливал решето в равновесии на ножницах и повторял имена всех слуг,

¹⁰¹ Языческий праздник летнего солнцестояния, или «смерть Бальдра», был, по-видимому, превращен христианами в праздник Святого Иоанна Крестителя, который как раз приходится на этот день. Вместо растения «чело Бальдра» (*anthemis cotula*) с этим днем стали связывать зверобой, который в Англии считается растением, способным изгонять ведьм и предсказывать судьбу молодых парней и девушек. В Нижней Саксонии девушки собирают его побеги и вешают на стене своей комнаты. Если к утру побег остается свежим, можно ожидать жениха, если же увядает или засыхает, девушку ждет ранняя могила. Название *androsaemum*, возможно, связано со смертью Крестителя — сок растения представляет собой красноватую жидкость. Примечание Б. Торпа. — *Ред.*

внимательно следя за решетом. При имени вора оно должно было покачнуться.

Если что-то украдено, следует обратиться к «знающим людям», которые умеют заставить вора вернуть украденное.

От Рождества до Нового года нельзя двигать ничего круглого, соответственно нельзя прясть и веять зерно.

В рождественскую полночь вся скотина в стойлах встает на ноги.

Если за столом под Рождество захочется узнать, умрет ли кто-нибудь из присутствующих до следующего Рождества, надо тихонько выйти и заглянуть в комнату сквозь окно. Тот, кто представится сидящим без головы, умрет в следующем году.

Не к добру, если за стол садятся тринадцать человек: не пройдет и года, как один из них умрет.

Подстригать ногти в пятницу — к счастью.

Когда стригут ногти, обрезки надо либо сжигать, либо зарывать в землю, чтобы злой человек, подобрав их, не навел порчу на их хозяина¹⁰².

Найти на земле сломанную иголку до утренней молитвы предвещает быть битым или обруганным.

Если у покойника не закрываются глаза, это предвещает скорую смерть кого-нибудь из той же семьи.

Одежда и белье покойника скоро ветшают и распадаются на куски, подобно тому, как гниет труп в могиле.

Нельзя хоронить покойника в одежде живого, потому что как гниет в могиле одежда, так будет чахнуть тот, кому она принадлежала.

Если воск на огарке свечи загибается стружкой, это предвещает скорую смерть, обычно тому, на кого она указывает¹⁰³.

Не следует плакать над умирающим и тем более ронять на него слезы, а то он не будет знать покоя в могиле.

Если утром на теле оказываются синяки, это щипки призрака, и предвещают они смерть родственника или близкого друга.

Прежде был обычай, как только человек умирал, звонить в колокол, пока отлетевшая

¹⁰² В Швабии повсеместно распространено суеверие, что обрезки волос надо сжигать или бросать в проточную воду; потому что если птицы подберут их и унесут, то либо у человека выпадут все волосы, либо ведьма наведет на него порчу. — *Примеч. ред.*

¹⁰³ В Англии в этом случае говорят: «Смотрите! На свече саван!» Примечание Б. Торпа.

душа уходит на небеса¹⁰⁴.

Вой собаки предвещает смерть.

Сорока на крыше предвещает появление незнакомца.

Нельзя тревожить ласточек и аистов, которые строят гнездо на крыше дома: они приносят счастье¹⁰⁵.

Кто найдет клевер с четырьмя листиками, или двойной орешек, или скиллинг (монету), тот должен их сохранить на счастье.

Выходя утром, нужно заметить, кто первым встретится: не к добру встретить старуху или если заяц перебежит дорогу¹⁰⁶.

Если человек хочет увидеть дьявола или поговорить с ним, он должен трижды обойти против хода солнца вокруг церкви, а на третий раз остановиться против церковных дверей и крикнуть: «Выходи!» или свистнуть в замочную скважину.

Чтобы узнать, вступал ли покойник при жизни в сношения с дьяволом, надо посмотреть на него сквозь упряжь лошади, которая везет дроги. В таком случае смотрящий увидит сидящего за гробом черного пса.

Кто владеет книгой Киприана, может, читая по ней, совершать любые превращения; однако владелец этой книги никак не может от нее избавиться. Если ее продать, сжечь или зарыть, она возвращается к хозяину.

Тот, у кого есть книга Киприана, может по ней вызвать дьявола, но он должен подготовиться задать тому такую работу, с которой нечистому не справиться. Это опасное дело, если человек не знает, как заклясть дьявола и заставить того обратиться обратно.

Только дети, рожденные в воскресенье или в святой праздник, могут видеть духов.

Если кто боится духов, пусть рассыплет на пороге льняное семя: через него не перешагнет никакой дух. Не менее действенное средство защиты — ставить на ночь тапочки пятками к кровати. Можно выкурить духов из комнаты дымом сальной свечи, а вот восковые свечи их притягивают: именно потому в церквях всегда водятся привидения. Еще хорошее защитное средство — повесить над дверью стальной предмет.

Если прибить у двери подкову, ни один дух в нее не войдет¹⁰⁷.

¹⁰⁴ Обычай похоронного звона сохранился по сей день, хотя его происхождение давно забыто. Примечание Б. Торпа.

¹⁰⁵ Норвежский конунг Олав Трюгвасон, хотя и был христианином, замечал, на какой ноге стоит ворона, на правой или на левой, и соответственно, предсказывал счастье или неудачу, за что враги дали ему прозвище «кракабейн» («воронья нога»). — *Примеч. ред.*

¹⁰⁶ Горняки на севере Англии считают особенно дурным знаком повстречать на пути в шахту женщину, и многие рабочие, стоит им заметить женщину или вообразить, что мелькнула где-то развевающаяся юбка, разворачиваются и отправляются домой досыпать. Примечание Б. Торпа.

¹⁰⁷ Поверье, не менее распространенное в Англии. Примечание Б. Торпа. — *Ред.*

Когда крестьянки месят тесто, они крестят квашню или сам хлеб, чтобы тролли его не испортили.

Если прийти в церковь слишком рано утром, можно увидеть покойников, сидящих на скамьях для молящихся.

Тролли не смеют произнести слово «крест», а называют его просто: «туда-сюда».

На рыбалке очень важно не ссориться с другими рыбаками и даже не завидовать им, иначе рыба немедленно уйдет от этого места.

Когда умирает человек, который, как опасаются, не будет спокойно лежать в могиле, следует, чтобы избежать его посмертного появления, при выносе тела вылить на него лоханку воды.

Глупо стрелять в призрака, потому что пуля вернется обратно к стрелку. А вот если зарядить ружье серебряной пуговицей, она наверняка поразит цель.

В третью ночь после похорон мертвые встают из могил.

Беременным женщинам нельзя проходить там, где точили нож: от этого бывают тяжелые роды. Если же трижды сплюнуть на это место, то оно уже не опасно.

Если новорожденного ребенка сразу взвесить, он потом будет плохо расти.

Если вынести ребенка из дома через окно и внести через другое, он перестанет расти.

Если беременная женщина умрет до родов, она через сорок недель родит в могиле. Поэтому вместе с ней в могилу кладут нитку с иглой, ножницы и т. п., чтобы она могла сшить ребенку белье.

По грудной кости гуся, приготовленного к Мартынову дню (11 ноября), можно узнать, какова будет зима. Белая — к большому снегу, а коричневая предвещает суровые морозы. Замечено также, что передняя часть кости предсказывает зиму до Рождества, а задняя — после Рождества.

Какая погода стоит в день Семи Спящих (27 июля), такая продержится семь недель.

Часто моряки в открытом море видят корабль, во всем подобный настоящему, проплывающий мимо и тут же исчезающий. Это корабль-призрак, и он предвещает, что на этом месте скоро утонет какое-то судно.

Каждые семь лет петух откладывает яйцо. Из него вылупляется василиск, который убивает людей взглядом. Говорят еще, что это существо можно убить, только поставив перед ним зеркало: оно так ужасно, что не выдерживает вида собственного отражения.

Кто хочет узнать будущее в новогодний прилив, должен взять хлеб, нож и скиллинг и с ними выйти посмотреть на новый месяц. Потом, открыв Книгу псалмов, наугад прочитать из нее отрывок, который расскажет о самых важных вещах.

Накануне Великого четверга (на Страстной неделе) сельские жители бросают на засеянные поля топоры и железные клинья и прибивают сталь на двери, чтобы ведьмы не причинили им вреда.

Звон в левом ухе означает, что кто-то дурно говорит о вас, а в правом — что хорошо.

Если кто-то, придя в Великий четверг в церковь, будет, сам того не зная, иметь в кармане молодкино яйцо (первое яйцо, снесенное курицей), все женщины-ведьмы привидятся ему с решетом или подойником на голове.

Следующее рекомендуется как средство от зубной боли: взять сперва прутик бузины в рот, а затем воткнуть его в стену, проговорив: «Сгинь, злой дух!»

Как средство от малярии полезно воткнуть в землю веточку бузины, при этом не проронив ни слова. Болезнь тогда перейдет в веточку и с нее — на первого прохожего, который окажется рядом.

В северных странах считается дурной приметой встретить зайца, но доброй — встретить волка или медведя.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

СКАНДИНАВСКОЕ ЯЗЫЧЕСТВО — ДРЕВНЕЕ И СОВРЕМЕННОЕ

Глава 1

ЯЗЫЧЕСКИЕ ТРАДИЦИИ ЕВРОПЕЙСКОГО СЕВЕРА

Пришествие Белого Бога. — Утверждение христианства в Скандинавии. — Разрушение Упсальского храма. — Темные века. — Начало Северного возрождения. — Епископ Бриньольв. — Братья Гримм и Германское возрождение. — Романтики. — Европейский оккультизм и скандинавское язычество. — Орден Золотой Зари. — «Тевтонский дух» в идеологии нацизма. — Современные язычники. — Викка. — Асатру.

Мифологические тексты скандинавов — в той их редакции, которая единственная сохранилась до наших дней — были записаны в XIII столетии, то есть как минимум два века спустя после христианизации европейского Севера. Из этого следует, что данные тексты, в большей или меньшей степени, подверглись христианской «обработке» — ведь записывали их люди, уверовавшие в Белого Бога, как было принято в ту пору именовать Христа. Впрочем, в отличие от жителей Юга, у которых христианство изначально было религией народной, на Севере оно насаждалось «сверху», а потому сталкивалось с достаточно сильным сопротивлением, что привело к возникновению феномена «скандинавского двоеверия», знакомого в том числе и по истории Древней Руси. На Севере Белый Бог оказался более терпимым к *paganos*, то есть язычникам, и их верованиям, нежели чем, скажем, в Британии или на той же Руси: искоренение язычества и приобщение к истинной вере для скандинавов оказалось не столь разрушительным, как для других европейских

народов, благодаря чему скандинавские мифологические тексты сохранились до наших дней, в отличие, например, от текстов древнерусских.

Безусловно, принятие христианства в Скандинавии, как и на Руси, в Венгрии или в Польше, было продиктовано стремлением правителей присоединиться к более «просвещенной» части Европы. Крещение, таким образом, становилось своего рода инициацией, пройдя через которую правитель вместе со своим народом «приобщался к цивилизации». Введение христианства знаменовало собой рубеж в развитии культуры. Оно не только приносило в жизнь новые ритуалы и новые верования, но и приводило к изменению норм морали и к постепенному крушению укоренившихся традиции прежней культуры. Принять христианство означало «европеизировать» наиболее существенные стороны жизни.

Ближайшие соседи скандинавов — фризы и саксы — были окрещены на протяжении 700-х годов, волей императора франков Карла Великого. Около 965 года официально приняла христианство Дания, затем ее примеру последовали Норвегия и Исландия, а христианизация Швеции завершилась в XI столетии.

Солнечный диск (ок. 1000 г. до н. э.).

Утверждение новой веры, как уже говорилось, шло «сверху», а потому производилось огнем и мечом — подданные скандинавских конунгов не желали во имя интересов власти отказываться от веры предков в асов и их предводителя Одина. И христианским миссионерам, представителям римско-католической церкви, приходилось прилагать немало усилий, чтобы распространить новое вероучение. Показательна в этом отношении история христианизации Дании.

Некий монах Виллиброд в середине 700-х годов тщетно проповедывал среди данов; потребовалось почти сто лет, чтобы его проповеди дали всходы — лишь в 823 г. радениями архиепископа Реймского Дания прислушалась к христианским проповедям, а три года спустя конунг Дании Харальд Крак был окрещен в соборе Майнца. В Данию Харальд вернулся вместе с прелатом Ансгарием, «апостолом скандинавов», но через год был лишен престола «за измену древним богам» и изгнан из страны заодно с миссионерами. Правда, несколько лет спустя даны попросили у Престола Святого Петра прислать им священника, и Ансгарий вернулся в Данию и основал в Бирке христианскую миссию. Впоследствии эта миссия вошла в состав Гамбургско-Бременского епископата, который следил за состоянием веры в Германии и Скандинавии до 1103 года, когда был основан Лундский епископат. Ансгарий пользовался покровительством датских конунгов, вопреки примеру Харальда Крака остававшихся язычниками; благоволение правителей распространялось столь широко, что христианам в Бирке и Хедебю позволили возвести первые церкви и даже разрешали устраивать колокольный звон, хотя обычно этот «христианский обряд» вызывал у *paganos* нескрываемое раздражение. Благоволение конунгов объяснялось достаточно просто: христианские миссии обосновались в крупнейших торговых центрах страны, к коим относились и Бирка, и Хедебю, и Риббе, и наличие этих миссий привлекало в Данию купцов-христиан из соседних стран.

Эйнхерии пьют мед и жарят вепря Сэхримнира. Резьба по кости (XII в.).

В 934 году конунг Горм Старый, разбитый германским королем Генрихом Птицеловом, был вынужден принять крещение; следом за этим событием в стране появилось сразу три епископа — в Хедебю, Риббе и Орхусе. А около 965 года конунг Харальд Синезубый, сын

Горма Старого, принял христианство сам и крестил весь народ. По рассказу Видукинда Корвейского, Харальд уверовал в Христа после того, как христианский миссионер явил ему чудо: «Датчане с древних времен были христианами, тем не менее, следуя обычаю отечества, поклонялись идолам. И случилось, что на каком-то пиру в присутствии государя возник спор о почитании богов, когда датчане стали утверждать, что Христос — бог, но имеются и другие боги, более [могучие, чем Христос], так как могут вызывать перед людьми еще большие знамения и чудеса. Против этого [утверждения] выступил один клирик, ныне ведущий набожную жизнь епископ по имени Попо, который заявил, что единым богом является [бог] отец с единокровным сыном, господом нашим Иисусом Христом и со святым духом, а идолы — суть ложные боги. Король Горальд, тот именно, который, как говорят, был скор на слушание и медлителен в беседе, спросил [клирика], не желает ли он сам лично разъяснить свою веру. Тот незамедлительно ответил согласием. Король распорядился взять клирика под стражу до следующего дня. С наступлением же утра он велел бросить в огонь большой кусок железа, а затем приказал клирику во имя католической веры [взять и] нести это раскаленное железо. Исповедник Христов не колеблясь взял железо и нес его столько времени, сколько угодно было королю: [затем] он показал всем свою руку, оказавшуюся неповрежденной; тем самым он доказал, что католическая вера заслуживает одобрения. [В ответ] на это обращенный [в веру] король распорядился почитать богом одного только Христа, приказал уничтожить идолов у подчиненных народов и с тех пор воздавал должные почести священникам и служителям господу. Но и это заслуженно приписывается доблести твоего отца, ибо благодаря его неусыпной деятельности церковь и церковные служители стали процветать в этих областях».

Уверовав, Харальд приказал установить в Йеллинге рунический камень с изображением Христа и почитательной надписью, в которой сообщалось, что «конунг Харальд Синезубый, сын Горма Старого, крестил всех датчан». Кроме того, по приказу конунга недалеко от камня возвели деревянную церковь, куда перенесли из возвышавшегося поблизости языческого кургана прах Горма Старого, — и приготовили еще один склеп, для самого Харальда, предполагавшего устроить в церкви Йеллинге семейную усыпальницу. Однако сын Харальда Свейн Вилобородый сверг отца и изгнал того из Дании; Харальд умер в изгнании и был похоронен в церкви Роскилле, на том самом месте, где позднее возвели Роскильский собор. А христианская вера с периода его правления стала официальной религией Дании.

П. Арбо. Дикая Охота Одина (1872 г.).

В Норвегии первым правителем, принявшим христианство, был конунг Хакон Добрый, или Хакон Воспитанник Адальстейна, сын Харальда Прекрасноволосого. Он вырос и крестился в Англии и, став во главе языческой страны, стремился сохранять верность своей религии. В скальдической поэзии многожды упоминается, что Хакон не разрушал языческих идолов, что он привез с собою из Англии священников, а на побережье Западной Норвегии в годы его правления были возведены церкви. Тем не менее, когда конунг был убит (ок. 961), его похоронили по языческому обряду. Хакону и его судьбе посвящена знаменитая хвалебная песнь скальда Эйвинда Скаллагриммсона, в которой описывалась битва между Хаконем и Харальдом Серая Шкура (Серый Плащ) на острове Сторд и посмертная (языческая!) участь Хакона:

Гендуль и Скегуль
послал Гаутатюр
избрать из рода
Ингви конунга,

чтобы оного
увлечь в Вальгаллу.

Бьернова брата
нашли в бранном
они убранстве,
кой был конунг
и стал под стягом.

Торчали мечи,
трещали копья,
началась буря
морского боя...
Броню бранную
брякнул оземь вождь
полнощных воев
пред битвой велией.

Взбодрял отряды
король сей радостно,
злат шелом его
сиял преславно.
В одежды Одина
рука владыки,
как по воде,
ударила добрым булатом.

От дровов шел грохот
и гром от тарчей,
мечи о кольчуги
звонко стучали.
Ран огни горели
в волнах крови,
бердыши вершили жизнь
и смерть шибко.

Мыло море ран
мыс булатный,
стрел поток струился
на острове Сторде.
Сидели с обнаженными
мечами владыки,
щиты изрезаны,
латы изрублены.

Плохо было сему полку,
и путь его вел в Вальгаллу.
Повела речь Гендуль,
копьем подпираясь:
«Взрастает рать оружная!
Хакона храброго
с дружиной хороброй

зовут к себе боги».

«Хермод и Браги! —
рек Хрофатюр, —
Встречайте с почетом
витязя грозного,
в горние хоромы
сюда грядуща!».
Тут и стало ясно,
сколь богатырь сей
почитал святыни,
когда ему все боги
доброе здравия
в палатах пожелали.

В добрую пору
сей князь родился,
коли столько
снискал милостей,
и будет ему вовеки
великая слава.
Скорее выскочит
Фенрир Волк
злобный из логова,
нежели придет князь
столь же славный
на пустой престол.

Гибнут родичи,
добро идет прахом,
и страна пустынею стала.
Со язычески боги
Хакон сгинул,
и с той поры премного
страждет народ¹⁰⁸.

Дело Хакона Доброго продолжил Олав сын Трюггви, подобно Хакону воспитывавшийся в Англии и получивший там крещение. Насаждая новую веру, Олав одновременно укреплял государство; при нем же приняла христианство Исландия, причем, в отличие от Норвегии, на острове обошлось без крови: на *альтинге* было решено, что вражда между старой и новой верами никому не выгодна, а посему остров примет христианство, дабы «избавить себя от преследований Олава Трюггвасона». Окончательная же христианизация Норвегии произошла при преемнике Олава сына Трюггви Олаве Харальдсоне, прозванном Олавом Святым. Он был окрещен во время ви-кингского похода, а в Норвегию, куда вернулся в 1015 году, привез с собой английских священников, среди которых выделялся религиозным рвением епископ Гримкель. Олав, Гримкель и их помощники усердно насаждали веру и уничтожали языческие святыни. На тинге в Мустере (ок. 1024 г.) всем было предписано принять христианство и жить отныне по евангельским

¹⁰⁸ Перевод С.В. Петрова. Гендуль и Скенгуль — валькирии. Гаутатюр, Хрофатюр — Один. Ингви — Фрейр, основатель рода Инглингов. — *Примеч. ред.*

заветам. После битвы при Стиклестаде (1030 г.), в которой Олав погиб, конунга объявили мучеником, а год спустя его прах перезахоронили в Тронхейме и провозгласили Олава святым. Культ Олава Святого распространился от Руси до Исландии. С XI века его могила в Тронхейме стала местом паломничества; Олаву поклонялись на протяжении всего Средневековья.

Что касается Швеции, здесь христианство утверждалось постепенно; до наших дней не сохранилось сведений ни об официальном годе крещения страны, ни о каком-либо событии, ознаменовавшем переход в новую веру. Новая вера распространялась с области Вестергетланд, где около 1020 года в Скаре была основана христианская миссия; кстати сказать, в Швеции некоторое время соперничали обе христианских церкви — римско-католическая и греко-католическая, что объяснялось, вероятно, относительной близостью этой страны (по сравнению с другими скандинавскими странами) к «сфере влияния» Константинопольского престола. Рунический камень на острове Фресе, воздвигнутый в начале XI столетия, восхваляет деяния правителя Ямтланда, другой исторической области Швеции. Надпись гласит: «Эстман сын Гудфаста повелел воздвигнуть этот камень и построил этот мост. Он обратил в христианство жителей Ямтланда».

Один. Бронзовый рельеф (1950 г.).

Первым христианским конунгом Швеции был Улоф Шетконунг (1001 — 1026). И ему, и его преемникам на троне долгое время приходилось считаться с приверженцами старой веры, позиции которой в Швеции были весьма сильны. Язычество процветало у свеев еще во времена Адама Бременского. Тем не менее к началу XII столетия Швеция также стала христианской страной. О разрушении Упсальского храма Адам Бременский писал: «Говорят, что король Сведии Олаф проявлял большую любовь к вере. Он хотел обратить в христианство подвластные ему народы и приложил много усилий к тому, чтобы разрушить Убсолу — святилище ложных богов (*templum ydolorum*), находящееся в центре Свеонии. Опасаясь такого его намерения, язычники постановили на народном собрании, что если король хочет быть христианином, то пусть он возьмет по своему выбору лучшую область Сведии, заложит в ней церковь и введет христианство, но не станет силой заставлять никого из народа отказываться от почитания языческих богов, если, конечно, кто-нибудь добровольно не пожелает уверовать в Христа. Рассказывают, что сей благородный муж [епископ Эгинон, христианский миссионер из Дании. — *Ред .*], когда в Сведии началось преследование христианства, часто посещал скаранскую церковь и других верующих, ибо они были лишены пастыря, доставляя утешение тем, кто верует в Христа, и твердо проповедуя слово Божие неверующим. Там он разбил на куски прославленное изображение Фриккона»¹⁰⁹.

С разрушением Упсальского храма христианство восторжествовало на всей территории Скандинавии.

¹⁰⁹ Адам также упоминает о некоем епископе Адальвараде Младшем, который вместе с епископом Скони Эгиноном «договорился, чтобы они вместе явились к языческому храму, именуемому Убсолу, где смогли бы, возможно, представить Христу плоды своего труда. Они были готовы с радостью принять любые муки, дабы был разрушен тот дом, который является главным приютом ложных верований варваров. Этот дом предстояло разломать, а если возможно, сжечь, чтобы затем последовало обращение всего племени. Но благочестивый король Стейнкель, знавший, что болтают в народе об этом желании Божиих исповедников, отговорил их от подобного дела, упирая на то, что оно грозит им немедленной смертью, а ему — приведшему на родину подобных злодеев — изгнанием и что после этого к язычеству вернуться все те, кто ныне верует. Согласившись на уговоры короля, епископы обошли все готские города, где они разрушали идолов, а затем обращали многие тысячи язычников в христианство».

Когда отгремели битвы христиан с язычниками и христианство стало официально признанной религией скандинавских стран, древние боги во главе с Одином «покинули» этот мир. Впрочем, остатки язычества сохранялись в сельской местности, где по-прежнему бытовали древние традиции и верования, где отмечались праздники плодородия, где совершались — в доме, в поле, на скотном дворе — языческие обряды, либо втайне, либо под видом христианских празднеств. И официальная религия не могла ничего с этим поделать.

«Возвращение» богов связано с так называемым «ученым ренессансом», который в Скандинавии имел место на полтора столетия позже, чем в южной и центральной Европе (все-таки Север всегда находился на периферии и слегка отставал в своем развитии по сравнению с Югом и Центром)¹¹⁰. Ученый ренессанс обратил внимание на древние тексты, до тех пор отвергавшиеся церковью и наукой как не представляющие ни малейшего интереса остатки языческих времен. В XVII столетии епископ Бриньольв Свейннсон обнаружил летописный свод, датируемый XIII в., который он назвал — по аналогии с «Эддой» Снорри Стурлусона — «Эддой Сэмунда Мудрого»¹¹¹. Данное Бриньольвом название прочно закрепилось за рукописью, которую с тех пор стали называть «Эддой Сэмунда», «Стихотворной Эддой» — или «Старшей Эддой», а «Эдду» Снорри — «Прозаической», или «Младшей Эддой». После смерти Бриньольва пергаментный свиток попал в Копенгаген, а в 1971 году был переправлен в Рейкьявик.

Фенрир откусывает руку Тюру. Иллюстрация к «Младшей Эдде» (1760 г.).

Открытие Бриньольва «вернуло» скандинавским народам их богов, тем паче что оно приблизительно совпало по времени с Германским возрождением — периодом повышенного интереса как ученых-филологов и любителей древности, так и широкой публики к древним германским преданиям. Первое книжное издание «Старшей Эдды» (1787–1828) готовилось в течение сорока одного года при непосредственном участии Якоба Гримма, старшего из знаменитых братьев, автора фундаментального труда «Германская мифология». Гримм и его соратники немало способствовали «пробуждению тевтонского духа», который воспевали немецкие романтики Готфрид-Август Бюргер, Людвиг Тик, Клеменс Brentано и квинтэссенцией которого стала оперная тетралогия «Кольцо Нибелунга» Рихарда Вагнера — «последнего немецкого романтика». В самой Скандинавии «тевтонским духом» напоены произведения многих писателей и поэтов — Адама Оленшлегера, Эсайаса Тегнера, Нурдаля Грига, Генрика Ибсена.

¹¹⁰ Ср. определение Севера в современной геополитике: «С точки зрения центра, север есть абсолютная периферия. Ее абсолютность дана в совершенной независимости от центра. Бытийные проблемы, возникающие в центре, лишены смысла на севере; ибо север сам есть уникальная проблема, не признающая никаких других. Эта проблема ставится противоположностью севера всякому возможному опыту; ибо наличие севера в принципе не является объективным» (Г. Джемаль).

¹¹¹ «Edda Saemundi Muliscii». Считалось, что Снорри в своем сочинении опирался на труд Сэмунда. Тот же епископ Бриньольв писал в 1642 г. одному из своих корреспондентов: «Где огромные сокровища всей человеческой мудрости, записанные Сэмундом Мудрым, и прежде всего прославленная Эдда, от которой у нас теперь осталась, кроме имени, едва ли тысячная доля и которая не сохранилась бы совсем, если бы извлечения Снорри Стурлусона не оставили бы нам скорее тень и след, чем подлинный состав древней Эдды?».

Локи подговаривает слепого бога Хеда выстрелить в Бальдра. Иллюстрация к «Старшей Эдде» (XIX в.).

С предромантизмом и собственно романтизмом связан и очередной расцвет европейской оккультной традиции, несколько захиревшей в рационалистическую эпоху Просвещения. Эта оккультная традиция восприняла скандинавских богов, прежде всего Одина-Вотана, и включила их в круг «персонажей поклонения», а также начала активно использовать в своей практике скандинавские (германо-скандинавские, иначе тевтонские) магические техники, в особенности — магию рун. По замечанию современного автора, «у германских, или тевтонских, народов есть свои уникальные формы магической практики — такие, как рунические *гальдр* и *сейд*, но германцы также оказали огромное влияние на развитие того, что мы обобщенно называем западной оккультной или магической традицией. Германские (или тевтонские) маги и алхимики привнесли тщательную систематизацию, прагматизм и новые научные методы в практическую магию Средневековья и эпохи Возрождения. Это и стало краеугольным камнем позднейшего оккультного возрождения второй половины девятнадцатого века, когда возникли такие общества, как "Золотая Заря"».

Фридрих фон Штассен. Один вырезает руны на копье (1914 г.).

Широко известный Герметический орден Золотой Зари, равно как его предшественник — германский Орден Золотых Сумерек, и последователи — Орден Восточного Храма А. Кроули и Братство Сатурна Г. Грегориуса, — внесли немалую лепту в возрождение интереса к «Северному Пути», то есть к мифологии скандинавских народов, причем на основании мифологических текстов, рунических надписей на камнях и отрывочных упоминаний о древних обрядах делались (и продолжают делаться) весьма смелые, чтобы не сказать — безосновательные, предположения об «эзотерической сущности» песней «Старшей Эдды», скальдических вис и драп и даже королевских и родовых саг.

Историк масонства и «герметической науки» Мэнли П. Холл рассуждал о «мистериях Одина», восходящих, по его мнению, к первому веку до н. э. и связанных с посвящением в «символическую священную драму»: «Двенадцать дроттаров [жрецов. — Ред.], которые руководили мистериями Одина, очевидно, персонифицировали двенадцать священных имен Одина. Ритуалы этих мистерий были подобны ритуалам греческих, персидских, браминских мистерий. Дроттары, символизировавшие знаки Зодиака, были покровителями искусств и наук, которые открывались тому, кто успешно проходил испытания посвящения... Мистерии Одина проводились в пещерах, число которых было равно девяти и которые представляли Девять Миров мистерий. Кандидат, ищущий допуска в мистерии, должен был возвернуть к жизни Бальдра. Хотя кандидат не понимал этого, он сам играл роль Бальдра. Он называл себя Странником, пещера была символом миров и сфер Природы. Жрецы, которые посвящали его, представляли солнце, луну и звезды. Три верховных инициатора — Возвышенный, Равный Возвышенный и Высочайший — были аналогами боготворящего Мастера, Младшего и Старшего Хранителей масонской ложи¹¹². Подобно многим языческим культам, мистерии Одина как институт были уничтожены христианством».

¹¹² Явная отсылка — или, скорее, «эзотерическое» толкование — эпизода «Младшей Эдды», в котором конунгу Гюльви в видении является Один в трех ипостасях, носящих имена Высокого, Равновысокого и Третьего: «Он увидел три престола, один другого выше. И сидят на них три мужа. Тогда он спросил, как зовут этих знатных мужей. И приведший его отвечает, что на самом низком из престолов сидит конунг, а имя ему — Высокий. На среднем троне сидит Равновысокий, а на самом высоком — Третий». М. Холл также цитирует английского оккультиста Р. Маккоя, который видел в конунге Гюльви «автохтонного» основателя единических мистерий.

Артур Рэхем. Фрейя (ок. 1910 г).

Ближе к середине XX столетия мотив «Северного Пути» был подхвачен нацистами. Такие нацистские организации, как Общество Туле Р. фон Зеботтендорфа или Немецкое общество по изучению древней германской истории и наследия предков (печально знаменитое Аненербе), провозгласили своей целью изучение древней германо-скандинавской литературы и популяризацию «культуры предков». Эти и им подобные общества проводили многочисленные археологические раскопки, в том числе — укрепления викингов IX века; активно издавали и переиздавали тексты, в которых, как выражались идеологи той поры, «воплотился тевтонский дух» — «Песнь о нибелунгах», другие образцы германского героического эпоса, а также либретто опер Р. Вагнера, прежде всего — тетралогии «Кольцо Нибелунга».

В нацистской Германии мифология Севера и традиция «Северного Пути» трактовались как идеологическая основа доктрины о превосходстве «арийской расы» над всеми прочими народами Земли, то есть как теория развязанного нацистами геноцида. Подобная трактовка привела к тому, что долгое время после Второй мировой войны темы «тевтонского духа» и тевтонской магии оставались под негласным общественным запретом. Лишь в 70-е годы XX столетия произошло подлинное возрождение северного язычества, продолжающееся и по сей день.

* * *

Сегодня вполне очевидно, что христианская идея, христианская идеология, более двух тысячелетий выступавшая стержнем европейской (и шире — евроатлантической) цивилизации, себя фактически исчерпала: христианские ценности (десять заповедей) по-прежнему не оспариваются и не отрицаются, однако христианская идеология, будь то католичество, протестантство или православие, постепенно утрачивает влияние на общество, превращаясь из идеологии в культурологию. Христианский универсум, если воспользоваться современной политологической терминологией, не выдержал вызова времени — и мало-помалу распадается; снаружи, на межцивилизационном (С. Хантингтон) уровне, на него оказывают давление ислам и многочисленные восточные секты, а изнутри этот универсум подтачивает новое язычество.

Кредо современного язычества сформулировали Н. Пенник и П. Джонс в своей книге «История языческой Европы»: «В последние годы многие европейские народы в поисках основ для новой религии двадцать первого века начали обращаться к собственной древней традиции. Эта новая религия, получившая имя «неоязычества», или просто «язычества», в самом широком смысле, по сути, является формой природного мистицизма. Она рассматривает Землю и все материальные вещи как теофанию, изливание божественного начала, которое обычно персонифицируется в лике Великой Богини и ее супруга, Бога, мужского природного принципа. Считается, что эти два начала объемлют все то, что уже есть, и то, что еще только будет. В каком-то смысле это новая религия для новой эпохи. Современная мысль воплощена в этих двух главных божествах, влияние которых, скорее, взаимодополняющее, чем иерархическое или антагонистическое. Современные язычники склонны видеть в богах и богинях персонификацию именно двух начал, в отличие от античности, когда многие боги и богини воспринимались как подлинно независимые, самодостаточные цельности. В своей наиболее широко распространенной форме неоязычество больше похоже на теологию двух начал, чем на политеизм древнеевропейской культуры».

Канонической, если позволительно так выразиться, формой современного язычества

является Викка — иначе Ремесло, или ведьмовство. Само название этого движения происходит от древнеанглийского *wicca* — «ведьма». Как сказано в манифесте движения, «Викка — естественная магия, не подразумевающая управления силами природы по собственному желанию. Викка — гармоничное перемещение энергии для создания необходимых превращений. Последователи Викки поклоняются Великой Богине и Рогатому богу. Любое божество, которому поклоняются на этой планете, существует в архетипах Бога и Богини. Обширные пантеоны богов из разных частей света — просто появления этих двух ипостасей. В каждой Богине существует идея единой Богини, а в каждом Боге — идея единого Бога».

Основной постулат Викки может быть сформулирован следующим образом: «Не принося никому вреда, делай то, что желаешь». Эта формулировка, по всей видимости, есть не что иное, как знаменитый тезис *enfant terrible* европейского оккультизма Алистера Кроули: «Делай, что желаешь, таков да будет весь Закон». По сути, Викка так называемого гардерианского направления (по имени основателя этой ветви учения, американца Джеральда Гарднера) выросла из философии Кроули¹¹³.

Отдаленное «родство» с философией Кроули признает и другая идеология, вполне успешно претендующая на роль новой религии, — а именно Асатру (*Asatru*), или скандинавская Истинная вера (дословно «вера в богов»).

Наибольшее число приверженцев Асатру имеет в Исландии, где эта религия считается ныне второй официальной религией страны. Один из основателей Народного собрания Асатру Йормундур Инги в своей программной статье высказывал мнение, что причиной подобного приобщения исландцев к «вере в асов» стало осознание жителями острова собственной идентичности — осознание, которое, если вдуматься, присутствовало в них еще с раннего Средневековья: «Наша идентичность, независимо от того, является ли она национальной, культурной или религиозной, имеет сущность не физическую, но ментальную. Слава богам, что это так. Если бы наша идентичность была физической, мы не могли бы вернуться к вере и путям наших отцов без того, чтобы быть подвергнутым серьезной хирургии. Даже без хирургии этот процесс может быть довольно трудным и болезненным. Христианство формировало мышление западного человека на протяжении двух тысячелетий. Здесь требуется больше, чем просто решение стать язычником.

Недостаточно, как думают многие, сформировать общину язычников и принять правила и учение. Церкви только распределяют имена богов по нужным местам. Это всего лишь ведет к подражанию христианству. Более правильным было бы все придумать самим: по крайней мере, результат был бы совместим с вашей собственной идентичностью. Когда Народное собрание Асатру было основано в Исландии в 1972 году, мы столкнулись с трудным делом открытия заново исландской веры в асов, или «Нашего Пути», как это называлось в прошлые времена. Мы основывали все на нашей идентичности и внутреннем озарении. Конечно, мы читали саги, «Старшую» и «Младшую Эдду» в оригиналах XII и XIII веков и достаточно много знали о схоластических работах, основанных на этих источниках; тем не менее это нам не помогло. Схоластические работы по религии довольно бесполезны, если только вы не принимаете данную религию на личном культурном уровне. Другими словами, вся наша деятельность основывалась на традициях и нашей идентичности. Только одно не пришло нам в голову: создать религиозные догмы. Мы решили, что каждый определяет сам для себя; у нас нет никаких обязанностей (исключая немногочисленные правила поведения). Те, кто говорит, что они привержены Асатру, принимаются без лишних вопросов».

Официальной датой возрождения европейского язычества можно считать 1972 год —

¹¹³ Помимо гардерианской, в Викке также различают традиции александрийскую (по имени Александра Сэндерса), дианическую, или женскую (Диана — покровительница женщин), экстатическую (Виктор Андерсон), шаманистическую (Селена Фокс) и сикс-Викку (Реймонд Баклер). Подробное рассмотрение всех этих традиций не входит в задачу данной книги.

когда Свенбьерн Бейнтейнссон основал первую общину Асатру в Исландии, а Стивен Макналлен — Свободное собрание Асатру. В 1980 году один из членов последней группы, Эдред Торссон, организовал «Рунную гильдию» — группу приверженцев Асатру, тщательно изучающих руническую магию. В США возникла также Община Одина, постепенно распространившая свою деятельность и на Европу. В 1988 г. Эдред Торссон совместно с Джеймсом Чизхольмом основали организацию «Вера» («Troth»), которая занимается исследованиями в духе германского Общества Туле. На одном из альтингов в Америке Асатру была названа «этнической религией коренного населения Северной Европы». К практикам «Рунной гильдии» тесно примыкает община «Храфнар» во главе с Дайаной Паксон; эта община занимается реконструкцией шаманической магии сейд (магии ванов).

У.Б. Дрейк. Вальхалла (1900 г.).

Согласно adeptам Асатру, Северный Путь предполагает три направления развития. Первое направление — это Трот, или «вера»; тот, кто практикует Трот, узнает о богах и богинях, о космогонии и космологии, о культурных традициях скандинавов. «Трот точнее всего определять как религиозную традицию Северного Пути» (Э. Торссон). Пожалуй, не будет преувеличением сказать, что в данном контексте и эта книга, посвященная скандинавской мифологии и скандинавскому фольклору, — книга в парадигме Трот. «Трот — свободная форма религии, очень подходящая для нашего времени. Здесь не существует священных текстов, догм, а следовательно, не существует и «ересей». Эта религия коренится в самой плоти и крови верующих. Каждый человек, каждая семья, каждый клан и каждое племя исповедует свою, неповторимую форму Трота. Исповедовать эту религию означает изучать культуру, историю и мифологию своих предков и применять эти знания в форме ритуальных жертвоприношений, проводимых в особые, имеющие символическое значение дни годового цикла» (ibid.).

Второе направление Асатру — руническая магия, или *гальдр*. «Это магическая техника, посредством которой маг изменяет внутренний или внешний мир по собственной воле. Цель гальдра — донести результаты работы в доступном виде до объективной реальности, воплотить их в "реальный мир"» (ibid.). Наиболее подходящим эпиграфом к практике гальдра могли бы стать чеканные строки скальда Эгиля Скаллаgrimссона:

Руны на роге режу,
Кровь их моя окрасит.
Рунами каждое слово
Врезано будет крепко.

Рун не должен резать
Тот, кто в них не смыслит.
В непонятных знаках
Всякий может сбиться¹¹⁴.

Наконец, третье направление Асатру — магическая дорога тела, иначе магия *сейд*. «В отличие от гальдра, где неосознанные и неведомые вещи (руны) становятся осознанными и известными, сейд дает возможность магу погрузиться в сферы неизведанного и бессознательного и слиться с тканью вселенной, чтобы тот смог изменять ее по своей воле. Маги, практикующие сейд, применяют свое искусство главным образом в психофизических

¹¹⁴ «Сага об Эгиле». Перевод А.И. Корсуна. — *Примеч. ред.*

сферах «тела», "формы", «дыхания» и «удачи». В сейде широко используются такие магические средства, как травы, мази и настойки. Маги, практикующие сейд, предпочитают гаданию медиумическое прорицание, основанное на непосредственном общении с внутренними мирами бытия и требующее скорее интуиции, чем анализа» (Э. Торссон).

Христианским церковным праздникам Асатру противопоставляет собственные календарные «рубежи», соотнесенные, как в древности, с сельскохозяйственным циклом. В Зимнюю ночь отмечается окончание сбора урожая, Йоль соответствует зимнему солнцестоянию, Дистинг — праздник грядущей весны, Эстер — пришествие весны, Майский день — канун лета, Середина лета приходится на летнее солнцестояние, Тингтайд — время «созревания» решений, Урожай — праздник сбора урожая. В пантеон Асатру входит большинство божеств древнескандинавского пантеона, а именно:

Один — верховный бог, «бог поэзии, магии, экстаза и божественного синтеза сознания» (Э. Торссон);

Тюр — бог правосудия;

Тор — бог верности, защитник людей;

Фрейр — бог процветания и благополучия, *веральдаргод* — бог Вселенной;

Ньерд — бог водной и воздушной стихий;

Фригг — богиня семьи;

Фрейя — богиня магии, любви, плодородия и «физического благополучия» (ibid.).

Дж. Пенроуз. Привязанный Локи (ок. 1870 г.).

Еще совсем недавно — в исторической перспективе, разумеется, — казалось, что древние боги ушли навсегда, что их удел — оставаться в мифологии, понимаемой как баснословные предания о незапамятной древности, что печальный возглас: «Великий Пан умер!» подвел черту под верой в бытование тех, кому были подвластны пути земные и небесные и все Девять Миров. Однако сегодня, буквально на наших глазах, древняя религия возрождается и упорно теснит каноническую христианскую веру. Проще всего объяснить происходящее как «бесовщину», как следствие общего безверия, утраты нравственных ориентиров и идеалов в постмодернистском глобалистическом мире, — и подобные объяснения встречаются достаточно часто. Но вот справедливы ли они? Ведь существует и противоположная точка зрения, раздвигающая жесткие рамки канона: «Возрождение язычества можно рассматривать как составную часть общего процесса возвращения человека, в течение долгого времени рассматривавшегося монотеистическими религиями и «светским» материализмом в отрыве от окружающего его мира, назад, к более гармоничному существованию, которое имеет как физический аспект (ибо материальный мир понимается в нем как существенная составляющая жизни), так и хронологический, что подтверждается поиском преемственности между древними учениями философов и современностью» (Н. Пенник, П. Джонс).

Великий Пан умер! Да здравствует Великий Пан!

Глава 2 КРАТКАЯ ХРОНОЛОГИЯ нового северного язычества

Ок. 1100. Разрушен языческий храм в Упсале.

1643. Епископ Бриньольв Свейнссон находит пергаментный свиток с песнями «Старшей Эдды».

1697. Первая публикация «Круга Земного» Снорри Стурлусона.

1787. Начало подготовки первого книжного издания «Старшей Эдды» (до 1828 г.).

1811. Основана Шведская Готическая лига, декларировавшая своей целью

возрождение древнегерманского духа.

- 1815.** В Швеции основана Манхемская лига (Mannheim — «мир человека»).
- 1835.** Выход фундаментального исследования Я. Гримма «Немецкая мифология».
- 1854.** Постановка «Золота Рейна» — первой части оперной тетралогии «Кольцо Нибелунга» Р. Вагнера.
- 1856.** Постановка «Валькирии» — второй части «Кольца Нибелунга».
- 1869.** Постановка «Зигфрида» — третьей части «Кольца Нибелунга».
- 1874.** Постановка «Сумерек богов» — четвертой части «Кольца Нибелунга».
- 1887.** Основание в Великобритании Герметического ордена Золотой Зари.
- 1902.** Основание Ордена Восточного Храма (О.Т.О.).
- 1908.** Основание в Германии Общества Гвидо фон Листа, целью которого было изучение прошлого германских народов.
- 1911.** Основание Ордена Арманов (Арманенорден) — инициатического общества с посвящением в «германские мистерии».
- 1912.** Основание Германского ордена.
- 1918.** Р. фон Зеботтендорф основывает в Германии Общество Туле.
- 1919.** Карл Хаусхофер основывает Орден Братьев Света.
- 1921.** Алистер Кроули становится магистром Ордена Восточного Храма.
- 1928.** Основание Братства Сатурна.
- 1932.** Учреждение Аненербе.
- 1932.** Адольф Гитлер становится великим магистром Германского ордена.
- 1951.** Великобритания отменяет закон о преследованиях за колдовство.
- 1954.** Выходит первая книга по теории Викки — «Ведовство сегодня» Дж. Гарднера.
- 1972.** Создание первой общины Асатру в Исландии.
- 1973.** Асатру в Исландии официально признана религией.
- 1979.** Выход книги Звездного Сокола — «гуру» современной Викки — «Спиральный танец».
- 1980.** Основание Ордена Сатурна.
- 1980.** Эдред Торссон учреждает Рунную гильдию.
- 1984.** В США опубликована «Полная книга современной ведьмы» Дженет и Стюарта Фарреров — адептов современной Викки.
- 1988.** Создание организации «Вера» («Troth»).
- 2001.** Основано российское объединение Асатру.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Глоссарий

А

АЛЬВАР (АЛЬФАР)

В скандинавском фольклоре изначально общее название сверхъестественных существ, принадлежащих наполовину к богам, наполовину — к карликам. Со временем так стали называть демонов, наводящих кошмары и вызывающих удушье у спящих, то есть мар.

В Германии это наименование превратилось в слово *Alb* («альб», или «альп»), откуда позднейшее «эльф».

АЛЬВИС

Мудрый цверг, который сватался к дочери Тора. Испытание мудростью, которое устроил Альвису бог, растянулось до утра; с первыми лучами солнца цверг обратился в камень. Имя Альвис означает «всезнающий», «всемудрый».

АЛЬВХЕЙМ

Один из девяти миров скандинавского мифологического мироздания, обитель светлых альвов. Дословно «земля альвов».

АЛЬВЫ

Природные духи. В «Младшей Эдде» сказано, что альвы делятся на светлых и темных. Светлые обитают в Альвхейме. «А темные альвы живут в земле, у них иной облик и совсем иная природа. Светлые альвы обликом своим прекраснее солнца, а темные — чернее смолы». Правит альвами чудесный кузнец Велунд.

Велунд-кузнец. Резьба по дереву (VIII в.).

В «Старшей Эдде» рассказывается, что Велунда захватил в плен конунг Нидуд, который хотел, чтобы кузнец работал только на него. Велунд долго думал, чем отомстить Нидуду и как сбежать. Он начал потихоньку ковать чудесные крылья. А однажды к нему в кузню заглянули сыновья Нидуда, и случилось вот что:

Сидит он,
не спит он,
все молотом бьет —
спешит он выковать
Нидуду оковы.
А Нидуда дети,
два сына, вздумали
взглянуть на казну,
что на острове Севарстед.

У скрыни встали,
ключи спросили, —
алчба их сгубила,
как внутрь заглянули:
множество юные
видят сокровищ,
красного злата,
и украшений.

[Велунд сказал:]
«Еще приходите!
Одни приходите! —
и все это злато
вам же отдам я!
Но только ни слова
ни девам, ни слугам,
да никто не прознал бы,
что вы — у меня».

Скоро брат брату,
один другому, молвят:
«Пойдем-ка на золото глянем».
Встали у скрыни,
ключи спросили, —
алчба их сгубила,
как внутрь заглянули:
головы разом отрезал детям,
ноги засунул
под мех кузнечный,
а череп каждого,
кожу содравши,
оправил в серебро,
отправил Нидуду;

из глаз же их выделал
самоцветные камни,
послал их
с умыслом
супруге Нидуда,
а зубы каждого
узором выложил,
в две гривны вправил...

Макс Кох. Велунд (1904 г.).

После этого Велунд надел чудесные крылья и улетел с острова, на котором его держал Нидуд. А тому осталось лишь сожалеть:

«Худшей вести
мне принести ты
не смог бы —
словес наихудших
не услышать бы, Велунд!
Где тот, столь высокий,
что с коня тебя ссадит,
где лучший лучник,
что стрелою достанет,
когда ты плаваешь
в поднебесье!»

Смеется Велунд,
в воздух взлетает;
Нидуд в печали,
сиднем сидит¹¹⁵.

В английском графстве Беркшир есть местечко под названием Вейленд-Смити, то бишь

¹¹⁵ Перевод В.Г. Тихомирова.

«кузница Велунда». Если, приехав туда, оставить коня и плату за работу, а самому уйти, некоторое время спустя конь окажется подкованным. Утверждают, что подковывает лошадей сам Велунд.

АНГРБОДА

Великанша, в союзе с Локи породившая хтонических чудовищ — волка Фенрира, мирового змея Йормунганда и хозяйку преисподней Хель.

Ее имя означает «сулящая горе».

АНДВАРИ

Карлик, обладатель рокового сокровища. С Андвари началась история о проклятом золоте, финалом которой стали смерть Сигурда, убийство Гуннара и страшная месть Гудрун. Иными словами, Андвари — один из главных персонажей предания о нифлунгах (скандинавских нибелунгах).

Имя карлика значит «осторожность». У Р. Вагнера в «Кольце Нибелунга» он зовется Альберихом.

АРИ МУДРЫЙ

Иначе Ари сын Торгильса (ок. 1067–1148), исландский книжник, автор первых исторических сочинений на исландском языке. Из его трудов до нашего времени сохранилась лишь «Книга об исландцах, очень краткая история Исландии».

АСГАРД

Небесное селение, крепость богов-асов; согласно прологу к «Младшей Эдде» — столица племени асов в центре Азии. В мифах иногда Асгард употребляется как синоним Мидгарда (и наоборот).

Само слово значит «ограда [двор] асов».

АСК И ЭМБЛА

Первые люди, найденные богами на берегу Мирового океана в образе деревянных фигурок.

Их имена означают, соответственно, «ясень» и «ива».

АСЫ И ВАНЫ

Два племени скандинавских богов, враждовавшие друг с другом. Эта вражда стала причиной первой в мире войны. После заключения перемирия ас Хенир был отдан заложником ванам, а ваны Ньерд, Фрейр и Фрейя перешли заложниками к асам.

Х. Хендрих. Один с копьём Гунгнир (ок. 1906 г.).

Кроме верховного бога Одина, а также Тора и Тюра, согласно «Эддам», к асам принадлежат Хеймдалль, Браги, Хед, Видар, Хенир, Улль, Форсети, Локи, Вали и Бальдр. «Младшая Эдда» перечисляет и богинь, или асинь: это Фригг, Сага, Эйр, Гевьон, Фулла, Сьевн, Ловн, Вар, Вер, Сюн, Хлин, Снотра, Гна, Соль, Биль, Йорд и Ринд. По своим «сферам влияния» асы и асиньи распределяются следующим образом:

Один — верховный бог, божество неба, покровитель воинской доблести, бог мудрости и священного знания;

Тор — сын Одина, бог грома и молнии, бури и плодородия, защитник богов и людей;

Тюр — бог неба, войны и воинских правил;

Хеймдалль — страж богов, а также (в ипостаси Рига) родоначальник трех людских

сословий — конунгов, крестьян и рабов;

Браги — сын Одина, бог скальдического искусства;

Хед — сын Одина, слепой бог, убийца своего брата Бальдра;

Видар — сын Одина, «молчаливый бог», божество войны;

Хенир — брат и спутник Одина, вместе с которым он оживил первых людей;

Ульв — бог охоты и стрельбы из лука;

Форсети — сын Бальдра, бог справедливости и правосудия;

Локи — бог хитрости и коварства;

Вали — сын Одина, бог-мститель;

Бальдр — сын Одина, «светлый бог», божество плодородия, мира и красоты;

Велунд — божественный кузнец, бог-покровитель путников;

Фригг — супруга Одина, богиня-покровительница брака и супружеской верности;

Сага — вероятно, богиня прорицания;

Эйр — богиня врачевания;

Гевьон — богиня целомудрия;

Фулла — богиня изобилия, покровительница девственности;

Сьевн — богиня любви;

Ловн — богиня любви и милосердия;

Вар — богиня верности и любовных клятв;

Вер — богиня знания;

Сюн — богиня-хранительница;

Хлин — богиня-покровительница;

Питер Херд. Ран, владычица моря (1882 г.).

Н. Дж. Бломмер. Фрейя (1852 г.). *Кошки считались священными животными Фрейи, в мифах упоминается, что она ездила на колеснице, запряженной кошками.*

Снотра — богиня сдержанности, рассудительности;

Гна — богиня-вестница;

Соль — богиня солнца;

Биль — богиня луны;

Йорд (Фьергюн) — богиня земли, мать Тора;

Ринд — мать Вали.

Кроме того, в числе богов иногда упоминаются морской великан Эгир и его супруга Ран — владычица морей; Скади — богиня-лыжница, покровительница охоты; сыновья Тора Магни и Модри; Сив — супруга Тора, богиня с золотыми волосами; Идунн — супруга Браги, хранительница молодильных яблок; Нанна — супруга Бальдра; Сигюн — супруга Локи; Хермод — брат Бальдра; Вили и Ве — братья Одина; Од — супруг Фрейи, вероятно, ипостась Одина.

АТЛИ

Исторический Атила (434–453), король гуннов. В скандинавском эпосе Атли выступает как персонаж истории рода Вельсунгов-Гьёкунгов, брат Брюнхильд и второй муж Гудрун. Позарившись на проклятое золото карлика Андвари, он убивает своего шурина Гуннара и вскоре гибнет сам от руки Гудрун, отомстившей за смерть брата. В версии «Саги о Тидреке» Атли погибает от руки сына Хегни, второго брата Гудрун: тот вырастает при дворе Атли и заманивает конунга в горную пещеру, где спрятан клад; запертый в пещере гуннский король умирает голодной смертью близ столь желанного им золота.

АУДУМЛА

Божественная корова, возникшая из инея, который наполнял мировую бездну Гинунгагап. Молоком Аудумлы был вскормлен первый инеистый великан — Имир, из тела которого позднее боги сотворили мир.

Б

БАЛЬДР

Юный светлый бог, сын Одина и Фригг, брат Хермода и Хеда и супруг Нанны. Был убит стрелой из омелы, которую выпустил слепой Хед, подстрекаемый Локи. Смерть Бальдра служит своего рода «предвестием» Рагнарек — конца света в скандинавской мифологии.

Имя «Бальдр» переводится как «господин».

БЕЛЬТОРН

Инеистый великан, обладатель «космической мудрости», дед Одина по матери. Согласно мифу, после того как Один семь дней провисел на ясене Иггдрасиль, он получил от Бельторна магические руны.

БЕРГЕЛЬМИР

Инеистый великан, внук Имира, спасшийся в погребальной ладье от потопа, когда кровь из расчлененного тела Имира затопила мироздание. Бергельмир стал родоначальником нового поколения великанов, получивших имя йотунов, или турсов.

БЕРСЕРКИ

Берсерками называли свирепых воинов, которые, приходя в боевое исступление, способны были сокрушить буквально все на своем пути. Вполне вероятно, что первоначальное значение этого слова — «человек-медведь, оборотень» (дословно «берсерк» переводится как «медвежья рубаха»). В «Младшей Эдде» говорится, что воины становились берсерками по велению Одина: «Один мог сделать так, что в бою его недруги становились слепыми или глухими или наполнялись ужасом, а их оружие ранило не больше, чем хворостинки, и его воины бросались в бой без кольчуги, ярились, как бешеные собаки или волки, кусали свои щиты, и были сильными, как медведи или быки. Они убивали людей, и ни огонь, ни железо не причиняли им вреда. Такие воины назывались берсерками».

В сагах берсерками называли убийц и грабителей, притеснявших мирное население.

БИВРЕСТ (БИЛЬРЕСТ)

Мост-радуга, соединяющий небо и землю. Близ верхнего конца моста стоит чертог Хеймдалля — стража богов. В канун битвы перед концом света по Бивресту проскачут сыновья Муспелля, после чего мост обрушится. Дословно «трясущаяся дорога».

БИЛЬ

Олицетворение месяца. «Младшая Эдда» связывает с Биль такое предание: «Месяц управляет ходом звезд, и ему подчиняются новолуние и полнолуние. Он взял с земли двух детей, Билля и Хьюки, в то время как они шли от источника Бюргир и несли на плечах коромысло Симуль с ведром Сэг. Имя отца их — Видфинн. Дети всегда следуют за месяцем, и это видно с земли».

Имена означают следующее: Биль — «месяц на ущербе», Хьюки — «молодой месяц», Сэг — «море», Симуль — «лунный луч».

БОНДЫ

Одно из трех сословий скандинавского социума, свободные крестьяне, противопоставляемые в сагах аристократам-ярлам и рабам-трэллям.

БОР

Сын первого человека Бури, отец богов Одина, Вили и Ве.
Дословно «рожденный».

БРАГИ

Ас, бог скальдического искусства, муж Идунн. Высказывалось предположение, что Браги — обожествленный норвежский скальд Браги Боддасон, или Браги Старый (первая половина IX в.).

Дословно «поэт».

БРЕЙДАБЛИК

Чертог светлого бога Бальдра в Асгарде.
Дословно «широкий блеск».

БРИСИНГАМЕН

Чудесное ожерелье, выкованное карликами-цвергами, атрибут богини Фрейи.
Также назывался «поясом Брисингов», то есть цвергов.

БРЮНХИЛЬД

Дева-воительница, осужденная Одином на беспробудный сон в языках пламени за нарушение божественного повеления. Разбуженная героем Сигурдом, который сумел проникнуть сквозь огненную завесу, Брюнхильд обменялась с ним клятвами верности. Когда же Сигурд под действием напитка забвения нарушил эти клятвы и женился на Гудрун, Брюнхильд объявила, что готова выйти замуж — но только за того, кто преодолеет стену огня вокруг ее чертога. Этот подвиг сумел совершить опять-таки Сигурд, в обличии брата Гудрун Гуннара. Брюнхильд вышла замуж за Гуннара, но вскоре обман был раскрыт; разгневанная дева потребовала от мужа убить Сигурда, а когда тот погиб, закололась мечом, и ее сожгли на костре вместе с бывшим возлюбленным.

«Сага о Вельсунгах» отождествляет Брюнхильд с валькирией Сигрдривой; это же отождествление встречаем и в оперной тетралогии Р. Вагнера.

Имя Брюнхильд этимологически восходит к исландскому *hildir* — «бой».

БУРИ

Предок богов, отец Бора и дед Одина. Возник из соленых камней, которые лизала корова Аудумла. В «Младшей Эдде» говорится: «Она [корова. — *Ред* .] лизала соленые камни, покрытые инеем, и к исходу первого дня, когда она лизала те камни, в камне выросли человечесьи волосы, на второй день — голова, а на третий день возник весь человек. Его прозывают Бури. Он был хорош собою, высок и могуч».

Имя означает «родитель».

Артур Рэхем. Брюнхильд (ок. 1920 г.).

В

ВАЛАСКЪЯЛЬВ

Чертог Одина в Асгарде. В этом чертоге находится престол Хлидскъяльв.

Название переводится как «башня колдуна».

ВАЛИ

Сын Одина и богини Ринд, в возрасте одного дня отомстивший слепому Хеду за убийство Бальдра, один из тех, кто уцелеет в Рагнарек и будет жить в обновленном мире.

ВАЛЛАНД

В сагах Валландом называют южные земли за пределами Скандинавии, чаще всего под этим названием фигурирует Франция.

ВАЛЬКИРИИ

Воинственные девы, низшие богини, прислужницы Одина, участвующие в распределении побед и смертей в битвах. Они забирают с поля боя тех, кто бился доблестнее других, и уносят их в Вальхаллу. В героических песнях «Старшей Эдды» валькирии теряют «божественный ореол» и становятся «просто» девами-воительницами.

Само слово «валькирии» означает «выбирающие мертвых».

ВАЛЬХАЛЛА

Чертог в Асгарде, примыкающий к палатам Одина. В этот чертог девы-валькирии приносят павших в бою доблестных воинов — эйнхериев. В Вальхалле эйнхерии едят неубывающее мясо вепря Сэхримнира, пьют мед и сражаются между собой, а валькирии им прислуживают. Дословно «палаты мертвых».

ВАНАХЕЙМ

Один из девяти миров скандинавского мифологического мироздания, обитель богов-ванов. Дословно «земля ванов».

ВАНЫ

Боги плодородия.

Подробнее см. статью «Асы и ваны».

ВАРГИ

В фольклоре скандинавских народов волки-оборотни или вервольфы, то есть люди, способные превращаться в волков.

ВАФТРУДНИР

Мудрый великан, с которым, согласно «Старшей Эдде», состязается в мудрости Один. Эддическая песнь «Речи Вафтруднира» построена в характерной для состязаний такого рода форме вопросов и ответов. Вафтруднир не сумел ответить на последний вопрос Одина и потому был вынужден признать себя побежденным.

ВЕЛУНД

Чудесный кузнец, правитель альвов.

Подробнее изложение мифа о Велунде см. в статье «Альвы».

ВЕЛЬВА

Божественная ведьма, которая по требованию бога Одина, поднявшего ее из могилы, излагает историю мироздания и пророчит будущее, в том числе — неизбежную смерть Бальдра и конец света. В позднейшей, фольклорной традиции вельвами стали называть деревенских ведьм.

ВИДАР

Ас, «молчаливый бог», сын Одина, после гибели отца в Раг- нарек разорвавший пасть его убийце — чудовищному волку Фенриру.

«ВИДЕНИЕ ГЮЛЬВИ»

Самая знаменитая, самая поэтическая часть «Младшей Эдды», краткое изложение основных скандинавских мифов. По выражению М.И. Стеблин-Каменского, этот фрагмент — лучшая часть «Младшей Эдды». Как писал исландский ученый Сигурд Нордаль, «„Видение Гюльви" — это одно из тех вечных произведений, которые можно читать ребенком сразу же после букваря и затем опять и опять на всех ступенях развития и знания и каждый раз находить новое, и новое, и новое. Эта книга одновременно и прозрачна, и трудно понимаема, проста, как голубка, и хитра, как змея, в зависимости от того, насколько глубоко читатель проникает в нее. Ибо, хотя языческое мировоззрение не полностью раскрывается в ней, в большей цельности его не найти ни в каком другом произведении».

ВОДАН (ВОТАН, ВОДЕН)

Германский вариант имени верховного бога скандинавского пантеона Одина.

Г

ГАРМ

Хтоническое чудовище, демонический пес, возможно, «двойник» чудовищного волка Фенрира. В битве перед концом света Гарм сойдется в поединке с богом Тюрором, и они убьют друг друга.

ГЕВЬОН

Богиня из асов, невестка Одина. Согласно «Младшей Эдде», конунг Гюльви предложил Гевьон наградить ее за занимательные речи таким количеством земли, какое смогут утащить четыре быка. Гевьон взяла четырех быков из Йотунхейма (это были ее собственные сыновья) и «принялась пахать на них. И плуг так сильно и глубоко врезался в землю, что земля эта вся вздыбилась. И поволокли быки землю в море и еще дальше, на запад, и остановились в одном проливе. Там сбросила Гевьон ту землю и дала ей имя и назвала ее Зеландией. А там, где прежде была та земля, возникло озеро. Оно теперь в Швеции называется Меларен. И бухты на озере Меларен похожи с виду на мысы Зеландии».

ГЕЙРРЕД

Один из йотунов, противник Тора. Кроме того, имя Гейрред носил некий конунг, захвативший в плен Одина, который странствовал среди людей под именем Гримнира. Конунг подверг Гримнира пытке меж двух огней, но в конце концов Один высвободился и колдовством устроил так, что Гейрред упал на собственный меч. В «Речах Гримнира» сказано:

Пьян ты, Гейрред,
пил-то без меры;
и не помогут тебе ни я,
ни эйнхерии,
ни милость Одина —
многое ты потерял.

Много сказал я,
да мало ты помнишь;
друг тебе недругом стал,
вижу, друже,

лежит на земле
меч твой, и весь в крови.

Конец твой знаю:
ныне же к Иггу,
клинком упокоен, пойдешь;
дисы в гневе;
ныне дерзнешь ли
на Одина глянуть, представ¹¹⁶.

ГЕРИ И ФРЕКИ

Волки, спутники Одина.

Их имена означают, соответственно, «жадный» и «прожорливый».

ГИНУНГАГАП

Мировая бездна, в которой из жара Муспелльсхейма и стужи потоков Эливагара возник инеистый великан Имир.

ГЛАДСХЕЙМ

Чертог Одина в Асгарде. Часть этого чертога составляет Вальхалла.
Дословно «обитель радости».

ГРИМНИР

Одно из имен Одина, под которым тот странствовал среди людей и попал в плен к конунгу Гейрреду.

Подробнее см. в статье «Гейрред».

ГУДРУН

Дева из рода Гьюкунгов, жена Сигурда и невольная пособница его гибели, впоследствии жена Атли. В эддической песни «Подстрекательство Гудрун» и в «Речах Хамдира» она выступает как жена конунга Йонакра, к которому бежала после поджога дворца Атли. По преданию, дочь Йонакра Сванхильд была казнена конунгом Йормунрекком за супружескую измену. Гудрун подстрекала своих сыновей отомстить за сводную сестру. В «Подстрекательстве Гудрун» говорится:

Три я знала огня,
три очага,
трое мужей
в дом меня брали;
лучшим среди них
был конунг Сигурд, —
братья мои
умертили его!

Горшего я горя
не видела,
но злей для
меня задумали горе,
замуж отдав

¹¹⁶ Перевод В.Г. Тихомирова. Игг — одно из имен Одина.

за конунга Атли!

Мальчиков смелых
к себе призвала я;
одна мне в несчастье
месть оставалась:
сынов обезглавить,
Нифлунгов юных.

Пошла я на берег,
на норн озлобясь,
хотела избегнуть
их ярого гнева —
подняли волны
меня высокие,
мне не дало
море погибнуть.

Взошла я на ложе —
на счастье надеясь! —
князя могучего,
третьего мужа;
детей родила,
наследство хранящих,
наследство хранящих
Йонакра отпрысков.

Около Сванхильд
сидели рабыни,
дочь мне была
детей всех дороже;
ярко сияла Сванхильд
в палате,
как солнечный луч
сияет и блещет!

Одевала ее
в драгоценные ткани,
выдала замуж
в готскую землю —
горше не знала я
черного горя:
светлые косы,
волосы Сванхильд
втоптаны в грязь
копытами конскими!

И горе не меньшее —
муж мой Сигурд,
победы лишенный,
убит был в постели;
и горе жестокое —

к сердцу Гуннара
змеи блестящие
злобно приблизились;
и острое горе —
из груди конунга
вырезать сердце
враги осмелились.

Много я помню
зла и печалей.
Серого, Сигурд,
коня оседлай.
пусть быстрый скакун
сюда прибежит!
Нету со мной
ни невестки, ни дочери,
что Гудрун дары
принесли б драгоценные¹¹⁷!

По «Речам Хамдира», подстрекательство Гудрун завершилось тем, что ее сыновья отправились мстить за сестру и были оба убиты воинами Йормунрекка (исторического короля остготов Эрманариха).

ГУЛЛЬВЕЙГ

Злая колдунья, владевшая магией *сейд*, то есть колдовством богов-ванов. Асы трижды пытались убить эту колдунью, но она всякий раз оставалась в живых. Появление Гулльвейг среди асов стало поводом для первой в мире войны — между асами и ванами.

В «Прорицании вельвы» говорится:

Первая в мире
война случилась —
все-то помнит она! —
из-за Гулльвейг,
убитой и трижды
сожженной в жилище Высокого
(трижды сжигали
трижды рожденную,
многожды жгли —
доныне жива,

Хейд ее имя),
входила в дома
ведьма-провидица,
всюду вредила
злом ли,
жезлом ли,
злым ли словом,
порчей — отрадой
жен вредотворных¹¹⁸.

¹¹⁷ Перевод А.И. Корсуна.

Дословно имя «Гулльвейг» переводится как «сила золота».

ГУНГНИР

Чудесное копьё Одина, никогда не дававшее промаха и после броска непременно, как бумеранг, возвращавшееся к своему владельцу.

ГУННАР

Правитель бургундов, сын Гьюки и брат Гудрун, участник истории рода Вельсунгов-Гьюкунгов. Побратавшись с героем Сигурдом, Гуннар попросил последнего выдержать вместо него воинское испытание — преодолеть огненную стену, окружавшую палаты девы Брюнхильд. Сигурд согласился и, приняв обличье Гуннара, выполнил эту задачу. Брюнхильд стала женой Гуннара, но вскоре узнала, что ее обманули, и в ярости потребовала от Гуннара головы Сигурда. Гуннар не стал перечить жене и погубил Сигурда руками своего младшего брата Готторма, после чего завладел сокровищами Сигурда — проклятым золотом карлика Андвари. Это сокровище стало причиной его собственной гибели: вместе с братом Хегни Гуннар поехал к мужу их сестры Атли, и тот обманом погубил обоих братьев: у Хегни вырезали сердце, а Гуннара сбросили в ров, кишевший змеями.

Гуннар в змеином рву. Резьба по дереву (XII в.).

Исторически Гуннару соответствует последний король бургундов Гундихарий, разбитый гуннами в 437 г.

ГЬЯЛЛАРХОРН

Рог бога Хеймдалля, в который тот затрубит в канун битвы перед концом света. По одной из версий мифа, этот рог хранится у корней ясеня Иггдрасиль, там же, где глаз Одина. Дословно «громкий рог».

Д

ДИКАЯ ОХОТА

Демоническая кавалькада, мчащаяся по небу и собирающая «смертную жатву» с людей. По распространенным в Скандинавии поверьям, возглавляет эту кавалькаду не кто иной, как Один. Как писал А.Н. Афанасьев: «Часто бывает... что в светлую, тихую ночь внезапно раздается страшный гул, свет месяца померкает, вихри поднимают свист, деревья ломаются и падают с треском, и в разрушительной буре несется по воздуху Дикий Охотник — один или в сопровождении большого поезда духов... На статном, белом как молоко коне, извергающем из ноздрей и рта пламя, скачет древний бог во главе огромной свиты; голова его покрыта шляпою с широкими полями; плащ, накинутый на плечи, далеко развеивается по ветру... Иногда дикий охотник выезжает не верхом, а в огненной колеснице на выдыхающих пламя лошадях; колесницей управляет возничий, он громко хлопает бичом, и после каждого удара сыплются молниеносные искры». Встреча с Дикой Охотой предвещает несчастье и даже смерть.

ДИСЫ

Низшие женские божества скандинавского пантеона, боги-помощницы. К дисам принадлежат валькирии и норны. В «Младшей Эдде» богиня Фрейя называется «дисой ванов».

ДОНАР

Германский вариант имени скандинавского бога-громовника Тора.

ДРАКОН

Хтоническое чудовище, олицетворение первоначального хаоса (ср. дракона Тиамат, побежденного богом Мардуком, в шумеро-аккадской мифологии). В европейской традиции (а впоследствии в геральдике, под влиянием христианства, отождествлявшего дракона с дьяволом) дракон считался порождением зла. Его победители — архангелы и святые: архангел Михаил, Георгий Победоносец — покровители рыцарства.

Европейских драконов принято разделять на огнедышащих, вивернов (змееподобных и крылатых, с колючкой на хвосте) и линдвурмов (бескрылые виверны). Следует также отметить, что вивернами называют и геральдических драконов, то есть тех, которых изображали на щитах и гербах. Виверны символизируют зависть, злобу и воинственность, а линдвурмы — войну и разрушение.

Скандинавские драконы (змеи) относились к разряду ползучих, то есть линдвурмов. Это драконы без крыльев, тело у них по-змеиному длинное:

Клад незарытый стал
достоянием старого змея,
гада голого, гладкочешуйного... 119

В оккультизме и эзотерических учениях дракон символизирует препятствие на пути к некоему духовному сокровищу. Вследствие этого мифы о победе героя над драконом (например, Сигурда над Фафниром) толкуются как обряд инициации, пройдя через который испытываемый обретает «духовное сокровище».

ДРАУПНИР

Чудесное кольцо Одина, обладавшее свойством «размножаться». Как сказано в «Младшей Эдде», «есть у этого кольца свойство: каждую девятую ночь капает из него по восьми колец такого же веса». Дословно «капающий».

И

ИГГДРАСИЛЬ

Мировое дерево, ясень, который связывает между собой девять миров; на его вершине сидит мудрый орел, корни дерева гложут змеи и дракон Нидхегг. Три корня Иггдрасиля уходят в подземный мир; под ними расположены источники, и среди них тот, у которого живут норны. В «Младшей Эдде» сказано, что Иггдрасиль «больше и прекраснее всех деревьев. Сучья его простерты над миром и поднимаются выше неба. Три корня поддерживают дерево, и далеко расходятся эти корни. Один корень — у асов, другой — у инее- стых великанов, там, где прежде была Мировая Бездна. Третий же тянется к Нифльхейму...» А «Старшая Эдда» описывает Иггдрасиль так:

Тремя корнями
тот ясень-дерево

на три страны пророс:
Хель — под первым,
Хримтурсам — второй,
под третьим род человек.

Белка по имени мысь
Вострозубка снует по
Иггдрасиль-древу,
сверху она слово орла
вниз темному
Нидхеггу носит.

Две пары оленей
вершину древа гложут,
вытянув выи:
Туротрор, Умерший,
Мешкий и Чуткий.
И змей немало под
Иггдрасиль-древом —
больше, чем думают дурни иные:

Пустожил и Подземельник —
волкодлачьи чада,
тоже Серый и Скрытень,
Снотворец и Витень;
мне же ведомо:
ветви Древа им вечно грызть.

Иггдрасиль-яшень
терпит страсти,
коих не знают люди:
олень объедает,
ствол подгнивает,
Нидхегг терзает снизу¹²⁰.

Описание Иггдрасиля представляет собой одновременно вертикальную (крона — небо — Асгард, ствол — Мидгард, корни — Нифльхейм) и горизонтальную (три корня: Асгард — Мидгард — Утгард) проекции мироздания, причем в последней моделируются числовые отношения (три корня, четыре оленя, шесть змей).

Буквально «Иггдрасиль» переводится как «Конь Игга» (Игг — одно из имен Одина).

Мировой яшень Иггдрасиль. Резьба по дереву (VIII в.).

ИДУНН

Богиня из асов, супруга Браги, владелица молодильных яблок, вероятно, богиня плодородия.

¹²⁰ Перевод В.Г. Тихомирова.

ИМИР

Первосущество, из расчлененного тела которого богами был создан мир. Как сказано в «Речах Вафтруднира»:

Из мяса Имира
сделаны земли,
из косточек — горы,
небо из черепа
льдистого йотуна,
из крови —
море¹²¹.

ИНГВИ

Конунг, основатель шведского королевского рода Инглингов, звавшийся также Ингви-Фрейром. «Сага об Инглингах» гласит: «Фрейр стал правителем после Ньерда. Его называли владыкой шведов, и он брал с них дань. При нем были такие же урожайные годы, как и при его отце, и его так же любили. Фрейр воздвиг в Упсале большое капище, и там была его столица. Туда шла дань со всех его земель, и там было все его богатство. Отсюда пошло Упсальское богатство и всегда с тех пор существует. При Фрейре начался мир Фроди. Тогда были урожайные годы во всех странах.

Шведы приписывали их Фрейру. Его почитали больше, чем других богов, потому что при нем народ стал богаче, чем был раньше, благодаря миру и урожайным годам. Его женой была Герд дочь Гюмира. Их сына звали Фьельнир. Фрейра звали также Ингви. Имя Ингви долго считалось в его роде почетным званием, и его родичи стали потом называться Инглингами».

ИНГЛИНГИ

Шведский королевский род, ведущий свое происхождение от Одина — предводителя племени асов, пришедшего в скандинавские земли откуда-то из Азии. Такая «генеалогия» рода Инглингов излагается в «Саге об Инглингах» — своеобразном прологе к «Кругу Земному» С. Стурлусона.

ИНЕИСТЫЕ ВЕЛИКАНЫ

Древние великаны, первоначальники мира, предшественники не только людей, но и богов.

Инеистые великаны наделены великой мудростью. Бельторн дает богу Одину магические руны; впоследствии Один советуется с головой великана Мимира и черпает мудрость из медового источника, которым владеет великан. От инеистых великанов ведут свой род йотуны и тролли.

Й

ЙОЛЬ

В скандинавской языческой традиции праздник зимы, с установлением христианства «замененный» сочельником и праздником Рождества.

ЙОРД (ЕРД, ЭРД)

Богиня из асов, супруга Одина и мать Тора.
Дословно «земля».

¹²¹ Перевод В.Г. Тихомирова.

ЙОРМУНГАНД (ЕРМУНГАНД)

Мировой змей, иначе «змей Мидгарда» (Мидгардсорм), самый знаменитый из скандинавских драконов, отпрыск Локи и великанши Ангрбоды, постоянный противник бога Тора. В битве перед концом света Йормунганд победит своего противника и тот «отступит на девять шагов», то есть погибнет и окажется в Хель — низайшем из девяти миров скандинавского мифологического мироздания, обители мертвых. Имя змея переводится как «великанский посох».

ЙОТУНХЕЙМ (ЕТУНХЕЙМ)

Один из девяти миров скандинавского мифологического мироздания, обитель великанов-йотунов.

Дословно «земля йотунов».

ЙОТУНЫ (ЕТУНЫ)

Великаны, противники богов и людей, одновременно связанные с богами «родственными узами»: многие боги женаты на великаншах, а сами йотуны часто норовят похитить богинь. Йотуны — потомки инеистых великанов, от которых они унаследовали чудовищную силу и отчасти мудрость (во всяком случае, в некоторых мифах они выставляют богов на посмешище). Главный враг йотунов — бог-громовник Тор.

К

КВАСИР

Мудрый человек, созданный из слюны богов, персонификация одноименного хмельного напитка (имя «Квасир» этимологически родственно русскому «квас»). Он сумел по золе из сожженной рыболовной сети, придуманной Локи, восстановить эту сеть. Из крови Квасира, убитого карликами Фьяларом («прячущим») и Галларом («поющим»), был создан мед поэзии.

КЛОНТАРВ, БИТВА ПРИ

Битва, состоявшаяся 23 апреля 1014 года при Клонтарве под Дублином. В этой битве ирландский правитель Бриан одержал победу над викингами, которых возглавляли конунг Дублина Сигтрюгг и оркнейский ярл Сигурд. Сам Бриан погиб в схватке. Битва при Клонтарве стала эпизодом «Саги о Ньяле», сохранившей до нашего времени знаменитую «Песнь валькирий».

КОНУНГ

Правитель в Скандинавии. Первоначально каждая область Норвегии и других скандинавских стран имела своего конунга, но после объединения Норвегии Харальдом Прекрасноволосым (ок. 870 г.) он и его потомки стали единовластными конунгами этой страны.

КОРОЛЕВСКИЕ САГИ

Наиболее известные из скандинавских саг, повествующие об истории Норвегии, представленной как история норвежских правителей. Сохранились как саги об отдельных конунгах — например, «Сага о Сверрире», «Сага об Олаве Трюггвасоне», «Сага о Хаконе Хаконарсоне», так и сводные саги, из которых наиболее известна «Хеймскрингла», то есть «Круг Земной», обычно приписываемая Снорри Стурлусону. Она охватывает период с мифических времен до 1177 года. Сохранилась также исландская сага о датских королях и датской истории — «Сага о Кнютлингах» (Кнютлинги — датский королевский род). Еще сохранились саги, в которых рассказывается об истории Исландии в XII–XIII веках, то есть о

событиях, почти одновременных написанию саги. Эти саги собраны в компиляции XIII века, которая называется «Сага о Стурлунгах» (Стурлунги — знатный исландский род, представители которого боролись в ту пору за власть). «Сага о Стурлунгах» отличается чрезвычайной дотошностью в изложении фактов. Помимо королевских, есть саги, в которых рассказывается об исландских епископах XI–XIV веков и церкви в Исландии. Они называются «сагами о епископах». Другие разновидности саг — прежде всего саги родовые, а также «пряди».

КРАКЕН

Морское чудовище с окружностью тела до полутора морских миль. Живет кракен глубоко под водой, у него гигантская голова и множество щупалец. Когда он рассердится, то выделяет из тела мутную жидкость. Как и драконы, кракены стерегут сокровища; именно они охраняют большинство затонувших кораблей и подводные развалины. Древнеримский ученый автор Плиний Старший в своей «Естественной истории» упоминал о кракене, которого видели у Геркулесовых Столпов: тот нежился в теплой воде, а люди по ошибке приняли его наполовину скрытое водой тело за гряду островов.

«КРУГ ЗЕМНОЙ»

Наиболее знаменитое собрание норвежских королевских саг, составление которого, как правило, приписывается Снорри Стурлусону. Составление этого собрания условно датируется XIII в. М.И. Стеблин-Каменский в послесловии к русскому изданию «Круга Земного» писал: «Долгое время "Круг Земной" принимался за рассказ о прошлом, заслуживающий полного доверия, т. е. за историю. С развитием исторической науки возрастал скептицизм по отношению к "Кругу Земному" как истории, и все более частыми становились высказывания, которые сводятся к тому, что "Круг Земной" — это, в сущности, не история, а исторический роман, т. е. художественная литература. А что же такое "Круг Земной" на самом деле? Необходимо прежде всего учесть следующее. В сознании средневекового исландца не было деления на рассказ о прошлом, отвечающий требованиям, которые предъявляются к истории как науке, и рассказ о прошлом, отвечающий требованиям, которые предъявляются к художественной литературе. Рассказ о прошлом был поэтому, так сказать, «праисторией». Попытаться ответить на вопрос, что такое "Круг Земной", в терминах таких понятий, как «история» и "исторический роман", например — толковать его как нечто среднее между ними или нечто совмещающее в себе то и другое, — это значит приписывать средневековому исландцу то, что было совершенно чуждо его сознанию. Праистория — это нечто резко отличное как от истории, так и от исторического романа, а в известном смысле даже противоположное им.»

Л

ЛИВ И ЛИВТРАСИР

Человеческая пара, которой суждено пережить Рагнарек. От них на земле снова зародился человеческий род.

Буквально «жизнь» и «пышущий жизнью».

ЛОДУР

Имя, под которым в ряде мифологических песен «Старшей Эдды» выведен Локи. Так, именно под этим именем он участвует, вместе с Одином и Хениром, в оживлении древесных прообразов первых людей — Аска и Эмблы.

ЛОКИ

Бог из асов, сын великана, брат Бюлейста (одно из имен Одина). По своему поведению в мифологическом мире скандинавов Локи — плут-трикстер, комический «двойник» Одина,

«бог конца», противопоставляемый Одину как «богу начала». Он участвовал в оживлении первых людей — и он же породил хтонических чудовищ, которые погубят этот мир. Он своим советом погубил светлого бога Бальдра и, превратившись в великаншу, которая не пожелала оплакать Бальдра, помешал тому вернуться из Хель в мир живых. Согласно «Прорицанию вельвы», в битве перед концом света Локи выступит на стороне сил хаоса и даже поведет корабль Нагльфар, сделанный из ногтей мертвецов.

Артур Рэхем. Локи и девы Рейна (ок. 1920 г.).

М

МЕД ПОЭЗИИ

Священный напиток, дарующий мудрость и поэтическое вдохновение. Создан цвергами из крови мудрого Квасира. Один, соблазнив дочь великана, сторожившего этот напиток, сумел завладеть им и принести в Асгард. По другой версии мифа, Один получил этот напиток вместе с рунами мудрости от великана Бельторна после того, как семь дней провисел на ясене Иггдрасиль, пронзенный собственным копьем.

МИДГАРД

Один из девяти миров скандинавского мифологического мироздания, обитель людей, в ряде мифологических текстов выступающий как синоним Асгарда. Стены Мидгарда возведены из ресниц первосущества Имира.

Дословно «срединный двор, срединная ограда».

МИМИР

Великан, хозяин источника мудрости, находящегося у корней мирового древа Иггдрасиль. По мифу, Один отдал Мимиру свой глаз за право напиться из этого источника. По другой версии мифа, ваны отрезали Мимиру голову и послали ее в дар Одину, который частенько с этой головой советовался.

«МЛАДШАЯ ЭДДА»

Учебник скальдического искусства, составленный в XIII в. знаменитым исландцем Снорри Стурлусоном и называемый также «Прозаической Эддой» или «Эддой Снорри». Помимо описания различных поэтических приемов «Младшая Эдда» содержит сугубо мифологический фрагмент — «Видение Гюльви», в котором сжато изложены основные сюжеты скандинавской мифологии.

МУСПЕЛЛЬСХЕЙМ

Один из девяти миров скандинавского мифологического мироздания, огненная страна, существовавшая еще до начала времен. В битве перед концом света жители этой страны («сыновья Муспелля») будут сражаться на стороне чудовищ.

МЬЕЛЛЬНИР

Чудесный молот, атрибут бога-громовника Тора. Этого молота панически боятся йотуны и другие враги богов и людей.

Этимологически слово «Мьелльнир» родственно русскому «молния».

Н

НАГЛЬФАР

Корабль, построенный из ногтей мертвецов. В нем мертвецы из Хель приплывут на битву перед концом света, а править Нагльфаром будет Локи (или великан Хрюм).

Дословно «корабль мертвых».

НИДХЕГГ

Дракон, грызущий один из корней ясеня Иггдрасиль, возможно, «двойник» Йормунганда.

НИКСЫ

В скандинавском фольклоре духи, которые стерегут водные пути (реки и ручьи) в Волшебную Страну, пропускают лишь тех, кого следует, а кого не следует — отгоняют. Еще они обольщают молодых девушек, которых завлекают рассказами о несметных сокровищах в своих подводных жилищах. Они частенько наигрывают на своих золотых скрипках и лютнях «мелодию эльфийского короля», которая очаровывает смертных. В некоторых сказках говорится, что никсы высасывают из людей души и, подобно ирландским мерроу, заключают их в клетки.

Нрав у ников переменчивый: то они выплывают на поверхность и поют, то поднимают бури и требуют мести тем, кто их оскорбил. Они помогают людям — в частности, покупают зерно на ярмарках и тем самым повышают на него цену. Если им подарить черную или белую козу или курицу, они могут научить человека играть на скрипке.

Чтобы защититься от ников, следует всегда носить при себе что-нибудь железное — к примеру, нож. А чтобы они не застали врасплох в воде, надо повторять перед тем, как залезть в воду, такое присловье: «Никсы, воришки, вы в воде, а я на суше. Никсы, воришки, вы на суше, а я в воде».

Людам они являются как симпатичные юноши с кудрявыми золотистыми волосами, облаченные в зеленые рубашки с фартуками, красные чулки и синие штаны. На головах у них красные шапочки. Ников можно узнать по мокрым пятнам на фартуках и рубашках и по зеленым зубам. Они обладают способностью к оборотничеству, могут превращаться в лошадей и быков. Мэнские никсы выходят из воды в полнолуние, за ними вереницей тянутся утопленники.

НИССЕ

В фольклоре скандинавов домашние духи. Подобно английским брауни, они выполняют домашнюю работу, требуя от обитателей дома соблюдения некоторых правил. Во-первых, в доме должна поддерживаться чистота, во-вторых, не следует шуметь, в-третьих, нужно отдыхать по выходным. На Рождество ниссе следует дарить понюшку табаку, отрез серой материи и пригоршню глины.

В ночи полнолуния ниссе отправляются танцевать, зимой катаются по льду замерзших рек и озер. Они не прочь пошалить, достается от них и людям, и домашним животным. Они выдергивают стулья из-под людей, громко хохочут, кричат на ухо, щиплют и щекочат, а животных выпускают из загонов.

Ниссе отличаются недюжинной физической силой. Ростом они с ребенка, у них старческие лица, яркие, блестящие глаза и длинные, до колен, руки. Смех ниссе напоминает конское ржание. Носят они башмаки или тапочки, красные чулки, штаны до колен и серые или зеленые куртки. Летом ниссе расхаживают обнаженными или надевают легкие льняные рубашки.

НИФЛУНГИ

Скандинавский вариант имени «нибелунги».

НИФЛЬХЕЙМ

Один из девяти миров скандинавского мифологического мироздания, страна стужи, существовавшая до начала творения. Ядовитые студёные потоки Нифльхейма заполнили мировую бездну Гинунгагап и осели в ней инеем, растаяв от жара из Муспелльсхейма. Из этого инея и возник первый инеистый великан Имир.

Буквально «темный мир» или «нижний мир».

НИФЛЬХЕЛЬ

Другое название обители мертвых — Хель. Дословно «владение тьмы».

НОАТУН

Чертог в Асгарде, принадлежащий богу Ньерду. Буквально «корабельный двор».

НОРНЫ

Богини судьбы, Три Таинственные сестры. Когда рождается младенец, они появляются у его колыбельки и бросают кости, определяя, кем ему суждено стать. Норны явились под ясенем Иггдрасиль, у этого ясеня находится источник Урд, от названия которого получила свое имя первая из норн. Имена их переводятся так: Урд — Прошлое, Верданди — Настоящее, Скульд — Будущее.

НЬЕРД

Бог из ванов, отданный в заложники асам, отец Фрейра и Фрейи, бог мореплавания, рыболовства и охоты. Согласно мифу, он женился на великанше Скади, которой приглянулись его ноги. Его всегда тянуло на побережье, поближе к морю, а Скади хотелось в горы. В конце концов супруги решили, что девять суток они будут жить у моря, а следующие девять проводить в горах.

О

ОДИН

Бог из асов, верховное божество скандинавского пантеона, Всеотец, бог неба, покровитель воинских инициаций и колдовского ремесла. Образ Одина замечательно описывается его многочисленными именами; ср. широко известный перечень из «Речей Гримнира»:

Я — Грим-личина
и Ганглери-странник,
Вождь — мне имя,
тож Шлемоносец,
Друг и Сутуга,
Третьей и Захват,
Высокий и Слепо-Хель,
Истый, Изменный,
Истогадатель, Радость Рати

и Рознь, тож Одноглазый,
тож Огнеглазый,
Злыдень и Разный,
Личина и Лик,
Морок и Блазнь,
Секиробородый,
Даятель Побед,
Широкополюй,

Смутьян,
Всебог и Навь-бог,
Всадник и Тяж-бог, —
вовек не ходил я
среди человеков,
своих не меняя имен.

Ныне у Гейреда я —
Гримнир-личина;
я же у Эсмунда
был Мерин,
впрягшийся в сани,
Кормилец;
я на тинге —
Цветущий, я же в битве —
Губитель;
Ярый, Равный,
Вышний, Брадатый,
Посох и Щит для богов.

Звал меня Секкмимир
Узд и Обузд,
я же стар-йотуна перехитрил
и победил я один на один
славного Мидвиднир-сына...

Один я ныне, доньше —
Игг страшный,
Сутуга — допрежде того,
Сторожкий и Конунг,
Сплетель и Тайный,
Гаут и Мерин в богах,
Снотворец и Витень —
и все они, знаю,
ныне во мне едины¹²²!

Ф. Лееке. Один и Брюнхильд (ок. 1890 г.).

ОЛАВ СВЯТОЙ

Норвежский конунг (1016–1030), иначе Олав сын Харальда, долгое время промышлял викингскими набегами, но затем обратился в христианство и стал одним из набожнейших людей Норвегии, а после смерти постепенно сделался полупоэтическим персонажем.

ОЛАВ СЫН ТРЮГГВИ

Норвежский конунг (995-1000), креститель Норвегии, утверждал новую веру огнем и мечом. При нем же христианство было принято и в Исландии.

¹²² Перевод В.Г. Тихомирова.

П

ПРЯДИ ОБ ИСЛАНДЦАХ

Короткие рассказы об исландцах, «вплетенные» в тексты норвежских родовых и королевских саг. Сохранилось более полусотни таких рассказов, в которых неизменно восхваляются находчивость, остроумие и храбрость исландцев. Основные своды, в которых сохранились пряди, — это собрания саг под названиями «Гнилая кожа» и «Книга с Плоского острова» (XIII–XIV вв.).

Р

РАГНАРЕК

Гибель богов и всего мира, которой предшествует битва перед концом света. В этой битве боги сражаются с хтоническими чудовищами и терпят поражение, мир охватывает пламя (или стужа), но постепенно хаос отступает и мир возрождается.

Буквально «гибель [судьба] богов».

РАН

Супруга морского великана Эгира, владычица морской стихии.

РЕГИН

Кузнец и колдун, сын «могущественного человека» Хрейдмара и брат обернувшегося драконом Фафнира, воспитатель героя Сигурда. Регин — непосредственный участник событий, имеющих отношение к сюжету о проклятом золоте карлика Андвари. По его наущению Сигурд убивает Фафнира, но сокровища дракона Регину не достаются: Сигурд случайно узнает о коварных планах кузнеца на свой счет и, опережая их исполнение, убивает своего воспитателя.

Регин перековывает меч, доставшийся Сигурду от отца. Деталь деревянной резьбы XIII в. на воротах церкви Хюлестада (Норвегия).

РИГ

Странствуя под этим именем среди людей, бог Хеймдалль учредил три сословия скандинавского социума — аристократов-ярлов, свободных крестьян-бондов и рабов-трэллей.

РОДОВЫЕ САГИ

Иначе «саги об исландцах». Саги, посвященные событиям в Исландии в так называемый «век саг» (X–XI вв.) В этих сагах рассказывается о судьбах многочисленных исландских родов.

РУНЫ

Идеограммы, первоначально, по всей видимости, употреблявшиеся не столько для передачи сообщений, сколько в магических целях: согласно Тациту, германцы получали у оракулов палочки с насечками и по этим насечкам пророчествовали. Угловатость рун объясняется как раз тем, что первоначально они представляли собой насечки на дереве: вертикальные линии вырезались перпендикулярно направлению волокна, округлые и горизонтальные линии употреблялись избегали.

В мифопоэтической традиции обретение рун приписывается Одину, который семь дней провисел, пронзенный собственным копьем, на ясене Игдрасиль, после чего получил от

великана Бельторна «знаки мудрости».

Рунический алфавит обычно называют *футарком* — по транскрипциям первых шести букв. Романтики с их увлечением народным творчеством приписывали рунам сакральное, почти божественное значение, тем паче что некоторые руны соотносились с богами и вырезались на алтарях и могильных камнях; это восприятие рун было подхвачено национал-социализмом, adeпты которого объявили руны «исконно германским наследием» (на самом деле германские руны восходят к образцам средиземноморской письменности) и придали этим графическим знакам квазимагическое значение. Иными словами, в нацистской Германии руны превратились в символы «германского духа»; тот же смысл имеют и современные неонацистские рунические граффити.

Некоторые «руны мудрости» перечисляются в эддических «Речах Сигдривы»:

Клену тинга кольчуг
даю я напиток,
исполненный силы
и славы великой;
в нем песни волшбы
и руны целящие,
заклятья благие
и радости руны.

Руны победы,
коль ты к ней стремишься, —
вырежи их
на меча рукояти
и дважды пометь
именем Тюра!

Руны пива познай,
чтоб обман тебе
не был страшен!
Нанеси их на рог,
на руке начертай,
руну Науд — на ногте.

Рог освяти,
опасайся коварства,
лук брось во влагу;
тогда знаю твердо,
что зельем волшебным
тебя не напят.

Повивальные руны познай,
если хочешь быть
в помощь при родах!
На ладонь нанеси их,
запястья сжимай,
к дисам взывая.

Руны прибоя познай,
чтоб спасти
корабли плывущие!

Руны те начертай на носу,
на руле
и выжги на веслах, —
пусть грозен прибой
и черны валы, —
невредимым причалишь.

Целебные руны
для врачевания
ты должен познать;
на стволе,
что ветви клонит к востоку,
вырежи их.

Познай руны речи,
если не хочешь,
чтоб мстили тебе!
Их слагают,
их составляют,
их сплетают
на тинге таком,
где люди должны
творить правосудье.

Познай руны мысли,
если мудрейшим
хочешь ты стать!
Хрофт разгадал их
и начертал их,
он их измыслил
из влаги такой,
что некогда вытекла
из мозга Хейддраупнира
и рога Ходдрофнира.

Стоял на горе в шлеме,
с мечом; тогда голова Мимира
молвила мудрое слово
и правду сказала,
что руны украсили
щит бога света,
копыто Альсвинна
и Арвака уши
и колесницу
убийцы Хрунгнира,

Слейпнира зубы
и санный подрез,
лапу медведя
и Браги язык,
волчьи когти
и клюв орлиный,

кровавые крылья
и край моста,
ладонь повитухи
и след помогающий,
стекло и золото
и талисманы,
вино и сусло,
скамьи веселья,
железо Гунгнира,
грудь коня Грани,
ноготь норны
и клюв совиный.

Руны разные
все соскоблили,
с медом священным смешав,
разослали, —
у асов одни,
другие у альвов,
у ванов мудрых,
у сынов человеческих.

То руны письма,
повивальные руны,
руны пива и руны волшбы, —
не перепутай,
не повреди их,
с пользой владей ими;
пользуйся знаньем
до смерти богов¹²³!

С

«САГА О ВЕЛЬСУНГАХ»

Пожалуй, сама известная из так называемых «саг о древних временах». Эта сага представляет собой наиболее полное изложение сюжета о проклятом золоте карлика Андвари и трагической участи рода Вельсунгов.

«САГА ОБ ИНГЛИНГАХ»

Одна из первых королевских саг, возводящая происхождение шведского королевского рода к богам Фрейру и Ньерду, и даже к Одину. В этой саге, несмотря на всю ее совершенно очевидную «неисторичность», содержится богатейший материал по языческой культуре древней Скандинавии. Боги «Эдд» в этой саге становятся людьми, пришедшими на север Европы откуда-то из Азии и потому звавшимися асами. По замечанию М.И. Стеблин-Каменского, «все сверхъестественное, о чем рассказывается в эддических мифах, сохранено, однако сделано приемлемым для тех, кто не хотел верить в языческих богов, но верил в колдовство».

¹²³ Перевод А.И. Корсуна. «Клен тинга кольчуг» — воин (характерный пример кеннига — этой знаменитой скальдической метафоры), Хрофт — Один, Альсвинн и Арвак — кони в колеснице солнца, убийца Хрунгнира — Тор.

СВАДИЛЬФАРИ

Жеребец великана-строителя Асгарда, соблазненный Локи, который превратился в кобылу. От этого неожиданного союза родился восьминогий конь Одина — Слейпнир.

СВАРТАЛЬВХЕЙМ

Один из девяти миров скандинавского мифологического мироздания, обитель цвергов. Буквально «земля темных альвов».

СИВ

Богиня из асов, супруга Тора, ее атрибут — золотые волосы (по всей видимости, олицетворение плодородия).

СИГРДРИВА

Валькирия, нарушившая повеление Одина и наказанная верховным богом. «Сага о Вельсунгах» отождествляет ее с Брюнхильд.

СИГТУНА

Поселение в Швеции, неподалеку от которого, по свидетельству Адама Бременского, располагалось главное святилище шведов.

СИГУРД

Главный герой скандинавского эпоса, дальний потомок (или же сын) Одина, победитель дракона Фафнира, в полной мере испытавший на себе проклятие, тяготевшее над сокровищами карлика Андвари, которыми он завладел. Деяния Сигурда воспеты в героических песнях «Старшей Эдды» и в «Саге о Вельсунгах». В германской традиции Сигурду соответствует Зигфрид.

Имя «Сигурд» происходит от исландского *sigr* — «победа».

СИГЮН

Богиня из асов, супруга Локи. Когда того связали в пещере и повесили над ним змею, из пасти которой по капле сочился яд, Сигюн села рядом и подставила кубок под змеиный яд. В те мгновения, когда она отходила, чтобы выплеснуть переполненный кубок, яд капал Локи прямо в лицо, и связанный бог содрогался так, что в мире начинались землетрясения.

СКАДИ

Богиня-лыжница, покровительница охоты, дочь великана Тьяцци, убитого асами, супруга Ньерда.

СКАЛЬДЫ

Скальдами назывались древние скандинавские поэты, складывавшие хвалебные или хулительные стихи, отличавшиеся исключительно сложной формой. Происхождение скальдической поэзии до сих пор остается неразгаданным, несмотря на многочисленные гипотезы: предполагалось и «кельтское влияние» (как известно, в кельтской традиции было сильно развито стихотворство), и «прорастание» этой поэзии из придворного церемониала, и особое отношение к слову у древних скандинавов — так называемая «магическая теория».

Сигмунд и Сигню, родители Сигурда. Иллюстрация XIX в. к «Старшей Эдде».

Образцом скальдической поэзии могут служить висы последнего норвежского скальда — Эйвинда Погубителя Скальдов:

Острые стопы
клинков топтали
для Тюра злата
тарчи и головы.
Был гром на бреге.
Кровью конунги
красили светлые
земли лезвий.

Горели в ранах
зарева брани.
Жала железные
на жизнь покушались,
капли сечи шипели
на поле копий,
стрел потоки
струились по Сторду... 124

СКИДЬЛАДНИР

Корабль Фрейра, всегда имеющий попутный ветер и вмещающий любое число воинов. Дословно «сложенный из тонких досочек».

СКОГЕ

В фольклоре скандинавских народов лесные духи. Выглядят они беззащитно, однако с ними лучше не связываться, ибо даже женщины-скоге обладают такой властью над людьми, что могут свести с ума, искалечить и даже убить. Если, услышав крики скоге в лесу, ответить «да», окажешься в их власти. Они будут часами водить по лесу, заставят лезть сквозь бурелом, а под конец бросят где-нибудь в чащобе. Если же не откликаться на зов, скоге заманят в невидимые сети, из которых освободит только перезвон церковных колоколов.

Впрочем, пока женщина-скоге не соблазнила человека, полной власти над ним у нее нет. А если он поддался — ему уже не спастись: он будет чахнуть и быстро умрет от тоски. От таких союзов рождаются либо уроды, из которых впоследствии, впрочем, вырастают нормальные люди, либо младенцы с чудесными способностями.

Чтобы избежать опасности, следует соблюдать нехитрые меры предосторожности. Никогда не отвечать «да» на крики, которые раздаются в лесу. Кричать в ответ нужно «эй». Если почувствовали, что заплутали, нужно мгновенно вывернуть наизнанку куртку или носки и прочесть задом наперед молитву. Также помогают чеснок и железо. Чтобы охота была удачной, перед ее началом следует оставить на пеньке несколько монет — подношение скоге.

Мужчины-скоге — оборотни, которые могут по желанию менять обличье и рост. Их истинный облик таков: старички в широкополых шляпах с длинным коровьим хвостом за спиной. Женщины-скоге с первого взгляда кажутся красавицами, у них пышные груди, выющиеся волосы и мелодичные голоса. Но вместо ногтей у них когти, а пониже спины торчит хвост; кроме того, спины как таковой у них нет — там полая выемка.

СКРИМСЛ

В фольклоре скандинавских народов морской змей. У него голова тюленя, длинная шея и спина с горбом, а большие плавники имеют форму весел. Увидеть скримсла с борта корабля — к удаче, ибо он появляется на поверхности в погожие дни, когда ветер теплый и слабый.

СКРЮМИР

Другое имя владыки Йотунхейма Утгарда-Локи. Этим именем великан представился Тору, которого встретил на пути в Йотунхейм.
Буквально «хвастун».

СЛЕЙПНИР

Чудесный восьминогий конь Одина, родившийся от Локи и Свадильфари.
Дословно «скользящий».

СНОРРИ СТУРЛУСОН

Самый знаменитый среди исландских книжников (1179–1241), автор «Прозаической», или «Младшей», «Эдды» и наиболее известного свода королевских саг — «Круга Земного».

СОЛЬ

Персонификация солнца, дочь Мундильфари («движущегося в урочные сроки») и сестра Мани (месяца). Она освещает мир искрами, вылетающими из Муспелльсхейма. Перед гибелью мира Соль будет проглочена чудовищным волком Фенриром.

СТАРКАД

Эпический герой, подвиги которого описаны в «Деяниях датчан» Саксона Грамматика и в эддических песнях. У Старкада с рождения было шесть рук, но Тор отрубил ему лишние, оставив воина двуруким. Этот воин пользовался особым покровительством Одина. Согласно мифу, он погиб от руки Хельги; в поздних преданиях рассказывается о его встрече с Сигурдом и о позорном бегстве Старкада. В «Пряди о Торстейне» говорится, что Старкад, грезивший Валь-халлой, попал в ад и там, очутившись по щиколотки в пламени, вопит так, что «бесам это худшее из мучений». Из-за его воплей они не могут заснуть.

«СТАРШАЯ ЭДДА»

Свод мифологических и героических преданий, записанный в XIII в. Авторство этого свода приписывалось исландскому ученому Сэмунду Мудрому, отсюда другое название — «Сэмундова Эдда», или, поскольку весь свод состоит из песней, «Песенная Эдда» (в противоположность «Младшей», или «Прозаической», «Эдде»).

СТРОМКАРЛЫ

В фольклоре скандинавских народов водяные духи. Они очень любят музыку, сами являются великолепными музыкантами и готовы учить людей, если те принесут им в жертву черного ягненка или белого козленка. Они знают одиннадцать мотивов, но учат обычно десяти, поскольку знать одиннадцатый людям запрещено. Если человек все же узнает этот мотив и принимается играть, начинается нечто невообразимое — старики слепнут, младенцы в колыбелях пускаются в пляс... Стромкарлы носят красные шапки и плащи, а также красные чулки и синие штаны.

СУРТ

Огненный великан, участник битвы перед концом света, в которой он убивает бога Фрейра, а затем сжигает мир.

СЫНОВЬЯ МУСПЕЛЛЯ

Обитатели Муспелльсхейма, участники битвы перед концом света. После того как они проскачут по мосту Биврест, мост-радуга развалится. Возглавляет людей Муспелля в походе на богов огненный великан Сурт.

СЭМУНД МУДРЫЙ

Иначе Сэмунд Сигфуссон (1056–1133), исландский ученый, гипотетический автор «Старшей Эдды». «Непричастность» Сэмунда к «Эдде» была доказана в XIX столетии.

Т

ТИНГ(АЛЬТИНГ)

Народное собрание, вече в конкретной области. Общее собрание норвежцев или исландцев из всех областей называлось альтингом.

ТОМТЕ

В фольклоре скандинавских народов домашние духи, всегда готовые услужить людям. Они присматривают за скотом и помогают по хозяйству. Дом, в котором живет довольный томте, всегда можно узнать по тому, какой он чистый и прибранный. Кроме того, томте заботится о благосостоянии хозяев. Он ворует для них сено, молоко, зерно и даже деньги и сражается со своими сородичами, которые пытаются обокрасть его дом.

В ответ на заботу томте люди должны содержать дом в чистоте и порядке, не шуметь, не работать по выходным, а по четвергам, когда у томте праздник, уделять им особое внимание: кормить щедрее обычного и добавлять в кашу масло. В четверг не следует прясть. Некоторые томте требуют, чтобы их кормили дважды в день: в четыре утра и в десять вечера.

Томте хорошо сложены и отличаются недюжинной физической силой. Ростом они с ребенка, лица у них старческие, морщинистые. Они ходят в крестьянских башмаках или в шлепанцах, носят штаны до колен, красные чулки и серые или зеленые куртки, а зимой кутаются в шерстяные балахоны. Увидеть их можно в полдень или ночью.

ТОР

Бог из асов, сын Тора, божество грома и молнии, защитник Асгарда и Мидгарда, главный враг йотунов и змея Йормунганда. В битве перед концом света Тор сразится с Йормунгандом, убьет змея, но и сам погибнет.

ТРОЛЛИ

Существа огромного роста, наделенные необычайной силой и непроходимой тупостью, дальние потомки великанов- хримтурсов. Живут тролли обычно в пещерах, где хранят свои сокровища. Они ближе к людям, чем их дальние родичи — йотуны, и занимаются тем, что вредят человеку: похищают скот и красивых девушек, крадут младенцев и тому подобное. Тролли боятся солнечного света, который превращает их в камень. У них рыжие волосы, ходят они в темных штанах и красных шапках. Троллей пугает громкий шум: они сразу начинают думать, что за ними пришел со своим молотом сам бог Тор.

ТРОЛЮАЛЬ

В скандинавском фольклоре морское чудовище, огромное китообразное существо. Любимой забавой тролюаля было поднырнуть под корабль и перевернуть его или подкинуть в воздух. Чтобы отогнать тролюаля, моряки трубили в трубы или сбрасывали в море бочки: чудовище отвлекалось на новую игрушку, а корабль тем временем старался уйти подальше.

ТРУДХЕЙМ

Чертог Тора в Асгарде, называемый также Бильскирнир («неразрушимый»).

Дословно «обитель силы».

ТУРСЫ

Другое название йотунов.

Дословно «великаны».

ТУССЕРЫ

В фольклоре скандинавских народов потомки троллей, высокие и худощавые существа, наделенные великой мудростью и великими умениями. Им известны все тайны рун, их стада самые тучные и дают больше всего молока. Туссеры живут в холмах вместе со своими семьями и домашними животными.

Рабочий день у них начинается с заката и заканчивается на рассвете. Они куют мечи и браслеты, кухонную утварь и кольчуги. Женщины готовят, убираются, присматривают за детьми. Больше всего на свете туссеры любят танцевать. В теплые летние ночи, когда луна становится полной, они танцуют на вершинах своих холмов. Танцы заканчиваются с первым криком петуха. Тот из туссеров, кто задержится до третьего крика, рискует превратиться в камень, а в лучшем случае — обернуться дряхлым стариком.

ТЬЯЛЬВИ

Слуга и спутник громовника Тора, принимавший участие в состязаниях Тора с владыкой Йотунхейма Утгарда-Локи.

ТЬЯЦЦИ

Великан, отец Скади, похитивший богиню Идунн и убитый асами. Один забросил глаза Тьяцци на небо и превратил в звезды.

ТЮР

Бог из асов, божество воинских правил и установлений, «оттесненное на задний план» Одином. Тюр — опекун чудовищного волка Фенрира, возвращенного в Асгарде; эта опека стоила ему руки, откушенной волком. В битве перед концом света он сойдется с «двойником» Фенрира, демоническим псом Гармом, и они убьют друг друга.

У

УЛЛЬ

Бог из асов, покровитель охоты, сын Сив и пасынок Тора. Следы культа Улля обнаружены в Швеции и Норвегии.

УЛЬДРА

В фольклоре скандинавских народов существа, живущие внутри холмов, знатоки древних рун, искусные ремесленники. Внешность у них не слишком привлекательная: они выглядят как крохотные человечки, тела которых покрыты шерстью. Обычно ульдра выходят из-под земли зимой и жестоко мстят тем людям, которые мешают им выйти. У всех ульдра коровьи хвосты.

УПСАЛА

Поселение в Швеции, где, по сообщению Адама Бременского, находилось главное капище шведов, посвященное Тору, Одину и Фрейру.

УТБУРД

В фольклоре скандинавских народов кровожадные духи младенцев, которых их родители бросили умирать, потому что не могли прокормить, а то и оставленных

незамужними матерями. Утбурд довольно долго копит силы, а потом принимается нападать на одиноких путников. Порой жертва получает предупреждение — слышит крик утбурда, видит белую сову — одно из обличий духа. Впрочем, даже в этом случае спасение маловероятно, ибо утбурд чрезвычайно быстр и силен. Ростом он с маленький домик.

УТГАРД

Один из девяти миров скандинавского мифологического мироздания, возможно, «синоним» Йотунхейма, страна великанов.

Дословно «внешнее пространство», «пространство за оградой».

УТГАРДА-ЛОКИ

Великан, владыка Йотунхейма, под именем Скрюмира сопровождал в Йотунхейм громовника Тора, а затем, уже под своим собственным именем, испытывал мудрость и силу бога. В имени великана можно усмотреть намек на «двойственную природу» Локи, который принадлежит к асам, но часто помогает великанам.

Ф

ФАФНИР

Сын Хрейдмара и брат Регина, обратившийся в дракона и залегший на присвоенных им сокровищах карлика Андвари. Был убит героем Сигурдом по наущению Регина.

ФЕНРИР

Отпрыск Локи и великанши Ангрбоды, чудовищный волк, которого боги, напуганные его злобой, трижды сажали на цепь. Перед Рагнарек Фенрир разорвет свою цепь и освободится, а в битве перед концом света он пожрет самого Одина — но будет убит Видаром, который разорвет ему пасть и тем самым отомстит за отца.

ФИЛЬГИ (ФЮЛЬГИ)

В фольклоре скандинавских народов духи-хранители. Куда бы ни пошел человек, фильги повсюду следует за ним (поэтому, кстати, считается невежливым и даже жестоким быстро закрывать за собой дверь — ведь так можно и придавить своего хранителя). Фильги невидимы, но о своем появлении сообщают громким стуком, распахиванием дверей и шарканьем ног. Видимыми они становятся лишь перед смертью своих хозяев (впрочем, разглядеть их может и человек, обладающий вторым, колдовским зрением). Окровавленный фильги сулит мучительную смерть.

Узнать, не фильги ли скрывается в обличье того или иного животного, можно очень просто: следует завернуть нож в салфетку, поднять над головой и произносить имена всех животных, какие придут на память. Как только упомянете животное, в котором сидит фильги, нож выпадет из салфетки.

ФИМБУЛЬВЕТР

Трехлетняя зима, наступившая после смерти Бальдра и длившаяся до самой битвы в конце света.

Буквально «великанская зима».

ФОЛЬКВАНГ

Чертог Фрейи в Асгарде. В этом чертоге находится «вторая половина» Вальхаллы.

ФОРСЕТИ

Бог из асов, бог справедливости.

Имя Форсети означает «председатель».

ФОССЕГРИМ

В фольклоре скандинавских народов водяные духи. Они живут в пресной воде. Обликом фоссегримы — прекрасные златокудрые юноши. Одеты обычно в серое, на головах у них красные шапки. Они любят петь и замечательно играют на скрипке и арфе. Фоссегримы обладают способностью менять облик, могут превращаться в рыб, быков или лошадей. Живут они либо под водой, либо на берегу под мостом. Для фоссегрима нет большего удовольствия, чем любоваться красивыми девушками: обычно он забирается на скалу посреди реки и наблюдает за ними. Если же девушка плывет в лодке и настолько глупа, чтобы разволноваться при виде фоссегрима, он обидится и перевернет лодку. Не случайно многие лодочники перед отплытием кладут на нос стальной нож (фоссегримы боятся железа).

ФРЕЙР

Бог из ванов, сын Ньерда и брат Фрейи, олицетворение плодородия и любострастия. «Сага об Инглингах» называет Фрейра-Ингви основателем шведского королевского рода. Имя Фрейра переводится как «господин».

Эдуард Берн-Джоне. Фрейр (ок. 1870 г.). *Вепрь у ног бога и колосья в руке Фрейра символизируют плодородие.*

ФРЕЙЯ

Богиня из ванов, дочь Ньерда и сестра Фрейра, богиня любви и красоты, владелица чудесного ожерелья Брисингамен, знаток магии плодородия сейд. Имя богини переводится как «госпожа». Фрейра символизируют плодородие.

ФРИГГ

Богиня из асов, супруга Одина, покровительница брака и семейного очага, мать светлого бога Бальдра.

Имя «Фригг» этимологически сходно с древневерхненемецким *Frija* — «возлюбленная».

ФРОДИ

Датский конунг, обладатель чудесной мельницы Гротти (схожей с финской Сампо). Согласно мифу, Фроди получил эту мельницу от Одина. Она намолола достаток и счастье, наступил период спокойствия, получивший название «мир Фроди». Но в конце концов рабыни, которые крутили эту мельницу, выбились из сил, а конунг не давал им отдыха, и тогда они намолотили против него целое войско. Морской конунг Мюсинг убил Фроди и захватил большую добычу. «Так закончился мир Фроди».

X

ХАДДИНГ

Эпический герой, сын датского конунга, чьи подвиги описаны в «Деяниях датчан» Саксона Грамматика. Хаддинг учредил ежегодные ритуальные жертвоприношения Фрейру, побывал в подземном царстве мертвых, а жизнь окончил, повесившись, подобно своему покровителю Одину, который семь дней провисел на ясене Иггдрасиль.

ХЕД

Божество из асов, сын Одина и брат Бальдра, слепой бог, по наущению Локи

поразивший своего брата стрелой из омелы. Сам Хед пал от руки Вали, отомстившего за Бальдра. После Рагнарек Хед и Бальдр примирятся и вместе возвратятся в обновленный мир.

ХЕЙДРУН

Чудесная коза, щиплющая листья Иггдрасиля с крыши Вальхаллы. Ее неиссякаемое медвяное молоко питает эйнхериев.

ХЕЙМДАЛЛЬ

Бог из асов, страж Асгарда и радужного моста Биврест. Звук его рога подаст сигнал к началу битвы перед концом света, в которой Хеймдалль убьет Локи, но и сам погибнет. Под именем Рига Хеймдалль учредил три сословия скандинавского социума — ярлов, бондов и трэлей-рабов.

ХЕЛЬ

Отпрыск Локи и великанши Ангрбоды, хозяйка преисподней.

ХЕЛЬГИ УБИЙЦА ХУНДИНГА

Эпический герой, связанный в норвежской традиции с историей рода Вельсунгов. Согласно норвежским преданиям, Хельги — сын Сигмунда, а следовательно, кровный брат Сигурда.

ХЕНИР

Бог из асов, принимавший вместе с Одним и Локи участие в оживлении первых людей. После войны асов и ванов оказался заложником у последних. Хенир переживет Рагнарек и вернется в обновленный мир вместе с Бальдром и Хедом.

ХЕРМОД

Сын Одина и Фригг, брат Бальдра. Пытался выручить своего убитого брата из власти Хель.

ХИМИНБЬЕРГ

Чертог Хеймдалля в Асгарде, близ верхнего конца моста Биврест. Буквально «небесная гора».

ХЛИДСКЪЯЛЬВ

Престол в чертоге Одина Валаскьяльв. С этого престола видно все мироздание. Дословно «сторожевая башня».

ХОЛЬГЕР ДАТЧАНИН

Иначе Хольгер Датский, эпический герой, в «Песни о Роланде» он фигурирует под именем Ожье Датчанина, одного из соратников Роланда. Благодаря своему прозвищу этот рыцарь со временем сделался персонажем датского фольклора, превратился в национального героя Дании, защищающего рубежи страны от различных врагов. Так, в балладе «Хольгер Датский и великан Дидрик» Хольгер сражается с великаном Дидриком (он же Тидрек, он же Дитрих Бернский; исторический король остготов Теодорих):

Шестнадцать тысяч лошадей
В поход они собрали
И двинулись к Хольгеру погостить —
Там не найдется добра ли.

Дидрик к Хольгеру шлет гонца,

От Хольгера требует дани,
Не то придется королю
Выйти на поле брани.

Ответил Видрик Верландсен,
Гордую молвил речь:
«Кто в Данию придет с мечом,
Придет, чтобы в землю лечь».

На черную пустошь они сошлись,
На вересковые поляны.
Пришли и стали в грозном строю
Могучие великаны.

Сражались день, сражались два,
Не уставали сражаться,
Но воины Хольгера стоят,
А великаны ложатся.

Тогда промолвил рыцарь Рис:
«Мы все сойдем в могилу.
Едва ли сотня осталась нас,
Нам победить не под силу»...

И Дидрик-великан бежал,
Он за горами скрылся.
За ним и Свертинг пустился бегом,
А прежде-то как хвалился!

Шестнадцать тысяч было их,
Когда они вышли из Берна.
Домой вернулось шестьдесят,
Я говорю вам верно.

Кровь течет по горам и холмам,
Бурным льется потоком,
И солнце сквозь кровавый пар
Глядит багровым оком¹²⁵.

ХРЕЙДМАР

«Могущественный человек», отец Отра, Регина и Фафнира, потребовавший с богов выкуп за нечаянное убийство Отра. Выкупом Хрейдмара стало проклятое золото карлика Андвари.

ХРИМТУРСЫ

Буквально «инеистые великаны».

ХРУНГНИР

Йотун, противник бога Тора, соревновавшийся в конной скачке с Одином.

ХУГИН И МУНИН

Вороны Одина, которые облетают весь мир и сообщают Все-отцу о том, что видели. Имена воронов означают, соответственно, «думающий» и «помнящий».

ХЮМИР

Йотун, который отправился рыбачить вместе с Тором и на глазах которого Тор едва не вытащил из океана мирового змея Йормунганда.

Ц

ЦВЕРГИ

Иначе темные альвы, карлики, сотворенные из костей великана Имира, искусные кузнецы, руками которых выкованы все сокровища богов — ожерелье Брисингамен, копье Гунгнир, молот Мьелльнир, золотые волосы Сив и т. д. Четыре цверга — Аустри, Нордри, Судри и Вестри — поддерживают небесный свод. В «Старшей Эдде» приводится перечень имен цвергов:

...был Мотсогнир сделан
и назван первым
в народе цвергов,
вторым был Дурин,
по слову Дурина
и прочих цвергов
человекоподобных
вылепили из глины:

Нии да Ниди,
Нордри да Судри,
Аустри да Вестри,
Альтиов, Двалин,
Бивер, Бавер,
Бембур, Нори,
Ан да Анар,
Аи, Мьедвитнир,
Вейг и Гандальв,
Виндальв и Траин,
Текк и Торин,
Трор, Вит и Лит,
Нар и Нирад
(ныне всех цвергов),
Регин и Радсвинн
(разом поименую),

Фили, Кили,
Фундин, Нали,
Хефти, Вили,
Ханар, Свиор,
Фрар и Хорнбори,
Фрег и Лони,
Аурванг, Яри,
Эйкинскьяльди;

а вот родословная
Ловара предков —
Потомков Двалина
поименую,
чей род
явился из
камня земного,
пришел из трясины
на песчаную землю:

Драупнир,
во-первых,
Дольгтрасир тоже,
Хар и Храугспори,
Хлеванг, Глои,
Дори, Ори,
Дув и Андвари,
Скивир, Вивир,
Скафинн, Аи,

Альв, Ингви,
Эйкинскьяльди,
Фьялар и Фрости,
Фин и Гиннар —
Вот родословная
Ловара предков,
Пускай человеки
до века хранят¹²⁶.

Э

ЭГИР

Морской великан, муж Ран, хозяин пира, на котором Локи устраивает свою знаменитую перебранку.

ЭЙКТЮРМИР

Олень, щиплющий с крыши Вальхаллы листву Иггдрасиля. С его рогов стекает влага, от которой берут начало полтора десятка рек.

Буквально «с дубовыми кончиками рогов».

ЭЙНХЕРИИ

Павшие в битвах воины, составляющие дружину Одина. Валькирии уносят их в небесный чертог Вальхалла: там они пируют и сражаются между собой; в «Младшей Эдде» сказано: «Всякий день, лишь встанут, облакаются они в доспехи и, выйдя из палат, бьются и поражают друг друга насмерть... А как подходит время к завтраку, они едут обратно в Вальгаллу и садятся пировать». «Старшая Эдда» добавляет:

¹²⁶ «Прорицание вельвы». Перевод В.Г. Тихомирова.

Андхримнир варит
Сэхримнир-вепря в
Эльдхримнирчане —
мясо прекрасно,
но немногим известно,
что им эйнхериев кормят¹²⁷.

ЭЛИВАГАР

Реки, текущие из Нифльхейма в мировую бездну Гинунгагап. Из влаги этих рек и огненных искр Муспелльсхейма образовался иней, из которого возник Имир.

Буквально «бурные волны».

ЭЛЛЕ

В фольклоре скандинавских народов духи. В отличие от многих других духов, элле не боятся солнечного света: женщины-элле часто катаются на солнечных лучах, проникая вместе с ними в замочные скважины людских домов, а мужчины любят загорать по утрам. Элле предсказывают будущее, могут поведать тем, к кому благоволят, секреты древней мудрости, а особенно любят танцевать. Лунными ночами они водят хороводы на болотах под аккомпанемент скрипок и гитар. Там, где танцевали элле, трава становится гуще. Их музыка настолько чарующа, что хватит нескольких аккордов, чтобы человек потерял разум.

Встреча с элле таит в себе для человека смертельную опасность. Одно их дыхание губительно — оно вызывает болезни и даже смерть. Человек, который увидел женщину-элле, бросит свою семью, чтобы быть рядом с ней. А если смертная женщина застанет загорающего на солнце мужчину-элле, она пойдет за ним в его дом, забыв о своем. Если корова проглотит траву, на которой танцевали элле, она заболит и вскоре от нее останется лишь оболочка, а сама она перейдет в стада элле. Самая же грозная опасность таится в хороводах элле: человек, вступивший в круг, навсегда потерян для этого мира.

Женщины-элле высокие и красивые, с длинными светлыми волосами, но если зайти им за спину, можно разглядеть, что спины у них — полые. Мужчины чуть ниже, сутулые, выглядят стариками и носят широкополые шляпы. Живут элле на болотах, поблизости от рек и в холмах. Их дома можно увидеть только один раз, потом те исчезают навсегда.

ЭЛЛИ

Старуха, с которой тщетно боролся бог Тор, вызванный на поединок владыкой Йотунхейма. Лишь при прощании Тору открыли, что он пытался одолеть саму старость.

Я

ЯРЛ

Олицетворение одного из трех скандинавских сословий, учрежденных богом Хеймдаллем-Ригом, родоначальник знати.

Краткая библиография

Источники

Беовульф. Старшая Эдда. Песнь о Нибелунгах. М.: Художественная литература, 1975. Вступительная статья А.Я. Гуревича. Перевод А.И. Корсуна. Редакция перевода и

¹²⁷ «Речи Гримнира». Перевод В.Г. Тихомирова.

примечания М.И. Стеблин-Каменского. Книга содержит следующие песни «Старшей Эдды»: Прорицание вельвы, Речи Высокого, Речи Вафтруднира, Речи Гримнира, Поездка Скирнира, Песнь о Харбарде, Песнь о Хюмире, Перебранка Локи, Песнь о Трюме, Речи Альвиса, Песнь о Велунде, Первая песнь о Хельги Убийце Хундинга, Песнь о Хельги, сыне Хьерварда, Вторая песнь о Хельги Убийце Хундинга, Пророчество Грипира, Речи Регина, Речи Фафнира, Речи Сигрд-ривы, Отрывок Песни о Сигурде, Первая песнь о Гудрун, Краткая Песнь о Сигурде, Поездка Брюнхильд в Хель, Вторая песнь о Гудрун, Третья песнь о Гудрун, Плач Оддрун, Гренландская Песнь об Атли, Гренландские Речи Атли, Подстрекательство Гудрун, Речи Хамдира, Сны Бальдра, Песнь о Риге, Песнь о Хюндле, Песнь о Гротти, Песнь валькирий, Песнь о Хледе.

Исландские саги. СПб., 1999. Под общей редакцией О.А. Смирницкой. В 2 т. Том I: М.И. Стеблин-Каменский. «Исландские саги» (вступительная статья). Сага об Эгиле, Сага о людях из Лососьей долины, Сага о Гуннлауге Змеином Языке, Сага о гренландцах, Сага об Эйрике Рыжем, Сага о Гисли, Сага о Греттире. Дополнения: Эгиль, сын Скаллагрима: Выкуп головы, Утрата сыновей, Песнь об Аринбьерне. Комментарии. Том II: Сага о Торстейне Битом, Сага о Храфнкеле, годи Фрейра, Сага о Ньяле, Сага о Херде и островитянах. Пряди: О Пивном Капюшоне, О Торлейве Ярловом Скальде, О Токи, О Хравне, сыне Гудрун, О Хрейдаре, О Торварде Вороньем Ключе, О Бранде Щедром, Об Одде, сыне Офейга, О Гисле, сыне Иллуги, из пряди «О Халли Челноке», О Торстейне Морозе, Об Аудуне с Западных Фьордов, О Халльдоре, сыне Снорри, Об исландце-сказителе.

Исландские саги. Ирландский эпос. М.: Художественная литература, 1973. Составление, вступительная статья и примечания М.И. Стеблин-Каменского. Переводы О.А. Смирницкой, М.И. Стеблин-Каменского, С.Д. Кацнельсона, В.П. Беркова, А.И. Корсуна. Состав: Сага о Гисли, Об Аудуне с Западных Фьордов, Сага о гренландцах, Сага об Эйрике Рыжем, О Торстейне Морозе, Сага о Торстейне Битом, Сага о Храфнкеле, годи Фрейра, Сага о Ньяле, Сага о Херде и островитянах, Сага о Гуннлауге Змеином Языке, Об исландце-сказителе, О Халльдоре, сыне Снорри.

Корни Иггдрасиля: древняя скандинавская литература. М., 1997. Содержание: Песни «Старшей Эдды» в переводе В.Г. Тихомирова: Прорицание Вельвы, Речи Вафтруднира, Речи Гримнира, Поездка Скирнира, Песнь о Харбарде, Перебранка Локи, Песнь о Велунде, 1-я песнь о Хельги Убийце Хундинга, Первая песнь о Гудрун, Речи Хамдира. Сага о Вельсунгах. Скальдическая поэзия: Эйвинд Погубитель Скальдов, Эгиль Скаллагримссон. Саги: Сага о Гисли, Сага о Гуннлауге Змеином Языке, Сага об Олаве, сыне Трюггви. Пряди об исландцах.

Поэзия скальдов. Л., 1979. Перевод С.В. Петрова, комментарии и приложения М.И. Стеблин-Каменского. Содержание: Браги Старый, Тьодольв из Хвинира, Торбьерн Хорнклови, Квельдульв (сын Бьяльви), Грим Лысый сын Квельдульва, Эгиль, сын Грима Лысого, Эйвинд Погубитель Скальдов, Кормак, сын Эгмунда, Тьерви Насмешник, Гисли, сын Кислого, Лейкнир Берсерк, Эйнар Звон Весов, Стейнунн, Торлейв Ярлов Скальд, Халльфред Трудный Скальд, Торхалль Охотник, Гуннлауг Змеиный Язык, Храфн, сын Энунда, Тормод, сын Тревиля, Торбьерн, сын Бруни, Бьерн Богатырь с Хит-«реки», Торд, сын Кольбейна, Сигхват, сын Торда, Тормод Скальд Черных Бровей, Оттар Черный, Эйндриди, сын Эйнара, Йокуль, сын Барда, Скальд Рэв, Торарин Славослов, Торд, сын Сьярека, Арнор, сын Торда, Скальд Ярлов, Харальд Суровый, Торгильс Рыбак, Тьодольв, сын Арнора, Халли Челнок, Сигурд Крестоносец, Эйнар, сын Скули, Регнвальд Кали, Гудмунд, сын Асбьерна, Торир Ледник.

Сага о Вельсунгах. М., 1934. Перевод Б.И. Ярхо.

Старшая Эдда: древнеисландские песни о богах и героях. М.: Л., 1963. Перевод А.И. Корсуна.

Стурлусон Снорри. Младшая Эдда. Л., 1970; второе издание — М., 1994. Издание подготовили: О.А. Смирницкая, М.И. Стеблин-Каменский.

Стурлусон Снорри. Круг Земной. М., 1980. Издание подготовили А.Я. Гуревич,

Ю.К. Кузьменко, О.А. Смирницкая, М.И. Стеблин-Каменский. *Содержание: Сага об Инглингах, Сага о Хальвдане Черном, Сага о Харальде Прекрасноволосом, Сага о Хаконе Добром, Сага о Харальде Серая Шкура, Сага об Олаве, сыне Трюггви, Сага об Олаве Святом, Сага о Магнусе Добром, Сага о Харальде Суровом, Сага об Олаве Тихом, Сага о Магнусе Голоногом, Сага о сыновьях Магнуса Голоногого, Сага о Магнусе Слепом и Харальде Гилли, Сага о сыновьях Харальда Гилли, Сага о Хаконе Широкоплечем, Сага о Магнусе, сыне Эрлинга.*

Использованная литература

- Адам Бременский.* Деяния архиепископов Гамбургской церкви. — Латиноязычные источники по истории Древней Руси. Германия IX — первая половина XII вв. М., 1989.
- Боура Сесил М.* Героическая поэзия. М., 2002.
- Вагнер Р.* Кольцо Нибелунга. М., СПб., 2001.
- Веселовский А.Н.* Мерлин и Соломон. М., СПб., 2001.
- Видукин Корвейский.* Деяния саксов. М., 1975.
- Гуревич А.Я.* Диалектика судьбы у германцев и древних скандинавов. — Понятие судьбы в контексте разных культур. Сборник статей., М., 1994.
- Гуревич А.Я.* «Старшая Эдда». — Беовульф. Старшая Эдда. Песнь о нибелунгах. М., 1975.
- Гуревич А.Я.* «Эдда» и сага. М., 1979.
- Инги Й.* Интервью журналу «Oakes». — Мифы и магия индоевропейцев, вып. 10, 2002.
- Королев К.М.* О кузнецах и кольцах. — Вагнер Р. Кольцо Нибелунга. М., СПб., 2001.
- Королев К.М.* Энциклопедия сверхъестественных существ. М., 1997; второе издание, с исправлениями и дополнениями. М., СПб., 2003.
- Королев К.М.* Энциклопедия символов, знаков, эмблем. М., СПб., 2003.
- Кроули А.* Магия в теории и на практике. М., 1988.
- Мелетинский Е.М.* [Гл. ред., авт. ст.] Мифология: Большой энциклопедический словарь. М., 1998.
- Мелетинский Е.М.* Поэтика мифа. М.: Наука, 1976.
- Мелетинский Е.М.* Происхождение героического эпоса: Ранние формы и архаические памятники. М., 1963.
- Мелетинский Е.М.* «Эдда» и ранние формы эпоса. М., 1968.
- Мифы народов мира. Энциклопедия. Под редакцией С.А. Токарева. М., 1982. В 2 т.
- Пенник Н., Джонс П.* История языческой Европы. СПб., 2002.
- Серяков М.А.* «Голубиная книга»: священное сказание русского народа. М., 2001.
- Смирницкая О.А.* Корни Иггдрасиля. — Корни Иггдрасиля: древняя скандинавская литература. М., 1997.
- Стеблин-Каменский М.И.* Исландские саги. — Исландские саги. Ирландский эпос. М., 1973.
- Стеблин-Каменский М.И.* «Круг Земной» как литературный памятник. — Стурлусон С. Круг Земной. М., 1980.
- Стеблин-Каменский М.И.* Мир саги. Становление литературы. Л., 1971.
- Стеблин-Каменский М.И.* Миф. Л., 1976.
- Стеблин-Каменский М.И.* Снорри Стурлусон и его «Эдда». — Стурлусон С. Младшая Эдда. М., 1970.
- Столяров А.М.* О социомеханике. Доклад на заседании Петербургского интеллектуального кружка. Апрель 2003 г.
- Стриндгольм А.* Походы викингов. М., 2002.
- Толкин Дж. Р.* Властелин Колец. Перевод А. Кистяковского и В. Муравьева. М., 2001.
- Торссон Э.* Северная магия. М., 1998.
- Фрэзер Дж.* Золотая ветвь. М., 1983.

Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М., СПб., 2003.
Хейзинга Й. Homo Ludens. М., 1992.